

**СООБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИИ
НАУЧНАЯ ПРАКТИКА
И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИССИЯ**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТАТАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

**СООБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИИ
НАУЧНАЯ ПРАКТИКА
И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИССИЯ**

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

МОСКВА 2009

ББК 63.3
С 632

Редакционная коллегия:
д.и.н., проф. Л.П. Репина (отв. ред.)
д.и.н., проф. Г.П. Мягков
к.и.н., доц. О.В. Воробьева

**Сообщество историков высшей школы России:
научная практика и образовательная миссия. –
М.: ИВИ РАН, 2009. – 336 с.**

ISBN 978-5-94067-281-4

© Институт всеобщей истории РАН, 2009 г.
© Общество интеллектуальной истории, 2009 г.
© Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет

ЧАСТЬ I. НАУЧНЫЕ СООБЩЕСТВА КАК ЦЕНТРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ ГУМАНИТАРИЕВ

Л.А. Бурганова (Казанский ГТУ)

Научное сообщество как дискурсивная реальность

Неклассическое понимание феномена научного сообщества может быть обеспечено применением структуралистской и постструктуралистской концепциями дискурса, в рамках которых дискурс интерпретируется как семиотический процесс, реализующийся в различных видах вербально-коммуникативных практик (А.-Ж. Греймас, Ж. Курте, Ж.-Ж. Коке), как рефлексивная речевая коммуникация, предполагающей самоценную процессуальность проговаривания всех значимых для участников коммуникации ее аспектов (Ю. Хабермас). Для понимания научного сообщества ценной является идея Ю. Хабермаса о том, что коммуникация выступает средством достижения взаимопонимания, оптимального решения важнейших социальных вопросов, что именно «свободные ассоциации», целью которых является открытие для общества значимых тем, выработка наилучших решений, обеспечивают развитие современного общества.

Другое видение дискурса представлено в постмодернистских трактовках, согласно которым дискурс – искусственный конструкт, формирующий отношения, нормы и модели поведения в качестве «естественных» и «объективных». Он интерпретируется как насилие, совершаемое во имя защиты и поддержания существующих институтов власти. Наиболее известным представителем этой школы является М. Фуко. Согласно Фуко, «дискурс – событие знака, но то, что он делает, есть нечто большее, нежели просто использование знаков для обозначения вещей. Именно это нечто большее позволяет ему быть несводимым к языку и речи» (Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 50). Единицей дискурса, по мнению Фуко, являются высказывания, совокупность которых образует дискурсивные формации. Все области человеческого знания в понимании Фуко являются совокупностями дискурсов.

С позиции социологии знания Фуко утверждает, что «знание», добываемое наукой, является относительным и поэтому сомнительным с точки зрения «всеобщей истины», но оно навязывается сознанию человека в качестве «неоспоримого авторитета», заставляющего и побуждающего его мыслить уже заранее готовыми понятиями и представлениями. Научное сообщество в этой трактовке выступает конструктом, созданным и используемым для защиты и поддержания существующих институтов власти и доминирования. Что справедливо для характеристики научного сообщества любого авторитарного режима.

В постмодернистском подходе присутствует и менее субъективное видение, согласно которому дискурс рассматривается как связующее звено между идеями и собственно действиями (А. Орлофф, М. Штейнберг, Д. Сноу, Р. Бенфорд, Д. Лейтин). У дискурса имеются объективные источники и параметры, что обеспечивает ему аналитическую значимость, стабильность, возможность оказывать влияние на участников социальных процессов. В этом смысле научное сообщество можно трактовать как дискурсивную реальность, являющуюся источником предпочтений, механизмом оценки альтернатив, систематизации информации и инструментом, позволяющим определять устойчивые модели поведения.

Для интерпретации феномена научного сообщества не менее ценен подход П. Бурдьё, изложенный им в его теории капиталов, которые он рассматривает как ресурс, и в качестве его основных форм выделяет три большие группы, три категории капиталов – экономический, культурный (символический), социальный. В рамках последнего он выделяет научный. Сущность научного сообщества, на наш взгляд, очень четко выводится из характеристики социального капитала, который Бурдьё характеризует как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания» (Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М., 2004. С. 519). При этом обратим внимание на то, что социальный капитал прямо зависит по своему объему и структуре от показателей капитала тех, кто входит в сеть связей данного индивида. «Объем социального капитала, коим располагает данный агент, зависит от размера сети связей, которые он может эффективно мобилизовать, и от объема капитала (экономического, культурного или символического), которым, в свою очередь, обладает каждый из тех, кто с ним связан» (Там же. С. 529).

С методологических позиций П. Бурдьё научное сообщество («научное поле») – символическая реальность, арена борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет, определяемый как социальная власть, как социально признанная за определенным индивидом (группой) способность легитимно говорить и действовать от имени науки. П. Бурдьё подчеркивает необходимость разрыва с примитивным образом «научного сообщества, с представлением о нем, как сферы, где царствуют законы “чистой и абсолютной борьбы идей, направляемой внутренней силой истинной идеи”». Справедливо его утверждение о том, что само функционирование научного сообщества *производит и предполагает специфическую форму интереса*. Эти интересы могут состоять из внутреннего удовлетворения и интереса исследователя, а также интересов других субъектов и групп. «Важным и интересным считается то, что имеет шансы быть признанным как важное и интересное другими..., важным и интересным в глазах других...» (Бурдьё П. Поле науки // Социология под вопросом. Социальные науки в постструкту-

ралистской перспективе. М., 2005. С. 18). П. Бурдые указывает на тесную связь научного сообщества (поля науки) с политикой, подчеркивает, что оно является местом политической борьбы за научное доминирование. Поэтому оно предписывает каждому исследователю, в зависимости от занимаемой им позиции, соответствующие научные и, одновременно, политические проблемы, а также методы их изучения – те самые научные, которые являются и политическими стратегиями.

Такой подход позволяет рассматривать научное сообщество как институт борьбы за «формирование общественного сознания на символическом уровне или, точнее, за состязание за монопольное право обозначать новые объекты или переименовывать существующие». В этой борьбе субъекты используют приобретенный в предшествующей борьбе и гарантированный законом символический капитал» (Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Социология политики. М., 1993. С. 146-147). То научное сообщество, которое имеет более мощный культурный капитал, оказывает большее влияние на конструирование реальности и направляет её конструирование в то русло, которое ему выгодно.

Эвристическая ценность концепции П. Бурдые состоит в том, что она позволяет обосновать субъективно-объективную природу научного сообщества как части социальной реальности. В терминах П. Бурдые, научное сообщество структурировано дважды. Во-первых, существует первичное или объективное структурирование – социальными отношениями. Эти отношения опредмечены в распределениях разнообразных ресурсов (выступающих структурами господства – капиталами) как материального, так и нематериального характера. Во-вторых, социальная действительность структурирована представлениями агентов об этих отношениях, о различных общественных структурах и о социальном мире в целом, которые оказывают обратное воздействие на первичное структурирование. Указанная диалектика отражает процесс интериоризации / экстериоризации, связывающий объективные и субъективные (инкорпорированные) структуры. Социальные отношения, интериоризируясь в процессе осуществления практик, превращаются в практические схемы – схемы производства практик. Такие инкорпорированные структуры обуславливают экстериоризацию, т.е. воспроизводство посредством практик агентов, породивших их объективные социальные структуры.

С.И. Михальченко (Брянский ГУ)

О возможности единой концепции школы в исторической науке

Исследование школ в исторической науке – достаточно устоявшаяся тема. При этом абсолютное большинство авторов при названии той или иной школы используют устойчивые научные дефиниции, существующие чаще всего не одно десятилетие. Отсюда и определенная размытость в

понимании термина «школа», как некоторого единства ученых. Для какого-то научного объединения общим будет тематика исследований или/и методологии; для иного – научно-педагогическая связь «ученики – учитель», чаще всего, впрочем, сочетающаяся с той же общностью взглядов. Поэтому представляется важным выяснить, возможен ли единый подход к содержанию понятия «школа» в исторической науке или стоит, согласившись с многозначностью термина, оставить попытки придти к общему знаменателю.

Хотя само слово «школа» по отношению к объединениям ученых употреблялось уже в историографии первой половины XIX в. («скептическая школа»), определения школы в науке стали появляться только во второй половине столетия (П.Г. Виноградов, А.С. Лаппо-Данилевский).

К началу XX в. века относятся первые попытки выделения особенностей различных школ. В 1908 г., говоря в посвященной Антоновичу статье об особенностях его школы, Довнар-Запольский предложил критерии для выделения подобных феноменов. По его мнению, это общность нескольких методических приемов и идейного содержания, но особенно важна единая цель и направленность работ (См.: Довнар-Запольский М.В. Из истории общественных течений в России. Киев, 1910. С. 279).

Особенности петербургской школы как источниковедческой одним из первых определил ее представитель А.Е. Пресняков (См.: Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг., 1920), а наиболее подробный анализ одной из ветвей киевской школы (продолжающий характеристику, данную Довнар-Запольским) сделал ее участник П.П. Смирнов (Смирнов П.П. В.Б. Антонович и его историческая школа // ОР РГБ. Ф. 279. Картон 14. Д. 12. Л. 3, 18-43). В отличие от Преснякова, который не ставил цели определить понятие «школа», Смирнов, хотя и не дал связной дефиниции, тем не менее, выделил отдельные стороны этого явления – единство тематики, трудов, общие технические особенности и идейную сторону исследований.

В середине 1950-х гг. определение школы сформулировал М.Н. Тихомиров. Он считал, что школы – «это те самые группы, которые объединяются для разработки определенной проблемы, которые имеют определенные методы разработки источников» (Цит по: Чирков С.В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX – начала XX вв. // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 21).

Новый этап в изучении понятия «школа» и содержания деятельности различных школ в науке начался в 1970-е годы, когда появился ряд науковедческих исследований обобщающего характера (К.А. Ланге, М.Г. Ярошевский, С.Д. Хайтун, Н.И. Родный).

В исторических сочинениях этого времени вначале были сделаны новые попытки сформулировать определения общих историографических понятий, а затем началось более активное, чем ранее, изучение конкрет-

ных историографических феноменов. Параллельно изучали, наряду с историками, особенности функционирования разных школ представители других гуманитарных наук, прежде всего, филологи (С.Б. Бернштейн, В.П. Гудков, С.В. Смирнов).

Наиболее развернутый список критериев школы в середине 1990-х годов был предложен Л. Винаром. По мнению историка, таковыми являются: организационная структура, включающая научно-учебные учреждения и научно-исследовательские институты; общность главных историографических концепций основателя школы и его учеников; общность методологии исследования и историософии; наличие научного издания, в особенности, головного органа школы; также другие характерные черты школы, связанные со специфической исторической тематикой исследований. Винар понимает сложность обнаружения в науке идеальной школы, поэтому о большинстве критериев говорит скорее как о желательных. Главный же критерий, без которого школа существовать не может, – это критерий общности историографических концепций (Винар Л. Михайло Грушевський історик і будівничий нації. Київ, 1995. С. 115).

В качестве дополнительного критерия различия между школами С.В. Чирков предложил «тип научной культуры» (Чирков С.В. Указ. соч. С. 19, 27), а И.Л. Беленький – «архетип ментальности» представителей школы (Беленький И.Л. С.О. Шмидт – источниковед и историограф // ВИД. СПб., 1994. Т. XXV. С. 294).

Г.П. Мягков по отношению к гуманитарным наукам ввел такие понятия как «классическая научная школа», «современная научная школа», «национальная научная школа» и т.п., а также предложил – с целью уйти от использования терминов «направление» и «течение» – считать историю исторической науки фактически историей функционирования в ней научных школ. В этой связи он говорит о межшкольной иерархичности, когда одна школа (лидерская – Виноградова) входит в другую (географическую или университетскую – московскую), а та, в свою очередь, в общую русскую школу историков (Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000).

Итак, даже краткий анализ показывает, что большинство авторов выделяют в качестве характерных черт школы в исторической науке (а речь, в основном, идет о школах второй половины XIX – начала XX вв.) единство методических приемов работы с источниками; близость в тематике и проблематике трудов; наличие педагогического аспекта связи «учитель – ученик». Причем, если понятие «учитель» персонифицируется, то речь будет идти о школе того или иного ученого (школа Ключевского, Платонова), а если «топонимизируется», – то о школе того или иного научного и учебного центра (Московская, Петербургская). При этом «персонифицированные» школы могут входить в «топонимизированные». Таким образом, важным достижением второго этапа изучения деятельности школ в науке (1970–2000 гг.) явилось утверждение педаго-

гического аспекта в качестве имманентно присущего компонента определения школы и выделение новых критериев.

Однако никто из авторов (за исключением, пожалуй, Винара) не поставил вопрос, насколько равнозначны те или иные критерии при определении изучаемого историографического феномена как школы. В этой связи имеет смысл предложить понятие «иерархия критериев», то есть расположить их не в произвольном порядке, а по степени значимости. И, вероятно, первым критерием существования школы будет педагогическое общение как следствие отношений основателя школы и его учеников. В самом деле, общность взглядов может существовать и между представителями разных школ. Например, по вопросу о характере Русского государства XVI–XVII вв., его бессловности представитель киевской школы М.Ф. Владимирский-Буданов сближался с С.М. Соловьевым; отрицая федеративное устройство древней Руси, он расходился с одним из духовных лидеров киевлян Н.И. Костомаровым, что не мешало ему оставаться учеником основателя киевской школы Н.Д. Иванишева и соратником явного приверженца Костомарова и оппонента Соловьева В.Б. Антоновича. Но очевидно, что одного педагогического фактора для выделения школы недостаточно – в противном случае любой университетский семинарий мог бы называться школой.

Вторым по значимости критерием выступают выделяемые многими авторами общие методы и принципы обработки источников («передача научной культуры», по Чиркову). Это может быть (особенно в середине XIX в., когда источниковедение только начинало развиваться) и вообще проявление интереса к источнику в противоположность интересу к обобщениям. Именно этот интерес к документу объединял зачастую таких концептуально разных Антоновича и Владимирского-Буданова. Интерес же к отдельному виду источников станет более характерен в начале XX в., с ростом дифференциации научного знания – школа Довнар-Запольского прославилась, например, изучением преимущественно писцовых книг.

Третьим по важности критерием может быть методологическая (теоретическая, философская) общность, а четвертым – близость в конкретно-исторических построениях и тематике исследований. Методология опережает в данном случае конкретику, поскольку теоретическим построениям в творчестве ученого, как правило, свойственен больший консерватизм, большая устойчивость. Эволюция философских взглядов совершается, как правило, гораздо медленнее, чем эволюция проблематики исследований. Хотя и здесь возможны варианты: при достаточно широкой проблематике она может присутствовать в исследованиях членов школы на протяжении длительного периода (пример – школа западно-русского права), при узкой тематике исследований она, напротив, скоро исчерпывается (школа Антоновича, когда были изучены все земли Юго-Западной Руси и темы начали повторяться), а переход к качественно ино-

му уровню изучения того же сюжета часто затруднен из-за узкой источниковой базы, неразработанности новых методов и т.д.

Таким образом, при изучении той или иной школы нужно, во-первых, исследовать зарождение школы, что невозможно без обращения к биографии основателя, при этом особого внимания требует его деятельность как педагога. Изучение научного наследия основателя и его исследовательских принципов позволит выделить методы исследования, переданные им ученикам. Во-вторых, требует анализа методологическое (философское) наследие членов школы и, в-третьих, проблематика конкретно-исторических трудов и исторические концепции, в них содержащиеся.

В.В. Боярченко (Рязанский ГПИУ)

Модели социальной идентичности исследователей русских древностей и ученые общества в России середины XIX в.

Изучение историографического пространства России времен николаевского царствования и эпохи «великих реформ» традиционно сводится к нескольким знаковым фигурам, позволяющим исследователям реконструировать научную традицию, ведущую от «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина с ее классицистическими установками к зрелым позитивистским работам В.О. Ключевского. В качестве таких соединительных звеньев чаще всего выступают т.н. «государственники» – С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин. Эта конструкция, иногда «скрепляемая» ссылками на наследие историков «второго ряда» – М.П. Погодина, И.Е. Забелина, Н.И. Костомарова, А.П. Щапова, К.Н. Бестужева-Рюмина, славянофилов – действительно, дает возможность обнаружить вехи концептуального развития отечественного исторического знания в XIX века.

Однако вопросы, связанные с превращением исторических занятий в профессию, с социальным самоопределением тех, кто посвятил себя изучению российской старины в эту пору, вызывающие все больший интерес у исследователей, очевидно, не могут быть разрешены удовлетворительным образом при обращении к столь узкому кругу лиц. Ведь уже во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв., т.е. за несколько десятилетий до того момента, когда исторические штудии достигли пика своего публичного признания, по подсчетам В.П. Козлова, исследованием отечественного прошлого занимались более 500 человек (См.: Козлов В.П. Статус истории в России в конце XVIII – первой четверти XIX вв. // Всемирная история и Восток. Сб. ст. М., 1989. С. 218). Таким образом, наследие тех самых представителей научных школ и университетских кафедр, которым почти неизменно отдавалось предпочтение при реконструкции российского историографического пространства 1830–1870-х гг., едва ли выдерживает традиционное сравнение с надводной

частью айсберга. Положение не спасает и анализ деятельности Археографической комиссии и «ученых немцев» из Петербургской академии наук.

Более репрезентативен в этом отношении «Каталог личных архивных фондов отечественных историков»: в лучшем случае, каждый третий из 181 представленного там ученого добывал себе средства на жизнь историческими изысканиями. Но и этот критерий весьма условен. П.М. Строев, в профессионализме которого В.П. Козлов не видел причин сомневаться, на исходе своего поприща признавался в экономической несостоятельности ученой разработки древностей: «К сожалению, в тридцать пять лет рабочей жизни, я постиг только горькую истину: специальным, *чисто*-ученым трудом существовать не можно; многосторонние знания и великая опытность не спасут от бедности» (Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. С. 469).

Новую страницу в истории профессионализации исторического знания в России, вероятно, открыло бы исследование трансформации самого слова «историк». Во всяком случае, ученые середины XIX в. пользовались им гораздо менее охотно, чем современники Ключевского. Достаточно заметить, с какой осторожностью на страницах своих мемуаров оперируют этим словом Н.И. Костомаров и С.М. Соловьев. Характерно и название известной историографической работы последнего – «Писатели русской истории XVIII в.». Едва ли стоит пренебрегать наблюдениями Ю.С. Сорокина, убедительно подтвержденные М.П. Мохначевой, о том, что вплоть до середины 1850-х гг. слово «ученый» означало не столько профессионального представителя научной специальности, сколько «выученного, наученного», «знающего науку» и «отличающегося ученостью» человека. Из чего следует, что в середине XIX в. «не было еще строго очерченных профессиональным статусом границ между научной, литературной, журналистской деятельностью» (Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е гг. XIX в. М.; Л., 1965. С. 282–283), как не было и отчетливого водораздела между профессиональными и любительскими занятиями историей.

Все это заставляет обратить пристальное внимание на те формы объединения усилий исследователей прошлого, где любительское и профессиональное начала были еще неразличимы и давали широкий простор для реализации самых разнообразных по своей природе ученых замыслов. Речь идет об обществах, члены которых редко дерзали называть себя историками в ситуации, когда, по словам Г.П. Федотова, «с разных концов – критик Каченовский, демократ Полевой, западники и славянофилы – разрывали классическую порфиру Государства Российского» (Федотов Г.П. Россия Ключевского // Наше наследие. 1991. № 3. С. 97). В отличие от Англии, где интенсивная жизнь такого рода обществ способствовала обособлению и взаимному разграничению между историками, антиквариями и археологами, в России зачастую ничто не мешало одному и тому же лицу выступать во всех этих качествах.

В этом отношении показательны препирательства В.Г. Анастасевича и Г.А. Розенкампа о том, можно ли считать собирателя древностей купца И.П. Лаптева археологом или нет (См.: Полевой К.А. Записки // Исторический вестник. 1887. Т. 28. С. 311). Коллекционирование и систематизация, описание и критика – соотношение всех этих составляющих «науки о древностях» так и не получило в отечественной историографической традиции середины XIX в. сколько-нибудь завершенной и общепринятой концептуализации. Даже внимательный А.А. Формозов, по сути, уклонился от решения этой неблагоприятной задачи – разбора всех попыток разобраться в пределах и структуре археологии, предпринимавшихся в эту пору (См.: Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 40 и сл.; Он же. История термина «археология» // Вопросы истории. 1975. № 8. С. 215-217).

Поэтому вполне естественно, что любители древностей, даже объединившись в ученые общества, деятельность которых непременно должна была регламентироваться официальным уставом, не слишком тяготели к самодовлеющему положению. Не случайно М.П. Погодин, комментируя в своем дневнике утверждение С.П. Шевырева в должности секретаря Общества истории и древностей российских при Московском университете (далее – ОИДР) в 1833 г., указывает на необходимость различных связей для успешного выполнения секретарских обязанностей. Время показало, что наличие таких связей является *sine qua non* для процветания ученых обществ в историографической обстановке николаевского царствования и позднее. Председательство в ОИДР графа С.Г. Строганова, пользовавшегося особым благоволением при дворе, в 1836–1848 гг. сделало этот период едва ли не самым продуктивным за всю историю Общества. Под покровительством герцога Максимилиана Лейхтенбергского, супруга вел. кн. Марии Николаевны, делало свои первые шаги в науке Археологическо-нумизматическое общество в Петербурге. Больше других преуспело в этом плане Московское археологическое общество: не прошло и года после его открытия в октябре 1864 г., а графу А.С. Уварову удалось заручиться поддержкой со стороны наследника престола вел. кн. Александра Александровича и его брата Владимира Александровича.

Однако опека просвещенных аристократов, придавая устойчивость этим обществам, еще не предрешала успехов их ученых занятий. Более того, П.М. Строев, рассуждая об оптимальном уставе для ОИДР в 1845 г., единственную перспективу видел в превращении Общества в своего рода московский филиал петербургской Археографической комиссии, а его членов – в чиновников по ведомству народного просвещения. Но это предложение всерьез не рассматривалось.

По-настоящему дискуссионным был вопрос об использовании в ученых обществах купцов. Н.С. Арцыбашева возмущала сама мысль об участии в «почтеннейшем» ОИДР купца третьей гильдии Н.А. Полевого, который по суду мог быть подвергнут унижительному телесному наказан-

нию. И.П. Сахаров рассчитывал с прибылью для науки произвести обмен дипломами ученых обществ на капиталы тщеславных купцов, готовых премировать в пределах 500 р. серебром труды по русским древностям, которые бы соответствовали программам, составленным учеными. Секретарь ОИДР О.М. Бодянский был согласен на присоединение таких купцов только в случае повышения платы. Это условие было неприемлемо для клиентов Сахарова, которому пришлось добиваться благосклонности в петербургском Археологическом обществе. Дальнейший ход событий подтвердил правоту Бодянского: большинство «купеческих» премий так и не дождалось соискателей, а разочарованные меценаты чуть ли не со скандалом покинули Общество, прихватив с собой свои капиталы.

Секретарю ОИДР в этом споре о купцах лучше других удалось сформулировать принцип, воодушевлявший объединения самых разных по происхождению и материальному положению любителей старины – это труд «из чести», «без малейшей примеси материализма» (Барсуков Н.П. Русские палеологи сороковых годов... С. 746-747). Крупнейшие ученые общества в России середины XIX в., последовательно реализуя этот принцип в своей деятельности, тем самым размыкали сословные границы и готовили почву для формирования профессионального сообщества историков.

А.А. Синенко (Омский ГУ)

Практика межпоколенческой коммуникации русских историков конца XIX – начала XX вв.

Межпоколенческая коммуникация русских историков была одним из важных факторов самоидентификации исследователей в научном обществе. «Старшее» поколение историков 1860-1880 гг., вошедшее в научное сообщество в 1860-е гг., утвердилось в нем в 1880-е годы, хотя и продолжало активную профессиональную деятельность на рубеже XIX–XX вв. К нему мы относим К.Н. Бестужева-Рюмина, П.Г. Виноградова, В.О. Ключевского и др. В свою очередь, они стали «учителями» для следующего поколения исследователей, вступивших в научное сообщество в начале 1880-х гг. и составивших «ядро» научного сообщества историков уже в начале XX в. – П.Н. Милоков, С.Ф. Платонов, А.А. Кизеветтер, А.С. Лаппо-Данилевский и др.

Коммуникативная практика историков конца XIX – начала XX вв. связана с «двойной» идентичностью исследователей, выражавшейся в признании себя учеником или учителем. Историк младшего поколения признавал (или не признавал) себя учеником историка старшего поколения, но историк старшего поколения также был свободен в определении или отрицании своей роли «учителя». К. Мангейм отмечал, что «отношения между учителем и учеником являются не отношениями между двумя

представителями одного и того же “универсального сознания”, а отношениями одного возможного центра жизненной ориентации с другим, призванным его сменить <...> не только учитель создает ученика, но и ученик – учителя. Поколения находятся в постоянном взаимодействии» (Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 26).

Взаимоотношения учителя и ученика определялись известными каждой из сторон нормами университетской культуры. М.М. Богословский писал: «Профессоров мы «товарищами» не считали и в профессорскую входили, точно в какой-нибудь алтарь. Существовало даже выражение: “Пойдем со мной в профессорскую в виде мебели!” Идти “в виде мебели” значило сопутствовать в профессорскую кому-либо, идущему туда по курсовым делам, потому что в единственном числе такой курсовой депутат входить туда все же робел» (Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 42). В процессе работы историки «старшего поколения» стремились дать ученикам общие рекомендации, не акцентируя внимание на деталях исследования. Так В.О. Ключевский отмечал: «Наша обязанность <...> помогать, чем можем, художникам, желающим изучить русскую историю и ищущим вдохновение в ней; я только не люблю, когда ко мне обращаются с вопросами специалисты: сам доходи» (Цит. по: Готье Ю.В. В.О. Ключевский как руководитель начинающих ученых (из личных воспоминаний) // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 180). Похожие взгляды можно отметить и у К.Н. Бестужева-Рюмина, который давал ученикам в большей степени общие рекомендации работы. Отстраненное отношение учителя к ученику – это историографическая традиция, которая складывалась на протяжении длительного времени. По мнению Н.Н. Алеврас, такую систему взаимоотношений с учениками историки 1860–1880 гг. XIX в. заимствовали у С.М. Соловьева (Алеврас Н.Н. Проблема лидерства в научном сообществе историков XIX – начала XX вв. // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей. Челябинск, 2006). Возможно, подобная форма коммуникативной практики с учениками, это попытка историков старшего поколения воспитать самостоятельность и профессионализм исследователей младшего поколения.

Необходимо отметить, что историки конца XIX в. не только признавали влияние «учителей», но также отмечали, что это влияние могло быть различным. М.М. Богословский писал: «воздействие университетского учителя, если оно не ограничивается пределами аудитории, может быть очень сильно и глубоко и при этом не всегда поддается точному учету. Оно не заключается только в идеях и знаниях, сообщенных на лекциях, или в методах, указанных на практических работах. Обмен взглядов по специальным вопросам, споры, передача накопленного долгим временем опыта – все это при общении с учителем пути влияния» (Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 26).

Сложившиеся нормы межпоколенческой коммуникации учителя и ученика остались приемлемы и для историков конца XIX в. – начала XX вв. Так С.Н. Валк вспоминал о «пятницах», которые проходили у А.С. Лаппо-Данилевского: «Общее мнение говорит о личной малодоступности А.С. Действительно, можно было бы подыскать не мало иллюстраций к этому положению. Бывая у А.С. по пятницам, легко было подметить в беседе, что в значительной мере она носила пассивный для А.С. характер. Темы беседы возбуждались не А.С., а большей частью это было задачей собеседника, да и беседой эти разговоры можно назвать лишь в очень условном смысле» (Валк С.Н. Воспоминания ученика // Русский исторический журнал. Кн. 6. 1920. С. 197.) Вместе с тем, С.О. Шмидт предполагает, что А.С. Лаппо-Данилевский с интересом следил за развитием научной деятельности учеников (Шмидт С.О. Путь историка. Избранный труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 175).

Ученик входил в научное сообщество во многом благодаря учителю, и именно поэтому последний чувствовал свою ответственность. В 1891 г. С.Ф. Платонов в письме П.Н. Милокову писал, что планирует оставить при университете одного из своих слушателей, но при этом утверждал, что в университете нет «школы» по русской истории: «А раз за собою не чувствуешь силы вышколить человека, страшно толкать его на науку, будить надежды и плодить работников “без руля и без ветрила”» (Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милоков) / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2003. С. 247). Таким образом, основная задача учителя, по мнению историков конца XIX в., состояла в необходимости «вышколить» исследователя, т.е. передать ему взгляды и традиции одного из научных направлений, при этом не сильно вмешиваясь в его работу.

Историки стремились помочь скорой адаптации учеников в научном сообществе рубежа веков, актуализируя для этого межличностную коммуникацию в рамках своего поколения. Например, С.Ф. Платонов писал А.С. Лаппо-Данилевскому о защите В.И. Веретенникова: «я готов принять его книгу при условии, что Вы, как его учитель, возьмете на себя труд дать о книге факультету отзыв и участвовать в диспуте <...> я прошу Вас сообщить мне, согласны ли Вы провести книгу через факультет к диспуту. Я присоединюсь к Вашему отзыву и, если Вы книгу признаете достойною, готов открыть диспут, представив главные возражения Вам. Действую так в том соображении, что г. Веретенникова я почти не знаю, Вы же знаете его хорошо» (ОР РНБ Ф. 585. Ед. хр. 1831 Л. 2). Понятие «учитель» не являлось для них формальным, оно определяло отношение не только к работе, но и к личности историка младшего поколения.

Межпоколенческая коммуникация учителя и ученика имела не только научный характер. Учитель выступал транслятором информации, связанной с «бытом» научного сообщества, так М.М. Богословский в письме к С.Ф. Платонову сообщал о скором юбилее М.К. Любавского, а также просил передать эту информацию ученикам: «Вы бы очень меня

обязали, если бы сообщили о юбилее Вашим петербургским ученикам, группирующимся вокруг Вас» (ОР РНБ Ф. 585. Ед.хр. 2322. Л. 13).

Таким образом, межпоколенческая коммуникация историков конца XIX – начала XX вв. основывалась на традициях научного сообщества, которые формировались на протяжении второй половины XIX века, а коммуникативная практика способствовала трансляции и сохранению этих традиций в сообществе историков в начале XX в.

Т.В. Павлова (Сыктывкарский ГУ)

**Научные сообщества России и работы Н.И. Кареева
по истории Парижских секций времен Французской революции
конца XVIII века**

Современная отечественная историография все больше обращается к исследованию истоков исторической науки, особенно акцентируя внимание на развитии научных школ, направлений, течений и т.д. При этом объединяющим феноменом этих школ и направлений являются выдающиеся личности, поскольку, как заметил Г. Н. Севостьянов, «талантливая личность притягательна».

Такой притягательной личностью стал академик Н.И. Кареев (1850–1931), ведущий специалист по новистике в России в конце XIX – начале XX в., председатель Исторического общества при Петербургском университете (1889–1916). Несмотря на довольно объемную историографию, в изучении творческого наследия Н.И. Кареева есть еще неизученные моменты, связанные с восприятием его работ научным сообществом России. Этому сюжету и посвящена данная статья.

Одной из тем, которая интересовала Н.И. Кареева, была история парижских секций – 48 избирательных округов Парижа, просуществовавших с 1790 по 1795 гг. Работая в Национальном архиве и Национальной библиотеке Франции, он нашел целый пласт неисследованных секционных документов, уцелевших со времен Революции конца XVIII в. На основе этого архивного материала в 1911–1918 гг. Кареев написал ряд исследований, раскрывающих политическую роль секций Парижа в отдельных событиях Революции и их организационную структуру. Параллельно он занимался публикацией секционных бумаг.

Публикация трудов по истории секций Парижа приходится на бурное время в истории нашей страны. Напомним, что в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. в Российской империи начинают формироваться основы парламентаризма, Февральская революция 1917 года приводит к падению монархии, а Октябрьская революция того же года – к созданию нового государственного строя. Во всех революциях правительство сталкивалось с проблемой формирования основ нового общест-

венного порядка, который до этого в России не имел примеров. Изучение опыта других стран в этой ситуации подходило как нельзя лучше.

Появление исследований, что называется, в духе времени из-под пера Н.И. Кареева вызывало в историческом сообществе интерес к его работам. Первым трудом Кареева по истории секций становится обзорная статья «Парижские секции времен Французской революции (1790–1795)» (СПб., 1911), на которую вышли сразу три рецензии. Е.В. Тарле в одной из них назвал его очерк «важным историографическим введением, с которым должен будет считаться всякий, кто займется историей секций» (Русская мысль. 1912. 12. С. 431).

Авторами рецензий и историографических обзоров были главным образом выдающиеся историки. Это уже упомянутый Е.В. Тарле, защитивший докторскую диссертацию на тему «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» и работавший приват-доцентом С.-Петербургского университета. Он является автором четырех рецензий (из 14) на труды Н.И. Кареева о парижских секциях. Не менее известными учеными были А.К. Дживелегов (1875–1952) – признанный специалист по искусству и литературе эпохи Возрождения, занимавшийся в то время историей армии в эпоху Французской революции; С.Ф. Фортунатов (1850–1918) – российский историк, в то время приват-доцент Московского университета; историк-античник и историограф В.П. Бузескул (1858–1931).

Что касается изданий, на страницах которых выходили рецензии, то только перечисления этих названий – «Вестник Европы», «Русское богатство», «Русская мысль», «Русские ведомости», «Речь», «День» – говорит о том, что это были передовые публицистические и научные издания первых двух десятилетий XX века.

Публикации, в которых содержалась характеристика трудов Н.И. Кареева по истории парижских секций, можно разделить на две основные группы: научные и библиографические. В публикациях первой группы обращено внимание на научность рецензируемого труда (авторами их были указанные историки). Рецензии второй группы дают читателю общее представление о содержании труда, и в них нет глубокого анализа (библиографические листки «Вестника Европы»).

Первые отличаются особой ценностью. Особый интерес у авторов рецензий вызвали издания архивных документов Н.И. Кареева, которые он опубликовал как отдельными книжками, так и в приложениях к своим этюдам. «В этих уцелевших бумагах парижских секций Н.И. Карееву очень посчастливилось... Он нашел и напечатал очень характерные документы» – отмечал Е.В. Тарле. А приложения, которые содержали не только выписки из протоколов, но и цветные карты, планы Парижа, секционные карточки, «еще повышают ценность труда» (Русская мысль. 1912. № 12. С. 431). Критики высоко оценили уникальность источниковой базы исследований Кареева: документами секций «не пользовались ни Тэн, ни Олар, ни Жорес» (Вестник Европы. 1913. № 12. С. 412).

Не обойдено вниманием и стремление Н.И. Кареева в своих работах на основе накопленного архивного материала показать в новом свете «некоторые, казавшиеся вполне выясненными события» Французской революции конца XVIII века. Так, отмечают ученые, Кареев «пришел к заключению, что вандемьерское восстание, вызванное фрюктидорскими постановлениями Конвента, не было роялистическим, как обыкновенно думают», а «разбор петиции Жака Ру и секции Гравилье привели его к мнению, что эта петиция неправильно считалась коммунистической», – писал В.П. Бузескул (Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX – начале XX веков. Ч. I. Л., 1929. С. 166-167). Критерий научной новизны является одним из самых важных в оценке любого исторического исследования. И здесь, по мнению рецензентов, Карееву удалось внести весомый вклад в изучение не только столичных секций, но и революции в целом.

Интересно заметить, что историки, оценивавшие труды Кареева по истории секций, с нетерпением ждали его новых работ и даже размышляли над направлением будущих изысканий. «Очень желательно, чтобы почтенный автор разработал удачно поставленную им интересную проблему со всею обстоятельностью... Нам кажется, что при дальнейшем углублении темы сам собою выдвинется еще один, попутный, так сказать, вопрос: как смотрела эмиграция на вандемьерское восстание?», – писал Е.В. Тарле относительно этюда Кареева о характере вандемьерского восстания (Русское богатство. 1914. № VII. С. 349).

Как видим, общий тон рецензий позволяет сделать вывод, что научное сообщество относилось к Н.И. Карееву как ведущему специалисту по истории Французской революции. Его труды по истории парижских секций демонстрировали сообществу историков, что настоящее исследование – это здание, в основании которого – неизученные источники в сочетании с обширными историографическими экскурсами. Именно это позволило Карееву, как указывали авторы рецензий, найти новое прочтение казалось бы уже решенных проблем в истории революции во Франции конца XVIII века.

О.И. Зезегова (Сыктывкарский ГУ)

Два поколения научной школы по новистике Н.И. Кареева: возможности интеграции в трансформирующееся общество

Научная школа Н.И. Кареева по новистике является бесспорным явлением в отечественной историографической науке. Становление школы связано с началом преподавательской работы Н.И. Кареева в Санкт-Петербургском университете в 1885 г. За первое десятилетие преподавательской деятельности «выучку» у профессора проходят способные студенты, многие из которых впоследствии стали выдающимися учеными –

А.М. Ону (1865-1935), В.А. Мякотин (1867-1937), П.А. Конский (1870-?), П.П. Митрофанов (1873-1917), В.Г. Василевский (1874-1903), Е.В. Тарле (1875-1955), В.А. Бутенко (1877-1931).

В 1899 г. Н.И. Кареев был отстранен от работы в университете за поддержку студентов в волнениях, связанных с принятием реакционного Университетского устава. Только семь лет спустя ученый возвращается к излюбленной педагогической деятельности. Формируется второе поколение учеников в рамках семинария «Французская рационалистическая и революционная идеология XVIII века». Об этих годах Н.И. Кареев писал в воспоминаниях: «За все время моей преподавательской деятельности у меня сразу или на протяжении короткого времени не было такого количества способных и обещающих в будущем учеников, как в эти годы, когда в моем семинарии работали названные лица (Шульгин, Ник. Петр. Соколов – О.З.) и, кроме того, Е.Н. Петров, В.В. Бирюкович и И.Л. Попов».

«Младшее» поколение, таким образом, более многочисленно, однако менее известно широкой читательской аудитории. Назовем его представителем: И.Л. Попов-Ленский (1883–193?), Н.П. Соколов (1890–1979), В.В. Бирюкович (1893–1954), Я.М. Захер (1893–1963), П.П. Щеголев (1903–1936), Е.Н. Петров, А.А. Матвеева-Леман, С.М. Глаголева-Данини, М.А. Буковецкая. Не все из перечисленных были студентами Петербургского университета, три последние учились на Высших Женских курсах, Н.П. Соколов окончил Нежинский историко-филологический институт. Однако достоверно известно, что они называли себя учениками Н.И. Кареева. Так, например, студенты Горьковского государственного университета, внимательно слушали лекции по историографии профессора Н.П. Соколова, начинавшиеся словами: «Как говорил мой любимый учитель Н.И. Кареев...».

Большинство имен «младшего» поколения были преданы забвению, однако в настоящее время в Сыктывкарском университете идет работа по восстановлению научного наследия ученых, составлявших «научную школу Н.И. Кареева по новистике». Опубликованы статьи в журнале «Новая и новейшая история» (позже в сборнике «Портреты историков») о Я.М. Захере (В.П. Золотарев), В.В. Бирюковиче (О.И. Зезегова, В.П. Золотарев), защищены кандидатские диссертации о В.А. Бутенко (С.Л. Клестова), В.В. Бирюковиче (О.И. Зезегова), подготовлено диссертационное исследование об А.М. Ону (Ю.С. Волкова).

В судьбах представителей «школы Н.И. Кареева», как в зеркале, отразились политические и социально-экономические проблемы послереволюционной России, особенности формирования нового общества и новой советской номенклатуры. Были те, кто покинул Россию, не пожелав принять новый режим, как А.М. Ону и В.А. Мякотин. Оставшиеся В.А. Бутенко, Е.В. Тарле, С.М. Глаголева-Данини в 1931 г. были привлечены по «Академическому делу». В 1938 г. был арестован, а через два

года осужден на восемь лет Я.М. Захер. Арестам подверглись, но после разбирательств были отпущены В.В. Бирюкович и Н.П. Соколов.

Пережившие Октябрь 1917 г. ученики Н.И. Кареева, по сохранившимся данным, не приняли пролетарскую революцию. Нам известны высказывания двух учеников двух поколений – А.М. Ону и В.В. Бирюковича. По словам первого, Ленин «подверг живое тело [России] вивисекции», второй в своем дневнике называет лидера пролетариата Ленина «лилипутом мысли» с «крохотным блошиным кругозором». Но если А.М. Ону предпочитает покинуть Россию, то В.В. Бирюкович мимикрирует под сложившиеся социально-политические условия. Так вынуждены были поступить и другие – Е.В. Тарле, Е.Н. Петров, Я.М. Захер, Н.П. Соколов. Возможно, исключение составляет П.П. Щеголев, отстаивавший марксистский взгляд на исторические явления и процессы. Этот молодой профессор Ленинградского университета (умер в возрасте 33 лет), сохранивший проблематику «Ecole russe», изучал историю Французской революции, не отступая от учения К. Маркса и В. Ленина, за что в дневнике В.В. Бирюковича был прозван «калмыцким истуканом» – «толкнешь, покатытся, все на пути перевернет, а с «линии» не свернет».

Таким образом, объединяющим началом двух поколений «школы Н.И. Кареева» была, безусловно, общая проблематика – история Франции, а также техника историописания, основанная на первоисточнике. В исторических исследованиях учеников Н.И. Кареева прослеживается уважительно-требовательное отношение к первоисточнику, к историческому факту – фундаменту истории. В условиях, когда полным ходом шла борьба с «фальшивой» теорией «истинности источника», это было довольно непросто.

Бесспорной характеристикой «Ecole russe» (ее правопреемницей стала школа Н.И. Кареева по новистике) было отсутствие идеологической односторонности, что трудно сохранялось в советской науке, стремившейся изучать социально-экономические и политические проблемы на условиях принципа социалистической партийности. Однако это в какой-то мере удавалось «младшим» ученикам Н.И. Кареева. В частности, В.В. Бирюкович выступал против схематизма и упрощения истории. Н.П. Соколов в своих выступлениях на собраниях прилюдно высказывал крамольные мысли (например, о том, что русская интеллигенция жила достойно в дореволюционной России, не испытывали голода и крестьяне), завершая словами: «Я провожу атеистическую программу. Это я говорю для тех, кто докладывает».

Можно с уверенностью говорить, что разрывы были связаны с внешним фактором – историческими событиями, охватившими Россию осенью 1917 г. Представители «старшего» поколения покидают Россию, либо погибают в лагерях в первые годы советской власти (В.А. Бутенко). Исключение составляет Е.В. Тарле, ставший «известным советским историком», имя которого позже попадет в энциклопедии и на страницы

учебников. «Обещающие в будущем» «младшие» ученики сосредоточиваются прежде всего на педагогической работе (В.В. Бирюкович, Н.П. Соколов, Я.М. Захер), воспитав несколько кандидатов (А.А. Чернобаева, И.В. Кеткова) и докторов исторических наук (И.А. Белявская, А.Д. Люблинская). Им в значительной мере удалось сохранить традиции «Школы Н.И. Кареева» в новых социально-политических условиях советского общества. Им были присущи высокая научная добросовестность, высокая культура мышления, безграничная преданность делу педагога, что роднит их с русским ученым Н.И. Кареевым.

Ю.С. Волкова (Сыктывкарский ГУ)

Линия «учитель-ученику» в научной биографии А.М. Ону: влияние Н.И. Кареева и А. Бретта

Раскрытие конкретно-исторических взглядов, реконструкция целостной научной концепции ученого невозможны без рассмотрения условий формирования его научных интересов, становления его исследовательской лаборатории, влияния на него образовательной среды и научного окружения. В данном ракурсе важная роль отводится личности учителя, руководителя, его умению «посвятить в науку», в концептуальный и методический аппарат, ценностные ориентации и категории изучаемой сферы знания. Выявление преемственности исторического знания от одного историка к другому, от учителя к ученику осложняется при наличии нескольких наставников, иногда имеющих разновекторные научные интересы, на этапе становления взглядов начинающего историка.

Аспекты научной биографии русского историка, дипломата, общественного и государственного деятеля Александра Михайловича Ону (1865–1935) свидетельствуют о влиянии на его творчество двух фигур исторической мысли – русского историка Н.И. Кареева и французского ученого Арманда Бретта, ставшего известным в научном мире собранием и публикацией документов по созыву Генеральных штатов. Определение степени влияния последнего актуализируется тем обстоятельством, что в исторической науке имя А.М. Ону прочно связано со «школой Н.И. Кареева» («дочерней» школой представителя «русской исторической школы»). Роль А. Бретта в формировании научных взглядов А.М. Ону исследована слабо, хотя представляется нам определяющей в методологическом отношении.

Путь А.М. Ону как ученого-историка начинается с университетского семинара Н.И. Кареева. В разное время из него вышли будущие специалисты по новоевропейской истории. Среди них, помимо Ону, следует назвать М.Г. Васильевского, В.А. Мякотина, В.А. Бутенко, П.П. Митрофанова, И.Л. Попова-Ленского, В.В. Бирюковича, П.П. Щеголева, Я.М. Захера и др. Семинар становился той площадкой, где осуществля-

лась научная подготовка, освоение исследовательских навыков и принципов работы с историческими источниками. Ключевым является вклад Н.И. Кареева в выбор его подопечными исследовательской проблематики. Тематика исследований А.М. Ону была определена после окончания университета. Этому способствовало привлечение Кареевым своего ученика (в силу причин не оставленного при университете для подготовки магистерской диссертации) к работе Исторического общества при Петербургском университете. Отметим, что Общество играло значимую роль в развитии традиций «русской исторической школы». Н.И. Кареев выступал в основном с докладами по историографическим проблемам Французской революции XVIII в. Рефераты и сообщения И.В. Лучицкого были связаны с историей землевладения во Франции, французского крестьянства накануне и во время Французской революции. Выступали с докладами и их ученики. В живых дискуссиях актуальных вопросов истории тем самым происходила передача научного опыта, достижений и методических наработок ученых молодому поколению. Разработка А.М. Ону социально-экономической тематики новой истории Франции стала преемственной связью с кругом научных интересов наставника.

Отметим, что поставленная перед А.М. Ону задача была сложна и широка – анализ проблем предреволюционной Франции, выяснение того, «что думала и чувствовала Франция в 1789 г. по наказам». В поле исследования историка, таким образом, попали социальные, экономические и политические противоречия французского общества конца XVIII века. Стремление историка «ограничить объем задачи» встречало противодействие со стороны учителя, уговаривавшего его «не суживать искусственно разбираемого предмета». Следуя совету Н.И. Кареева, в Париже, куда он мог часто ездить благодаря летним ваканциям, Ону день за днем собирал и анализировал материал огромных архивных серий, прорабатывал французскую историографию по схожей тематике. Когда накопленных данных стало слишком много, историк столкнулся с проблемами методологического характера. Подходящих методик для изучения столь обширного и противоречивого материала в арсенале неопытного историка не было, а его субъективизм в критике наказов был непреодолим.

Противоречия разрешила случайная встреча А.М. Ону с французским историком А. Бреттом. Знакомство, переросшее затем в дружбу, имело решающее значение для научного роста молодого историка. Во-первых, по совету Бретта, Ону изменил исследовательскую стратегию, «временно специализировавшись, в виде опыта», на частных вопросах, не думая о конце работы. Это помогло упорядочить материал, выявить основные и второстепенные аспекты исследования. Во-вторых, Бретт способствовал появлению статей молодого автора на страницах авторитетного журнала «La Révolution Française». В-третьих, итогом научного взаимодействия российского и французского историков стали статьи и рецензии, главной задачей которых стала попытка выработать научный подход к анализу

исторического источника. Определенный результат этого поиска был изложен Ону в статье «Издание текстов по новой истории» (ЖМНП. 1895. № 7. С. 116-130), объектом изучения которой оказались неизвестные русским научным кругам исследования Бретта. Через анализ исследовательской практики и методов своего французского коллеги и учителя, он попытался продемонстрировать принципы научного исследования исторических источников. Главный принцип, подчеркнутый им в трудах Бретта и примененный затем в собственных исследованиях, – критическое изучение источников. Можно выделить несколько черт, через которые данный принцип реализуется в понимании Ону. 1) Оценка каждого факта в источнике. 2) Тщательность и внимательность, точность и мелочная аккуратность в обращении с источниками. 3) Систематичность изучения. Применение этих принципов позволило провести тщательное исследование наказов третьего сословия 1789 г., результаты которого были изложены им в фундаментальном труде «Выборы во Франции в 1789 году и наказания третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны.» (СПб., 1908. 719 с.) После издания монографии Ону он был приглашен в члены «Société de l'histoire de la révolution française», возглавляемого профессором А. Оларом.

Следует отметить, что сотрудничество А. Бретта и А.М. Ону, продолжавшееся в течение десяти лет, являлось определенным научным импульсом для молодого исследователя и не противоречило методике работы с источниками Н.И. Кареева. Больше того, «русский метод» исследования первоисточников, объединивший, по мнению Ону, Н.И. Кареева, И.В. Лучицкого и М.М. Ковалевского, был родственен историческому анализу революционных материалов «последнего направления французских историков революции», во главе с А. Оларом и А. Бреттом, имея в виду подход к изучению источников «Общества истории французской революции».

В этом отношении Ону считал своими прямыми учителями как Н.И. Кареева, так и А. Бретта. Заметим, что влияние Кареева было определяющим при формировании научных интересов Ону. Он поддерживал ученика на протяжении всей его научной деятельности, рекомендуя его работы к публикации, консультируя по поводу монографии, подыскивая рецензентов, предлагая его кандидатуру на учительские должности и пр. Вклад Бретта являлся ключевым при поиске и разработке подходящей методики анализа наказов. Французский историк являлся учителем именно в методологическом плане. Его диаметрально противоположный кареевскому совет – «специализация на частных вопросах», другими словами, сужение разбираемого предмета, сразу привел Ону к важным научным результатам. Кроме того, благодаря Бретту он стал известен в научном кругу Франции и достиг значительных успехов в исторической науке.

Литографированные издания лекционных курсов профессоров XIX века как исторический источник

Лекционные курсы известных историков всегда широко использовались как историографический источник. В комплексе с анализом научных исследований того или иного ученого они позволяют в наибольшей полноте восстановить его историческую концепцию, выявить взгляды по вопросам, не освещенным в специальных трудах. Анализируя лекционные курсы по одному предмету, литографированные в разные годы, можно наглядно проследить эволюцию мировоззрения данного профессора. К сожалению, в историографических работах литографированные издания зачастую используются как типографские даже без упоминания о том, что анализируется литография. Однако литографированные в XIX веке издания лекций отличаются рядом особенностей, без учета которых невозможен их объективный научный анализ.

Литография как вид печати была изобретена еще в 1789 г. и, в отличие от типографского набора, позволяла тиражировать любой, в том числе рукописный текст. Она, как правило, малотиражна (50–80 экз.) и недорога, что привело в условиях отсутствия в XIX в. университетских учебников к её широкому использованию студентами при подготовке к экзамену.

Подробно изучив более сорока литографированных изданий лекций профессора Московского университета В.И. Герье (1837–1919) мы пришли к выводу, что существовало три основных способа подготовки литографий лекций.

Первый способ – подготовка литографии предприимчивыми студентами без ведома, а иногда вопреки воле преподавателя. Основой текста становились студенческие лекции, записанные на слух, не выверенные самим преподавателем. Часто профессора, чьё имя стояло на титульном листе, даже не подозревали о подготовке такого издания. Издатель сам получал прибыль от распространения литографий.

Слушательница Высших Женских курсов Е.Н. Щепкина вспоминает, что материально необеспеченные курсистки в 1873 г. решили издать лекции, чтобы заработать на их продаже. Однако профессора запрещали подобные издания, угрожая изменить лекции (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1368. Л. 16-17). Можно предположить, что причинами этого запрета являлось стремление побудить слушателей самостоятельно записывать лекции. Но главными были обоснованные опасения профессоров по поводу низкого уровня студенческих литографий. Исполненные неразборчивым почерком дешёвого писаря, на папиросной бумаге, с грубыми ошибками, эти издания зачастую компрометировали уровень лекций профессоров. Так, в 1873–74 гг. проф. Н.А. Любимов, цитируя подобные небрежно выполненные литографии в своих статьях в «Московских ве-

домостях», обосновывал необходимость пересмотра Устава 1863 года под предлогом повышения уровня преподавания. Такие издания, содержащие грубейшие фактологические ошибки, имеются и в проанализированных нами лекциях Герье [См.: Лекции Новой истории проф. В.И. Герье. 1868–69 гг. [М.] Литография И. Волкова на Тверском. Издатель студ. Александр Кельцов (в экземпляре, хранящемся в РНБ, II часть лекций переплетена перед I частью, имеются пропуски страниц); Новая история. Лекции В.И. Герье. 1876–77 уч. г. Издатель Харахоркин (в экземпляре из РГБ фактические ошибки: на стр. 5 начало Реформации отнесено к 1577 году и т.д.)]. Они относятся, как правило, к 60–70-м годам XIX в.

Второй способ подготовки литографии – «с надлежащего разрешения», о чем делалась соответствующая запись на титульном листе или в конце издания. Особенностью этих изданий являются приложения, которые, наверное, предоставляли сами профессора в виде подробного списка литературы, программы курса, перечня «замеченных ошибок». Непонятно, кто получал прибыль от издания в этом случае. Иногда имеются надписи о продаже их в конкретном книжном магазине (См., например: Лекции по новой истории, читанные ординарным профессором Московского университета В.И. Герье в осеннем полугодии 1888–89 года. М.: [Лит. В.В. Чичермна], 1888. На с. 53 надпись «продажа в книжном магазине Карабасенкова»). Появление подобных изданий свидетельствует о том, что профессора, не сумевшие прекратить самостоятельный выпуск полуподпольных литографий, осознали необходимость взять этот процесс под свой контроль.

Третий способ изданий – инициированные или осуществленные самими профессорами. В одном из писем 1894 года из Швейцарии от Герье к М.С. Корелину содержится просьба найти студента Лаврова, который занимается изданием курса новой истории, поторопить его и переслать Герье литографированные листы на проверку (ИИАМ. Ф. 2202. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 2-2об.). В одном из подобных изданий Герье на титульном листе содержится надпись «Руководство, наблюдение и раздача лекций у профессора 15/16 сентября» (Новая история. Лекции, читанные в осеннем полугодии 1887/88 ак. г. В.И. Герье. М.: Типо-литогр. «Восток». С. 1). Неясно, подразумевает ли слово «раздача» бесплатное обеспечение студентов этими изданиями, или профессора имели определенные доходы от этой деятельности. Данные издания относятся, как правило, к концу XIX – началу XX вв. и по качеству содержания и исполнения приближаются к печатным типографским работам (См.: Герье В.И. История XVIII века. Лекции, читанные в 1902–03 году. М.: Типо-литогр. Ю. Венер, 1902. 525 с. Это одно из лучших изданий лекций Герье). К сожалению, без привлечения дополнительных источников иногда невозможно определить характер происхождения литографии, что требует от исследователя осторожности при их цитировании, ведь автором цитаты может оказаться не сам учёный, а студент.

Литографированные издания наряду с функцией историографического источника могут быть и интересным историческим источником. Во-первых, они свидетельствуют о прогрессе их изготовления (качество бумаги, образцы почерка, методическое обеспечение, появление машинописных изданий). Во-вторых, они создают как бы образ профессорской лекции. Устное слово, преобразуясь в письменный текст, дает возможность проникнуть в атмосферу самой лекции: присутствующие в лекции отступления от темы, проводимые профессором параллели темы лекции с событиями, разворачивавшимися в тот момент за окнами аудитории, и философские размышления, отражавшие сиюминутное настроение преподавателя. В-третьих, издания демонстрируют сам процесс изучения лекций студентами. На них сохранились многочисленные пометы в виде подчеркиваний, надписей, комментариев. На некоторых изданиях сохранились пометы, сделанные разными почерками, что говорит о многократном их использовании. Иногда содержится дополнительная информация [например: «А.Н. Шатилов + [умер] 1891 мая 3 дня». – Новая история. Лекции, читанные в осеннем полугодии 1887/88 ак. г. С. 1. Экземпляр хранится в РГБ]. На титульном листе лекций 1883/84 года имеется надпись карандашом «Герье и Виноградов», что позволяет предположить, что лекции в тот год читали оба профессора (См.: Новая история. Лекции В. Герье. 1883/84 г. Экземпляр хранится в РНБ). Издания часто студентами надписывались, и можно выяснить, что студент С. Архангельский был аккуратным пользователем: более десяти принадлежавших ему литографий хранятся ныне в Российской государственной библиотеке. Литографированные издания являются важным источником при изучении процесса преподавания в высшей школе. Они позволяют восстановить реальную программу преподавания того или иного предмета, а иногда даже перечень экзаменационных вопросов.

Важной проблемой является атрибутирование названий лекций, хранящихся в современных библиотеках. В некоторых экземплярах не сохранились титульные листы, и библиографами самостоятельно дано их название, не всегда адекватно отражающее содержание. Например, «Новая история» в лекциях Герье могла освещать и события XV–XVI вв., и историю истории XVII–XVIII вв. Имеются издания, в которых сброшюрованы (возможны самим пользователем – студентом) сразу несколько лекционных курсов, а названы они в картотеке по первому подшиту в этом экземпляре курсу. Нами выявлено, что одно и то же литографированное издание может называться по-разному в разных библиотеках. На наш взгляд, необходимо распространить на литографированные издания требования, предъявляемые к оформлению архивных материалов, и указывать наряду с названием по каталогу и место хранения издания.

Таким образом, литографированные издания лекционных курсов профессоров XIX века являются ценным историографическим и историческим источником. Однако при его анализе необходимо определить спо-

соб его создания. При возможности, желательно сверять их с сохранившимися в архивах рукописными вариантами. [Текст литографии А. Кельцова 1868–69 гг. был сверен нами с рукописью курса, сохранившейся в архиве Герье (ОР РГБ. Ф. 70. К. 14. Ед. хр. 1 – Конспекты лекций по истории XVIII века. 1868–69 гг. 43 л.)]. Необходима осторожность в использовании т.н. «студенческих» литографий, чтобы не приписать ошибки нерадивого студента профессору. Цитирование литографированных изданий желательно осуществлять с указанием библиотеки, в которой они хранятся.

А.М. Столяров (Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, Казань)

**М.К. Любавский и Ф.И. Леонтович – представители
Государственной школы в русской историографии истории
Великого княжества Литовского**

К 1890-м годам взгляды отечественных учёных на историю Русского государства значительно эволюционировали с начала XIX столетия. В русской историографии истории Великого княжества Литовского сложилась следующая ситуация. Выдвинутая Н.Г. Устряловым ещё в 1830-е гг. концепция политического развития княжества сохраняла своё влияние на историков до конца XIX в., хотя к этому времени в ней накопилось достаточно много противоречивых моментов. Базовыми положениями этой концепции были идеи идентичности политического устройства Великого княжества Литовского и Московской Руси в XIV–XV вв. на основе удельного строя, естественной эволюции этого устройства в направлении сосредоточения власти у великого князя путём ликвидации им уделов.

Однако к началу 1890-х годов в научный оборот ещё не было введено крупнейшее собрание документов по истории Великого княжества Литовского – великокняжеский архив Литовская метрика. В 1886 г. к изучению её подлинника в московском архиве Министерства юстиции приступил молодой историк М.К. Любавский. В 1892 г. в «Чтениях Общества истории и древностей российских» начала издаваться его магистерская диссертация «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута». В том же 1892 г. в Варшавский университет приехал преподавать Ф.И. Леонтович, который на основе изучения копий актов Литовской метрики в 1894 г. издал работу «Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства». Между М.К. Любавским и Ф.И. Леонтовичем развернулась дискуссия, результатом которой стал пересмотр взглядов на политическое устройство Великого княжества Литовского.

В магистерской диссертации главным выводом М.К. Любавского явилось положение о федеративном, а не об удельном устройстве Великого княжества Литовского в XV в. Извлечённые историком из Книги записей Литовской метрики делопроизводственные материалы показывали, что на местные должности среднего звена в Киевской земле великий князь в большинстве случаев назначал местных же русских князей и бояр. При анализе привилея Полоцкой земле М.К. Любавский установил, что судебные споры между полочанами решались только в Полоцке и не переносились в Вильно в случае несогласия на это какой-либо из тяжущихся сторон, даже если бы этого желал великий князь. Основываясь на этих и других фактах, историк пришёл к выводу, что отдельные русские земли в XV – начале XVI веков являлись сплочёнными автономными единицами, объединёнными только под номинальным верховенством Литвы. В таком случае Великое княжество Литовское выступало не как владение княжеской литовской династии, разделяемое великим князем на уделы, а как федеративное объединение древнерусских земель с Литвой.

В противовес М.К. Любавскому в факте самостоятельности древнерусских земель в составе Великого княжества Литовского Ф.И. Леонтович увидел лишь «удельную рознь между отдельными литовско-русскими областями» (Леонтович Ф.И. Очерки по истории литовско-русского права. СПб., 1894. С. 33). А процесс ликвидации удельного «многодержавия» историк продлил и на XVI век, когда, по его мнению, уделов уже давно не было. Наиболее ярким примером длительности уничтожения удельной системы Ф.И. Леонтович считал историю Мстиславского княжества, в которой, по его мнению, «воспроизводятся все главные явления (выделено автором – А.С.), характеризующие вообще удельный быт литовских областей» (Леонтович Ф.И. Сословный тип территориально-административного состава Литовского государства и его причины // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. № 7. С. 111). Современные данные не подтверждают утверждение Ф.И. Леонтовича. История Мстиславского княжества не выражала общие политические процессы, протекавшие в Великом княжестве Литовском в XV в. Самые крупные удельные княжения Гедиминовичей были ликвидированы в 1390-е гг. Витовтом и окончательно в 1470-е гг. при Казимире IV. Хотя применительно к данному региону (русским землям к востоку от этнической Литвы) Ф.И. Леонтович был прав. До 1495 г. Мстиславль сохраняли потомки Ольгерда по линии его сына Каригайло. После пресечения этой ветви Мстиславль получил русский князь Михаил Иванович Заславский, который в 1527 г. отписал его сыну великого князя Сигизмунда Старого Сигизмунду Августу (См.: Гудавичюс Э. История Литвы. С древнейших времён до 1569 года. М., 2005. С. 395-396). Ф.И. Леонтович абсолютизировал эпизод с Мстиславским княжеством до общераспространённого в Великом княжестве Литовском явления.

М.К. Любавский в магистерской диссертации считал историю Мстиславского княжества единственным исключением из общего хода развития земель Великого княжества Литовского. Для большинства остальных русских земель, по его мнению, была характерна областная автономия. Историк также был не совсем прав. Так, мелкие русские княжества, располагавшиеся к югу от этнической Литвы (Кобринское, Пинское, Клецкое), были окончательно ликвидированы великокняжеской властью только к 1510-м гг. Чернигово-северские и верховские князья также сохраняли своё полузависимое от Литвы положение до конца XV – начала XVI вв., до перехода на службу к московскому князю. Поскольку удельные владения существовали и в это время, то данный факт подрывал прочность федеративной теории самого М.К. Любавского. Можно утверждать, что он также абсолютизировал свою идею об областной автономии на примере тех русских земель, которые получали областные привилегии, и первоначально не стал обращать внимания на справедливые поправки Ф.И. Леонтовича.

Кроме того, перед М.К. Любавским встала задача обоснования своих взглядов применительно к XIV столетию, когда на русских землях ещё существовали владения Гедиминовичей, которые большинство историков, по традиции, считали удельными княжествами. В специальной статье М.К. Любавский пришёл к выводу, что уделов в Великом княжестве Литовском не существовало уже в XIV в., т.к. те княжения, которые получали потомки Гедимина, переходили от одного князя к другому не по установленному порядку старшинства, а по необходимости закрепления за новой княжеской династией присоединённых территорий (См.: Любавский М.К. О распределении владений и об отношениях между великими и другими князьями Гедиминова рода в XIV и XV вв. // Издания Московского исторического общества. Т. I. 1896. С. 78). При этом литовские князья разделяли полномочия с местной русской знатью. Последнее утверждение М.К. Любавского было гипотетическим, поскольку акты XIV в. не позволяли его проверить. Историк в данном случае исходил из логики своих построений касательно последующего исторического периода. Однако это не смутило его пойти на решительный разрыв с существовавшей традицией объявления Великого княжества Литовского в XIV в. удельным государством.

Концепция историка была частично принята его коллегами – И. Якубовским и М.В. Довнар-Запольским. Последний предпринял осторожную попытку совместить идеи М.К. Любавского и Ф.И. Леонтовича, но не стал углубляться в изучение этой проблемы (Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. 1. Киев, 1901. С. 50). В 1904 г. вышла в свет первая часть «Курса русской истории» В.О. Ключевского. Сравнив между княжеские отношения в Северо-Восточной Руси и Великом княжестве Литовском на основе выделенных им признаков удельного княжества,

В.О. Ключевский пришёл к выводу об отсутствии удельного строя в этом княжестве (Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения. Т. 1. Ч. 1. М., 1987. С. 341). Эти слова сближали взгляды историка с идеями М.К. Любавского.

В начале XX в. в «Очерке истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» М.К. Любавский признал справедливыми идеи Ф.И. Леонтовича об уделах в отношении мелких русских князей Рюриковичей. Это повлекло за собой отказ от представления Великого княжества Литовского федерацией Литвы с русскими областями. М.К. Любавский твёрдо на таком понимании уже не настаивал, употребляя в отношении Великого княжества Литовского термин «конгломерат земель и владений» (Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2004. С. 67), между которыми отсутствовала солидарность. Русские земли, по мнению историка, стояли «особняком друг от друга». Данное представление подтверждается в современной историографии.

Таким образом, в 1890-е годы в русской историографии истории Великого княжества Литовского начался отход от господствовавшей концепции его политического устройства. М.К. Любавским было отвергнуто представление об удельном строе этого княжества. В ходе дискуссии с Ф.И. Леонтовичем сложилось новое понимание его политической структуры, близкое современному подходу. Историки в начале XX в. присоединились к взглядам М.К. Любавского. В целом, был сделан вывод о принципиальном различии между политическим устройством Великого княжества Литовского и Московской Русью.

Г.П. Мязгов (Казанский ГУ)

**Сложилось ли научное сообщество историков
в дореволюционной России?**

(по материалам подготовки к IV Международному
историческому конгрессу)

В 11 часов утра 18 декабря 1913 г. Президент Императорской Академии наук великий князь Константин Константинович открыл первое заседание Предварительного Сопевщения по вопросу об устройстве в Санкт-Петербурге в 1918 г. IV Международного исторического конгресса. Решение о его созыве было принято на III, Лондонском, конгрессе, состоявшемся в апреле того же года. Выбор России в качестве страны-организатора нового конгресса не был случайным. «Приглашением конгресса в Россию» организаторы международных конгрессов отметили «деятельнейшее участие» русских делегатов в работе Лондонского конгресса, «подавляющее большинство» докладов которых, по словам Е.В. Тарле, «было очень замечено, вызвало оживленные комментарии,

находило публично выражаемую лестную оценку и признание» (Научный Исторический Журнал. СПб., 1913. Т. I. Вып. 1. С. 131).

И вот в течение трех дней (18–20 декабря) 67 делегатов – известных российских ученых-историков, представлявших «45 ученых учреждений и организаций», являвшихся центрами исследований в области исторической науки в России [в их числе были: Академия наук, Санкт-Петербургский, Московский, Казанский, Киевский, Варшавский, Томский, Гельсингфорский, Одесский университеты, духовные академии, государственные архивы, археологические комиссии, комиссии по разбору древних актов, исторические общества (Общество Нестора Летописца, Русское археологическое общество и др.), библиотеки, музеи], решают вопросы об учреждении организационного и исполнительного комитетов, местных комитетов, прежде всего в университетских городах, «для организации докладов, содействию устройству выставки, составления обзоров состояния науки и деятельности ученых обществ и учреждений...» (Там же. 1913. Т. I. Вып. 3. С. 155). Само предварительное совещание конституируется в Организационный комитет, его председателем избирается акад. А.С. Лаппо-Данилевский.

Наряду с организационной работой, Совещание пристальное внимание уделило вопросу о «чисто научных» приготовлениях к съезду. Высказанные в выступлениях Н.И. Веселовского, Н.И. Кареева, Н.И. Любовича, М.И. Ростовцева «пожелания и соображения» было решено принять как «директивы для исполнительного комитета».

Исходя из опыта предыдущих международных исторических конгрессов, Н.И. Кареев предложил для того, чтобы работа Петербургского конгресса, его иностранных участников стала плодотворной, «составить и издать к конгрессу... своего рода путеводитель – по русской исторической науке, с которою на Западе так мало знакомы». Великолепно знавший состояние исторической науки за рубежом Н.И. Кареев обратил внимание на то, что «в серьезных историографических пособиях на немецком языке, в тех местах, где речь заходит о национальных историках разных стран, остаются неупомянутыми ни С.М. Соловьев, ни Н.И. Костомаров, ни В.О. Ключевский и т.п. В иностранных исторических журналах, кроме славянских, большая также редкость периодические обзоры текущей исторической работы в России, историографические очерки по разным вопросам нашего прошлого, рецензии о русских исторических книгах, – большая и очень большая... редкость, имеющая характер случайных исключений из общего правила каким является игнорирование русской исторической науки...» (С. 159).

Этот путеводитель, по мнению Кареева, непременно должен быть книгой (а не брошюрой!), в которой «нужно показать..., что было сделано и что делается как русскими учеными, так и государством и обществом в интересах исторической науки». Намечая план книги, Кареев предлагает в особых главах представить сведения об архивах, архивном деле, об изда-

нии архивных документов, о состоянии археологии в России, о русских ученых учреждениях и о высших школах, в которых совершается разработка и происходит научное преподавание истории. Ряд глав ученых предлагает посвятить проблемной историографии. Центральная из них должна рассказать о «разработке нашей отечественной истории, естественно главным делом русских ученых», указать на этапы и направления, на заслуги наиболее видных историков, на самые крупные труды и их научное значение. Особую главу планировалось отвести анализу работ русских ученых, связанных с такими большими «рубриками», как древний мир, средневековье, новая история, выдвинув на первый план изучение сделанного в области национальных историй. Главы или параграфы о «русских трудах по истории отдельных европейских стран», о которых имеется «некоторое количество серьезных научных трудов», предполагалось издать отдельными брошюрами на языках соответствующих наций.

Исследуя материалы Совещания по вопросу об устройстве IV Международного исторического съезда в России, можно высказать следующую гипотезу. *Во-первых*, русские историки вполне осознавали, что историческая наука России прошла путь от появления первых профессионалов-историков до складывания **целостного научного сообщества**, пространство которого определялось сформировавшейся и достигшей известной развитости институционально-коммуникативной сетью. *Во-вторых*, они рассматривали себя перед лицом европейской науки как **научное сообщество**, обретающее внутреннее единство, а предстоящий съезд – как важную форму дальнейшей интеграции в международное научное пространство. Эту мысль сформулировал в своей речи возглавлявший русскую делегацию на Лондонском конгрессе акад. А.С. Лаппо-Данилевский: «Смею утверждать, что каждый научный конгресс нацелен на объединение человеческой мысли. И у исторических конгрессов нет другой цели... как объединение исторической мысли» (Цит. по: Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 223).

Это внутреннее единство сообщалось не тем, что перед внешним наблюдателем представало сообщество, исповедующее некую общую концепцию, а системой коммуникаций между учеными, научными школами. Совокупность различных научных сообществ, представленных на Совещании, была связана обменом деятельностью по производству, накоплению, использованию исторического знания, она поддерживала устойчивые межличностные и межгрупповые отношения, что привело к образованию вполне зримого «научного пространства» – системы научных дисциплин, исследовательских практик. Свою роль в этой системе коммуникаций играли и иные формы организации жизни ученых.

Такой подход открывает возможности преодоления присущего советской историографии признания **дискретности** научного пространства дореволюционной историографии, на поле которого действовали проти-

востоящие друг другу течения и направления, отражавшие и выражавшие борьбу классов, и при том все вместе занимавшие позицию «внеположенности» марксистскому историознанию. В описании этой «хаотичности» оказалось зафиксированным и другое существенное качество советской историографии: в центре внимания, как правило, оказывалась проблема выполнения историками идеологической и политической функций. Сформировавшаяся к рубежу 20–30-х годов XX в. историографическая модель заложила традицию выделять направления в науке по классовому признаку. Как известно, практика была трагичной: произошедший в Октябре 1917 г. «колоссальнейший из революционных переворотов» (М.Н. Покровский) породил, по определению М.Г. Ярошевского, «...беспрецедентный в истории человеческой культуры феномен репрессированной науки, ибо объектом репрессии оказалось научное сообщество в целом...» (выделено мною. – Г.М.).

Анализ сложившегося положения дел в исторической науке России к 1914 году позволяет глубже осмыслить и само понятие «научное сообщество» (введено М. Поланьи в середине 50-х гг. XX в), рассматривая его не только в системе «горизонтальных», пространственных связей (сосуществующие сообщества), но и в координатах времени как меняющих друг друга локальных научных сообществ.

Н.Н. Азеева (Чувашский ГУ, Чебоксары)

Участие М.И. Ростовцева в международных исторических конгрессах

Международные конгрессы историков в начале XX века сформировались как одна из важнейших форм международного научного сотрудничества. Российские ученые принимали активное участие в их работе, и решение о проведении в 1918 г. четвертого международного исторического конгресса в Петербурге было лучшим доказательством общеевропейского признания российской науки, ее роли в международном сотрудничестве ученых. Одним из постоянных участников делегаций российских ученых на первых международных съездах историков был Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952).

М.И. Ростовцев практически с первых шагов своей научной деятельности (заграничной стажировки 1893 г.) стремился поддерживать тесные контакты с европейскими коллегами, много путешествовал, сотрудничал с крупнейшими научными учреждениями Европы. Уже в первое десятилетие XX в. он получает признание как крупнейший специалист в области античной истории и классической археологии не только в России, но и за ее пределами. Во многом этому способствовали и его выступления на международных научных форумах (кроме исторических он принимал участие в конгрессах археологов, папирологов, востоковедов).

Все выступления М.И. Ростовцева на конгрессах, как правило, очень высоко оценивались специалистами. Тематика его докладов хорошо отражает широчайший спектр научных изысканий ученого. Так, на берлинском съезде историков 1908 г. его выступление было посвящено генезису римского колоната и представляло собой результат серьезного исследования, основанного на новых эпиграфических данных. Несмотря на то, что в силу обширности имеющегося материала М.И. Ростовцеву пришлось местами ограничиваться лишь констатацией выводов, что, по мнению некоторых участников (в частности, Ю. Кулаковского), не соответствовало формату выступления на конгрессе, этот доклад был встречен с огромным вниманием и получил многочисленные лестные отзывы (как отечественных, так и зарубежных ученых), особо был отмечен «восхитительный образец синтетического использования информации, полученной в результате изучения надписей и папирусов». Апробировав свое исследование на конгрессе, М.И. Ростовцев в дальнейшем продолжил работу над этой темой, которая завершилась созданием в 1910 г. капитального труда «*Studien zur Geschichte des romischen Kolonates*».

Доклады на съезде в Лондоне в 1913 г. «Воронежский серебряный сосуд» и «Iranism and Ionism in South Russia» касались развития Юга Руси в античный период и проблем взаимовлияния греческого и варварского миров, которые были достаточно мало изучены и поэтому восприняты с большим интересом. По поводу этих выступлений участник съезда проф. П.П. Митрофанов писал: «После доклада проф. Ростовцева они (англичане) прямо заявили, что все для них так ново и необычно, что они, чувствуя значение его доклада, не решаются даже на возражения».

О признании научных заслуг М.И. Ростовцева свидетельствует и то, что он, как правило, выступал на конгрессах не только с секционным, но и с пленарными докладами, кроме того, на Берлинском конгрессе руководил работой секции античной истории, а на конгрессе в Лондоне 1913 г. организационный комитет избрал Ростовцева вице-президентом этого научного форума. Когда же было принято решение о проведении четвертого международного исторического конгресса в Петербурге, М.И. Ростовцев был избран главой Международного координационного комитета (председателем подготовительного комитета стал академик А.С. Лаппо-Данилевский), позднее М.И. Ростовцев, естественно, вошел и в состав исполнительного комитета по организации «состоявшегося под почетным председательством Его Императорского Высочества великого князя Константина Константиновича Международного исторического съезда в Санкт-Петербурге в 1918 г.», который не состоялся из-за революционных событий 1917 г.

Результаты работы конгрессов М.И. Ростовцев непременно освещал на страницах российских периодических изданий. В этих статьях, написанных всегда очень живо и увлеченно, М.И. Ростовцев не только всесторонне анализировал работу этих съездов (отмечая как недостатки, так и

несомненные успехи, высказывая свои предложения), но и обращался к более общим вопросам о значении подобных мероприятий. Это было не случайно, т.к. конгрессы были еще достаточно новой формой научного сотрудничества и далеко не все ученые ясно осознавали их пользу, считая нередко их лишь бессмысленной тратой средств.

М.И. Ростовцев всегда выступал горячим сторонником подобных мероприятий. Он выделял три основные цели, которые ставили перед собой подобные форумы: научная – знакомство с новыми разработками коллег, а также дискуссии по тем или иным практическим и теоретическим вопросам; знакомство с той страной и городом, где проходил конгресс; создание условий для личного общения ученых разных стран и разных специальностей, облегчение знакомств, ведущих к обмену мнениями и т.д.: «Увидеть человека часто достаточно, чтобы понять его научное творчество. Обмен мыслей иногда по ничтожному вопросу открывает сразу глубину и плоскость всего научного мирозерцания человека и то, о чем, не видя человека, только гадаешь, становится определенным и понятным. Личное общение, конечно, первооснова всякого конгресса, учесть его силу и влияния не так легко, как научный вес того или иного доклада, как пользу от знакомства со страной, памятниками и музеями». Ростовцев придавал личным контактам со своими коллегами огромное значение, дни работы съездов для него были полны новых встреч и впечатлений. Так, в письме к С.А. Жебелеву по поводу прошедшего в Риме конгресса (1903 г.) он замечает: «на конгрессе делился на части между немцами, русскими и итальянцами...».

Оценивая значение международных форумов, М.И. Ростовцев указывал и на ту большую роль, которую играют подобные международные встречи ученых в деле укрепления интернациональности науки, противопоставляя ее политическому шовинизму. Ученый подчеркивал необходимость осознания того, «как высоко должна держать знамя международной науки. И какие опасности грозят этой международной науке со всех сторон. Конкуренция наций на научной ниве прекрасная вещь, культ родного языка и стремление сделать его мировым – глубоко симпатичная тенденция, но за всем этим нельзя забывать главного, того, что наука, как таковая, не знает языка, не знает нации, а знает только человечество». Подводя итоги работы Берлинского конгресса, Ростовцев отмечал: «не хочется думать, что французы и большинство славян (за исключением русских) не приехали в силу политических соображений и соперничества».

Однако, выступая против национализма и шовинизма, ратуя за «целостность науки», Ростовцев оказался весьма категоричен в своем неприятии марксизма. Будучи участником конгресса в Осло в 1928 г. (как представитель Йельского университета), он дал интервью, в котором достаточно резко высказался в отношении историков-марксистов, составлявших делегацию СССР, и негативно оценил состояние российской науки при советской власти. Председатель конгресса через прессу поспешил от

имени конгресса отмежеваться от «политиканствующего эмигранта», заверяя, что высказывания Ростовцева о советских ученых отражают лишь его собственные взгляды, а не официальную точку зрения конгресса. Появление такой явной политической конфронтации среди участников, вкупе со стремлением ученых-марксистов превратить конгрессы в арену противоборства идеологических систем, лишь усиливавшееся со временем, стало существенным отклонением от принципов международного научного сотрудничества, заложенных на первых конгрессах.

А.Н. Птицын (Ставропольский ГУ)

Российская австро-унгаристика во второй половине XIX – начале XX веков: научные школы и образовательная практика

Несмотря на то, что Габсбургская монархия на протяжении многих веков играла одну из ведущих ролей в европейской истории, изучение ее прошлого никогда не являлось приоритетом для российской исторической науки. В дореволюционной России (впрочем, как и сейчас) круг ученых, специализирующихся на истории этой страны, был весьма узким. Профессор Варшавского университета К.Я. Грот отмечал в 1914 г., характеризуя сложившуюся в историографии ситуацию, что «русская историческая литература по всеобщей истории насчитывает ряд больших, самостоятельных и даже довольно замечательных трудов и монографий по истории Германии, Франции, Англии, Италии и проч., но почти не имеет подобных трудов для Угрии (Венгрии – *А.П.*) и Австрии, ей, однако, несравненно более близких, родственных и, казалось бы, привлекательных» (Грот К.Я. Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях. СПб., 1914. С. 65).

В то же время история Австро-Венгрии привлекала пристальное внимание отечественных славяноведов, поскольку около половины населения этого государства составляли западные и южные славяне. Историю Габсбургской монархии исследовали в России по двум направлениям: во-первых, как историю великой державы в контексте общеевропейской истории, и, во-вторых, как «место действия» локальных историй славянских народов монархии.

Исследовательская работа российских ученых сосредотачивалась, прежде всего, в университетах. В области австро-унгаристики в рассматриваемый период сформировались три ведущих научных школы – в Петербургском, Варшавском и Московском университетах. В остальных российских университетах интересующей нас проблематикой занимались отдельные ученые.

Прежде всего, следует охарактеризовать научную школу Петербургского университета. Основоположником российского австроведения можно считать работавшего там П.П. Митрофанова, чьи фундаменталь-

ные труды не потеряли своего значения до настоящего времени. Ученые-слависты этого университета, в свою очередь, много сделали для изучения истории славян Австро-Венгрии (В.И. Ламанский, А.С. Будилович, Н.В. Ястребов, А.Л. Петров и другие).

По мнению современных исследователей, в дореволюционной России славяноведение на наиболее высоком уровне преподавалось в Варшавском университете. Здесь работали И.И. Первольф, К.Я. Грот, В.А. Францев, А.Л. Погодин и другие ученые, которые достаточно много внимания в своей научной и преподавательской деятельности уделяли различным проблемам истории Габсбургской монархии. При этом К.Я. Грот являлся одним из основоположников российской унгаристики.

Следует отметить, что в Варшавском университете была распространена любопытная практика приглашения на преподавательские должности выходцев из Австро-Венгрии, прекрасно владеющих страноведческим материалом. Так, одним из основоположников славяноведческой школы этого университета является И.И. Первольф, чех по национальности, выпускник Пражского университета.

Ученых Московского университета привлекали преимущественно проблемы истории «австрийских» славян. В этой связи следует, в первую очередь, упомянуть М.П. Погодина, О.М. Бодянского, Н.А. Попова, М.Г. Любавского.

Научная деятельность российских ученых была тесно связана с преподавательской. Результаты их изысканий незамедлительно находили свое отражение в лекционных курсах, которые часто издавались. Являясь учебными пособиями, они в то же время концентрировали научные достижения их авторов, поэтому многие из них остаются востребованными до сих пор. Настоящими питомниками научной мысли являлись исследовательские семинары («семинарии»). Опыт проведения таких занятий описан в мемуарах многих дореволюционных ученых, например, П.Н. Милюкова (Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 76). Очень жаль, что в настоящее время такая форма научной работы, как исследовательские семинары, используется крайне редко, поскольку не вписывается в донельзя бюрократизированную систему высшего образования. Формирование и развитие в российских университетах исследовательских школ в области славяноведения и всеобщей истории являлось, во многом, именно результатом активного вовлечения студентов в научно-исследовательскую работу.

Рассмотрение проблем австро-венгерской истории проходило в русских университетах в рамках различных учебных курсов – базового курса всеобщей истории и учебных курсов по истории славянских народов. Отдельные сюжеты находили свое рассмотрение в рамках других учебных дисциплин (русской истории, славянской филологии и пр.).

Следует отметить, что в изучении и преподавании австро-венгерской истории в российских университетах имелись и определенные

сложности. Поскольку австро-унгаристикой был занят небольшой круг ученых, то и спектр исторических исследований оставался весьма узким: прежде всего, это история славянских народов монархии, а также отдельные сюжеты, связанные с внешней и внутренней политикой этого государства. Трудности вызывало также то обстоятельство, что в учебных планах российских университетов и гимназий для изучения истории Австро-Венгрии отводилось очень мало учебных часов, по сравнению с объемом времени, отводимого на изучение истории других западных держав.

Весьма серьезной проблемой являлось и то, что многие профессиональные историки, прежде всего слависты (как и значительная часть российской элиты в целом), в той или иной степени находились под воздействием славянофильской/панславистской идеологии. Это вело к формированию искаженного образа Австро-Венгрии в российской исторической науке. Только немногие ученые, такие, например, как П.П. Митрофанов, смогли не поддаться господствовавшим в русском обществе настроениям и сохранить научную объективность. Несмотря на имевшиеся трудности, дореволюционными учеными был заложен прочный научный фундамент изучения истории Габсбургской монархии и населявших ее народов. Свидетельством его важности является и то, что опыт дореволюционных историков является в настоящее время объектом серьезного изучения.

И.В. Крючков (Ставропольский ГУ)

**Интеллектуальное пространство Австрии
в последней трети XIX – начале XX вв.
и формирование «австрийской экономической школы»**

Карл Менгер (1840–1921) принадлежит к блистательной плеяде австрийских ученых-интеллектуалов, которые на многие годы определили вектор развития европейской науки. Австрия во второй половине XIX – начале XX вв., по праву, входила в круг стран, формировавших интеллектуальное пространство Европы. З. Фрейд, К. Менгер, Л. Витгенштейн, Ф. Визер, Е. Бем Баверк, Э. Мах, О. Нейрат – вот далеко не полный список ученых, которых дала имперская Австрия миру в последней трети XIX – начале XX вв. Среди них особое место занимает К. Менгер, основоположник «австрийской экономической школы». К числу его учеников относились Ф. Хайек, Л. Мизес, Й. Шумпетер и др.

К. Менгер известен прежде всего среди экономистов. Однако его имя незаслуженно забыто историками – упоминания о нем не найти практические ни в одном исследовании по теории и методологии истории, историографии всеобщей истории. А ведь в свое время знаменитый «спор о методе» в 80-е гг. XIX в. К. Менгера с немецкой исторической школой и ее лидером Г. Шмоллером расколол все научное сообщество Европы на сторонников К. Менгера и Г. Шмоллера.

К. Менгер жил в уникальный период истории Австрии. До второй половины XIX в. Австрия не влияла на развитие интеллектуальной жизни в Европе. В Вене мало заботились об изучении философии, литературы и других наук. Практически никто не обратил внимание на визиты в Вену Лейбница и Юма. Положение дел меняется с приходом к власти в Австрии либералов и проведением в 60–70-е гг. XIX в. реформ, в том числе отмены цензуры в высшем образовании и либерализации университетской системы. Профессора продолжали оставаться государственными служащими, но правительство практически полностью прекращало вмешательство в учебный процесс, тем более в его содержание. Более того, во второй половине XIX в. в австрийских университетах появляются т.н. «частные доценты», т.е. лица, имеющие ученую степень и не входящие в штаты университетов. Они получили право вести в государственных университетах отдельные дисциплины с согласия правительства.

В Вене частные семинары посещало огромное количество представителей интеллектуальной элиты и бюрократии. Частные семинары были воплощением новых идей, открытым вызовом консервативной науке. На них люди не боялись открыто критиковать традиционное знание и выдвигать свое видение проблемы. Не случайно идеи психоанализа получили распространение не в официальных университетах, а на частных семинарах З. Фрейда.

На рубеже XIX–XX вв. в австрийской интеллектуальной элите происходит смена поколений. На смену старой профессуре приходят новые люди с нестандартным мышлением, новыми идеями. Интеллектуальная элита Вены являлась мощной корпорацией, активно обменивающейся инновациями с обществом и оказывавшей воздействие на деловую и политическую элиту страны. Это во многом предопределило успехи австрийской науки и культуры в эпоху «Fin-de-siècle Vienna». Только в последние годы перед войной наблюдается первые признаки отчуждения интеллигенции и общества. Поэтому К. Менгер во всех отношениях пришелся «ко времени и ко двору».

Австрия после поражения в войне с Пруссией в 1867 г. встала на путь либеральных реформ, а Менгер был одним из ярких сторонников австрийского либерализма. Однако либеральная эпоха в Австрии завершается с «Биржевым крахом» 1873 г., когда общество разочаровывается в либерализме и сваливает именно на либерализм все свои. Это был мощный удар по австрийскому либерализму, от которого он не оправился вплоть до краха Дунайской империи в 1918 г. Многие бывшие сторонники либералов стали искать новые жизненные ориентиры (К. Люгер – христианский социализм и антисемитизм, Т. Герцль – сионизм). К. Менгер не пошел по пути своих бывших коллег, до конца своих дней разделяя либеральную идеологию.

Занимаясь профессиональной и политической деятельностью, К. Менгер не бросил науку, продолжая свои научные изыскания. В ре-

зультате, в 1871 г. он издает труд всей своей жизни «Основы политэкономии» (См.: Менгер К. Основания политической экономии. М., 1992). В 70-е гг. XIX в. эта работа не стала интеллектуальной сенсацией, ее по достоинству оценили значительно позже, уже в XX в., но она заинтересовала молодых венских интеллектуалов. Второе издание «Основ политэкономии» появляется в Австрии только в 1923 г. уже после смерти К. Менгера 27 февраля 1921 г.

Однако это произведение было переиздано в конце XIX – начале XX вв. в большинстве европейских стран, в том числе в России (Одесса, 1903) и оказало огромное влияние на российскую науку. Под влиянием этой и других работ К. Менгера возникло такое оригинальное направление в российской науке, как организационно-производственное направление во главе с А. Чаяновым. Оригинальность подхода К. Менгера в решении сложных политэкономических проблем и его размышления о методе гуманитарных наук заставили Европу заговорить о К. Менгере как о крупном ученом.

Публикация «Основ политэкономии» открыла для К. Менгера путь для карьеры в Венском университете. В 1872 г. он становится приват-доцентом университета, в 1873 г. экстраординарным профессором, а в 1879 г. штатным профессором университета и заведующим кафедрой политэкономии. В университете раскрывается еще одна грань таланта К. Менгера: блестящий преподаватель, он умел самые скучные темы доступно преподавать студентам и вызвать у них живой интерес. Добровольная отставка К. Менгера в 1903 г. вызвало большое сожаление среди студенческого сообщества и части коллег университета.

На кафедре политэкономии после ухода остались его ученики во главе с Ф. фон Визером, который занимал несколько раз министерские посты в правительстве Австрии, включая пост последнего министра торговли имперской Австрии в 1917–1918 гг. Другой последователь К. Менгера, Е. Бем Баверк в 1895–1897 гг. и в 1900–1904 гг. занимал пост министра финансов Австрии. Он довольно успешно провел налоговую реформу в стране.

Об авторитете К. Менгера в Австро-Венгрии говорит и тот факт, что с 1876 по 1878 гг. он был наставником кронпринца Рудольфа. Либеральные взгляды наставника не могли не отразиться на умонастроениях наследника престола. После поездки К. Менгера и кронпринца в Великобританию в 1878 г. в Мюнхене выходит анонимный памфлет «Австрийский дворянин и его конституционное призвание». В памфлете осуждалась праздность австрийского дворянства, погрязшего в охоте и танцах, и в качестве примера для подражания выдвигалось британское дворянство с его чувством гражданской и социальной ответственности. Авторство Рудольфа и К. Менгера вскрылось только в 1906 г. после трагической смерти Рудольфа и отставки К. Менгера. Именно К. Менгер познакомил Рудольфа со своим другом, известным либеральным журналистом, изда-

телем «Венского еженедельника» М. Шепсом. В течение 6 лет Рудольф и Шепс переписывались, а затем с 1883 по 1885 гг. Рудольф публиковался на страницах «Венского еженедельника» под псевдонимом, где он не скрывал свои либеральных взглядов, критику существовавшие в империи Габсбургов устои. Эти обстоятельства и призывы М. Шепса к установлению дружеских отношений между Австро-Венгрией и Францией приводили к его постоянным конфликтам с цезурой.

В научной и политической карьере К. Менгера проявляется еще одна его страсть – к истории. К. Менгер всегда интересовался историей империи Габсбургов и мировой историей. В своих экономических разработках он постоянно обращался к историческим экскурсам и работам известных историков. К. Менгер оказал существенное влияние на европейскую историографию XIX – начала XX вв. Его «спор о методе» подтолкнул другого известного австрийского ученого Карла Прибрама заняться историческими и терминологическими аспектами изучения проблемы перехода цивилизации от феодализма к капитализму. Находясь под впечатлением дискуссии К. Менгера с Г. Шмоллером, К. Прибрам, использует результаты этого методологического спора в своей концепции, вводя в научный аппарат такие категории как «хололизм», «органицизм», «феодализм», «социальное происхождение», «партикуляризм», без которых невозможно представить современные исторические исследования.

В Австрии XIX – начала XX вв. мы видим уникальный пример полидисциплинарности. К. Менгер и подавляющее число его сторонников в Австрии и Германии не видели четкой линии разделяющее предмет исследования истории и экономики, а также этих дисциплин с другими социальными науками. Данные дисциплины объединял общий предмет исследований – человеческое общества, мотивы, законы, определяющие поведение общества и отдельного индивида.

М.Ф. Румянцева, Р.Б. Казаков (РГГУ, Москва)

Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: аспекты институционализации

В настоящем сообщении развиваются и конкретизируются некоторые вопросы истории и современного состояния Научно-педагогической школы источниковедения Историко-архивного института, рассмотренные авторами на конференции РОИИ 2007 г. На этот раз мы сосредоточим внимание на тех институциях, которые обеспечивают ее функционирование, и их соотношения друг с другом.

При размышлении о структуре Научно-педагогической школы и ее составляющих невозможно пользоваться метафорой «фундамент – вершина». Использование этого сравнения приведет нас к крайне неустойчивой конструкции, а именно к пирамиде, стоящей на своей вершине – кон-

цептуальном основании. Гораздо точнее другой образ – концентрические окружности, мы бы даже рискнули сказать – «круги на воде», если бы понятие «воды» применительно к научному творчеству не вызывало ненужных коннотаций. Возможен и другой образ, который, как думается, также может выразить особенности структуры школы, – планетарная модель атома в физике, разработанная Э. Резерфордом. Важно подчеркнуть следующие черты такой модели: крепкое, почти неразрушаемое и «тяжелое» ядро и множественные сферы обращения электронов вокруг ядра, где постепенно ослабевают связи между «внешними» электронами и ядром.

И действительно: в центре эпистемологическая рефлексия, обеспечиваемая немногими интеллектуальными лидерами. На протяжении последних десятилетий таким лидером для Научно-педагогической школы источниковедения, несомненно, являлась О.М. Медушевская, последняя монография которой (Теория и методология когнитивной истории. М., 2008) выводит на новый концептуальный уровень не только эту научно-педагогическую школу, но и всю российскую гуманитаристику.

Базовой институцией, обеспечивающей функционирование Научно-педагогической школы, является кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин (система «Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории» – основа профессионального образования гуманитария). Кафедре особенно в последние годы удается обеспечивать единство методологии и системность преподаваемого комплекса дисциплин (вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – теория и методология истории) за счет, во-первых, обоснования парадигмального характера источниковедческой теории в этой системе, во-вторых, за счет выведения на новый, культурологический, уровень вспомогательных исторических дисциплин.

Следующий круг – это выпускники кафедры, под которыми понимаются дипломники, аспиранты, а также соискатели ученой степени кандидата или доктора исторических наук, которых кафедра выпускает на защиту диссертации. На этом уровне уже начинается, до некоторой степени, работать упомянутый в тезисах 2007 г. принцип дополнительности.

Следующий круг институционально обеспечивает журнал «Вестник РГГУ: ежемесячный научный журнал. Серия. “Исторические науки”», credo которого – корректно сочетать максимально широкий и разнообразный состав авторов и представляемых ими позиций с обязательной концептуальной определенностью, обеспечиваемой не отбором авторов со сходными методологическими воззрениями, а публикацией концептуальных материалов, постоянным разделом «Дискуссия», позволяющим прояснить методологические позиции, квалифицированным разделом критики и библиографии и разделом, посвященным проблемам преподавания исторических дисциплин.

И, наконец, самый широкий круг, в котором концептуальное единство просматривается в наименьшей степени, зато в наибольшей работает

принцип дополнительности, – ежегодно проводимые кафедрой с 1989 г. конференции по актуальным проблемам исторического знания и методологии гуманитарного познания с широким представительством различных учебных и научных центров и числом участников свыше 100 человек.

Предложенный ранее образ кругов на воде весьма точен еще и потому, что от брошенной в центр идеи круги расходятся, постепенно затухая. На периферии – на уровне конференционных материалов – мы обнаруживаем не только значительное ослабление концептуального воздействия, но и определенную, иногда весьма существенную дифракцию.

Научно-педагогическая школа реализует себя в формах, с одной стороны, традиционных для инфраструктуры науки, а с другой – уникальных по своему значению и месту в российской исторической науке. Речь, в первую очередь, идет о кружке источниковедения, созданном С.О. Шмидтом в 1950 г. и проработавшем под его руководством более 50 лет. В советское время – это едва ли не единственное место для совместного научного творчества преподавателей и студентов, в основе которого лежал интерес к источнику, а не идеологические постулаты разного свойства. Затем исследовательский семинар С.М. Каштанова с его нацеленностью на разработку проблем вспомогательных наук истории и точнейшего исследовательского инструментария в сфере дипломатики. Основанный Е.И. Каменцевой, а в настоящее время под руководством Е.В. Пчелова действует семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам, в его работе участвуют специалисты не только России, но и зарубежья. Складывается исследовательский семинар О.И. Хоруженко, в котором систематически разрабатывается источниковедческую проблематику на основе комплексов источников всех типов и готовятся к публикации источники XV–XVIII вв.

Сохранению концептуальной целостности Научно-педагогической школы должно способствовать и изучение ее истории, сохранение и введение / возвращение в научный оборот творческого наследия наиболее видных ее представителей. К этой работе мы приступили не так давно. Практически завершена подготовка научного издания «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского. Труд, задуманный им в составе трех разделов, в дальнейшем перерабатывался и совершенствовался до последних дней жизни ученого (об этом говорят несколько уровней правки гранок издания, которое готовил А.С. Лаппо-Данилевский), но эта работа так и не была завершена автором. В настоящее время подготовлено наиболее полное издание «Методологии истории». Готовится сборник трудов преподавателей кафедры, посвященный ее 70-летию, наступающему в сентябре 2009 г. Том должен состоять из работ, вошедших в классику источниковедения и ставших библиографической редкостью. В планах – подготовка к изданию Избранных трудов сочинений О.М. Медушевской, куда войдут опубликованные работы, определившие проблематику и уро-

вень дисциплин, разрабатываемых кафедрой, и неопубликованные труды, в частности, кандидатская диссертация.

Кафедра продолжает подготовку библиографических указателей трудов профессоров и преподавателей кафедры.

Для сохранения концептуальной определенности Научно-педагогической школы источниковедения Историко-архивного необходима не только постоянная рефлексия современного состояния научного знания и сложившихся образовательных стратегий эпохи постпостмодерна, но и исследование актуальных форм массового исторического сознания. В частности, требуют осмысления такие феномены как «фолк»- или «поп»-история, представленная массовой книжной продукцией и ее теле- и киноверсиями (например, фильм «1612», книги Д. Брауна и пр.), коммерческая продукция, пользующаяся массовым спросом и находящаяся за пределами науки («феномен Фоменко» и др.), краеведение, которое (в отличие от новой локальной истории) все больше воплощает «бытовой уровень исторического сознания» (по выражению О.М. Медушевской). Методологически строгое и четкое осмысление подобных феноменов имеет целью проведение границы на уровне «наука – ненаука» и крайне актуально именно в силу широкого распространения этих явлений в современной действительности.

О.М. Мельникова (Удмуртский ГУ, Ижевск)

Университетская научная школа и профессиональная социализация ученого-археолога

Антропологизация исторических исследований привела к саморефлексии археологического и шире – исторического – сообщества как в историко-научном, так и в социальном плане. Возрос интерес к личности археолога-профессионала, его особенностям и качественным характеристикам. В этом контексте особую актуальность приобретают проблемы профессиональной социализации, следствием которой выступает осознание археологом профессиональной идентичности. В процессе подготовки археологом должны быть получены не только разносторонние знания, но и сформированы компетенции, позволяющие выпускникам вузов быстро включаться в профессиональную деятельность и успешно ее выполнять. Поэтому для формирования новых поколений археологов большое значение приобретают вопросы результативности профессиональной социализации, которая может быть исследована и в историко-научном контексте.

Безусловно, миссия социализации нового поколения археологов лежит на всем сообществе археологов, поскольку оно представляет собой объединение ученых, принадлежащих одной научной дисциплине. Вместе с тем научное сообщество представляет собой не аморфную совокупность ученых. Одним из его значимых элементов выступают научные школы.

Именно они наиболее результативны в плане профессиональной социализации молодых археологов. Члены схоларного сообщества становятся референтной группой, которая оказывает значительное влияние на выбор усваиваемых норм и ценностей археологии. Это связано с тем, что важнейшей функцией научной школы является подготовка молодого поколения исследователей. Ученый – лидер научной школы и его коллеги стремятся сформировать из числа начинающих исследователей (студентов, аспирантов, докторантов) научных, а во многом и мировоззренческих единомышленников.

В процессе генезиса научной школы оформляется особая субкультура как система общих символов, ценностей, норм и образцов поведения, разделяемых археологами. Она тесно связана с содержанием изучаемого археологического источника, решаемой научной проблемой, предлагаемыми путями ее разрешения, а также ролью, которую в обществе играют ее представители. В широком смысле профессиональные нормы научной деятельности включают в себя несколько позиций:

1. Стремление учёного к передаче своих результатов коллегам.
2. Восприимчивость к новым идеям, не поддающимся со стороны давления научной моды.
3. Эрудиция и знания всех фактов, относящихся к области работы учёного.
4. Защита новых (но только обоснованных) идей.
5. Публикация материалов исследований в профессиональных изданиях, доклады на научных конференциях.
6. Умение отстаивать свое мнение, опираясь на логику изложения фактов и аргументацию, а не на эмоции; отказываться от гипотез, если науке становятся известны факты, их опровергающие.

В рамках научной школы эти нормы приобретают определенную содержательную и личностную окраску.

Обучение в рамках научной школы выступает как средство профессиональной социализации, с помощью которого человек перенимает систему определенных навыков, знаний, опыта, моделей поведения. Но социализация включает в себя и воспитание, и всю совокупность стихийных воздействий, оказывающих влияние на процесс становления неопита и его вхождение в научное сообщество. В рамках научной школы актуально неформальное общение с коллегами, оно формирует не только представления о ценности профессиональной деятельности, но и знакомит с человеческим аспектом профессиональных отношений. Поэтому следует отметить нравственную миссию научной школы. Чувство общественного долга, подвижническое отношение к своей деятельности, увлеченность работой, преданность идеалам научности – все это наряду с передачей собственного научного инструментария является важнейшим фоном профессиональной социализации археологов. Особую нравственную «нагрузку» несет лидер научной школы и ее интеллектуальное ядро.

Важнейшим каналом социализации молодого археолога является археологическая экспедиция. Отметим, что, в отечественной археологии в 70-е гг. XX в. изменился социальный состав лиц, работающих в экспеди-

циях. Это, уже, как правило, не наемные работники, которые до революции или в довоенные годы составляли основную рабочую силу на раскопках, а студенчество. К тому же устоявшееся положение археологии как учебной дисциплины сделало обязательной археологическую практику. Теперь в экспедиции оказались представители разных субкультур: с одной стороны, студент-практикант, жаждущий знаний, как правило, первокурсник, и даже школьник, с другой – археологи-профессионалы.

Перелопачивая в прямом смысле пыль веков, молодой человек испытывает невиданные прежде эмоции, в ходе раскопок всегда сопровождающие уникальное и неповторимое прикосновение к истории. Эти трудно вербализуемые через формальные термины эмоции с неизбежностью ставят перед ним важнейшие и вечные человеческие вопросы: Кто я таков? Как я могу соизмерить себя с историей? И еще шире – в чем смысл бытия человека? Эти вопросы, безусловно, требуют обсуждения и немедленного осмысления. Но нужен специальный текст для такого осмысления. Им и стал текст песни. Носителем этого текста, как правило, выступает старший коллега, которому можно доверять, а нередко сам лидер научной школы. Для молодых творчески активных людей диалог через песню, несомненно, делает привлекательной и науку. Археология, в значительной мере достаточно скучная в своих текстах наука, поднимается до уровня реальной истории, свидетелями, участниками и творцами которой являются студенты.

Особенности профессиональной социализации археологов как исследователей в рамках научной школы выражается в развитии у студентов готовности к разным видам деятельности, основанным на высокой интенсивности межличностных коммуникаций и групповых формах работы. Это способствует формированию высокой адаптивности к различным формам деятельности, профессиональной мобильности выпускника, способного справляться с различными условиями и жизненными ситуациями. Поэтому неслучайно практически все первые выпускники О.Н Бадера в Пермском университете получили ученые степени кандидатов и докторов наук, сами стали успешными организаторами науки. Тоже можно сказать и о свердловских учениках В.Ф. Генинга. Об этом свидетельствуют и факты из истории археологической научной школы Удмуртского университета, члены которой защитили кандидатские и докторские диссертации по этой специальности. При этом ряд выпускников получил ученую степень по другим научным дисциплинам.

Современная ситуация в обществе вынуждает искать новые способы адаптации схолярного археологического сообщества к социальным новациям. Неадекватные финансовые ресурсы на развитие полевых исследований и публикацию материалов негативно влияют на приращение источника, его изучение и введение в научный оборот (а именно в специфике источника и подходах к его изучению можно увидеть своеобразие археологических научных школ). Вследствие неадекватности затрат на про-

изводство нового знания и заработной платы особенно начинающих исследователей страдает мотивация кадрового состава. Отсутствие отработанных государственных механизмов социального заказа на подготовку археологов, проблемы трудоустройства затрудняют адаптацию в профессии, что разрушает сложившиеся еще в советское время механизмы в развитии археологических научных школ через научный кружок, археологическую экспедицию, специализацию по археологии.

Их разрушают новые альтернативные формы профессиональной консолидации в виде социальных сетей. С одной стороны, они позволяют весьма активно продуцировать идеи и достижения научной школы, расширять круг ее сторонников и формировать тем самым незримые колледжи. Но проблема состоит в том, что не все археологические школы активно позиционируют себя в виртуальном пространстве. Нередко наибольшую активность в этом направлении играют маргинальные ученые, не сумевшие вписаться в существующие профессиональные субкультуры. Среди них встречаются просто непрофессиональные деятели, лжеученые, квазиученые (каковыми можно назвать многочисленные сайты черных археологов). Их деятельность подвергает угрозам и разрушает профессиональные идентичности.

Очевидно, что научные школы должны осваивать новые ниши не только для пропаганды профессиональных норм в виде научных идей, методов исследования и их результатов, но и для пропаганды этических ценностей археологии.

Е.А. Селунская (Тверский ГУ)

Истпарты как центры научно-исследовательской и идейно-политической консолидации обществоведов в 1920-е гг. (на примере Тверского истпарта)

Истпарты стали одними из важнейших центров исторической науки в СССР в 1920-е гг. В новых исторических условиях, а именно в первые годы после революции 1917 г. и гражданской войны, они были образованы с целью создания истории партии, оказавшейся у власти в результате длительной борьбы и противостояния различных политических сил. Таким образом, в исторической науке появилась почва для развития особого направления – истории революционного движения и истории Коммунистической партии, которое на несколько десятилетий стало одним из приоритетных среди историков.

Истпарты осуществляли свою деятельность по различным направлениям: собиранию и хранению исторических документов, учету участников революционного движения и членов Коммунистической партии, изданию статей и воспоминаний, подготовке выставок, участию в проведении «революционных» праздников и в агитационно-пропагандистской

работе. Реализация начинаний в рамках этих направлений прочно увязывалась сотрудниками истпарта с содействием со стороны членов РКП(б) и участников революционного движения, а также архивов, музеев, вузов. В частности, на четвертом Всесоюзном совещании заведующих истпартотделами в 1927 г. было официально провозглашено, что для обеспечения успешной работы истпарты должны активнее привлекать к своей деятельности «общественные силы и общественные организации», под которыми подразумевались архивисты, музейные работники, историки-марксисты, вузовская профессура и др. (См.: Правда. 1927. 14 янв.).

Истпарты являются хорошим примером консолидации историков, обществоведов, участников революционного движения с целью изучения истории Коммунистической партии. Этот факт был отмечен еще в советской историографии М.С. Волиным, который показал на примере Истпарта ЦК ВКП(б), что он со своими местными отделениями и органами печати сплотил значительные кадры исследователей. В настоящий момент, когда пристальное внимание ученых обращено к местной истории, интерес представляет изучение опыта сотрудничества губернских истпартов с различными общественными и историческими организациями. Рассмотрим поставленную проблему на примере Тверского истпарта.

Тверской губернский истпарт был создан при Тверском губкоме РКП(б) в 1922 г. Практически сразу в его работе обозначились три направления: формирование документального комплекса по истории революционного движения, издательская деятельность и музейно-выставочная работа, непосредственная реализация которых предполагала сотрудничество с профессиональными историками, журналистами и очевидцами событий. Этому факту есть несколько объяснений. Во-первых, для местных истпартов был характерен относительно небольшой штат сотрудников, которые зачастую физически не могли справиться с огромным объемом работы. Так, например, Тверской истпарт, по данным Истпарта ЦК ВКП(б), относился к третьей категории истпартов со штатом 1–2 человека (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 140. Л. 2), который включал в себя заведующего и технического работника. Иногда штат Тверского истпарта сокращался до 1 сотрудника (заведующего). Вторая причина заключалась в том, что в основном сотрудники истпартов, ведущие по сути исследовательскую работу, не являлись профессиональными историками и вынуждены были привлекать силы со стороны. Третья причина кроется в особенностях становления новой государственной идеологии, а именно в понимании необходимости широкого распространения знаний по истории Коммунистической партии и о достижениях советского строительства среди населения.

Работникам Тверского истпарта на протяжении периода активной деятельности в 1922–1929 гг. оказывали содействие участники революционного движения, сотрудники Тверского губернского архивного бюро (губархива), подотдела по делам музеев, охране памятников старины,

искусства и природы (губмузея), Тверского государственного музея, Тверского педагогического института, а также журналисты и краеведы. Одним из ключевых направлений являлось выявление и изучение источников по истории революционного движения в Тверском крае, поэтому деятельность Тверского истпарта проходила в тесном контакте с работой Тверского губархива. Кроме того, для истпарта важно было установить контроль над его штатом и деятельностью, поскольку в нем были сосредоточены документы Тверского губернского жандармского управления и канцелярии губернатора.

Содействие в выявлении и изучении исторических материалов оказала работа журналиста и участника революционного движения П.К. Александрова (Ветлина), который подготовил очерк по истории рабочего и социал-демократического движения в Тверской губернии, используя материалы губернского жандармского управления за 1880-е – 1905 гг. Материал П.К. Александрова оказался значимым приобретением для Тверского истпарта, так как перед ним была поставлена задача подготовить к публикации очерк истории РСДРП в Тверской губернии и уже была начата соответствующая работа в губархиве.

Большое значение Тверской истпарт придавал сведениям, полученным от представителей интеллигенции. В связи с подготовкой к празднованию 20-летия революции 1905–1907 гг. Тверской истпарт обратился к учителям Тверской губернии с просьбой написать воспоминания и прислать прокламации и фотографии. В Методическом сборнике Тверского губернского отдела народного образования была помещена анкета, состоящая из 17 блоков вопросов с целью дать картину событий накануне и в период революции 1905–1907 гг. в Тверской губернии.

О сотрудничестве Тверского истпарта со «старыми» специалистами свидетельствует факт установления его связи с преподавателями русской истории и студентами Тверского педагогического института. Проблеме собирания исторических материалов было посвящено совещание 22 мая 1925 г. (ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 36. Л. 9-10), в котором принимали участие заведующая Тверским истпартком А.Г. Соловьева, заведующий словесно-историческим отделением пединститута А.Н. Вершинский и профессор В.Н. Бочкарев и И.И. Полосин. Истпарт ЦК РКП(б) одобрил установление связи Тверского истпарта с пединститутом, однако рекомендовал проверять и редактировать «в большевистском духе» все работы профессиональных историков (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 355. Л. 7). Сотрудничество с пединститутом воплощалось и в разного рода студенческих работах: в подготовке дипломных проектов по тематике истпарта, написании очерков по истории революционного движения, составлении описи дел канцелярии тверского губернатора.

Издательская деятельность Тверского истпарта заключалась в публикации на страницах местной периодической печати и юбилейных сборников статей и воспоминаний о революционном движении.

Большую роль в объединении различных общественных сил сыграли вечера воспоминаний и группы содействия Тверскому истпарту, участие в которых помимо непосредственных очевидцев событий принимали музейные работники и журналисты.

Нельзя не отметить работу Тверского истпарта по организации выставок, приуроченных к юбилейным датам революционного движения. В Тверском государственном музее при содействии агитационно-пропагандистского отдела Тверского губкома РКП(б), Тверского истпарта и губархива был организован Отдел революции, в котором были представлены материалы по истории революционного движения.

Таким образом, объединение усилий архивных и музейных учреждений, журналистов, Тверского педагогического института в лице профессорско-преподавательского состава и студентов-историков имело большое значение для истпартовской работы и принесло конкретные результаты. В рамках сотрудничества происходил постоянный обмен опытом работы между Тверским истпартом и центрами исторической науки по выявлению и изданию документов, разработке концепций выставок, оказывалась помощь в проведении исследований со стороны профессиональных историков, что подтверждает характерную для отечественной исторической науки 1920-х гг. особенность – сотрудничество со «старыми» специалистами.

М.А. Мамонтова (Омский ГУ)

Добровольная организация советской интеллигенции: политический заказ или инициатива ученых?

(к вопросу об истоках возникновения Всесоюзного Общества «Знание»)*

Общественно-политическая ситуация после Великой Отечественной войны вновь поставила на повестку дня вопрос о развитии широкой пропагандистской сети. Военное время сплотило советское общество на основе одной единственной идеи – победы над врагом. Послевоенная эйфория сразу же высветила слабые места советской пропаганды, одно из которых – разрушение прежних стереотипов о враждебности капиталистического мира. Подобные процессы в русле резкого «охлаждения» взаимоотношений со странами Запада показывали большой дисбаланс между внутри- и внешнеполитическим климатом. Настроение советского общества клонилось в сторону дружественного общения с капиталистическими странами на волне общности интересов в борьбе против фашизма, в то

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт 02.740.11.0350.

время как советская власть жестко позиционировала противоположность интересов капиталистического и социалистического мира в условиях начинавшейся «холодной войны». Сложившийся дисбаланс заставлял власти снова обратиться к формированию разветвленной пропагандистской сети внутри страны для распространения жестко заданного курса, вновь формируемых стереотипов и клише.

Условия и особенности возникновения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний как раз показывают столкновение этих двух противоположных тенденций. С одной стороны, создание этого Общества рассматривается властью как надежный канал влияния на общественное мнение, формирования «необходимого» для власти настроения масс. Оно вписывается в общее русло складывания разветвленной пропагандистской сети. Действительно, практически сразу после войны активизируется деятельность местных и центральных политшкол и политкружков, в которых ведется изучение основ марксизма-ленинизма, истории партии и др. по «Краткому курсу истории ВКП(б)». Снова устанавливается жесткий контроль за деятельностью кафедр марксизма-ленинизма в высших учебных заведениях, снова возрастает значение общественно-политического знания. Важную роль в руководстве и координации этой пропагандистской сети играет Отдел пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б), который курирует деятельность Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Как справедливо замечает А.В. Андреев, данное Общество, зародившись при полном контроле государства, и в дальнейшем являлось мощным «идеологическим инструментом, призванным вовлечь в пропагандистскую деятельность широкие слои образованного населения» (Андреев А.В. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2003. М., 2003. С. 294). Однако, представлять деятельность этого Общества исключительно как «заказ сверху» не совсем правильно, т.к., с другой стороны, определенная часть научного сообщества активно, с нескрываемым энтузиазмом включилось в процесс строительства подобной широкомасштабной организации. По документам фонда Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) просматривается устойчивая тенденция среди советских ученых к интеграции в мировую науку, к обмену опытом с «коллегами по цеху» (целая серия запросов в Агитпроп о разрешении командировок за рубеж с целью участия в работе научных конференций, обществ и организаций). И идея создания подобного Общества возникла отнюдь не случайно.

Предшественником Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний являлось Лекционное бюро, созданное при Комитете по делам Высшей Школы при СНК СССР 31.07.1943 г. Как свидетельствуют документы Лекционного бюро (ГАРФ. Ф. Р-9548), его деятельность явно не устраивала власти своей работой: недостаточный

охват слушателей, небольшое количество лекций и т.д. Да и воспринималось Лекционное бюро как один из элементов партийной сети, ориентированной на просвещение партийных работников (наподобие ВПШ – Высших партийных школ, политшкол и бюро). Руководство партии понимало, что необходимо создать организацию, независимую от власти, формирующуюся на добровольной основе и существующую на самообеспечении, но в то же время распространяющую «правильный» политический курс, «нужные» стереотипы и образы мыслей. Наиболее независимой от власти и в то же время компетентной и высокоуважаемой в народе была интеллигенция: ученый с независимым мышлением воспринимался аудиторией как «компетентный» человек, наиболее правдиво изображающий политические события, как «беспартийный лектор».

Однако, и роль ученых в создании данного Общества велика, особенно в выработке самой идеи. Можно предположить, сто создание Общества в таком варианте было предложено не партчиновниками, как это усматривает А.В. Андреев, а самими учеными. Доказательства нашего предложения можно найти в краткой характеристике Всемирной федерации научных работников за 1948 год (20 октября). Всемирная федерация научных работников возникла в Лондоне в *июле 1946 года* (!) по инициативе Британской ассоциации научных работников, куда вошли представители научных объединений крупных государств: «Англии, США, Канады, Франции, Австралии, Голландии, Южной Африки, Индии, Новой Зеландии, Польши, Чехословакии и Болгарии» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 45. Л. 27). Советский Союз не принял участие в деятельности этой организации, но буквально сразу после этого, в январе 1947 г., был поставлен вопрос о преобразовании Лекционного бюро во Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Схема организации, цель и задачи данного Общества были целиком заимствованы из Всемирной федерации. Однако если для Федерации основная цель состояла в «поднятии благосостояния человечества путем применения и развития науки», где «ученые не могут дальше пассивно и молчаливо соглашаться на злоупотребление наукой», то Всесоюзное общество было нацелено на организацию широкой пропаганды научных и политических знаний от специалиста к народу, «создать условия, при которых таких простых людей, практиков, новаторов дела, появлялось бы в науке возможно больше» (Вступительное слово С.И. Вавилова на открытии учредительного собрания // Учредительное собрание Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. 7–10 июля 1947 года. Сб. основных материалов. М., 1947. С. 8-9).

Итак, зафиксированная в цели Всесоюзного общества идея была не нова и принадлежала мировому научному сообществу, опасавшемуся разрушительных последствий своих изобретений. Но в Советском Союзе лозунг «распространения знаний» имел другое содержательное наполнение, связанное скорее с «правильным» толкованием происходящих в ми-

ре событий и научных открытий в духе изоляционизма, чем ознакомление с последними достижениями ученых. В духе идеологических кампаний, развернувшихся в СССР с 1946 г., данная организация воспринималась советскими учеными, руководством партии, да и обществом в целом как альтернатива Всемирной федерации научных работников.

Идея возникновения подобной всемирной организации обсуждалась еще с июня 1945 г. Тогда во время работы юбилейной сессии АН СССР английским делегатом Вустером перед членами ЦК союза работников высшей школы и научных учреждений был поставлен вопрос об организации международного союза, где СССР должен был сыграть ведущую роль. И советские ученые создание Всесоюзного общества воспринимали именно как альтернативу Всемирной федерации научных работников, которая занимается распространением научных знаний среди советского общества, а не как политическую организацию с жестко определенным курсом и четкими задачами. Такая двойственность и определила характер работы этого Общества в годы его становления: ученые искренне верили в свою исключительную миссию в деле распространения научных знаний, а власть надеялась на действенность этого идеологического инструмента. Об искренности ученых в деятельности этого Общества свидетельствуют и протоколы заседания Правления Всесоюзного общества (ГАРФ, Ф. 9537. Оп. 1. Д. 47-48).

Таким образом, возникновение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний связано с несколькими тенденциями процессами, развивающимися в послевоенном советском обществе. С одной стороны, это определенный политический заказ властей на расширение пропагандистской сети в рамках формирующейся политики изоляционизма и борьбы против космополитизма в условиях начала «холодной войны», с другой стороны, это, действительно, потребность научного сообщества в создании подобной организации ради предотвращения очередной военной угрозы человечеству. Причем последняя тенденция разрушала изоляционизм страны, вовлекая ученых в мировые процессы, что, естественно, противоречило задачам руководства страны, поэтому в качестве альтернативы ученые Советского Союза создают в отличие от Всемирной федерации научных работников свою организацию – Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, которая занимается теми же задачами, но применительно к советской специфике. И советская интеллигенция в этом начинании сыграла отнюдь не простую роль исполнителя воли руководства партии или политического заказа государства, она подала идею оформления пропагандистской сети не в виде партшкол или сети вузов, а в виде добровольной общественной организации ученых и с неподдельным интересом включилась в дело формирования этой организации, нацеленной на распространение именно научных знаний среди советского народа.

**Институт истории Академии наук СССР:
рецепция партийных постановлений и выработка
исследовательских стратегий***

Исследование рецепции советскими историками транслируемой в первое послевоенное десятилетие модели «сталинской науки» (как науки партийной, плановой, нацеленной на практику, народной, коллективной, с материалистической основой) предполагает прояснение вопроса, каким образом артикулируемые сверху черты образа находили выражение на практике, как задаваемый образ реализовывался в пространстве поля советской исторической науки, институциональным сердцем которой выступал Институт истории Академии Наук СССР. Решение этой непростой задачи возможно в нескольких направлениях. Одно из них может быть связано с раскрытием рецепции через обращение к индивидуальным практикам советских историков, через анализ их авторских текстов. Это могут быть как исследовательские работы, преимущественно историографического и методологического характера, так и воспоминания и мемуары историков, тексты, в которых ученые задаются вопросами рефлексии по поводу своей науки, своего труда и собственного места в общем процессе историознания. Возможен и иной путь – обращение к различным институтам науки, переводящим «указания» власти с «языка официоза» на «язык профессии». В качестве одной из таких институций выступал Институт истории АН СССР.

Стенограммы заседаний Института, проходящих в атмосфере разворачивающихся идеологических кампаний (философская дискуссия, сессия ВАСХНИЛа, борьба с космополитизмом, дискуссии по вопросам языкознания и экономическим проблемам социализма и др.), дают материал для размышлений о деформации в первое послевоенное десятилетие научного поля исторической науки и о факторах ее провоцирующих. Обращение к этому материалу представляет интерес, как в содержательном плане, так и в плане характеристики складывающихся коммуникативных практик советских историков (в данном случае речь идет, прежде всего, о статусных историках), пестрящих своей палитрой. Одна из них – уже укоренившаяся процедура-ритуал – сигнал в партийной печати (в виде постановления или критической статьи), затем обсуждение поступившей критики, предполагающее процедуру признания отмеченных ошибок/недостатков/пороков и раскаяния в них, и после очерчивание шагов (возможно в форме резолюции) по их преодолению. В таком механизме

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 02.740.11.0350.

специфика поля науки («в науке сборы долги») зачастую игнорировалась, и ее автономное поле трагически сужалось.

Так, в ситуации объявленной борьбы за приоритеты во всех областях науки при актуализации вопросов ее развития наблюдается изменение в определении предмета и задач исторической науки. Бросается в глаза линия на сужение, по сравнению с общими курсами отечественной историографии Н.Л. Рубинштейна и всеобщей О.Л. Вайнштейна, в понимании предмета историографии. Для исследовательской деятельности историков на первый план выдвигались темы, имеющие не только научное, но и политическое значение. Пытаясь переосмыслить соотношение научности и политической актуальности, историки пришли к заключению, согласно которому «если в прошлые времена принципиальность была политическая, то сейчас разницы между этим нет и принципиальность политическая есть вместе с тем и принципиальность научная» (Стенограмма заседания Ученого совета по обсуждению доклада С.Д. Сказкина «О патриотическом долге советского ученого» // Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 175. Л. 38). Трудно сказать, являлась ли подобная позиция внутренним убеждением докладчиков, или она носила некий конвенционный характер.

Бесспорно и то, что посредством критических проработок в ходе дискуссий второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. задавался образец, которому «следовало» соответствовать и которого «следовало» придерживаться. Формулировались не только общие принципы функционирования советской исторической науки, но и ее исследовательское поле с приоритетными для него темами и возможными путями их разработок. Первостепенным признавалось изучение истории советского периода. Актуализировалась «новая» историческая проблематика – влияние русской историографии на мировую науку. Однако теперь ставилась задача показать превосходство российской исторической науки, принципиальную разницу между марксистской наукой и наукой буржуазной, тот «переворот» в исторической науке, который был произведен классиками марксизма-ленинизма, представляемый именно как «поворот», «рубеж», «скачок» в развитии советской исторической науки. Проблема преемственности и разрывов в интеллектуальной истории исчезла с горизонтов исследования, как и проблема взаимовлияния различных национальных интеллектуальных культур.

В то же время следует подчеркнуть, что на заседаниях вместе с обозначением проблематики дальнейшего изучения истории исторической науки и обсуждением ряда организационных вопросов как обязательное отмечалось (что важно) следование принципам историографического анализа, что свидетельствует о сохранении профессионального канона.

В изменяющейся в контексте 1940–50-х гг. «государственной историографии» находила свое отражение и патриотическая политико-идеологическая линия военных лет, приобретая новые оттенки в русле послевоенных кампаний по борьбе с проявлениями низкопоклонства пе-

ред Западом. Подход к событиям отечественной и всеобщей истории с позиций советского патриотизма связывался с представлениями о превосходстве всего «советского»/«социалистического» над «западным»/«капиталистическим», с превознесением достижений русского народа в прошлом, настоящем и, естественно, будущем. Идея превосходства советского ученого изменяла традиционные коммуникативные практики, когда «недопустимыми предрассудками» объявлялись публикации работ историков в иностранных журналах.

В ходе заседаний очерчивалось поле не только для строго научной деятельности. Разворачивающаяся в масштабах всей страны кампания по борьбе с космополитизмом захватывала и научное сообщество историков. Понятие «космополитизм» переносилось на уровень научной повседневности и растворялось в ней, становясь своеобразным орудием борьбы внутри корпорации историков. Речь шла не о трактовке научного термина «космополитизм», а скорее о навязывании определенного стиля жизни, поведенческих стратегий, пронизанных борьбой. И тем самым создавалась атмосфера, когда научная повседневность пропитывалась склокой и недоверием, когда по аналогии с политическими партийными кампаниями происходил поиск враждебных групп внутри научного сообщества и круг ученых, входивших в них, расширялся по инициативе снизу.

«Вскрытие» на заседаниях разного рода отступлений / вывихов / пороков производили сами сотрудники Института. Для всех выступлений была характерна однотипная архитектура их построения: констатация основных положений критики, затем обращение к постановлениям ЦК ВКП(б), как руководству к действию (эти два положения на практике могли меняться местами) и после – обращение к собственно историческим работам или работе отдельных секторов. Во время обсуждений нередко апеллировали к авторитету классиков марксизма-ленинизма и лидеров партии, что было симптоматично для обозначенного периода и отражало сложившиеся ритуалы в научном дискурсе.

Стенограммы заседаний наглядно прорисовывают характерную для рассматриваемого времени ситуацию, когда «покаяние» выступало одной из моделей поведения. Общим для всех было признание в собственной «утере бдительности» и оправдательный момент в свою сторону, варьировалась только форма признательного покаяния. Различие в модели поведения заключалось в том, что одни признавали («верными» / «справедливыми» / «обоснованными») все поставленные им в вину ошибки, другие лишь частично, третьи тут же переводили «острие критики» на своего обвинителя. Язык выступлений историков на проходивших в рамках «проработочных» кампаний 1940–1950-х гг. заседаниях в общем коррелировался с языком партийных постановлений.

Необходимая социализация историка-профессионала во все времена влечет за собой тот факт, что определенным правилам игры историк вынужден подчиняться всегда. В то же время, не следует думать, что мар-

ксистская фразеология была сплошь лишь условностью, необходимым и неизбежным словесным ритуалом. Были историки, для которых марксистская схема составляла, что называется плоть и кровь их мышления, кто в своих работах осознанно использовал возможности марксизма как методологии. Кроме того, исходя из озвученных в ходе заседаний замечаний в адрес Ученого совета и дирекции Института истории в отсутствие инициативы с их стороны, в результате чего все обсуждения были санкционированы партийной периодической печатью, можно констатировать тот факт, что советские историки избегали (насколько это было возможно) критики своих коллег по цеху. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что в научном сообществе историков были достаточно сильны внутринаучные ценности, а не социальный заказ на ту или иную санкционированную сверху идеологическую кампанию.

В.В. Дементьева (Ярославский ГУ)

Научно-образовательный Центр антиковедения как форма профессиональной консолидации гуманитариев

Научно-образовательные центры по самым разным областям знаний стали в последнее пятилетие организационной формой объединения научных коллективов, созданных как для решения исследовательских задач, так и для модернизации учебного процесса. Такие центры отвечают потребностям инновационного развития университетов России, они создаются в целях более активного внедрения научных достижений в образовательный цикл вузовского и послевузовского обучения. Практика показывает, что научно-образовательные центры чаще организуются в области точных (естественных) наук, соответствующие центры гуманитарного профиля создаются гораздо реже. Так, например, в 2006 г. в ЯрГУ были созданы научно-образовательные центры: «Нелинейная динамика», Центр нанотехнологий, Центр инновационного программирования, Центр антиковедения. Как видим, преобладают физико-математические науки, гуманитарные представлены достаточно редким для российских вузов центром, организованным с целью внедрения инновационных образовательных программ и проведения фундаментальных и прикладных исследований в области античной истории, классической археологии, римского права, античной философии и культуры, классической филологии и других антиковедческих дисциплин.

Научно-образовательный Центр антиковедения призван служить консолидирующим органом университетских гуманитариев разного профиля, объединенных тем, что объектом их научных интересов являются те или иные стороны греко-римской цивилизации и ее культурно-историческое наследие. Ядро специалистов, принимающих активное участие в работе Центра, составляют историки. Практика работы нашего

Центра показала, что установлены гораздо более тесные, чем ранее, связи историков и филологов. В меньшей степени тяготеют к совместной работе с историками юристы и философы нашего университета.

Центр антиковедения ЯрГУ стремится играть и сильную консолидирующую роль в рамках сообщества российских антиковедов. Специфика современной ситуации развития отечественного антиковедения состоит в том, что по существу прекратила свою деятельность Ассоциация антиковедов (перестали проводиться даже традиционные июньские конференции Ассоциации), прежние формы налаживания связей в нашей корпорации пришли в упадок. Лакуны и бреши в научном сообществе влекут за собой забвение корпоративных ценностей, корпоративной чести, духа сотрудничества, взаимной поддержки и уважения к труду собратьев по ремеслу. Стираются грани между критикой и злопыхательством, критерии объективной оценки сделанного коллегами, которые вырабатываются именно консолидированным научным сообществом.

К счастью, на смену старым постепенно стали приходиться новые формы объединения, такие, как организация совместных продолжающихся изданий (самым наглядным примером может служить ANTIQVITAS AETERNA, созданный совместно КГУ, СГУ и ННГУ). Представляется, что такими «центрами притяжения» специалистов могут и должны служить профильные научно-образовательные Центры.

Наш Центр прилагает усилия к тому, чтобы устанавливать связи в следующих направлениях:

- между античниками нашей страны,
- между антиковедами России и других стран,
- между антиковедами и специалистами по другим историческим эпохам (в первую очередь, медиэвистами).

В рамках развития контактов по этим направлениям Центр антиковедения ЯрГУ провел следующие научные мероприятия:

В декабре 2006 г. совместно с ИВИ РАН (Центр по интеграции вузовской и академической науки) был проведен семинар «Античный полис: проблемы изучения и методики преподавания». В нем приняли участие 53 специалиста из 23 научных учреждений (университетов и академических институтов) России, Латвии и Украины. Работа семинара включала в себя доклады и сообщения, круглые столы с обсуждением ключевых вопросов. В апреле 2007 г. Центр антиковедения организовал при поддержке университета г. Бремена (Германия) и провел в ЯрГУ российско-германскую научную конференцию «Народ и демократия в древности», проблематика которой была обращена к античным истокам формирования современных европейских политических парадигм. Участие в конференции приняли 13 немецких и 13 российских специалистов. В мае 2009 г. совместно с ИВИ РАН (Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени) была проведена международная научная конференция «Город в Античности и Средневе-

ковье: общеевропейский контекст». В ней приняло участие 103 человека, из них 78 специалистов (антиковедов и медиевистов) сделали доклады на заседаниях конференции, 25 представили письменные доклады. Участники конференции прибыли из 5 стран.

Профессиональная коммуникация в современных условиях информационного общества во многом связана с формированием системы накопления и обмена специальной информацией, необходимой для научных исследований и преподавания. Наличие профильного Центра позволяет создавать базы данных для антиковедческих штудий – источников и исследовательской литературы. Поскольку наш Центр оборудован компьютерной техникой, это дает возможность накапливать информационные ресурсы. Сейчас установлен программный продукт DSpace, который позволяет каталогизировать имеющуюся информацию. Насущной задачей является создание собственной странички в Интернете, что будет способствовать налаженному информационному обмену с коллегами.

В целом, наличие научно-образовательного Центра по такой комплексной отрасли гуманитарного знания как антиковедение создаст дополнительные возможности междисциплинарных связей, многоканальной профессиональной коммуникации, что неизбежно должно консолидировать сообщество исследователей-гуманитариев.

Д.Б. Вершинина (Пермский ГУ)

Научное сообщество гендерологов: проблемы и перспективы развития

Начало XXI столетия вошло в историю гуманитарного сообщества как время бурного расцвета гендерных исследований. С ростом интереса исследователей к проблемам женского движения, участия женщин в политической, культурной жизни тех или иных стран, в том числе и России, намечился и ряд серьезных проблем, от преодоления которых зависят перспективы всего направления гендерных штудий.

На Западе гендерный подход явился достаточно органичным и закономерным развитием женских исследований, внедрение которых в гуманитарные науки, в свою очередь, стало возможным только с возрождением феминизма второй волны в конце 1960-х гг. Возникшее в рамках женского движения стремление придать феминистскому сознанию теоретическую направленность привело к тому, что во многих западных университетах повсеместно возникли центры «женских исследований» (Women's Studies). Эти исследования были направлены на «возвращение» женщин в историю и другие гуманитарные и социальные науки.

«Академизация» феминизма не только привела к внедрению курсов по женским исследованиям; она, как пишет С.Г. Айвазова, «в принципе изменила общественные представления о содержании демократии, заста-

вила увидеть многогранность, многоликость, “пестроту” социального пространства...» (Айвазова С.Г. К истории феминизма // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 166).

В то же время ярко выраженный «феминистский акцент» стал причиной определенного изоляционизма нового направления. Как отмечала американская феминистка Тереза де Лауретис, «Women's Studies жестко идентифицировались с феминизмом и вскоре стали выглядеть как своего рода “гетто”... появился дух идеологической и интеллектуальной замкнутости» (Де Лауретис Т. Американский Фрейд // Введение в гендерные исследования. Ч. 2. Харьков, 2001. С. 35). Однако феминистки стремились не только противопоставить себя классическим наукам, но и привлечь как можно больше сторонников; поэтому выход был найден в кардинальном смещении акцентов от женских исследований к исследованиям гендерным (Gender Studies), которые изучали уже не просто женщин, а отношения между полами и давали многим исследователям возможность уйти от радикального феминистского дискурса.

Одним из важнейших признаков новой концепции явилась ее нейтральность, поскольку допускались не только женские, но и мужские исследования, а объектом изучения становились не два пола, изолированные друг от друга, а «акцентация взаимной соотнесенности и взаимоопределенности понятий «мужского и женского» (Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002. С. 15). Американская исследовательница Джоан Скотт отмечала в связи с этим: «те, кто боялись, что женские исследования сосредотачиваются слишком узко или отдельно на женщинах, использовали термин гендер для введения относительности (relational notion) в наш аналитический словарь. Согласно этому взгляду, женщины и мужчины определяются в терминах друг друга, понимание ни тех, ни других не может быть достигнуто отдельным изучением» (Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Ч. 2. С. 406). Ключевой категорией анализа, таким образом, становилось понятие «гендер», введение которого в научный оборот ставило задачу отхода от биологического детерминизма в объяснении всех социокультурных различий, связанных с полом.

Если в западных странах появление женских исследований произошло в конце 1960-х гг., а становление гендерного подхода относилось уже к началу 1980-х гг., то в отечественной науке вплоть до рубежа 1980–1990-х гг. не шло речи ни о женских, ни о гендерных штудиях. С началом перестройки, с допущением плюрализма научных направлений стало возможным восстановление в статусе актуального и нерешенного «женского вопроса», за чем последовала постепенная институционализация женской проблематики в гуманитарном научном знании. Однако более позднее развитие подобных тематик в отечественной науке привело к тому, что российские исследователи (чаще исследовательницы) с самого

начала стали воспринимать гендерную теорию в качестве методологической базы своей научной деятельности. В результате проблема, которая на Западе стояла достаточно остро, но относительно быстро была преодолена, в России до сих пор является главным дискуссионным вопросом всего нового направления. Этот вопрос формулируется следующим образом: возможно ли быть гендерологом, не разделяя феминистских идей?

Действительно, сами феминистки отнюдь не однозначно оценивают переход от женских исследований к гендерным. Многие считают, что это скрытая диверсия противников феминизма; другие полагают, что следует говорить о естественном развитии науки, которое привело к появлению гендерных исследований. По мнению Н.Л. Пушкаревой, нельзя не признать, что «в итоге “перемены вывесок” число исследователей женской и гендерной темы выросло. В нашу науку, к нашему направлению оказались привлечены те, кто ранее о феминизме не помышлял и за тему по женской истории ранее ни за что не взялся бы, в том числе и мужчины-исследователи. Так или иначе, через них – как через медиаторов – мы можем теперь транслировать, доносить какие-то свои идеи до тех, кто ранее бы с презрением отказался даже слушать что-то об “этих истеричных бабах, которые все время рвутся к власти”» (Пушкарева Н.Л. Семинар по курсу «Женские и гендерные исследования в истории: методология и методика» // http://kcgs.org.ua/RUSSIAN/seminar_pushkareva.html).

Оптимистичный взгляд Н.Л. Пушкаревой, казалось, позволяет делать вывод о неизбежности кооперации и сотрудничества отечественных гендерологов, однако приходится признать, что если в западной гендерологии вполне устоявшейся является тесная связь занятий гендерной проблематикой с личной феминистской позицией автора, то в России до сих пор немало исследователей сознательно отмежевываются от ценностей феминизма, а значит, от гендерной теории в целом. В качестве примера можно привести межвузовский сборник «Гендерная история: pro et contra», один из авторов которого пишет о том, что «на данной стадии, учитывая спонтанный характер утверждения в реальной практике вновь возникающих научных дисциплин и направлений, более важным представляется не легализация “гендерной истории”, а недопущение ее излишней экспансии» (Носков В.В. История и «гендерная история» // Гендерная история: pro et contra. СПб., 2000. С. 43).

Представляется, что российская гендерология все же должна постепенно прийти к тому же выводу, что и западная, и неизбежно соотнести гендерную теорию с феминистскими ценностями и принципами, ведь гендер так или иначе оказывается системой, которая переводит различия между женщинами и мужчинами в отношения власти и подчинения. Соответственно именно на основе феминистской идеологии и возможна консолидация научного сообщества гендерологов.

Большаковские Чтения как центр консолидации специалистов по истории культуры Южно-Уральского региона в начале XXI века

Леонид Наумович Большаков (1924–2004) – известный писатель, литературовед, краевед, Почетный гражданин города Оренбурга. За свою творческую жизнь Л.Н. Большаков сумел познакомить читателей со многими неизвестными страницами в истории литературы Урала, «открыть» и незнакомые ранее имена, и неизвестные произведения. Новыми материалами обогатилась наука о Л. Толстом, были дополнены страницы биографий А. Фадеева, Н. Островского, М. Джалиля... Благодаря исследовательской деятельности Л.Н. Большакова Южный Урал стал одним из крупных центров шевченковедения. О судьбе Т. Шевченко Леонид Наумович написал более 20 книг, среди которых – трехтомная «Быль о Тарасе», подробный комментарий Дневника Шевченко периода его оренбургской ссылки. Ни одно имя, инициалы, географическое название, упомянутое на страницах Дневника, не выпали из поля зрения исследователя, не остались без пояснения. Деятельность мыслителя в этой области была удостоена Государственной премии Украины. К числу «новых слов», сказанных в науке Л.Н. Большаковым, можно также отнести региональные литературные энциклопедии – Оренбургскую Шевченковскую, Оренбургскую Пушкинскую и Оренбургскую Толстовскую энциклопедии. Л.Н. Большаков фундаментально исследовал историю Оренбургского тайного общества, создав триптих об «оренбургских декабристах».

Большаковские чтения были впервые проведены в марте 2005 г., через полгода после кончины Л.Н. Большакова. Инициатором их проведения стал Оренбургский государственный университет, в структуре которого в течение 10 лет действовал Научно-исследовательский институт Тараса Шевченко, возглавляемый Леонидом Наумовичем. **Первые Большаковские Чтения** прошли в значительной степени экспромтом и носили мемориальный характер. Но уже тогда идея проведения Большаковских Чтений имела положительный резонанс, о чем свидетельствуют отклики известных столичных и региональных ученых. К Первым чтениям издательство ОГУ выпустило полный библиографический указатель трудов Леонида Наумовича, который как нельзя лучше свидетельствовал не только о колоссальном научном наследии, но и о многообразии интересов исследователя. Поэтому основной концепцией Большаковских чтений сразу же стала междисциплинарность. Было принято Положение о Большаковских Чтениях как регулярной региональной научно-практической конференции по проблематике «Культура Оренбургского края: история и современность». В Положении указывалось, что «основной задачей и концепцией Большаковских Чтений является создание площадки для объединения усилий ученых различных специальностей

(культурологов, историков, филологов, искусствоведов и др.) в деле изучения культуры Оренбургского края во всем ее многообразии». Тогда же было решено проводить последующие Большаковские Чтения в марте, приурочив их к празднику «Шевченковский март» (большого культурного события в жизни Оренбурга и всего Оренбургского края), главным идейным вдохновителем и организатором которого был Леонид Наумович.

Вторые Большаковские чтения прошли в марте 2006 г. уже под эгидой Администрации города Оренбурга. Это уже была полноценная региональная научно-практическая конференция, в которой прослеживалась четкая тематическая направленность: мемориальный отдел; культура повседневности и культурный облик оренбуржца; этносы и конфессии в культуре Оренбургского края; образовательные традиции Оренбуржья; книжное дело и библиофильство; художественная культура Оренбургского края; человек в пространстве региональной культуры. Эти темы стали традиционными и для последующих Большаковских Чтений. Доклады на Чтения представили 38 авторов – от студентов до докторов наук (6 докторов и 15 кандидатов наук). Оргкомитет конференции провел большую работу по привлечению к работе Чтений иногородних участников – Москва, Петербург, Астрахань, Уфа, Краснодарский край. И такой подход также стал традиционной чертой Чтений. В ходе Чтений выступали творческие коллективы, звучали украинские народные песни, декламация стихотворений Т.Г. Шевченко, что, несомненно, украсило научный форум и стало еще одной традицией.

Третьи Большаковские чтения были проведены в марте 2007 г. В них были сохранены основные традиции, однако удалось добиться усиления авторского коллектива: 10 докторов, 17 кандидатов наук, заслуженные деятели науки и культуры, и конечно практические работники культуры (в первую очередь, библиотекари). Организаторы отказались от практики широкого привлечения к работе Чтений студентов и аспирантов, сделав ставку на сложившихся исследователей. Новыми моментами, способствовавшими дальнейшему росту авторитета Чтений стали: пристальное внимание участников к теоретическим основам изучения культуры Оренбургского края (выступления чл.-корр. РАН А.А. Чибилева, профессоров М.Н. Ефименко, Н.А. Каргапольцевой, Г.Г. Коломиеца, Ю.Ш. Стрелец, Т.А. Камской и др.); Чтения обрели свой дом в Центральной городской библиотеке им. Н.А. Некрасова, в которой сложилась атмосфера теплоты и радушия; было принято решение проводить Чтения регулярно один раз в два года.

Четвертые Большаковские чтения прошли, как и планировалось, в марте 2009 г. и были приурочены сразу к трем знаменательным датам: 265-летию образования Оренбургской губернии, 195-летию со дня рождения Тараса Шевченко и 85-летию со дня рождения Л. Большакова. В изданном альманахе Чтений среди авторов 45 статей 11 докторов и 24 кандидата наук. На его страницах представлены результаты исследований

коллеги из всех основных вузов Оренбуржья; впервые к обсуждению проблем культурного строительства Оренбуржья активно подключились, помимо работников библиотек, работники архивной отрасли. Приезд и выступления на пленарном заседании Чтений крупных литературоведов, профессоров А.А. и В.Н. Галич (Луганск, Украина) вызвали широкий резонанс у оренбургской общественности, отклики в прессе.

Большаковские чтения стали городской традицией, имиджевым мероприятием для Оренбурга. Можно констатировать и то, что Чтения и сборники материалов, вышедшие на их основе, привлекли внимание российской научной общественности. Принято решение, что на базе Большаковских (Оренбург), Бирюковских (Челябинск) и Краеведческих (Москва) чтений, при поддержке Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Союза краеведов России, один раз в пять лет проводить Объединенные краеведческие чтения – своеобразный «смотр» краеведческого потенциала новой России. Включенность Большаковских чтений в этот процесс является показателем прочного положения, которое они занимают в ряду других региональных форумов аналогичной направленности.

Таким образом, Большаковские чтения за короткое, но весьма продуктивное время своего существования, опираясь на авторитет ушедшего из жизни мыслителя и сложившуюся инициативную группу специалистов, смогли стать своеобразным центром внутри- и межрегиональной консолидации специалистов по истории и современному состоянию культуры Южно-Уральского региона.

О.В. Золотарев (Коми пединститут, Сыктывкар)

Общество изучения Коми края

После окончания гражданской войны значительная часть интеллигенции была настроена на сотрудничество с новой властью и содействовала ей в возрождении страны. Данным переменам способствовало то, что руководство большевистской партии пыталось сдерживать стремление к диктату в сфере научного и творческого труда. Это обстоятельство в определенной степени развязывало инициативу интеллигенции. В сфере исторической науки это, в частности, выразилось в бурном росте интереса к краеведению. В немалой степени данный интерес поддерживался и благодаря неординарной личности лидера краеведческого движения В.И. Гревса.

В Коми крае эти инициативы ученых совпали с процессом образования Зырянской автономии в августе 1921 г., что значительно усилило интерес общества к национальной истории и культуре. Данное стечение обстоятельств не просто создавало весьма благоприятные условия для развития краеведения, перехода от краеведческих к подлинно научным

исследованиям, но и способствовало созданию коми национальной интеллигенции, ядром формирования которой стало Общество изучения Коми края.

Еще в октябре 1921 г. группой усть-сысольских интеллигентов было организовано собрание, участники которого приняли решение – учредить Общество изучения Коми края. Однако организационные трудности не позволили Обществу начать свою работу. Более успешной была вторая попытка – в мае 1922 г. Общество изучения Коми края (ОИКК), согласно принятому в 1923 г. Уставу, состояло из двух отделов: историко-этнографического (в нем выделились секции: историческая, этнографическая, литературных работников и лингвистики) и экономического. В планах была организация научных командировок и экспедиций, лабораторий, экскурсий, выставок, публикация краеведческих трудов, подготовка докладов, создание научной библиотеки. На первых порах Общество возглавлял профессор А.Н. Грен. Благодаря поддержке краеведов со стороны областного руководства и активной работе самого ОИКК происходит быстрый рост популярности краеведческого движения, растут его ряды. Открываются отделения (кружки) краеведов во многих селах автономии (Айкино, Ижма и др.), к движению присоединяются землячества коми студентов в вузах Москвы, Ленинграда, Перми, Вятки. К концу 1920-х гг. Общество объединяло уже свыше 500 человек. В рядах ОИКК были как краеведы-любители (А.А. Чеусов, А.М. Мартюшев и др.), так и ученые-профессионалы (А.С. Сидоров, В.И. Лыткин и др.) и общественные деятели (Я.Ф. Потапов и др.).

Для координации работы ученых-краеведов ОИКК в 1925 г. проводит Коми областную краеведческую конференцию, в 1929 г. – лингвистическую конференцию.

Главной сферой деятельности ОИКК были, конечно, научные изыскания. В течение нескольких лет Общество изучало изменения в общественной и экономической жизни края, природные ресурсы земли Коми, содержало на свои средства краеведческий музей, вело метеорологические наблюдения. Активно работали над лингвистическими исследованиями. Члены ОИКК инициировали бурные дискуссии о коми алфавите, литературных нормах коми языка и иным проблемам в местной печати, на проводимых научных конференциях. Тон в них задавали В.И. Лыткин, А.Н. Грен, В.А. Молодцов. Действовала и Комиссия по собиранию словаря коми языка. Первые опыты делало в автономии литературоведение. Было начато научное изучение наследия основателя коми литературы И.А. Куратова, подготовлено к печати собрание сочинений известного коми ученого К.Ф. Жакова.

Весьма многосторонней была и историко-краеведческая деятельность Общества. Особое внимание уделялось членами ОИКК проблемам, связанным с расселением народа коми, вхождением территории Зырянского края в состав Русского государства. Подобный интерес был легко

объясним в период становления Коми государственности, определения границ автономии. Не обошлось и без перегибов. В журнале «Коми му», издаваемым при участии ОИКК, в 1927–28 гг. был опубликован ряд статей И. Мошегова, в которых была сделана попытка возродить миф о древнем могущественном государстве Биармия, до прихода русских якобы объединявшем северные народы, шла речь о «древнем величии и культуре народа коми».

Рассматривались и иные вопросы, связанные с историей Коми земли: деятельность Сереговского и Кажимского заводов, строительство Северо-Екатерининского канала, положение коми крестьянства и т.д. Немалое внимание краеведами было уделено поиску новых источников по истории Коми края. В частности, А.А. Цембер опубликовал несколько документов XVII–XVIII вв., ряд статей был посвящен анализу таких материалов, как «Житие Стефана Пермского», записок А. Бранда и др. Довольно серьезным был подход к этнографическим исследованиям. Был организован ряд экспедиций, давших материалы, положившие начало изучению хозяйственных занятий, быта, культуры и верований народа коми. Наибольшее внимание уделялось сбору и изучению коми фольклора.

Помимо научной деятельности, ОИКК вело значительную культурно-просветительскую работу. Прежде всего, Общество оказало немалую помощь школам в освоении краеведческого дела. Краеведы участвовали в адаптации ГУСовских программ к местным условиям, содействовали организации в образовательных учреждениях кружков, музеев и т.п. Это стимулировало интерес учащихся к знанию истории, географии и экономики родного края. Помимо работы с образовательными структурами, члены Общества читали лекции и доклады, выступали с научно-популярными статьями в местной прессе. Только за 1923 год ими было прочитано 11 докладов (в основном по истории, географии, экономике края). В целях привлечения населения области к краеведческой работе члены Общества разработали программы по археологическим, фенологическим и иным аспектам изучения Коми земли. Общество имело солидную библиотеку (2,2 тыс. томов, к концу 20-х годов она выросла почти до 10 тыс. томов), издавало свой журнал – «Коми му» («Коми край»). Этот журнал отмечался центральной прессой как «особо интересный и содержательный» (Краеведение. 1925. № 4. С. 474). Всего в рамках своих научных изысканий члены Общества подготовили 64 книги, посвященные истории, природе и экономике Коми края. Издавались и «Записки Общества изучения Коми края» (вышло 5 номеров).

Благодаря усилиям Общества активизировал свою работу краеведческий музей в Усть-Сысольске. Он обрел статус областного, получил новое, гораздо более обширное помещение, шло активное пополнение музейных фондов. Стараниями краеведов (прежде всего, А.А. Цембера) в 1922 г. был открыт Областной архив. По представлению ОИКК в мае

1924 г. Коми облисполком издал постановление об охране памятников искусства, природы и старины на территории Коми автономии.

Конечно, коми краеведы осознавали, что они делают пока первые шаги на пути научного изучения родного края. Поэтому они придавали огромное значение установлению прочных научных связей со своими коллегами из Академии наук СССР, сообществами ученых. ОИКК поддерживало и международные связи (Эстония, Финляндия, Венгрия, США, Англия, Германия, Канада, Китай и др.). Всего Общество имело постоянные научные связи с более чем 50 научными учреждениями в СССР и 15 заграничными (См.: Коми му. 1925. № 1. С. 51-53; № 4-5. С. 83; Коми просвещенец. 1927. № 1. С. 57).

ОИКК разрабатывались и далеко идущие планы научных исследований. В 1926 г. тогдашний Председатель Общества Д.А. Батиев предложил проект создания Коми промышленно-исследовательского института, который бы находился в ведении Главнауки. Звучали и другие предложения. Но эти проекты так и не были осуществлены по весьма прозаической причине – отсутствию средств.

К концу 20-х годов политический климат страны значительно изменился, активно шел процесс усиления контроля над всеми сферами жизни, в том числе науки и культуры, что весьма негативно сказалось на краеведческом движении, ведь власти настороженно стали относиться к творческой инициативе, самостоятельности масс. Развернулась и борьба против «идеализации старины», особо агрессивный характер она приняла в национальных регионах. Краеведение пытались свести к изучению производительных сил регионов, а вопросы, связанные с местной историей, культурой и бытом, как полагали власти, только отвлекали людей от строительства, а потому были ненужными и даже вредными. Ученых, которые пытались продолжать заниматься этими проблемами, нередко объявляли даже «вредителями».

Начались гонения на краеведов и в Коми автономии. Их отстранили от участия в журнале «Коми му» (весной 1930 г. журнал был закрыт). Прекратилось и издание «Записок» ОИКК. В результате остались неопубликованными многие подготовленные солидные научные труды (в частности, «История коми народа» А.А. Чеусова). Предчувствуя надвигающуюся грозу, руководство Общества в мае 1931 г. приняло решение о его самоликвидации. Однако это не спасло от репрессий многих членов ОИКК... Уже после роспуска Общества в журнале «Советское краеведение» появилась разгромная статья о деятельности ОИКК. Движение коми краеведов характеризовалось как «оппортунистическое ликвидаторство» (См.: Озеров П. За решительный перелом в краеведном движении в Коми области // Советское краеведение. 1932. № 2).

Однако к тому времени благодаря деятельности объединения краеведов становление науки в Коми крае продвинулись далеко вперед. Большая краеведческая работа ОИКК имела значительное влияние, как на

становление научных исследований, так и на процесс культурного просвещения народа коми. Оно было первым объединением, соединявшим в своих рядах зарождающуюся коми интеллигенцию. Более того, можно говорить, что именно из Общества изучения Коми края фактически выросла коми национальная интеллигенция.

Ю.Э. Лупинович (Белорусский ГУ, Минск)

Татарский музей Вильно как фактор консолидации и сохранения историко-культурного наследия нации

Переоценка нравственных ценностей и поиск новых идеалов заставили общество по-новому взглянуть на культурное наследие и общественное сознание. Смена власти, политического курса всегда требует по-новому взглянуть на всю предшествующую традицию. В периоды, когда свершается история настоящего момента и переписывается история предыдущей эпохи, музей предстает как хранитель аутентичной информации в виде реальных вещей. Статус музея в культуре обычно возрастает в переломные периоды, когда общество встает перед необходимостью выработать новую идеологию взамен старой. Ведь музей в его возникновении, функционировании и развитии прямо связан с культурно-историческим наследием, память о котором во многом зависит от его оценки, понимания и восприятия последующими поколениями.

В вопросах изучения и осмысления своего прошлого, исторического опыта, культуры и традиций народа важную и активную роль приобретает задача исследования формирования и развития музеев этнической культуры, монокультуры. В 20–30 годы XX в. Вильно считался наиболее значимым общественно-культурным центром Западной Беларуси. Изучение музейной сферы Вильно позволяет утверждать о наличии здесь в межвоенный период разветвленной сети музеев.

Уровень историографической освещенности истории музейного дела в Беларуси неодинаков. Существуют музеи, история которых изучена слабо или не изучена совсем. К таковым относится и Татарский музей, сведения о существовании и музейном собрании которого сводятся, в основном, к нескольким упоминаниям в туристических путеводителях и сохранившемуся в библиотеке Варшавского университета Каталогу данного музея. Следует согласиться, что Татарский музей выступает как средство адаптации человека в культурной среде, а его пространство с овеществленной в музейных предметах информацией, концентрирует опыт культуры.

Татарский Национальный музей в Вильно был открыт в 1929 г. И находился в ведении Центральной Рады Культурно-Просвещенческого Союза Татар. Целью музея было изучение, демонстрация и популяризация истории татар в Польше, народов Востока и мусульманских праздни-

ков. По материалам журнала «Nauka Polska» за 1930 г. в музее насчитывалось 104 ед. хранения. Самыми ценными признавались документы XVI в., касающиеся истории татар и Корана. При музее также действовала библиотека, в составе которой насчитывалось несколько десятков книг и публикаций. Главным хранителем музея, а также инициатором его создания был Л. Крычинский.

Согласно Каталогу Татарского Национального музея, особо ценные музейные предметы хранились в специальных витринах.

Витрина I: 1) Коран. Рукопись. Дар Зофьи Лединской. 2) Коран. Текст арабский. Рукопись XVIII в. местного происхождения. 3) Коран. Текст арабский. Рукопись турецкого происхождения 1217 г. 4) Коран. Текст арабский. Рукопись XVIII в. турецкого происхождения. 5) О религиозной обрядности. Турецкая рукопись 1423 г. 6) Шесть арабских монет XIII в. 7) Описание траурной церемонии в связи со смертью Т. Костошко, проходившей в кафедральном костеле Минска 7 марта 1818 г.

Витрина II: 1) «Право Ахмета Улана Асанчуковича на дворец Занишский...». Рукопись на старобелорусском языке. 1521. 2) «Право осуществлять продажу в Занишках Янбеку Кадышевичу...». Рукопись XVI в. на старобелорусском языке. 3) «Акт наследования земли в Селище Селимом Кадышевичем от брата Куромши...». Рукопись на старобелорусском языке. 1528. 4) «Право продажи от Давида Сулкевича Янови Сулкевичевой части Лостаи...». 1755. 5) Военная карта № 19652 Ал. Сулкевича. 1914. 6) Военный пропуск Ал. Сулкевича от 10 марта 1916 г. 7) Воззвание Комиссариата виленского повета от имени Польской Народной организации. 1914. 8) Воззвание Комиссариата лодьского повета к населению в деле Польской народной Организации от 28 окт. 1914 г. 9) Письмо Г. Даниловского к Ал. Сулкевичу. 10) Письмо премьер-министра Крымской Республики генерала-лейтенанта М. Сулкевича к министру юстиции Ал. Ахматовичу от 12 авг. 1918 г. 11) Поэзия А. Мицкевича. Юбилейное издание 1798-1898. Варшава. 1898. 12) Три письма Ст. Беляка к жене (11.05.1899; 23.06.1899; 05.09.1899) (Katalog Tatarskiego Muzeum Narodowego wWilnie. Wilno, Wyd. Rady Centralnej Związku Kulturalno-Oświatowego Tatarów Rzeczypospolitej Polskiej. 1929. S. 3-51).

В составе музейного собрания стоит также выделить и другие музейные предметы, обладающие научной, художественной, исторической и мемориальной ценностью (знак отличия татарского легкоконного польского полка гвардии Наполеона. 1812. (фото); офицеры дивизии Третьего Татарского полка конных стрельцов. Лунинец. 1921; Пинск. 1921. (2 фото); подхорунжий Татарского полка уланов А. Рудинский. 1919. (фото); директор Крымско-Татарской Национальной Директории по военным вопросам Дж. Сейдамет и муфтий польских и крымских татар Ч. Челеби. 1918. (фото); представители Крымско-Татарской Национальной Директории с коллегами. Симферополь. 1918. (фото); татарские ворота в Вильно.

1912. (фото); союз студентов польских татар в Петербурге в 1907–1909 гг. (фото); мечеть в Довбучках Молодеченского повета. 1928. (6 фото).

Анализ музейного собрания позволяет говорить, что оно представляло собой массив письменных документов, который в заданном пространстве не предполагал ни зрительной, ни научной совместимости. Но наряду с привычными научно-исследовательскими музеями природоведческого, этнографического, исторического, художественного профиля, существовавших в исследуемый период в Вильно, Татарский музей выступает как символ консолидации нации (Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства. Ф. 3. Оп. 1. Д. 12. Л. 3).

Какой бы ни была история музея и процесс его комплектования – это история отношения к культурному наследию, его изучению, сохранению, воспроизводству. Именно поэтому она заслуживает внимательного изучения, теоретического осмысления накопленного опыта, позволяющего не только расширить исторический кругозор, но и более глубоко осознать его роль в формировании национального самосознания. Изучение музейного собрания данного музея становится мощным толчком к познанию истории и культуры различных регионов и может стать убедительным ответом на существующее в современном обществе мнение об обесценивании и дискредитации культурных традиций. В целом, наличие Татарского музея в Вильно можно рассматривать не только как вариант того, как проходило формирование фонда национальных культурно-исторических ценностей татар за границей, но и как социальный заказ, определивший многообразие музейного мира Западной Беларуси.

Е.М. Макаренко (Институт всеобщей истории РАН)

Православная культурная традиция в диалоге с католическим сознанием: Общество «Икона». Франция XX век

История Русского Зарубежья – яркий пример «встречи» культур и цивилизаций в современном мире. Тема национального зарубежья охватывает колоссальный объем проблем от конкретно-исторических до самых общих, включая трактовку определения «нация», «духовное единство» и т.п. Публикация библиографических обзоров, диссертаций, защищенных по тематике Русского Зарубежья за последние 10 лет, включающих все новые имена – свидетельство неослабевающего интереса ученых к многомерности русской культуры в изгнании и метрополии. На мой взгляд, студентам, будущим историкам и культурологам необходимо знакомство с историей Русского Зарубежья как носителя альтернативного пути развития, ставшего актуальным для многих наших соотечественников, покинувших пределы Родины под воздействием внутренних и внешних катаклизмов революционной драмы 1917 г. Значительный культурный пласт творческого наследия эмигрантов долгое время находился в

забвении, но постепенно возвращается на родину и требует не только всесторонних научных исследований, которые ведутся полным ходом, но и широкой популяризации этого опыта в лекционных курсах и учебных пособиях для вузов и других образовательных учреждений.

Следует отметить, что, несмотря на широту исследования различных направлений истории русской эмиграции до сих пор ощущается недостаток в анализе психологических особенностей и самого механизма ее культурной адаптации в рамках нового жизненного пространства. С начала 1990-х годов адекватной моделью изучения психологической адаптации эмигрантов считается так называемый стресс аккультурации. Аккультурация имеет место тогда, когда группы индивидов из разных культур вступают в непосредственный и продолжительный контакт, последствиями которого являются изменения элементов их оригинальной культуры. Выделяют четыре основных стратегии аккультурации: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция.

В настоящее время в специальной литературе можно встретить понятие культурного шока, куда входит целый комплекс психологических, духовных, интеллектуальных проблем, которые ставили человека в новой среде на грань душевного срыва, зачастую приводя к распаду личности. Среди психологических факторов, оказывающих наибольшее воздействие на сознание и духовный мир русских эмигрантов, были чувство утраты и тоски по родине, понижение социального статуса и языковой барьер, разрыв родственных связей, социальная невостребованность личности в чужом обществе, невозможность интеллектуальной и профессиональной самореализации.

Долгое время считалось, что ассимиляция с доминирующей культурой – лучший вариант культурной адаптации. Современный взгляд на данную проблему выделяет интеграцию как более успешную стратегию. При этом сохранение этнической идентичности, ранее рассматриваемое как помеха на пути адаптации, может играть важную роль в поддержании позитивного статуса. Опыт Общества «Икона», созданного духовными единомышленниками в 1927 г. в Париже, служит наглядным образцом эволюции культурной адаптации русских эмигрантов, переживших «смену волн» и поколений. Детищем «Иконы» стали знаменитые ныне памятники архитектуры, искусства, особенно иконописи.

В 1920-е гг. в Париже было основано восемь русских высших учебных заведений, в том числе отделений и курсов: русские отделения при Парижском университете, Франко-русский институт, Русский народный университет, Русский коммерческий институт, Высший технический институт, Русский политехнический институт, Русская консерватория. Наиболее престижными считались курсы при Сорбонне, где работало более 40 известных русских ученых.

Следует отметить, что характерной чертой этой эмигрантской культурной и общественной активности было то, что в основу создания и дея-

тельности абсолютного большинства общественных, культурных и профессиональных организаций в Париже была заложена национальная идея, отодвигавшая на второй план узкопрофессиональные, «цеховые», интересы. Именно здесь, в особенностях культурной жизни, в идее сохранения и развития национальной культуры, лучше всего отразились мессианские настроения эмигрантов. В этом же ключе следует рассматривать и историю создания Общества «Икона», возникшего под воздействием богословского Института в Париже в 1927 г.

Появление в 2002 г. двухтомного издания документов Общества «Икона», выпущенного московским издательством «Прогресс-Традиция», является подтверждением общепринятой идеи о том, что ценности государственного строя России всегда были неразрывно связаны с православием и его стремлением к возвеличиванию державной власти. Понять причины возникновения и значение деятельности этого Общества, которое в 2002 г. отметило свой 75-й юбилей, значит ответить на вопрос о том, каким образом и с помощью какого механизма русским во Франции удалось воссоздать параллельную Россию с ее традиционными ценностями в рамках мощной западноевропейской культуры.

Инициативную роль на начальном этапе истории Общества взяла на себя семья Рябушинских, а точнее Владимир Павлович Рябушинский, под руководством которого «Икона» переросла рамки организации по распространению знаний только в русской и французской среде и приобрела общекультурное значение. У основания Общества стояли такие известные деятели русского искусства как С. Маковский, И. Билибин, П. Муратов, а также крупный московский меценат, гурман и художник князь С. Щербатов. Однако роль лидера в этом движении по праву принадлежит В.П. Рябушинскому.

С самого начала своей практической деятельности члены Общества «Икона» руководствовались идеей возрождения и продолжения традиций древнего русского иконописания. Согласно уставу Общества, среди почитателей древнерусского искусства наметились три направления деятельности: 1) изучение икон как памятников национального русского творчества и понимание их красоты; 2) богословское и каноническое изучение икон, с точки зрения их церковного и литургического содержания; 3) продолжение искусства иконы для церковных целей и для молитвенных надобностей. Оценивая икону как произведение кисти и явление духа одновременно члены Общества всей своей деятельностью направляли молодое поколение русских эмигрантов в русло русской культуры и поддержанию здоровых национальных традиций. Их патриотический порыв становился как бы частью широкой программы православного воспитания и просвещения, развернутой русской зарубежной церковью.

Межвоенное время было этапом расцвета Общества. В этот период у него сложились контакты с известными учеными во Франции и России, устраивались выставки и лекции. «Икона» охотно входила в творческие

сношения с другими многочисленными историко-культурными эмигрантскими организациями. Одним из главных направлений ее деятельности по-прежнему оставалось выставочное: речь идет как о выставках старых икон, так и новых, писанных по древним образцам. Всего между 1928 и 1968 годами было организовано 42 выставки. Наиболее значительными в жизни Общества были две: 22-я, состоявшаяся в Женеве в июне-сентябре 1938 года по случаю 950-летия Крещения Руси, и 41-я – в ноябре 1988 года в Париже, устроенная к широко отмечаемому празднику 1000-летия Крещения Руси.

В годы Второй мировой войны деятельность «Иконы» почти замерла и впоследствии с трудом удалось восстановить предвоенную традицию. Однако, все же благодаря деловым и дружественным отношениям В.П. Рябушинского с учеными, искусствоведами и литераторами русского рассеяния не только во Франции, но и в других странах можно смело говорить о прямом взаимодействии и даже о взаимовлиянии культур.

Современное состояние «Иконы» оставляет желать лучшего. К этому следует добавить, что ее архивы в настоящее время только приоткрыты и почти не изучены. Тем не менее, даже этот беглый опыт знакомства с деятельностью православного общества внутри широкой амальгамы многочисленных эмигрантских организаций, важен для понимания процесса культурной адаптации и идентификации русских за рубежом.

Выживание за счет верности национальному менталитету в чужой среде может служить своего рода основой взаимодействия различных социумов в широких межкультурных контактах.

ЧАСТЬ II. ОБЩЕСТВЕННЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ СДВИГОВ

З.А. Чеканцева (Институт всеобщей истории РАН)

Идентичность современного историка и ресурсы дисциплинарной рефлексии

1. Размышление о судьбах исторической науки в современной эпистемологической ситуации предполагает поиск ответа на вопрос, кто такой историк, чем он занимается, какова его роль в социуме. Очевидно, что внутреннее состояние историка является решающим в профессиональной деятельности. Однако проблемы его научной самоидентификации неразрывно связаны с историческим сообществом: «наука – это коллективное предприятие, но с индивидуальной ответственностью» (Б.В. Дубин). Одновременно статус историка и профессиональных сообществ, в которые он включен, зависит от состояния социетальной системы, государства, культуры, образования и множества других вещей. Ситуацию усложняет еще и то обстоятельство, что история принадлежит всем и одновременно никому. Поэтому вопрос об идентичности, социальном статусе историка отнюдь не является чисто академическим. Как разобраться в хитросплетениях «эго» историка, того, чем он занимается и окружающего его мира?

2. Все эти сюжеты уже несколько десятилетий – предмет заинтересованного обсуждения в зарубежной историографии. Например, во Франции, где статус исторического знания весьма высок со времен Третьей республики, историк является центральной фигурой в бесчисленных дискуссиях об исторической дисциплине: ее полях, методах, направлениях, кризисах, природе историописания и его значении в жизни общества/государства. Основные моменты концептуальной переконпоновки поля истории хорошо известны: «возвращение» субъекта, события, обновленной политической истории, обостренный интерес к историческому времени, культурной истории социального, интенсификация исследований мира воображаемого, символического, визуального и проч. Утверждение в качестве центрального понятия коллективной памяти сделали привилегированной территорией исторического осмысления отношения между нацией и историографией. Исследования памяти показали тесное переплетение взаимоотношений истории, памяти и нации. По сути, традиционная историография, долго претендовавшая на роль объективного знания, выдавала себя за «правдивую память», что фактически превращало ее в орудие национального государства. Во Франции «эра идентичности», связанная с доминированием национального нарратива, по мнению специалистов закончилась. Тем не менее, роль историка в осмыслении

происходящего столь же велика, как и во времена создания «французского романа». Правда, историк уже не воспринимается как жрец объективной науки и пророк. Теперь это интерпретатор и посредник в культурном диалоге, активно участвующий в формировании патримониального сознания соотечественников.

3. На постсоветском пространстве до сих пор доминирует представление об истории и историке, сформировавшееся еще в XIX веке. История – это объективная наука о прошлом, связанная с политической конъюнктурой. Это «оружие» (идеологическое, воспитательное, пропагандистское), которое необходимо «правильно» использовать. Историк – это не только носитель «объективной исторической правды», но и «солдат» нации, пропагандист, воспитатель и проч. Впрочем, в историческом сообществе такое представление разделяют далеко не все. Отечественные историки использовали вызовы последних десятилетий для проблематизации устоявшейся научной идентичности историка. Это хорошо прослеживается по материалам авторитетных академических альманахов («Одиссей», «Казус», «Диалог со временем»), озабоченных обновлением исторического познания в нашей стране. Однако как свидетельствуют первые попытки их сравнительного изучения, новые «правила игры» на стремительно меняющемся поле истории формируются медленно, а общий горизонт для взаимодействия этих изданий все еще остается достаточно размытым. Более того, в историческом сообществе высказываются идеи о «конце истории» и неизбежном грядущем упразднении «жрецов Клио». На мой взгляд, это слишком пессимистическое видение ситуации, означающее, помимо прочего, что наше настоящее может не стать прошлым. Продуктивнее поискать способы преодоления накопившихся в сообществе историков проблем. Тем более что «университетская история» страны играет в этом процессе не менее важную роль, чем академические специализированные учреждения.

4. Изменение ситуации предполагает эффективное использование самых разных ресурсов (властных, материальных, организационных, информационных, образовательных и проч.). Я хотела бы обратить внимание на некоторые интеллектуальные ресурсы дисциплинарной рефлексии, пока еще недостаточно проясненные в нашем историческом сообществе: это вопросы о предметном поле истории, ее эпистемологических основаниях, и историографической практике. Является ли сегодня история объективной наукой или это совокупность культурных практик? Какое место в современном производстве исторических текстов занимает эпистемология и историография? Что мы знаем об историческом времени?

5. В исторических сообществах разных стран, как и у нас, сосуществуют различные стратегии профессиональной самоидентификации. Тем не менее, требование отдавать себе отчет о том, что изменилось в способах постижения истории, является важнейшим нормативом мейнстрима современного исторического знания. Иными словами, самоидентифика-

ция историка предполагает ясное понимание того, что значит сегодня заниматься историей. В нашем сообществе до сих пор распространено мнение, что историки делятся на две группы: «практикующие историки» и историки-теоретики (эпистемологи, методологи). И разница между ними, якобы в том, что для первых история пишется по источникам, а вторые увлечены модными теориями, без которых историк вполне может обойтись. Возможно, такое деление действительно сохраняется, но истоки его в том, что многие отечественные историки, не сумев преодолеть методологический вакуум конца 1980–90-х годов, вернулись к старым, проверенным способам историописания: к позитивизму и классическому историзму. Впрочем, чаще всего интуитивно, не задумываясь о содержании этих эпистемологических доктрин и их соответствии современным потребностям исторического познания. Такие методологические предпочтения историков негативно влияют на историческое образование, которое и без того не успевает адаптироваться к темпам эпистемологических трансформаций социальных и гуманитарных наук.

6. Оставляет желать лучшего в нашей стране и состояние «истории историков», особенно на фоне историографического и науковедческого бума за рубежом. Сохраняющаяся в сообществе историков «методологическая аморфность и познавательная неопределенность» (Г.И. Зверева) делают предельно актуальным более основательное включение историографического материала в исследовательское и образовательное пространство. Как показывает опыт, история историографии, понимаемая как новая интеллектуальная история, предполагая вдумчивое освоение пройденного наукой пути, открывает новые возможности для выявления в историческом познании того, что в нем историей не является, а привнесено извне (конъюнктурой, политикой, амбициями корпораций, памятью и проч.).

7. Распространенное представление об истории как науке об ушедшем в небытие «прошлом» не вполне адекватно современному состоянию исторического познания. Еще М. Хайдеггер связывал такое представление с объективизмом в восприятии времени и предлагал иную интерпретацию исторического времени. В европейском гуманитарном дискурсе все яснее необходимость понимать историю «как учет сложной многомерности настоящего» (Л. Гудков). Для ее обоснования приводятся весьма убедительные аргументы. Например, современный философ полагает, что история, редуцированная к «вчера» и «позавчера», лишает людей будущего, которое не просто связано с ожиданием и надеждой, но требует конкретного решения в настоящем (К. Свасьян). Социальная функция историка сегодня проявляется не только в том, что он возвращает к жизни некий «объект», но и в том, что он участвует в конструировании отношений социума, в котором живет, со своим временем (прошлым, настоящим и будущим).

Видеомемуары университетских профессоров – общественная и культурная ценность научно-педагогического сообщества

Начиная с 2004 г. в Российском государственном гуманитарном университете разрабатывается научно-образовательный проект «Видеомемуары деятелей науки и культуры». На сегодняшний день выпущены в свет и представлены научно-педагогическому сообществу пять завершённых фильмов на DVD-дисках, три из которых сопровождаются учебно-методическими материалами на традиционных бумажных носителях. Назначение этих комплексов разнообразно: историко-антропологическое, общекультурное и просветительское, источниковедческое (видеомемуары – новый современный подвид мемуарных источников) и др.

Среди выполненных проектов главное место занимают видеомемуары ведущих профессоров РГГУ: Вячеслава Всеволодовича Иванова «Мы были странным исключением», Георгия Степановича Кнабе «Слышать шепот времени» и Агдаса Хусаиновича Бурганова «В России надо жить долго». На этих DVD-дисках представлены их рассказы о собственной жизни. В.В. Иванов, повествуя свою эгоисторию, рисует широкое и яркое полотно развития отечественной культуры XX века. Он родился и вырос в среде советской культурной элиты. Рассказ наполнен очень яркими персонажами – такими как А.М. Горький, Б.Л. Пастернак, М.М. Зощенко, И.Э. Бабель, Ю.М. Лотман и другие. Г.С. Кнабе рассказывает о своей жизни на Арбате в 20–40-е XX в. Повествование ведётся в интерьерах арбатских переулков, на фоне особняков и особнячков, заселённых в 20-е гг. советской властью по известному «уплотнительному» принципу. Эгоистория А.Х. Бурганова – рассказ о становлении личности в обстановке потрясений и испытаний прошлого века: голода 1920-х гг., репрессий 1930-х гг., Великой Отечественной войны.

Эти видеоповести интересны сами по себе – они пополняют наши представления об отечественной истории и культуре прошлого века. Как тип исторического источника они отвечают технологическим вызовам нашего столетия, поскольку современные молодые люди, в частности, студенты, склонны к восприятию визуальной информации гораздо больше, чем традиционной текстовой.

Однако в видеомемуарах представителей университетского преподавательского сообщества есть свои особенные достоинства, о которых уместно сказать именно на данной конференции. Ценность видеомемуаров не ограничена содержащейся в них информацией. Сама по себе она не отличается от того, что читатель находит в печатных текстах. Контент DVD-диска требует такого же отношения к себе, как и любой мемуарный источник: необходимо сопоставление с другими источниками и строгая источниковедческая критика представленного содержания. Тем не менее есть

важные специфические черты, свойственные текстам, записанным на видео. Всякий мемуарист представляет не только изложенную информацию, но и самого себя, свою личность. При визуализации образа это проявляется особенно отчетливо. Зритель видит автора видеомемуаров, воспринимает его как носителя анимированной информации. Это безусловно усиливает эмоциональное, личностное начало в репрезентации фактов и событий.

Видеомемуары университетских профессоров рисуют студентам образ учителя, носителя не только научного знания, но и важных нравственных ценностей. Интонации голоса рассказчика, выражение его лица, жестикация, лексика, – все это в совокупности должно восприниматься аудиторией с позиции ценностных критериев, имеющих отношение ко всему университетскому сообществу. По существу, зритель имеет возможность наглядно наблюдать процесс интеллектуальной деятельности мемуариста, его анализ излагаемых фактов, описываемых людей и событий. Видеомемуары университетской профессуры раскрывают и фиксируют облик и дух представителей университетского сообщества, которое является заслуживающим внимания историко-культурным феноменом.

В университетской среде с давних пор распространены рассказы о ярких представителях российской профессуры. Гуманитариям близки, например, рассказы о Т.Н. Грановском, на лекции которого сбегалась «вся Москва», о «суровом педагоге» В.И. Герье, который при этом оказывал материальную и иную поддержку своим студентам. Воспоминания очевидцев рисуют нам уникальные черты педагогики Е.В. Тарле и А.А. Зимина. Представим себе, как было бы интересно и «воспитательно полезно» не только услышать эти фрагменты «устной истории», но и визуализировать их.

Облик университетского профессора, его «антропологический имидж» – важная составляющая представлений об особенностях университетской академической среды, о великом и вечном понятии учительства.

А.В. Свешников (Омский ГУ)

О теоретико-методологических проблемах изучения научных конфликтов (структурный функционализм vs феноменология, экстернализм vs интернализм)

Очевидным моментом современных историко-научных исследований (это относится в равной мере как к истории точных, естественных, так и гуманитарных наук) является признание того очевидного факта, что научное знание «производят» люди, живущие и работающие в конкретных социальных и исторических условиях. Соответственно, ученые, как и всякие другие люди, вступают между собой в различные формы социальных взаимодействий, в том числе, между ними происходят конфликты. Нельзя сказать, что изучение конфликтов в рамках научного сообщества

оформилось в качестве заметной тенденции развития современного историко-научного знания. Тем не менее, исследования, посвященные изучению этой проблемы, существуют. И в нашем тексте мы попытаемся предпринять попытку рефлексии теоретических оснований подобных исследований, далеко не всегда эксплицируемых непосредственно в текстах самих работ, путем структурирования через ведение двух условных бинарных оппозиций, достаточно традиционных для историко-научных исследований, «структурный функционализм и феноменологический подход» и «экстернализм и интернализм». При этом следует подчеркнуть, что мы вовсе не претендуем на всесторонний анализ всей совокупности работ по этой проблематике. Мы лишь попытаемся обозначить некоторые, значимые, на наш взгляд, теоретические тенденции, присутствующие в работах, посвященных изучению конфликтов в науке. Так же следует отметить и условный характер основных категорий, т.е. то, что мы условно обозначаем как «структурный функционализм» или «феноменология» может отличаться от «канонического» понимания содержания этих терминов в современной философской, социологической и историко-научной литературе. Отдавая себе в этом отчет, мы исходим из того, что для нас это, в первую очередь, рабочий инструментарий, позволяющий структурировать в ходе исследования материал.

Основоположником структурно-функционального подхода, безусловно, является один из создателей социологии науки как самостоятельной дисциплины, знаменитый американский ученый Р. Мертон. Структурный функционализм, изучая науку, рассматривает ее как систему взаимосвязанных элементов, каждый из которых, выполняя определенную функцию, способствует стабильности и воспроизводству системы в целом. Примат системы над элементами – принципиальный тезис структурного функционализма. В этом плане конфликты в научном сообществе воспринимаются исследователями, принадлежащими к этой традиции, как некий инструмент развития науки, фактор, обуславливающий динамику системы. Конфликт между учеными возникает при наличии некой значимой для системы в целом проблемы, которая может и не быть непосредственно эксплицирована в ходе конфликта, но тем не менее существует, а само завершение конфликта в большинстве случаев ведет к выработке новых идей и теорий, развитию институциональной основы и норм научности, т.е. выполняет, вполне по Л. Козеру, позитивную функцию. Адекватным синонимом, передающим смысл понимания конфликта представителями этой традиции, является термин «дискуссия». Примером наиболее чистого варианта реализации подобного подхода является исследование Г.У. Моста, показавшего как в результате дискуссий немецких антиковедов первой половины XIX в. состоялось конструирование антиковедения как научной дисциплины.

В отличие от рассмотренного выше условно выделяемый нами феноменологический подход, гораздо более гетерогенный, но генетический

связанный с традицией социологии знания и идеями классической работы Т. Бергера и Н. Лукмана. При рассмотрении научных конфликтов делается основной акцент на уникальных и случайных, вовсе не вытекающих из общей логики развития науки как социальной системы факторах, обусловивших конфликты (например, психологических особенностях того или иного ученого, участника конфликта). В этом плане конфликт скорее оказывается неким нарушением «правил игры» профессиональной деятельности, принятой в научном сообществе. Конфликт – этой скорее «сбой» в работе системы, вызывающий у участников негативные эмоции, попадающие в сферу внимания исследователей, работающих в рамках этого подхода, однако, «сбои» эти происходят настолько часто, что их невозможно игнорировать. Понятно, что и не о каких гарантированных результатах протекания и завершения конфликта говорить не приходится. Он может привести к возникновению новых теорий (или обоснованию права на «место под солнцем» для этих теорий) или институциональных форм, а может и не привести, и в большинстве случаев не приводит. «Нормы научности» не имеют общепринятых норм и рецептов «приручения» конфликта. Для феноменологической традиции конфликт в науке – это прежде всего «скандал», по крайней мере потенциально. Ученые, принадлежащие к этой условно выделяемой тенденции нами тенденции, как правило, работают на «микро» уровне, изучая конкретные казусы и очень осторожны в обобщениях. Ярким примером подобного подхода является исследование Р. Коулера, посвященное анализу конфликтных взаимодействий ученых-генетиков, принадлежащих к школе Т.Х. Моргана.

Если перейти ко второй вводимой нами бинарной оппозиции, то следует отметить, что экстерналисты рассматривают конфликты между учеными как результат воздействия неких «внешних» по отношению к науке сил, социокультурных форм и традиций. В данном случае конфликтогенными факторами могут быть политические или идеологические различия, конфессиональная или этническая принадлежность и даже бытовые условия. Марксистская, психоаналитическая или какая-то иная «интенция подозрения» ориентирует представителей этой группы исследователей на выявление скрытых за «теоретико-методологическим антуражем» противостоятий между консерваторами и либералами, феминистами и шовинистами, «славянофилами» и «западниками». Работ такого плана достаточно много, и в качестве типичного примера такого подхода можно указать монографию В.И. Чеснокова, в которой все конфликты в среде университетских историков России второй половины XIX в. рассматриваются как результат неэффективной и консервативной государственной политики в сфере высшего образования. Вопиющим примером крайности применения подобного подхода является биография А.П. Окладникова, написанная его учеником А.К. Конопацким, в которой основной причиной многих теоретических баталий, в которых принимал участие А.П. Окладников, оказывается конфликт из-за женщины.

Напротив, интерналисты практически любое конфликтное противостояние, имеющее, по их мнению, прямое отношение к истории науки, рассматривают как борьбу идей, концепций, методологий или методик исследования. Соответственно, понятно, что для исследователей, принадлежащих к этой группе, конфликт – это основной механизм развития науки в рамках куммулятивной модели, в целом (в отличие от той оценки, которую дают ему экстерналисты) имеющий позитивную функцию. Благодаря конфликту пробивают себе дорогу новые (т.е. более совершенные) теории и концепции.

Подводя итоги сказанному, следует признать, что мы далеки от того, ранжировать выделенные нами «идеальные типы» теоретико-методологических ориентаций по шкале «правильный – неправильный», «плохой – хороший». В любом случае, все эти подходы имеют право на существование и могут быть достаточно продуктивными при адекватном использовании их в качестве методологического ориентира при анализе конкретной ситуации в истории науки. Но при этом очевидно, что исследователь, приступающий к анализу научного конфликта, должен осознавать свою позицию в поле, создающемся обозначенными нами силовыми полюсами.

С.И. Муртузалиев (Дагестанский ГУ, Махачкала)

Всеобщая история в реформируемой системе образования России XVIII столетия

Петр I возвел в ранг государственной политики знакомство России с Западной Европой и Востоком – это нашло свое отражение в активизации издательской деятельности. Светская литература постепенно оттесняет на второй план литературу конфессионального характера. Большой популярностью начинают пользоваться курсы всеобщей истории, исторические лексиконы и т.п.

Нашей задачей является рассмотрение вопроса о реорганизации системы образования России и об уровне развития всеобщей истории как самостоятельной дисциплины в исследуемый период.

Характерной чертой Просвещенного абсолютизма в России было то, что реализацией просветительских идей в области науки и образования активно занимались Петр I и Екатерина II. Они хорошо понимали значение истории в общественно-политической жизни страны, практическую ценность исторических знаний в законотворчестве, в дипломатии, в военном деле. Спустя несколько месяцев после воцарения Екатерины II на троне в указе от 25 октября 1762 г. отмечалось: «Знание истории и географии политической нужно всякому, а необходимо дворянину».

В начале XVIII века в школах России история как самостоятельный предмет не преподавалась, хотя по указанию Петра I переводились и из-

давались исторические сочинения европейских авторов. В их числе – труд Самуила Пуфендорфа «Введение в историю» (СПб., 1718 г.). Изучение истории предусматривалось только в «Карповской» частной школе.

Открытие первых светских специальных и общеобразовательных государственных школ явилось крупнейшим событием культурной жизни России. В указе Петра I «Об учреждении Академии наук» (28 января 1724 г.) предписывалось изучать историю, начиная с третьего класса гимназии. История как самостоятельная дисциплина стала преподаваться в первой закрытой сословно-дворянской школе – Сухопутном шляхетском корпусе, по образцу которого строились все другие кадетские корпуса. История изучалась в третьем и четвертом классах, причем задача курса заключалась в воспитании у учащихся религиозных чувств и преданности правителям, ход событий объяснялся волей «великих людей» (царей, «мудрых правителей» и т. п.) и «промыслом божьим».

Изучение истории предусматривалось уставом Московского университета 1755 г. и в двух открытых при нем гимназиях. Всеобщая история преподавалась в Казанской гимназии, открытой в 1758 г. Во второй половине XVIII в. история преподавалась почти во всех специальных учебных заведениях Петербурга, но в Главном российском училище из двенадцати нижних училищ историю преподавали только в двух.

История изучалась и в некоторых провинциальных учебных заведениях, приходских или «букварных» городских школах. Однако отсутствие квалифицированных педагогических кадров, произвольное перенесение изучения курса истории из класса в класс, краеведческий (страноведческий) характер преподавания и такое же изложение материала в учебных пособиях приводили к поверхностному изучению (и знанию) истории даже там, где она изучалась. Неблагоприятная ситуация усугублялась тем, что учебным планом кадетского корпуса предусматривалось, что все предметы, за исключением арифметики и закона Божьего, воспитанники могли изучать по выбору. В результате, в 1733 г. из 245 кадетов историю изучали только 28 воспитанников. О «второстепенности» всеобщей истории в учебных планах говорит и тот факт, что в Казанской гимназии в 1800 г. на священную историю отводилось 6 часов в неделю, тогда как на всеобщую историю – 3 часа.

Основным пособием по всеобщей истории в Московском университете была «История универсальная» Г. Кураса (1-е изд. – 1747 г., 2-е изд. – 1762 г.). Сознвая явную слабость устаревшего пособия, Конференция Московского университета (11 января 1766 г.) поручила студенту Х.А. Чеботареву перевести на русский язык «Всеобщую историю» И. Фрейера. В 1769 г. переработанная и дополненная Чеботаревым «История» Фрейера вытеснила учебник Кураса.

В 1782–1783 гг. начинается новый этап в истории реформирования учебного дела в России. Для реорганизации школьной системы была создана «Комиссия об учреждении народных училищ». Екатерина II специ-

ально пригласила из Австро-Венгрии серба Ф.И. Янковича де Мириево, известного дидакта и последователя идей Я.А. Коменского.

Изучение всеобщей истории предусматривалось «Уставом народных училищ в Российской империи». По указанию Янковича переводчик АН Кириак перевел всемирную историю Шрекка. Позднее Янкович сократил пространную историю Шрекка, составив «Всемирную историю в двух частях...» (СПб., 1787). В 1797 г. опытный преподаватель И.Ф. Яковкин представил составленную им по распоряжению Комиссии рукопись «Новой всемирной истории...», которая была рассмотрена Янковичем и сокращенном варианте издана (СПб., 1798 г.) в количестве 1250 экз., в 1799–1800 гг. дополнительно было издано еще 3000 экз.

Анализ содержания этого совместного учебника показывает, что в последней четверти XVIII века история рассматривалась в России как «описание достопамятных происшествий», которые «должны быть истинны; и потому требуется, чтоб оныя утверждены были свидетельствами своих времен, или вскоре за ними последовавших». История должна представлять «изображение всех действий рода человеческого», читая которую, мы «увеселяемся, и употребляем ее к распространению прочих наших знаний». Польза истории состоит в том, что она доставляет «нам разные предметы для нашего рассуждения». В отличие от «отдельных» историй (церкви, науки и т. д.), всеобщая история описывала «весь род человеческий вообще, по знатнейшим его делам, которыми он произвел великую в свете перемену».

Большое влияние на формирование представлений российских ученых XVIII в. о всеобщей истории оказали труды немецкого просветителя А.Л. Шлецера: «Представление всеобщей истории» (СПб., 1772) и «Нестор: Русские летописи на древлесловенском языке...» (СПб., 1816). Сильной стороной работ Шлецера было стремление охватить многие стороны социальной действительности, придать всеобщей истории подлинно всемирный характер. В то же время Шлецер разделял взгляды многих западноевропейских ученых, считавших, что внимания историка достойны «только те народы, которые в великом обществе мира, так сказать, первенствовали», историк должен заниматься только действительно великими деяниями главнейших народов, «все прочее... не нужно».

Подобное разделение народов на «главные» и «второстепенные», на «достойные» внимания историка и «недостойные», унаследовала историография XIX в., и во многих сочинениях по всеобщей истории материал «второстепенных» народов привлекался только в качестве вспомогательного для освещения истории «первенствующих» народов или при изложении истории России, чтобы показать ее место во всемирной истории.

**Проблема гносеологической и общественной ценности
«всеобщей истории» в российском научном дискурсе 1850-х годов**

Становление в России науки всеобщей истории, начавшееся вместе с XIX веком, породило немало споров о роли исторической науки для общества, о предмете и методах исследования истории, о методах её преподавания. Внимание историографов *периодически* (в 40–60-е гг. XX в. – С.Н. Валка, И.Н. Бороздина, М.А. Алпатов, А.Д. Константинову; в новейшее время – Б.В. Ананьича, В.М. Панеяха, Г.П. Мягкова, В.С. Брачева и др.) привлекает полемика, развернувшаяся в начале 50-х гг. XIX в. в России вокруг означенных вопросов, в которой приняли участие стоявшие у истоков всеобщей истории М.С. Куторга, Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев, М.М. Стасюлевич и другие. Основное внимание историографы сосредотачивали на идеологических и науковедческих аспектах дискуссий. Проблема гносеологической и общественной ценности «всеобщей истории», по сути, была поставлена Е.В. Гутновой при анализе развития медиэвистики в России через призму биографического метода (См.: Гутнова Е.В. Историография средних веков. М., 1974). Прогресс в её исследовании возможен при восстановлении и анализе всей картины научных и иных коммуникаций, сложившихся в середине XIX в. в среде российских гуманитариев.

Для русских историков 1850 год начался с обсуждения в прессе диссертации Т.Н. Грановского «Аббат Сугерий» (1849). Историк и издатель «Москвитянина» М.П. Погодин не нашел в ней ни одной новой мысли и назвал труд Грановского «прекрасной лекцией», но не ученым исследованием ([Погодин М.П.] [Рец.] // Москвитянин. 1850. Ч. I. С. 8). На страницах того же «Москвитянина» ученик М.С. Куторги молодой магистр М.М. Стасюлевич поместил уже разгромную рецензию и тоже отказал диссертации в научности (См.: Стасюлевич М.М. [Рец.] // Москвитянин. 1850. Ч. 3). Этим рецензентам довольно резко ответили в «Отечественных записках» ученик Т.Н. Грановского И.К. Бабст (кн. 7), некто, скрывшийся под буквой N (кн. 8), в «Москвитянине» – «недоброй» рецензией на магистерскую диссертацию М.М. Стасюлевича филолог П.М. Леонтьев (См.: Москвитянин. 1850. Ч. 3. С. 130-140).

И.К. Бабст постарался уличить петербургского историка в некомпетентности по вопросам феодализма, падения Каролингов, причин слабости первых Капетингов и проч. Рецензент N постарался доказать нелогичность составления критического отзыва Стасюлевичем, назвав его «изворотливым антагонистом», отзыв – «бесплодным трудом». Заявление М.М. Стасюлевича о том, что в настоящий момент первостепенной задачей является «критическая очистка источников» и современные историки должны «посвятить свой труд преимущественно на изучение современных

летописей и их составителей», было расценено как неуместное, как и мнение о том, что большая польза была бы от историка, если бы «вместо жизнеописания аббата Сугерия мы получили бы сперва хорошо комментированное, с критическими объяснениями, издание сочинений этого аббата».

Если оставить в стороне споры, касающиеся непосредственно исторического материала, представленного в диссертации Т.Н. Грановского, а уделить внимание позиции споривших по вопросу о роли исторической науки, то оказывается, что единственное положение, по которому они расходятся, – это заявление М.М. Стасюлевича: «наука не должна спускаться со своей высоты, чтобы доставить занимательность возможно большей массе общества, а скорее само общество должно стараться о своем возвышении, чтобы уметь понимать занимательность науки» (Москвитянин. 1850. Ч. 3. С. 69). Данное высказывание в наши дни возведено в ранг риторических и обнаружение его в 1850 году говорит о сроке давности.

Не подлежит сомнению, что все из названных историков считали «альфой и омегой» своей науки методы исследования, которые разрабатывали и широко использовали французский историк Ф. Гизо и немецкие историки Б.Г. Нибур и Л. Ранке. В 1850 году в России были опубликованы две принципиально важные работы – о Нибуре Т.Н. Грановского и о Ранке М.С. Куторги. Немецкие историки были названы основателями исторической науки: они проложили «новый путь и своею гениальностью увлекли за собой целое поколение», – писал один из представителей этого «увлеченного» поколения М.С. Куторга (Очерк новейших историков Западной Европы. Ранке // Библиотека для чтения. 1850. Т. ХСІХ. С. 110). Две указанные статьи рознятся по своему характеру и идеям написания, однако взгляды двух российских историков имеют много общего, в частности их отношение к критическому методу.

Однако критический метод и возможность дальнейшего развития исторической науки были поставлены под сомнение в том же 1850 году, а в следующем – 1851-м – спор был вынесен на страницы периодики. С.С. Уваровым, автором знаменитой «триады», был поставлен вопрос: «Достовернее ли становится история?» при применении критического метода. Он стал выразителем той части интеллектуалов, которая с недоверием отнеслась к новым исследованиям и обвинила оппонентов в излишнем скептицизме (См.: [Уваров С.С.] Достовернее ли становится история? // Москвитянин. 1851. № 1. С. 97-105). С.С. Уваров отказывал современному ему историкам, в том числе и Л. Ранке, быть «знаменитыми» и писал, что не может назвать ни одного современного историка, написавшего «правильно» историю Реформации или историю Французской революции и т.д. М.С. Куторга же называл Л. Ранке «знаменитым историком реформации», первым, кто «представил события реформации в настоящем достоверном виде» (Указ. соч. С. 125). Из большого поклонника науки и ее достижений бывший министр просвещения превратился в скептика относительно «будущего исторической науки», сохраняя однако убеж-

дение в том, что история – инструмент образования и воспитания граждан. Это последнее и заставляло «политика» Уварова выступать против ученых, забывших, по его мнению, о педагогической составляющей науки.

Отклик из ученого сообщества не преминул вскоре появиться. На страницах «Отечественных записок» с С.С. Уваровым вступил в полемику П.Н. Кудрявцев, который защищал Нибура от обвинения в том, что он якобы «разрушил все основания римской истории».

События и обсуждения, происходившие вокруг вопросов познаваемости, степени достоверности и практической пользе исторической науки, повлияли на выбор темы актовой речи Т.Н. Грановского в торжественном собрании Московского университета 1852 года. Её он посвятил вопросу о значении и роли всеобщей истории, выяснению причин того, почему наука истории еще далека от «оконченности формы», и о будущих перспективах. Он полагал, что «идеал Всеобщей истории» еще далек из-за отсутствия строгого метода и... недовольно ясном сознании настоящих целей нашей науки» (Грановский Т.Н. О современном состоянии и значении всеобщей истории // Соч. М., 1866. Ч. 1. С. 31). Выход на «точный метод» в исторической науке Грановский видел в обращении к естествознанию и его «способу исследования». Будущее исторической науки он видел в обязательном применении не только критического метода и «метода аналогий», но и статистического метода. В результате, после уяснения «исторических законов», история, по мнению Грановского, «сделается в высшем и обширнейшем смысле, чем у древних, наставницею народов...» (С. 44). Речь Т.Н. Грановского произвела большое впечатление на П.Н. Кудрявцева, и он поспешил познакомить с ней читателей «Отечественных записок», высказав свое мнение о задачах исторической науки. П.Н. Кудрявцев не был сторонником сближения истории с естественными науками, он не согласился с Т.Н. Грановским и в том, что историческое сочинение должно отказаться от художественной формы.

В течение первых трех лет второй половины XIX в. российское научное сообщество историков-«всеобщников» подняло ряд коренных вопросов гносеологического, научно-исследовательского и культурно-образовательного характера, остающихся актуальными и по сей день.

Н.Н. Алеврас (Челябинский ГУ)

Научная карьера в профессиональной деятельности российских историков второй половины XIX – начала XX вв.

При изучении российского историографического процесса дореволюционного времени значение приобретает вопрос о соотношении в научных стратегиях историков научного интереса, как выражения бескорыстного служения науке, и карьерных устремлений представителей научного сообщества, заметно усилившихся во второй половине XIX – начале XX в.

Активные преобразования этого времени по линии институализации исторического знания, содействуя закреплению за историографией дисциплинарного статуса, вызывают потребность профессиональной самоидентификации историка. Именно в этот период опыт научной деятельности российских историков обогащается и усложняется моделями карьерного роста и сопутствующими ему саморефлексиями относительно своего места в «поле науки». Оказавшись в относительно новой для мира российских ученых ситуации «борьбы» за «научный капитал» и «научную компетентность» (П. Бурдые, «Поле науки»), историк оказался перед выбором альтернатив персонального научного пути.

Для каждого историка узел актуальности этого выбора находился в точке пересечения либо различных внутренних границ научного поля, либо смешался к пограничью смежных – научного и социального полей, образующих общее экзистенциальное пространство историка. Многообразие этого выбора предопределяло многообразие типов (моделей) научных карьер. Их классификация весьма затруднительна. П. Бурдые подчеркнул «искусственный» характер попыток «описания общих черт различных фаз» научной карьеры как явления, но наметил некую самую общую их типологию, выделив так называемые «средние» и «высокие» карьеры. Основанием их разделения служат степень научной продуктивности ученого и фактор его признания и устойчивости в научном пространстве с позиций приобретенного научного капитала, авторитета, статуса. Эту классификацию, вероятно, можно соотнести с типами ученых – историков-«классиков» и историков «второго плана».

Научная карьера российского историка формировалась в процессе нормативного регулирования «университетского вопроса» со стороны государства и неформального закрепления традиций профессиональной культуры научного сообщества историков. Нормативные положения университетских уставов и других официальных документов определяли ступени карьерной лестницы ученого.

Организация пространства деятельности научных сообществ российских историков и программирование творческой судьбы каждого из них были сопряжены с одновременным созданием условий и перспектив, как для творческой деятельности, так и для карьерного (статусного) роста. Тесная взаимосвязь той и другой ипостаси ученого очевидна. Вместе с тем в практике научной жизни эти две формы научного бытия далеко не всегда выступали в обоюдном единстве, а перипетии жизненного пути ученого зачастую нарушали предполагаемое совпадение развития его творческого потенциала со статусным движением в сфере профессиональной карьеры.

Стандартный путь претендента в научное сообщество предполагал успешное завершение университетского исторического образования и дальнейшее его движение по ступеням научных достижений в виде магистерской и докторской диссертаций. Во второй половине XIX в. диссертация

ционная культура прочно закрепились в российской науке, став органической частью ее научной жизни. Этапность и длительность данной процедуры в пределах жизни ученого, когда на магистерские экзамены и подготовку одной / двух диссертаций, уходило иногда десятилетия, превращение диссертационных диспутов в обязательный ритуал, место научного общения, полемик и выработки мнений о научном облике защищающихся, позволяют рассматривать диссертационную культуру как один из основополагающих элементов научной повседневности и карьерного роста.

Высокий статус ученого определялся получением профессорства и права чтения основного курса, закрепленного за исторической кафедрой. Должность ординарного профессора означала службу по линии министерства народного просвещения и руководство кафедрой. Карьерный рост мог сопровождаться приобретением и других университетских должностей, академических званий. Стремление «занять» кафедру являлось одной из стратегических ориентаций для тех, кто сопрягал свою жизнь с карьерным ростом в науке.

Официальное признание научных заслуг сопровождалось продвижением по чиновной лестнице, определенной для учебных и академических учреждений. Однако реальная судьба каждого конкретного ученого, складываясь под воздействием различных факторов, как правило, является выражением индивидуального научного потенциала, демонстрируя пути адаптации персонального таланта и опыта к предлагаемому идеальному (официальному) варианту научной карьеры.

Было бы интересно в целях создания социокогнитивного образа исторической науки попытаться (вопреки теоретической сложности классификации научных карьер) уловить в научной практике российских историков проявления различных стратегий поведения в науке перед выбором своего научного имиджа.

Набрасывая очертания карьерных историй, можно выделить в качестве их типичного, хотя не так многочисленного варианта, модель *профессорской карьеры*. Она может быть интерпретирована языком социологии как «высокая карьера» и охарактеризована продуктивностью в области издания научных трудов, последовательным, интенсивным движением «вверх» по предлагаемым ступеням научной и административно-управленческой лестницы в системе высшего образования, завоеванием авторитета в научном сообществе и социальной среде. В изучаемое время с этой характеристикой соотносятся судьбы знаменитых успешных профессоров-историков, академиков В.О. Ключевского и С.Ф. Платонова.

«Долгая дорога в дюнах» – длительный и сложный по траектории путь к профессорству выпадал на долю значительного количества историков. Именно эта группа, являясь массовой, определяет черты научной жизни российских историков. Выбор научных предпочтений и ориентаций, жизненных программ научного и карьерного роста, ландшафт дружеских и конъюнктурных взаимоотношений, ожидания определенных

дивидендов (как интеллектуальных, так и материальных) от результатов научной деятельности и пр. характеризуют интенции сообщества историков данного поколения в контексте решения вопроса «быть или не быть». Типаж ученого данной группы формировался на стыке «высоких» и «средних» карьер. Пожалуй, наиболее типичной в этой категории фигурой является А.Е. Пресняков. Публикация его «Писем и дневников» (2005) дает уникальную возможность «услышать» мысли историка и по поводу научной карьеры, обсуждаемые, вероятно, в среде поколения ученых рубежа XIX–XX веков.

«Прерванный полет» – тип научной карьеры признанного ученого, не успевшего реализовать творческий потенциал или не сумевшего (не пожелавшего) по разным причинам завершать научную карьеру и перешедшего в иную сферу деятельности. Уникальна в первом случае личность А.С. Лаппо-Данилевского. Образ П.Н. Милюкова – наиболее характерный и известный пример принятия историком такого решения.

В понятии «научная карьера» вероятно совмещение различных пластов научно-профессиональной деятельности. Для историков данного времени, переживавших стадию формирования карьерных традиций, присутствовало представление о не совпадавших ценностных нагрузках, относительно различных структур пространства поля науки и карьеры. Собственно научное творчество воспринималось как абсолютная ценность, в то время как служебно-карьерный рост мог рассматриваться лишь как желательное его дополнение. Формировавшаяся как явление, научная карьера и привлекала, и отталкивала историков, но постепенно превращалась в черту профессиональной жизни. Только на определенном витке коллективных и персональных биографий она приобретает некое единство своих внутренних составляющих и становится неотъемлемой частью научной культуры ученых.

Р.Р. Бакеева (Казанский ГУ)

**Финансирование заграничных командировок
преподавателей Казанского университета:
«казус» А.И. Михайловского**

Во второй половине XIX века, после того, как в 1856 году были вновь разрешены заграничные командировки, многие преподаватели стремились побывать за рубежом. Некоторые путешествовали за свой счёт, другие были командированы университетами. Для поездки в командировку необходимо было получить разрешение всех вышестоящих лиц: декана факультета, совета университета, ректора, попечителя учебного округа, министра народного просвещения. Преподаватели факультета также высказывали своё мнение по решению об отправлении своих коллег за границу. Командировки финансировались из специальных

средств. В некоторых случаях разворачивались «жаркие споры», о том, на что какие поездки нужно оплачивать.

Ярким примером такого «спора» является история заграничной командировки А.И. Михайловского (1851–1906), с ноября 1892 г. преподававшего английский язык в Казанском Императорском Университете. Более всего он известен справочным трудом «Преподаватели, учившиеся и служившие в Императорском Казанском университете (1804–1904)», подготовленным к 100-летию юбилею университета. В 1893 г. он обратился к руководству историко-филологического факультета Императорского Казанского Университета с просьбой направить его в Великобританию для изучения английской литературы и совершенствования языка и предоставить для этого денежное пособие. Как правило, по поводу финансирования заграничных командировок высказывали своё мнение профессора историко-филологического факультета, входившие в совет факультета. Судя по тому, что в дальнейшем Михайловский получил пособие и отправился в Великобританию, его ходатайство было удовлетворено.

Однако не все профессора отнеслись к этому благосклонно. В Фонде Казанского университета находятся документы, выражающие особое мнение профессоров факультета Д.А. Корсакова (1843–1919) и Д.И. Нагуевского (1845–1918). Д.А. Корсаков к рассматриваемому нами периоду был профессором русской истории, действительным членом Общества естествоиспытателей при Казанском университете, действительным статским советником, действительным членом Казанского экономического общества. Д.И. Нагуевский с 1883 года преподавал в Казанском университете, являлся профессором римской словесности, директором Нумизматического музея.

К протоколу заседания ИФФ от 15 апреля 1893 года приложен листок, в котором Д.А. Корсаков выразил своё отдельное мнение. На его взгляд, оплачиваться должны поездки, совершаемые по поручению факультета и университета, а не по личному желанию командированного. Первоочередными для него считаются те поездки, которые связаны с учебным процессом. По его мнению, поездки преподавателей, ведущих занятия на разных факультетах, должны финансироваться за счет межфакультетских средств. А.И. Михайловский, судя по всему, преподавал современный английский язык на нескольких факультетах. Кроме того, маститый преподаватель был не согласен с тем, чтобы факультет финансировал поездки тех, кто недавно начал работать в университете. Один из наиболее весомых аргументов Д.А. Корсакова состоял в том, что факультет должен выдавать деньги для совершенствования учебных программ. Цель поездки А.И. Михайловского («изучение литературы и говоров английского языка в его настоящем употреблении в различных местностях Англии»), отвечала интересам не учебного процесса, а личным научным изысканиям лектора.

С аналогичными аргументами выступил другой ординарный профессор историко-филологического факультета Д.И. Нагуевский, к которому присоединился профессор философии А.И. Смирнов. Оба, кроме всего прочего, были обеспокоены, тем, что факультету в скором времени предстоит командировать на археологический съезд в Вильнюс представителей Императорского Казанского Университета и опасались, что у факультета не хватит средств для его финансирования.

Таким образом, в случае с А.И. Михайловским мы видим, что профессура факультета хотела контролировать денежные средства, выделяемые на командировки, а потому пыталась выработать критерии (стаж службы в университете, причины оправления и т.д.), по которым можно было определять, кто достоин финансирования своей командировки, а кто нет, исходя подчас из своих корпоративных интересов.

О.В. Богомазова (Челябинский ГУ)

Общественно-политические взгляды В.О. Ключевского в зеркале его афоризмов

«Историк-социолог», Василий Осипович Ключевский, введивший в структуру исторического знания «элементы социологических, исторических законов и законов социальной психологии» (Цит. по: Тимофеев П.Т. Историко-социологические взгляды В.О. Ключевского на общество и власть // Социология власти. 2007. № 5. С. 16), не мог не реагировать на социально-политические процессы, происходившие в окружавшей его действительности. Обладая исключительно тонким «чутьем» историка, научным методом социологического анализа и богатым жизненным опытом, Ключевский сформировал целостное представление о позиции гражданина, народа и правительства в России. Однако не все свои мысли по этому поводу он излагал в научных работах и публичных выступлениях. Множество оригинальных и смелых высказываний появлялись на страницах его записной книжки с афоризмами.

Афоризмы являются весьма специфичным источником для изучения. Они представляют собой концентрированное выражение национального социокультурного и личного опыта, выливающегося в лаконичную, но емкую и образную литературную форму. Первичная презентация афоризма напрямую зависит от субъективного фактора – личности и мировоззрения его автора. Особенность личных записей Ключевского состоит в том, что текст его записных книжек целостен, как мировосприятие этого человека, основанное на знании жизни, проникнутое иронией и сарказмом. Его афоризмы являются отражением неповторимого языка и стиля мышления историка, что требует специального исследования.

Для понимания восприятия Ключевским российских общественно-политических реалий целесообразно использовать комплекс зафиксиро-

ванных мыслей-образов – не только в виде афоризмов, но и рассуждений дневникового характера, содержащих большую долю афористичности.

Рефлексии ученого подвергались, вероятно, те острые моменты, которые волновали его гражданские, патриотические чувства. Как ученый, Василий Осипович задумывался о месте человека в историческом процессе. Под заглавием «Социология» в коллекции его афоризмов находится рассуждение об отношении свободной личности к исторической закономерности: «Личность свободна, насколько она, понимая историческую закономерность, содействует ее проявлению или, не понимая ее, затрудняет ее действие» (Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 379). Самыми значимыми личностями в истории Российской Империи всегда были ее правители. В афоризмах Ключевского они, вследствие критического восприятия им реформаторского потенциала самодержавия, получают характеристику «мертвецов в живой обстановке», «огородных чучел для хищных птиц». Единство страны обеспечивалось не правителем, не «общими политическими идеями или интересами», а основывалось «на этнографических связях». Он отмечал, что с Александра III и его потомков нравственное вырождение династии сопровождается и физическим. «Династия вымрет раньше, чем перестанет быть нужна. России... еще раз грозит безцарствие, смутное время», – предрекал историк (Там же. С. 339, 395).

У Ключевского появляются мысли о непонимании высшими эшелонами власти России «внутренней жизни общества и государства». По Ключевскому, взаимодействия власти и общества никогда не основывались на взаимопонимании и, в сущности, находились в состоянии непрекращающихся противоречий, нередко переходящих в конфликты. Еще до начала революции 1905–1907 гг. в дневниковых записях Ключевский отмечает, что правительство и общество перестали понимать и себя, и друг друга в войне за власть. Эта ситуация подвела Россию к «краю пропасти». В 1898 г. все ощущали, что «каждая минута дорога». «Что делать? Ответа нет», – напишет историк (Ключевский В.О. Письма... С. 372).

В то же время Ключевский не мог сдерживать сарказма в адрес общественно-политической активности, набиравшей силу на рубеже XIX–XX вв. Вполне очевидным он считал, что в России партии выражают не политические убеждения, «а возраст или экономическое положение». Либералов с их «плоскодонным» невыразительно-мелким в российских условиях либерализмом он называл «игроками на глупость», а консерваторов – «игроками на трусость». В 1906 г. Ключевский даже выражал сочувствие правительству, говоря, что «будущая Дума для нас страшный суд за июль-февраль» (Ключевский В.О. Письма... С. 370, 337, 341, 383). Будучи приглашенным к участию в работе I Государственной думы, он наблюдал, как «оппозиция против правительства постепенно превратилась в заговор против общества» (Ключевский В.О. Дневники и дневниковые записи (от 1 августа 1871 г.) // Он же. Соч.: В 9 т. М., 1987–1990.

Т. IX. С. 355). А неорганизованность и разобщенность ее лидеров привела к тому, что «дело русской свободы» попало из рук либералов в руки «хулиганов», которые наверняка не сумеют «не разрушить» прежний порядок жизни, сохранение чего для Ключевского было показателем компетентности политиков и правителей.

В общем контексте мирового политического развития, особой горечью отдает его фраза: «Республиканцы в монархиях – обыкновенно люди, не имеющие царя в собственной голове; монархисты в республиках – люди, замечающие, что другие его теряют» (Ключевский В.О. Письма... С. 328, 324). Этот афоризм, относимый исследователями к началу 1890-х годов, может являться выражением мыслей большинства представителей интеллигенции, которая лицом к лицу столкнулась со стихией народной революции в начале нового века.

«Появление государства, – по мнению историка, – вовсе не было прогрессом ни в общественном, ни в нравственном смысле», «безнравственная политическая мораль иногда искажала понятия естественной человеческой нравственности» (Ключевский В.О. Дневники и дневниковые записи (от 1 августа 1871 г.). С. 296). По долгу профессии изучая процессы образования и функционирования государственной машины, Ключевский понимал, что государство являлось плодом «насущенных потребностей общества», но он не намеревался его оправдывать или считать прогрессом. Не менее болезненно, чем к подавлению политической системой традиционной народной нравственности, Ключевский относился и к «искажению» истории посредством политики. Он настаивал, что «политика должна быть не более и не менее, как прикладной историей» (Ключевский В.О. Письма... С. 323).

Изучение афоризмов В.О. Ключевского во многом объясняет занимаемую им гражданскую позицию и его отношение к политике. Историк, видя бессилие политических организаций, выбрал для себя позицию наблюдателя-критика. Даже когда на исходе лет ему пришлось активно заниматься общественно-политической деятельностью, Ключевский во всем оставался верен своим принципам.

Отмечается контраст между его публичными и частными репликами насчет истории развития российской государственности и роли народа в этом процессе. Научно обоснованными и профессионально сдержанными выглядят рассуждения историка в курсе лекций. В противовес этому в личных записях и афоризмах Ключевского мы наблюдаем взрыв сарказма, выразительное недовольство российскими правителями, позицией государства по отношению к обществу. Не радость и не гордость испытывал Ключевский, наблюдая рост общественно-политической активности на рубеже веков. Из уст историка звучали горькие насмешки над современным ему социумом, который, «пытаясь согреть Россию, готов ее сжечь».

**«Нужен ли нам учебник истории?»
Педагогическая общественность
об учебной литературе для средней школы**

(по материалам дискуссий в периодической печати на рубеже XIX–XX вв.)

В конце XIX – начале XX вв. в периодической печати шло живейшее обсуждение проблем и потребностей средней школы в целом и исторического образования в частности. Поднимался вопрос о подготовке учителей-предметников. Большое количество статей было посвящено школьным учебникам и литературе по истории, в которых указывались как общие недостатки существовавших учебных руководств, так и предлагались конкретные рекомендации по улучшению дела составления исторических пособий для средней школы. Так, Н.Н. Торнау, сам являвшийся автором-составителем нескольких учебных книг, сетовал на небрежность написания учебников и приводил «целый ряд поразительных примеров не только крайне небрежного обращения с фактами, но даже полного искажения действительности» (Торнау Н.Н. Как пишутся у нас учебники по отечественной истории и как их рецензируют. [Б. м.]. С. 3). Он одним из первых акцентировал внимание читающей публики на плохой постановке *рецензирования* учебной литературы и поверхностном отношении рецензентов к своим обязанностям, приведя в пример допущенный МНП в качестве руководства для средних учебных заведений учебник К.М. Курдова «География Российской империи» (М., 1910). Встретивший «...особенно благоприятные отзывы в печати» и широко распространившийся, этот учебник содержал «большое количество крупных промахов». Мнение Торнау интересно тем, что в нем отражен взгляд педагога на роль рецензии, размещенной в авторитетном издании, в формировании общественного мнения о рецензируемой книге, что в итоге определяет ее популярность или, наоборот, «безвестность».

Вопрос о том, «каким требованиям должен удовлетворять учебник истории в средней школе?», вызвал живое обсуждение на страницах периодической печати, породив пеструю разногласицу мнений. В начале XX века и педагоги, и авторы «действующих» учебников стремились к комплексному анализу существовавшей школьной учебной литературы, и выдвигали самые разнообразные требования к «хорошему учебному пособию по истории».

Не менее спорной являлась проблема места и роли учебника в школьном преподавании истории. Я.Г. Гуревич считал, что пособием при прохождении курса должен быть не учебник, а книга для чтения, статьи которой давали бы достаточный фактический материал, на основании которого учащиеся вместе с преподавателем делают выводы и обобщения. По окончании разработки отдела должен быть составлен конспект.

Таким способом будет достигнута активная работа учащихся, а не механическое усвоение учебника. Сходные соображения были высказаны М.Н. Коваленским, предпринявший попытку составления не учебника, а такой книги для чтения, которая должна заменить учебник (См.: Коваленский М. 1) Русская история. Руководство и пособие. М., 1902; 2) Хрестоматия по русской истории. Т. 1. М., 1914). И.К. Сивков, ратуя за сокращение «роли учебника в школьном обиходе» с целью «в преподавание истории... внести побольше самостоятельной работы учащихся», предложил, чтобы «в руках учащихся были учебник и хрестоматия» (См.: Сивков С.И. К вопросу о типе учебника для средней школы // ВВ. 1910. № 6), причем по мнению педагога, «фактическую, внешнюю и политическую историю», «многие трудные вопросы социальной и экономической истории» необходимо пройти по учебнику, а например, явления культурной истории – по хрестоматии. И.К. Сивков настаивал, что хрестоматия должна быть отдельным пособием, учебное руководство не должно представлять собой «учебник-хрестоматию». Под редакцией коллектива авторов, в который входил и И.К. Сивков, был выпущен образец учебной хрестоматии (См.: Книга для чтения по древней истории. Ч.1 / Под ред. А. Васютинского, М. Коваленского, В. Перцева, И.К. Сивкова. М., 1913).

Подобных взглядов придерживался и Я. Кулжинский, считавший, что «худо или хорошо, но мы должны признать, что в наших русских условиях рядом с хрестоматией и книгой для чтения должна стоять *книга для заучивания* (курсив авт. – Н.Ф.)». Характер учебника, по мнению педагога, определяется его задачами: «(быть а) книгой для заучивания и б) руководством», поэтому он «...не должен быть слишком велик», а «сокращение учебника надо произвести не на счет способа изложения, а на счет содержания...». Однако в отличие от И.К. Сивкова, Я. Кулжинский мотивирует необходимость использования хрестоматии не столько стремлением развить самостоятельность учащихся, сколько более широкой целью систематического курса истории в средней школе: «...а) воспитать нравственное чувство учащихся, б) развить их ум, в) обогатить их память». В решении этой цели учебник истории («заучивание... фактов»), хрестоматия («чтение и разбор, как в классе, так и на дому») и рассказ преподавателя на уроке («живая речь учителя») играют одинаково важную роль.

С призывом отдать учебники по гуманитарным дисциплинам на «суд молодежи» и позволить учащимся быть самими строгими рецензентами, самостоятельно выбирать подходящие учебники для обучения выступил в печати И. Одесский (См.: Одесский И. Как надо составлять учебники // ВВ. 1896. № 4). Педагог подчеркнул мысль о том, что назрела необходимость провести исследование симпатий и антипатий учащихся в области учебной литературы. Цель такого мероприятия – допустить только лучшие учебники к преподаванию, а не официально одобренные: «Благодаря этому открылась бы возможность сдать в архив эти “антики”, освященные санкцией циркуляров и программ». И. Одесский считал, что

авторы учебников должны быть знакомы с требованиями, предъявляемыми «...к учебнику как к другу и наставнику молодежи», которые касаются и содержания учебников, и внешнего оформления текста – то есть стиля изложения. Одесский предлагал, чтобы учебники писались профессионалами дела: не «барышник», не «ограниченный труженик», не «недюжинный кабинетный ученый», а «педагог и ученый, который постоянно охвачен живыми волнами школьной жизни и отдается ее совершенствованию со всей искренностью и любовью горячего сердца» (Там же. С. 183). Оценки же им должны были, по Одесскому, выносить непосредственно учащиеся, то есть те, кто использовал учебники на практике, для кого они предназначались. Только в результате такого подхода, по мнению педагога, возможно создать «хороший учебник», который «...должен до некоторой степени заменять собою хорошего преподавателя». В своей статье И. Одесский высказал мнение о необходимости серьезной научной подготовки авторов учебников. Он приводил в пример создателей французских, английских и немецких учебников, среди которых «нередко можно встретить имена первоклассных европейских ученых». Выступая за то, чтобы этот «пример западных авторитетов нашел побольше подражателей в среде наших ученых», И. Одесский фактически предвосхитил появление известных отечественных «профессорских» учебников, авторами которых были П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев, Р.Ю. Виппер и др.

О.М. Беллева (Европейский университет, СПб)

Академическое сообщество Петербургского университета в ректорство Э.Д. Гримма: конфликты в профессорской среде

Ректорство Э.Д. Гримма в Петербургском университете (1911–1918) пришлось на период противостояния между профессурой и Министром народного просвещения Л.А. Кассо. В историографии эта проблема рассматривается преимущественно с точки зрения конфликта имперских властей и российского академического сообщества. Однако ее изучение на примере Петербургского университета дает выход и на другую не менее важную проблему. В рамках указанного конфликта, по нашему мнению, постепенно развивался другой, внутри самого академического сообщества, который проявился с увольнением столичных профессоров и приходом на их место профессоров по назначению.

Кадровая политика Л.А. Кассо, затронувшая и столичные, и провинциальные университеты, состояла в том, что министр практиковал произвольные перемещения и увольнения ученых в ответ на постоянное сопротивление с их стороны, не считаясь с «Временных правилах по управлению высшими учебными заведениями» 1905 г., предусматривавшими избираемость профессоров. В Петербургском университете разгрому подвергся юридический факультет, т.к. его представители отстаивали интере-

сы академического сообщества, выступая в роли своеобразного консультативного совета университета по правовым вопросам.

В период министерской деятельности Л.А. Кассо с университетом пришлось расстаться сразу нескольким ведущим специалистам — М.Я. Пергаменту, И.А. Покровскому и Д.Д. Гримму. Все они в разное время, не желая соглашаться на перевод в другой университет, в знак протеста подали в отставку. Политика Л.А. Кассо обострила существовавшие противоречия между группами профессоров в Петербургском университете. Если «правые», несмотря на неудовольствие произволом властей, считали недопустимым демонстративный уход из университета, то «левые» настаивали на повторении опыта московских коллег.

В то же время при Л.А. Кассо на юридический факультет Петербургского университета было переведено порядка 10 профессоров из разных провинциальных университетов (П.П. Мигулин, А.А. Пиленко, В.А. Удинцев, В.М. Грибовский, С.П. Никонов, И.И. Чистяков, А.С. Ященко, Н.Н. Розин, Ф.К. фон Зелер, А.А. Жилин). Профессор И.Н. Трепицын оказался назначен уже при министре П.Н. Игнатьеве.

С тех пор, как в университете появились профессора-«назначенцы», между ними и столичными профессорами периодически возникали конфликты, которые могли происходить как на личном уровне, так и между группами ученых. Столичные профессора защищали права своих коллег, свои традиции, свои интересы. Профессора по назначению, в свою очередь, пытались отстоять собственные права, касавшиеся их служебного положения. Противостояние шло с переменным успехом. В тех случаях, когда разрешение конфликта зависело от ректора, столичные профессора одерживали вверх. Профессора-«назначенцы» апеллировали к авторитету Л.А. Кассо или использовали служебное положение профессора В.А. Удинцева, назначенного министром в 1913 г. деканом юридического факультета. Кроме того, некоторые из них, стремясь упрочить собственные позиции, могли переступить грань этических норм.

Усилению или ослаблению позиций обеих групп во многом зависело от смены руководства в Министерстве народного просвещения. Так, при Л.А. Кассо вопрос о курсах приват-доцентов решился в пользу профессоров по назначению, руководство юридического факультета оказалось также в их руках. Готовность следующего министра народного просвещения П.Н. Игнатьева к открытому диалогу с профессурой позволила Э.Д. Гримму поднять вопрос о защите прав профессоров от произвольных увольнений и перемещений, который министр пообещал принять во внимание. Определенные надежды на то, что вопрос будет решен в пользу профессоров, могли быть связаны с назначением Э.Д. Гримма товарищем министра народного просвещения. Но в декабре 1916 г. П.Н. Игнатьев получил отставку. Его место занял бывший до этого с 1914 года попечителем Петроградского учебного округа Н.Н. Кульчицкий. При нем пост товарища министра получил В.А. Удинцев. Таким образом,

Н.Н. Кульчицкий продолжил линию Л.А. Кассо. Это, в свою очередь, привело к усилению позиций профессоров-«назначенцев» в Петербургском университете. Судя по всему, министерство Кульчицкого не обещало столичным профессорам ничего хорошего, однако его деятельность на этом посту длилась недолго, закончившись со сменой политического режима в феврале 1917 года.

Конфликт, порожденный грубым вмешательством властей в жизнь академического сообщества, затянулся на долгих шесть лет. Противостояние столичных профессоров и «назначенцев», ставшее следствием кадровой политики Л.А. Кассо, продолжилось и после его смерти. Появление профессоров-«назначенцев», образовавших единую группу, делало невозможным их инкорпорацию в академическое сообщество Петербургского университета. Поэтому конфликт мог разрешиться лишь с поражением одной из сторон, но это стало возможным только с кардинальным изменением политической конъюнктуры в результате Февральской революции. Возникновение кадетского правительства позволило фактически ликвидировать группу профессоров по назначению как активного участника университетской жизни. В соответствии с распоряжением Департамента народного просвещения об увольнении всех профессоров, назначенных министром Л.А. Кассо, и замещении образовавшихся вакансий по упрощенному методу, профессора-«назначенцы» были «разжалованы» до приват-доцентов. Только профессору Н.Н. Розину удалось добиться благорасположения столичной профессуры и сохранить свое место. В университет вновь смогли вернуться сначала М.Я. Пергамент и И.А. Покровский, а чуть позже – Д.Д. Гримм. Лица, неутвержденные прежде Л.А. Кассо, также смогли занять те должности, на которые прежде уже были избраны Советом профессоров. Конечно, назначения Л.А. Кассо отменялись в соответствии с распоряжениями нового министра народного просвещения А.А. Мануйлова, целью которого было, прежде всего, восстановить автономные начала университета. Тем не менее, расправа с профессорами-«назначенцами», по сути, стала сведением старых счетов.

Н.В. Гришина (Челябинский ГУ)

Историки «старой школы» в условиях социальных сдвигов 1910–1920-х гг.

Современная историография все более обогащается исследованиями, в которых рассматриваются жизненный опыт и научная судьба ее творцов. В русле культурно-антропологического поворота исследователи обращаются к изучению субъективного фактора в развитии науки, научной повседневности и исследовательской лаборатории интеллектуалов, а также широкому социокультурному контексту, в котором бытовали научные идеи. Особое место среди таких исследований занимают работы, в

которых рассматриваются переломные моменты в развитии исторической науки, вызванные как внутринаучными кризисами, так и влиянием внешнего мира культуры.

Историкам «старой школы» пришлось оказаться в эпицентре такого социального сдвига. Являясь генерацией ученых с дореволюционной социализацией, они в полной мере испытали воздействие и исторических макропроцессов русской революции и имплицитных факторов развития науки в форме научного кризиса.

Стратегии выживания историков «старой школы», с одной стороны, вписывались в типичный выбор, который делало в начале XX века все российское общество, с другой стороны, имели ряд отличий, обусловленных специфичными чертами ученых как социальной группы. На восприятие учеными событий первых десятилетий XX века влияли и их личностные мировоззренческие установки, принадлежность к той или иной научной культуре, персональный жизненный опыт. Опыт административной работы, приучавший сдержанно подходить к оценкам любых событий, участие в общественно-политических инициативах определяли взвешенный подход к происходящему и оптимизм одних ученых (М.К. Любавский, А.Е. Пресняков, С.Ф. Платонов, Н.И. Кареев, Е.В. Тарле), в то время как другие склонялись к драматизации происходящего (Ю.В. Готье, С.Б. Веселовский), видя в революционных трансформациях лишь гибель русской культуры.

Изначально «русская смута» привела к минимизации творческой деятельности большинства дореволюционных историков. «Я совершенно не могу работать научно, – писал в своем дневнике С.Б. Веселовский. – Время проходит изо дня в день бессмысленно и бесплодно. Все мысли и силы сосредоточены на том, чтобы быть сытым, не заболеть и поддержать свою семью» (Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 96). Ему вторил Ю.В. Готье: «Воздержание от дела остается главным занятием русского человека» (Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 33). Подобные настроения встречаем и в его переписке, где ученый сетует, что жизнь превратилась в борьбу «из-за куса хлеба, а ученая деятельность сведена до минимума. Это теперь роскошь, за которую все же цепляешься всеми силами. Вместо университетского преподавания – общий стихийный кабак» (Письма Ю.В. Готье к И.Ф. Рыбакову. 1922 г. // НИОР РГБ. Ф. 714. К. 3. Ед. хр. 4. Л. 3, 3об.). В этот период изменившиеся условия жизни сказались на бытовой повседневности академической среды, актуализировав для ее представителей вопросы выживания и борьбы за существование, к решению которых многие оказались не готовы.

В остальных аспектах жизни, особенно профессиональной сфере, четко прослеживается поведенческая стратегия возврата к прошлому, стремление сохранить дореволюционные традиции официального научного и неформального общения. Сознательное окружение себя антуражем

прошлой жизни означало поиск определенной жизненной константы, опоры на которую позволила историкам «старой школы» не потерять ценностные установки, приобретенные на формирующем этапе творчества, и удержаться в столь стремительно меняющейся действительности. Именно в этот период большинство историков «старой школы» оказались перед выбором своего дальнейшего пути. Они выбирали между тремя поведенческими стратегиями. *Первая* – внешняя эмиграция, которая оценивалась «равносильно осуждению себя на пожизненное одиночество». *Вторая* – «остаться в прежней среде, но оставить всякую мысль о научной работе, об аскетизме работника науки и направить все свои силы и образование на материальное обеспечение». Наконец, *третья* состояла «в возможности жизни среди народа и прежней научной работы» (Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 98).

Даже в самый тяжелый период, переживаемый рядовыми россиянами как катастрофа, представители исторического сообщества демонстрировали различные поведенческие стратегии. Петербургские историки, в отличие от москвичей, более целенаправленно стремились вписаться в новую атмосферу российской жизни, приняв основные условия советской действительности. Не случайно Ю.В. Готье в своем дневнике (декабрь 1918 г.) зафиксировал после одной из встреч с петербуржцами А.Е. Пресняковым и М.А. Полиевктовым «разницу в психологии Петербурга и Москвы». (Готье Ю.В. Указ. соч. С. 404–408, 464). Летом 1922 года он еще раз подтвердил свой настрой в письме И.Ф. Рыбакову: «В Петрограде во многих отношениях даже лучше, чем в Москве. И научная жизнь там течет, вдали от столичных бурь нормальнее, а издавать что-либо возможно только в Петрограде. В последнее время часто бываю там, и там мне очень нравится» (НИОР РГБ. Ф. 714. К. 3. Ед. хр. 4. Л. 1об.).

Причины различия ситуаций Ю.В. Готье видел в многочисленных выгодах отдаления бывшей столицы от новой власти. Удаленность петербургских историков от Москвы, по его мнению, содействовала тому, что большевики их меньше «теребили». Этим же он объяснял и возможность печататься, что было «немыслимо» в Москве, лучшее обеспечение петербуржцев продовольственными пайками, а также общее состояние бывшей столицы, сохранившей облик наиболее цивилизованного из русских городов. Он же заметил, что поскольку Петроград оставался большим культурным центром, постольку «большевики не могут обращаться с петроградской буржуазной интеллигенцией так, как они это делают в провинции» (Там же). Под провинцией, вероятно, он имел в виду и Москву, где в 1918–1919 гг. прокатилась целая волна арестов историков.

В сознании историков заботы, связанные с физическим выживанием, перемешивались с размышлениями по поводу дальнейшей профессиональной деятельности. В одном из писем М.М. Богословский дает советы о месте дальнейшей научной работы коллеге по историческому цеху И.Ф. Рыбакову. Рыбаков рассматривал три варианта: Харьков, где распо-

лагался «старый, имеющий традиции университет», Нежин, где давалась «возможность продолжительных командировок в Москву» для работы в архивах, и провинциальная Полтава, которая рассматривалась на равных с более привлекательными в научном плане центрами из-за того, что могла обеспечить «на голодное время в продовольственном смысле» (НИОР РГБ. Ф. 714. К. 3. Ед. хр. 3. Л. 3об-4об.).

Начиная приблизительно с 1922 г., в связи с укреплением советской власти и примирением общества с ней, происходит постепенная интенсификация научной жизни историков, выход из состояния анабиоза, возвращение к прежним планам и занятиям. В этот период усиливается сотрудничество историков с советской властью, которая еще не сформировала собственные научные кадры. Именно начало 1920-х гг. стало одним из самых продуктивных периодов в развитии российской науки: с невероятной быстротой открываются новые научные центры, многие ученые с неудавшейся карьерой в дореволюционных университетах становятся профессорами, заведующими кафедрами, руководителями научно-исследовательских учреждений.

Конечно, социально-гуманитарные науки уже испытывали на себе большее давление со стороны власти, пыгавшейся подвергнуть их регулированию с идеологических позиций. Она же предприняла ряд усилий по становлению историков нового типа – «историков-марксистов», которые стали приходить на смену генерации историков «старой школы». Однако смена одного поколения другим происходила в рамках конкурентной борьбы между их представителями. Академик Б.А. Рыбаков, рассуждая о климате, царившем в исторической науке тех лет, констатировал, что «это была эпоха широкого грандиозного поиска», который, к сожалению, все более попадал под идеологический пресс: «Выступления на дискуссиях не публиковались, и единственным источником оказывались воспоминания о слышанном докладе, о бурных прениях и темпераментных репликах» (Рыбаков Б.А. Учитель многих // Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со дня рождения академика Б.Д. Грекова. М., 1982. С. 117).

К концу 1920-х гг. внутринаучные конфликты обострились. Они приобрели не только межпоколенный, но и межличностный характер (С.Ф. Платонов и М.Н. Покровский). В основе конфликтов лежала борьба за легитимность научного статуса, обладание реальной академической властью. Их специфичной чертой стала опора на административный ресурс, результатом чего стало, например, «Академическое дело».

К середине 1930-х гг. начинается этап «спокойного» развития науки, без резких перепадов и стрессов, завершившийся формированием советской академической культуры, в которую довольно успешно интегрировались и историки «старой школы». Данная система стала отражением своеобразного социального контракта, «большой сделкой» между властью

и учеными (Подробнее см.: Паперный В. Культура Два. М., 1996; Александров Д. Указ. соч. С. 593-632).

На этом этапе можно выделить две крайние поведенческие стратегии у историков «старой школы»: они либо подчиняются советским догмам и принимают правила игры, навязанные политикой, получая за это ряд льгот и привилегий, либо используют уже привычный механизм «внутренней эмиграции», переключаясь на второстепенные виды деятельности и не надеясь на публикации.

А.Н. Зарубин (Чувашский ГУ, Чебоксары)

Трагедия старой профессуры в условиях становления советской высшей школы: последние годы жизни историка П.Н. Ардашева

Павел Николаевич Ардашев (1865–1924), известный своим трудом «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка» (СПб., 1900. Т. 1. XVI, 658 с.; Киев, 1906. Т. 2. XXII, 733 с.), был преподавателем целого ряда университетов – Санкт-Петербургского, Новороссийского, Юрьевского, Киевского. Однако если дореволюционная его деятельность получила освещение, то последние годы жизни историка практически не изучены. Архивные материалы позволяют восстановить основные вехи конечного этапа его деятельности, который пришёлся на грозные революционные годы.

В условиях преобразований, начавшихся после Октябрьской революции, учёные-историки повели себя по-разному. Некоторым историкам удалось интегрироваться в советскую систему преподавания. Для Ардашева же этот период был переломным и ознаменовался личной трагедией. Рассмотрение последних лет жизни Ардашева позволит нам, с одной стороны, заполнить существующие пробелы в его биографии, а с другой стороны, даст ещё один штрих к проблеме кризиса русской исторической науки в первые послереволюционные годы.

Незадолго перед 1917 г. деятельность профессора Киевского университета Ардашева вступила в полосу расцвета, когда он был занят плодотворной работой и был полон творческих замыслов. Но начавшаяся Февральская революция многое меняет в его планах. Сначала он связывает с революцией определённые надежды, чем обусловлена его активная деятельность по созданию Таврического университета в Крыму. 9 октября 1917 г. он выступал на заседании Совета Киевского университета с докладом об идее открытия в г. Ялте филиального отделения Университета, а затем участвовал в составе комиссии по разработке учебных планов и рекомендаций по преподавательскому составу историко-филологического факультета Таврического университета в Симферополе. Но после Октябрьской революции у учёного стали возникать большие проблемы. В 1918 г. Киевский университет был закрыт, и Ардашеву пришлось на вре-

мя расстаться с преподавательской деятельностью. Будучи в дореволюционное время активным членом Киевского клуба русских националистов (ККРН), он чудом избежал смерти от рук чекистов, которые, найдя список членов ККРН с подробными адресами, 15 мая 1919 г. расстреляли большую часть бывших соратников Ардашева. Кроме того, в 1918 г. у него произошла личная трагедия. Родственница П.Н. Ардашева Ю.Л. Стритт (Ардашева) писала, что тогда от него ушла к простому слесарю горячо любимая им жена (см.: РО ИРЛИ РАН. Р. 1. Оп. 25. Ед. хр. 139. Л. 8 об.). Но несмотря на эти проблемы, Ардашев нашёл в себе силы возвратиться к преподавательской деятельности: 27 мая 1920 г. он был избран профессором кафедры всеобщей истории Таврического университета, переименованного в 1921 г. в Крымский университет им. М.В. Фрунзе. Здесь Ардашев в 1921–1922 гг. преподавал «среднюю историю» на общественно-педагогическом отделении факультета общественных наук. В новых условиях ему пришлось считаться с историческим материализмом, с отрицательной критикой которого он выступал в дореволюционное время. Печатных исследований он в это время не создавал и смог лишь опубликовать материалы к семинарским занятиям по всеобщей истории (РГИА. Ф. 889. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 3 об, 4).

Ю.Л. Стритт пишет, что в Крыму Ардашеву приходилось «терпеть большой голод и холод и всякие лишения» и «за 1/2 лепешки ходить в горы чинить башмаки татаркам» (РО ИРЛИ РАН. Р. 1. Оп. 25. Ед. хр. 139. Л. 2, 6). Но эти лишения были проблемой не только Ардашева. По словам профессора Крымского университета И.А. Линниченко, в это время преподавателям вуза грозило «медленное умирание от истощения». По этой причине Ардашев был вынужден преподавать в нескольких местах. По ряду свидетельств, мы можем предполагать, что именно в это время у него начались проблемы с алкоголем, что негативно повлияло на его преподавательскую деятельность (РО ИРЛИ РАН. Р. 1. Оп. 25. Ед. хр. 139. Л. 2).

В 1923 г. положение преподавателей Крымского университета несколько улучшилось. Так, например, за май 1923 г. заработок Ардашева складывался из сумм, получаемых за преподавание в Педагогическом институте Крымского университета – 1564 руб., в Социально-экономическом институте – 782 руб., в общеобразовательном техникуме – 280 руб. (РГИА. Ф. 889. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 86). Итого он получал 2626 нечервонных рубля. Если перевести эту сумму в червонцы (на 1.1.1923 г. курс червонца был установлен в 175 руб. дензнаками образца 1923 г.), то получается, что Ардашев получал примерно 15 червонцев.

Летом 1923 г. Павел Ардашев приехал в Москву навестить тяжело больного брата Николая – «неузнаваемым – глухой, страшно постаревший и такой пришибленный». Если ранее он имел в Ялте два дома и много собственной земли, то теперь «он совершенно разорился», «был очень, очень несчастлив и часто даже плакал, вспоминая всё пережитое» (РО ИРЛИ РАН. Р. 1. Оп. 25. Ед. хр. 139. Л. 2-2об, 6).

19 октября 1923 г. Ардашев подал заявление об увольнении с должности профессора Крымского университета (РГИА. Ф. 889. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 91). Причиной этого решения было то, что он «прельстился на большой оклад» и «прочими удобствами», предлагаемыми ему в Витебском педагогическом институте (РО ИРЛИ РАН. Р. 1. Оп. 25. Ед. хр. 139. Л. 3, 5 об.). Здесь он, действительно, получил высокий оклад – 150 червонных рублей (с 1 января 1924 г. червонец равнялся уже 30 тыс. рублям образца 1923 г.), что превышало уровень среднемесячной зарплаты госслужащих центрального управления (РГИА. Ф. 889. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 92, 94). Разрушение на его глазах старой России, становление нового чуждого ему мировоззрения, несчастная личная жизнь, проблемы с алкоголем усугубляли горестное состояние Ардашева. В Витебске он «прожил всего 1/2 года и скончался в июне 24 г. от сердечных припадков», будучи «совсем несчастным человеком» (Там же. Л. 3).

Кто знает, быть может, ранняя смерть Ардашева избавила его от жестоких гонений как представителя «старой школы», но в любом случае последние годы его жизни являются ярким примером трагического существования части интеллигенции, не сумевшей интегрироваться в новую жизнь в переломную для страны эпоху.

В.Н. Фешкин (Национальная библиотека
им. А.-З. Валиди Республики Башкортостан, Уфа)

Участие академика М.К. Любавского в становлении исторической науки в Башкортостане

В постсоветское время российская историческая наука претерпела серьезные изменения. Подобное явление не раз наблюдалось на переломных для государства этапах его развития. Так, в 1917 г. с приходом в Россию нового государственного строя историческая наука и её деятели создали мощную советскую школу, которая, несмотря на крайнюю идеологизацию, не уступала, а в некоторых областях и опережала западные. Сейчас долго можно рассуждать о её достоинствах и недостатках, но в основании советской исторической науки стоит целый ряд учёных и исследователей, которые, несмотря на трудности того времени, сумели вывести её на международный уровень. Парадокс такого положения дел заключается в том, что советская власть, проведя широкомасштабные чистки в научной среде и убрав многих учёных из столичных вузов, выслала их в регионы, где на тот момент открывались научные учреждения, тем самым создавая предпосылки зарождения академической науки на периферии. Примером может служить «Академическое дело», начатое в 1929 г. с целью роспуска Академии наук СССР или удаления наиболее нежелательных её членов. В итоге в 1931 г. было арестовано более 100 учёных (в основном – представители гуманитарных наук), большая часть которых были осуждены к вы-

сылке в отдаленные места СССР. «Академическое дело» или «Дело историков» нанесло большой урон отечественной исторической науке: оборвалась преемственность в подготовке кадров, на несколько лет заглохла исследовательская работа. Изучение многих аспектов исторических знаний, например народничества, истории церкви, дворянства, буржуазии и т.п. оказалось под фактическим запретом. А моральный и физический надлом, который претерпели крупнейшие историки страны, сделал их, по существу, послушным орудием советской пропагандистской машины.

Однако многие учёные продолжали работать и в условиях ссылки. Так, бывший ректор Московского университета, крупнейший специалист по истории западных славян, Великого Княжества Литовского и исторической географии России Матвей Кузьмич Любавский по приговору Коллегии ОГПУ 8 августа 1931 г. был сослан в Уфу, где устроился научным сотрудником Башкирского Научно-исследовательского института национальной культуры. Он стал работать над историей башкирского народа.

Будучи блестящим администратором М.К. Любавский стал инициатором открытия в БашНИИ сектора истории, положив тем самым начало развития академической исторической науки в Башкортостане. За время его пребывания в Уфе (1931–1936) он написал четыре монографии, посвящённые колонизационным процессам в Башкирии, и подготовил сборники материалов по дореволюционной истории этого края. К сожалению, все его труды, написанные в Уфе, так и опубликованы.

Работа с местным архивным материалом, характеризует М.К. Любавского как высококвалифицированного специалиста-архивиста. Здесь сказался его опыт работы в Московском отделении Главархива в 20-е годы XX в. и ведении им специальных курсов по архивоведению сначала на Московских курсах (1918–1930), а затем в университете. Под его руководством за сравнительно небольшой период деятельности Московское областное управление архивным делом проделало значительную работу по проверке наличия и состояния архивных фондов (Голицинных, Пазухиных, Шереметьевых и др.), ценность которых как исторических источников общеизвестна. В 1920 г. Г.В. Чичерин пригласил М.К. Любавского принять участие в качестве эксперта по архивным вопросам на Рижской конференции по заключению мирного договора с Польшей. В рамках возврата культурных ценностей соседней страны сразу же после Февральской революции стали предъявлять претензии к молодой России. Поляки особенно настойчиво возобновили свои требования после противостояния 1920 г. В 1922 г. М.К. Любавский, будучи членом комиссии по реализации Рижского договора, выработал рекомендации так называемой «архивной реституции» (НИО ОР РГБ. Ф. 364. Оп. 1. Д. 13. Л. 30).

Еще в 1918 г. ученый неоднократно заявлял о необходимости открытия специальных учебных заведений для подготовки архивных кадров. Выступая в 1921 г. на I съезде архивных деятелей РСФСР, М.К. Любавский выдвинул разработанный им проект организации в Мо-

ске и Петрограде двух архивно-археографических институтов. Сохранился Проект-записка «Об организации архивно-археографического института в Москве» (НИО ОР РГБ. Ф. 364. Карт. 4. Ед. хр. 2. Л. 415). В нем подчеркивается необходимость положить в основу учебного процесса вузов изучение историографии, источниковедения, истории права, архивоведения и археографии. Значительное количество часов отводилось и для практических занятий.

В работах, посвящённых истории Башкортостана, М.К. Любавский делает уклон в сторону позитивизма. Однако, как представитель московской исторической школы, ученик В.О. Ключевского и последователь С.М. Соловьёва, чаще он всё-таки придерживается чёткой линии государственника. Для монографий М.К. Любавского характерно полнотекстовое цитирование источникового материала и подробная его характеристика, что говорит о влиянии на него трудов С.М. Соловьёва. Источники, которые использовал М.К. Любавский, относятся по своему типу к законодательным, актовым, делопроизводственным, статистическим, личного происхождения и т.д. Тем не менее, он не раз высказывался о необходимости привлечения источников из столичных архивов, настаивал на отправке его в командировку в Москву, но ссыльному историку было в ней отказано (НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 13. Л. 5).

М.К. Любавский положил начало изучению феодальных отношений в башкирском обществе, взаимоотношению башкирских феодалов с Российским государством, выявил причины и предпосылки башкирских восстаний в XVII и XVIII вв. и сделал попытку раскрыть суть колонизационных процессов на территории Башкортостана, связывая события, происходившие в нём, с общемировой тенденцией. Историк провёл широкий научный анализ документов, применяя как общенаучную методiku, так и сравнительно-исторический метод. По аналогии со своими ранее созданными трудами привлекал автор к исследованиям и другие научные дисциплины: почвоведение, сравнительно-языковой анализ, географию, генеалогию, тем самым увеличивая ценность своего исследования.

М.К. Любавского, несмотря на то, что его уфимские работы были написаны в первой половине 30-х годов XX в., трудно назвать советским историком, поскольку в их содержании отсутствует идеологическая составляющая того периода, когда идеи марксизма-ленинизма являлись господствующими в исторической науке. По стило они практически не отличаются от его основных дореволюционных фундаментальных работ. Таким образом, можно выделить несколько особенностей отмеченных нами в процессе рассмотрения его произведений, посвящённых истории Башкортостана. Во-первых, значительное количество архивных и статистических данных приводимых им часто целиком, дает основание подходить к его работам как к объективным и научно ценным исследованиям. Во-вторых, в свойственном М.К. Любавскому стиле история феодальных отношений в Башкортостане рассматривается сквозь призму юридическо-

правовых взаимодействий между властями, феодалами (башкирами) и землепользователями (припущенниками, арендаторами). В-третьих, ученый, работая над вопросами феодализма в башкирском обществе, подводит к мысли о сходстве его с феодальными отношениями славянских народов, когда те находились на той же ступени развития.

В связи с окончанием срока ссылки 5 ноября 1935 г. Управление НКВД по Башкирской АССР выдало М.К. Любавскому справку о его освобождении. Однако проживание М.К. Любавского в Москве, Ленинграде и столицах союзных республик было запрещено. Старый ученый еще долго и безуспешно добивался своей полной реабилитации или хотя бы смягчения условий его жизни, но это в те годы было нереально. Он не выдержал психологической нагрузки, здоровье его окончательно было подорвано. 22 ноября 1936 г. М.К. Любавский умер и был похоронен в г. Уфе.

Посещали могилу М.К. Любавского в 40-е годы иностранные делегации из стран Восточной Европы, где он до сих пор считается крупнейшим специалистом по истории западных славян. Заслуги Любавского признавались и в среде советских историков, которые в своих трудах ссылались на него. Неоценим и его вклад в развитие исторической науки в Башкортостане. Ученый качественно изменил знания о республике, поставив важные проблемы истории башкирского народа и подняв их на академический уровень.

В.М. Бухараев (Казанский ГУ)

«Краткий курс истории СССР» 1937 года – учебник истории и учебник жизни

Если символом «возвращения» истории в систему образования служит опубликованное в «Правде» 16 мая 1934 г. постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР», то само возрождение дисциплинарного историознания восходит к учебнику, подготовленному т.н. бригадой Московского педагогического института имени А.С. Бубнова под управлением А.В. Шестакова – в революционном движении с 1898 г., партпрозвище Никодим, видная фигура на «историческом фронте» тридцатых годов, один из руководителей Общества историков-марксистов. У «первенца советских учебников по истории СССР» (образ Т.Н. Савельевой) – ещё один, первостатейный автор: сочинители наставления ровно прилежные ученики следовали предписаниям Сталина, а проведённая им правка «настолько велика, что позволяет делать выводы о высокой степени его личного участия в подготовке текста учебника» (Дубровский А.М. Историк и власть. Брянск, 2005. С. 281).

Вождю было для чего так стараться. В «элементарном» учебнике явлена каноническая версия российской истории времён «полнолуния» (Сия метафора в середине двадцатых измыслена А.В. Шестаковым для «оши-

бочной» оценки (впоследствии, разумеется, пересмотренной) октябрьских событий 1905 г. как времени наивысшего подъёма первой русской революции) госмонопольной идеократической системы, исполненная в редукционистском и архаизированном дискурсе идеологии «второго большевизма». Первоучебник предназначался не только для всех школьников – учебники по истории СССР для старших классов, а также по древней истории, истории средних веков и новой истории появились только в последнем предвоенном году, – он открывал «широкое и плодотворное изучение и преподавание одной из важнейших наук в системе общего образования и политического воспитания советского гражданина – науки истории» (Знать историю народов СССР // Правда. 1937. 22 августа). Сталин изменил первоначальное название учебника – «Элементарный курс истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории» – на «Краткий курс истории СССР», так он и увидел свет в 1937 году. Заголовок издания 1938-го: «История СССР. Краткий курс» уже полностью отвечал конфигурации наименования появившейся в этом же году своего рода автобиографии властителя, какой и являлась «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс».

Учебник под редакцией А.В. Шестакова немало потрудился на ниве культурно-идеологической интерпелляции подрастающих поколений. За неполные два десятилетия, с 1937 по 1954 гг., он издавался восемь раз (с перепечатками – двадцать пять) миллионными тиражами. Более того, в послевоенное время «шестаковский» скрипт вместе с «панкратовским» и иными пособиями распространялись в западных странах, где клерикально-монархические и праволиберальные круги эмиграции тем более решительно отрекались от них как от «тенденциозно-лживых и бесстыдно-пропагандных» (См.: Кадесников Н.З. Краткий очерк русской истории XX века. Нью-Йорк, 1967. С. 5.), что подвергнутая переопределению идейно-концептуальная версия «непрерывной национальной государственной истории» (См.: Зверева Г. Конструирование культурной памяти: «наше прошлое» в учебниках российской истории // НЛЮ. 2005 № 4) претендовала на замещение культивируемых в русском зарубежье образов тысячелетнего шествия русской православной державы.

В немногих штудиях, затрагивающих родословную советских учебников, в центре внимания оказывается вопрос о сопряжении державной *patriotic*'а с коммунистической идеей и его дериваты – а-ля виговское конструирование взаимосвязей минувшего и современного, апологетика российских автократов etc. Меж тем не только на основе доброй старой положительной науки, но и посредством дискурсного анализа, психоистории, других сильных интерпретативных технологий не удаётся заполучить цельный образ учебника Шестакова. В лучшем случае травматическая сердцевина его текста улавливается на уровне симптомов. Проницательный учёный из Пенсильванского университета находит «поражительным», что учебник наряду с восхвалением Ивана Грозного и Петра Пер-

вого «неприкрыто откровенен» в обсуждении их «кровавых методов», хотя вот Сталин убрал фразу о том, что «после завоевания Иван отдал приказ вырезать всё население Казани с последующим разграблением этой земли» и т.д. (Платт К. Репродукция травмы: сценарий русской национальной истории в 1930-е годы // НОЛ. 2008. № 2. С. 74, 75). Заглавный аллегорический посыл пособия ускользает от вопрошающего его смыслы субъекта, поелику он сам включён в картину эволюции учебной литературы как регистра проекта Просвещения с его пониманием морали, пусть оно и утилизуется в эпохи «бури и натиска».

Панорамное лицезрение проблемы оказывается возможным путём мобилизации параллаксных техник, позволяющих схватить из одной точки наблюдения два уровня, две, хотя и тесно связанные перспективы, но между которыми «не существует никакого контакта», «нет никакого общего языка, никакого общего основания», а потому «невозможен никакой синтез или опосредование» (См.: Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М., 2008. С. 12, 24 и др.). И впрямь, «Краткий курс истории СССР» бытийствует в двух измерениях: учебник истории, приобщающий молодые умы к этаким идеям как высшей общественной ценности, открывающим дорогу к светлому послезавтра, и – учебник жизни, камертоном к научению навыкам которой служит его исходный сюжет.

Всё последующее содержание учебника отмечено брутальной натурализацией образов истории, он сам – «тяжёлый молоток», каким замахнулись на просвещенческий гуманизм. Внутри этого мира «войны всех против всех» изображение насилия дозируется в зависимости от выпячивания положительных или отрицательных характеристик персонажей, а иные лингво-семантические конструкты предстают в качестве результатов трансфера сталинского мировидения.

Подрывное ядро учебника – не просто опирающаяся на идеи Т. Гоббса, Л. Гумпловича, Е. Дюринга, П. Прудона и других теоретиков насилия теодицея, согласно коей «оплаченная человеческими жизнями “цена” поступательного “движения истории” всегда оказывалась справедливой» (Платт К. Указ. соч. С. 70). Рождённое в 1937-м руководство по истории – инструмент внедрения жестокосердия в качестве нормы повседневности. Таким образом, сталинизм входил в рискованное противоречие с самими основами жизнедеятельности, а это не могло не осознаваться и политическим классом, и интеллектуальными слоями. «Если встретятся русский, украинец и белорус и начнут разговаривать каждый на своём родном языке, они легко поймут друг друга. Русский, украинцы и белорусы – родные братья. Они произошли от общих предков – восточных славян», – этот идиллический пассаж, заменивший сюжет об орудии первобытных двуногих для умерщвления животных, содержится в учебнике, который школа получила в год XX съезда партии (См. Алексеев С.П., Карцов В.Г. История СССР. Учебная книга для 4-го класса. М., 1956). Но дело прототипа учебников по истории не пропало.

**Концепция немецкой культуры И.И. Иоффе:
опыт возвращения из забвения**

Книга И.И. Иоффе «Мистерия и опера. Немецкое искусство XVI–XVIII вв.» (Л., 1937) – первая в советской науке монография по художественной культуре Германии, в которой была развернута панорама культурного развития страны в эпоху позднего Ренессанса, Реформации и раннего Нового времени, «составленная» её из фактов, имен, событий повседневной жизни на фоне эволюции философских представлений, религиозных и социально-классовых конфликтов, борьбы за государственное единство, происходившей в немецком обществе. Удивительно и парадоксально: «Мистерия и опера» была опубликована в 1937 г., в самое «глухое» для советской науки время, в разгар обострения «классовой борьбы». В этой эпохе не все было закономерно; иногда «цензуру» проскакивали совершенно «несоветские» произведения.

Титаническая работа, проделанная И. Иоффе по осмыслению огромного массива фактического материала, приобретает особую значимость в наши дни, когда «очистились перспективы, выровнялись шероховатости, а дни стали временем» и у читателей книги появилась возможность взвешенно и по достоинству оценить то, что автору удалось сделать – представить целостный образ немецкой культуры. И. Иоффе сумел выработать типологическую модель культурной истории Германии, синтетически соединив в одном тексте факты и события по истории музыки, литературы, философии, и даже этнопсихологии германцев позднего средневековья. Он впервые ввел в научный оборот ранее неизвестные отечественному читателю иконографические источники по художественной культуре Германии XVI–XVIII веков: забытые гравюрные серии, малоизвестные картины немецких живописцев (Шлютера, Графа, Пена, Гесснера, Менгс, Тишбейна, Фюгера, Кауфман, Ходовещкого, Заекаца и др.), целый ряд музыкальных произведений немецких композиторов, стоявших у истоков национальной оперы (Грауна, Метастазιο, Тейля, Франка, Штраунка, Куссера, Кайзера, Генделя, Гассе, Грауна, Штамица).

Вступая в научную полемику с ведущими теоретиками XVIII–XIX вв. (И. Матессоном, И. Винкельманом, Г. Кон-Виннером, Г. Кречмаром и др.) в области музыкальной и художественной культуры, И. Иоффе, смело доверявший своей научной интуиции, открывает новые направления гуманитарного знания: «музыкальное источниковедение», «медиевистическую культурологию», «культурную антропологию». Эти дисциплины в конце 30-х гг. XX в. еще не были конституированы в отечественной науке. Более того, оформление их предметных границ и проблемного поля окончательно не завершено и в наше время. Потому можно

полагать, что Иоффе выступал как ученый-экспериментатор, выходящий на передовые рубежи мировой науки.

В истории книги И. Иоффе до сих пор много неясного. Изучая его биографию, нельзя пройти мимо того факта, что в 30-е годы близким другом И. Иоффе был О.Л. Вайнштейн (1894–1980), один из оригинальных советских медиевистов, специалист по истории Германии. Можно предположить, что в беседах И. Иоффе с О. Вайнштейном происходило обсуждение научных тем, близких интересам обоих ученых. Заметим: О. Вайнштейн еще до революции прошел прекрасную школу медиевистики в Новороссийском университете у П.М. Бицилли. В этом сочетании имен Иоффе – Вайнштейн – Бицилли просматривается линия преемственности: от российской медиевистики начала XX века к новому направлению культурной истории середины столетия, линия, представляющая интересный сюжет для историка культурологического знания. Известно, что П. Бицилли еще до революции ставил вопросы средневековой культуры Европы в широком культурологическом контексте.

Учитывая доверительные отношения между И.И. Иоффе и О.Л. Вайнштейном, трудно объяснить факт умолчания, который обнаруживается при обращении к фундаментальному исследованию О.Л. Вайнштейна «История советской медиевистики (1917–1967)» (Л., 1967), где среди отечественных исследований художественной культуры Германии XVII в. названа лишь книга А.Н. Изергиной. Возможно, «упущение» О. Вайнштейном объясняется нежеланием иметь неприятности по поводу почти забытого к этому времени ученого или были причины другого порядка. Напомним, что осторожность не помогла О. Вайнштейну избежать в свое время обвинений в «космополитизме».

Игнорирование «Мистерии и оперы» научной критикой было связано, возможно, с междисциплинарным характером исследования, не вписывавшегося в границы существовавших тогда норм академического знания. Поэтому «возвращение» её в лоно истории отечественной гуманитаристики важно не только из этических соображений.

Можно утверждать, что монография И. Иоффе – это совершенно самостоятельное и оригинальное исследование художественной культуры Германии XVI–XVIII вв. Предложенный И. Иоффе перевод слова «la danse», равно как и новая версия интерпретации смыслового содержания культурного феномена «Danse macabre» можно рассматривать как одно из научных открытий. Научное осмысление этого культурного феномена началось еще во второй половине XIX века. «Новая волна» интереса к этой теме пришлось на период конца 60-х – 80-е гг. XX в. Однако трактовка феномена «Danse macabre», предложенная И. Иоффе, не встречается в культурологических исследованиях до настоящего времени. В отечественном гуманитарном знании эта тема стала вновь привлекательной для искусствоведов, медиевистов и историографов в конце 90-х гг. XX в. в работах М.Ю. Реутина, В.Б. Мериманова и др. Открытие И. Иоффе про-

шло незамеченным в сообществе российских медиевистов, германистов и в кругу историков искусств. Концепция «Северного Возрождения» И. Иоффе, его гипотеза перерождения мистерии в оперу ещё не получила культурологической оценки.

Тонкие наблюдения и верные оценки, мастерская интерпретация источников, продемонстрированная И. Иоффе, дают основания поставить его в один ряд с выдающимися культурологами своего времени: И. Хейзингой, П. Бицилли, Г. Вельфлиным, О. Бенешем. В самой постановке вопроса, поиске истоков Возрождения в глубинных пластах средневековой культуры Германии концепция И. Иоффе созвучна с концепцией Й. Хейзинги, которая была ему неизвестна на момент написания книги. Это совпадение свидетельствовало о чуткости И. Иоффе к передовым направлениям европейской науки в то время, когда опустился «железный занавес» и советская наука была искусственно изолирована от мирового научного процесса. В книге «Мистерия и опера» щедро рассыпаны блестящие идеи, которые уже в середине 30-х гг. прошлого века обозначали передовые рубежи мировой науки, их восприятие могло бы обогатить и новейшие исторические и культурологические исследования.

Д.М. Колеватов, В.П. Корзун (Омский ГУ)

Трансформация ценностных ориентаций в отечественной гуманитаристике в период борьбы с космополитизмом

Компании по борьбе с космополитизмом могут изучаться в различных ракурсах, содержательно плодотворным представляется в данном случае одновременное использование нескольких вариантов бинарных оппозиций: политическое – научное, идеологическое – карьеристское, столичное – провинциальное и т.д. Как оппозицию такого рода можно рассматривать и «официальное – рутинное», соотнося инициативы властного Олимпа и социально-фильтрующую, рутинизирующую их деятельность научного сообщества.

Адаптируясь к руководящим указаниям, научное сообщество неизбежно ассимилирует их, включает в собственное ценностное поле. Этот процесс рутинизации приводит к оформлению писанных и неписанных, «правил игры» советской гуманитаристики, доминантно-историографических ее оснований. Трудно переоценить важность рубежа 40-50-х годов XX в. для формирования механизмов восприятия властных инициатив сообществом отечественных гуманитариев, придания им принципиальной ценностной определенности. В тоже время экстремальная ситуация «абсолютной идеологической простреливаемости» – а именно так вдумчивые наблюдатели характеризовали рассматриваемый нами период – оказалась чрезвычайно значимой и для становления механизмов со-

циальной коммуникации, ценностной фильтрации внутри самого научного сообщества (отсечения / переработки / использования ценностно-сомнительного в собственной среде). Выработанные в процессе рутинизации социального заказа формы социального бытования науки закрепляются на несколько последующих десятилетий, что актуализирует рассмотрение обозначенных вопросов для прояснения феномена советской историографии в целом.

Указанные процессы могут быть рассмотрены через деятельность кафедр исторических факультетов провинциальных вузов, которые являлись «главными опорными инфраструктурными элементами социокультурного ландшафта развития исторической науки» (Рыженко В.Г. Социокультурный ландшафт советской исторической науки во второй половине 40-х – начале 50-х гг. XX века: возможности реконструкции // Исторический ежегодник. 2008. Вып. 3. Всеобщая история. Историография / Под ред. А.В. Якуба, В.П. Корзун. Омск, 2008. С. 135). Кафедры в сложившейся исторической ситуации выступают и опорными пунктами, ключевыми трансляторами инициированных властью идеологических компаний, в некоторой степени даже соавторами-интерпретаторами властных инициатив. Это имело место быть даже в жестких рамках перекрестного двойного контроля – с одной стороны, контролирующие функции принадлежали Министерству высшего образования СССР, предписывающего кафедре в приказном порядке участие в идеологических кампаниях и требовавшего стенографических отчетов о том, как выполнялись приказы и директивные письма. Показательно в этом смысле обсуждение книги Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» – в запуске, подведении промежуточных и окончательных итогов проработочных кампаний определяющую роль играли директивные указания министерства.

С другой стороны, контроль осуществлялся и по партийной линии; эта форма контроля была даже более жесткой и судьбоносно значимой для членов научных сообществ. Можно говорить о сложившемся проработочном ритуале, который включался статьями в центральной и местной прессе, указующими объект атаки (критическая статья была предупреждением, разоблачительная приговором, хотя дистанция в содержательном и временном плане здесь зачастую была невелика). Далее следовала обязательная реакция – осуждение / покаяние на партсобраниях и кафедральных заседаниях. «Обратная связь» предусматривала рапорт об исполнении – отчеты и стенограммы, направляемые в центр.

При этом следует учитывать, что провинциальные гуманитарии, адаптируясь к изменяющемуся в процессе реализации властных инициатив социокультурному контексту развития науки, пытаются проявлять гибкость, ассимилировать эти инициативы, перевести их на уровень текущей повседневности (профессиональные заботы и личные счета), минимизировать для себя их разрушительное воздействие. Адаптация, как известно, процесс двуединый, включающий как аккомодацию (усвоение

правил среды, уподобление ей), так и ассимиляцию (уподобление себе, преобразование среды). Любой социальный организм воспринимает импульсы извне в соответствие со своей внутренней природой, согласовывает их в определенной мере с требованиями и ожиданиями его акторов.

В период 1945 – начала 1947 гг. властное давление на науку носило относительно умеренный характер. Реакция ученых, как свидетельствует архивный материал по рассматриваемым нами провинциальным научным центрам – Иркутску, Омску, Перми, – носила характер неизменной лояльности. В рамках первичных структурных подразделений – кафедра, факультет, партсобрание – декларировалась приверженность основополагающим принципам / правилам игры / научному габитусу советской гуманитаристики. К таковым относились марксистская научность, классовый подход, советский / русский патриотизм («участие нашего народа в истории огромно»), личная скромность, борьба с групповщиной, критика и самокритика как нормы желаемой научной повседневности и т.д. Штормовые явления в советском научно-образовательном mainstream'e создаются властными инициативами сверху – отметим в этом плане, как наиболее упоминаемые в архивных документах, дело Клюевой и Роскина, обсуждение книги Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии». Переломным, таким образом, явился 1947 год.

Опосредствующие реакции местных деятелей науки в этих условиях приобретали следующие формы. Безусловно, декларировалась солидарность с генеральной линией, намечались конкретные меры, включая неперемнное подчеркивание приоритета отечественной науки везде, где это было возможно, свертывание «подозрительных» научных контактов, отказ от публикаций в иностранных журналах и даже «выводов к работам наших ученых на иностранных языках» в отечественной периодике. Тема единства научного процесса, почти не затрагиваемая на провинциальном уровне в предшествующие годы, поднимается и рассматривается в контексте изменившейся ситуации, акцентируется тезис о принципиальной противоположности «передовой» советской науки и «реакционной» западной, буржуазной. Реальным основоположником отечественной исторической науки, согласно рассматриваемым материалам, может выступать только русский по национальной принадлежности – Татищев или Ломоносов, но ни в коем случае не Миллер, Байер или Шлецер. Намечаются конкретные, персональные носители космополитической ереси – от профессоров и доцентов до аспирантов и студентов. В тоже время наблюдалось стремление вывести себя, кафедру, друзей и добрых знакомых из под удара. Как действительно «остаточные явления» научной независимости отмечались единичные случаи уклонения от участия в проработочных кампаниях под предлогом недостаточного знания предмета, профессиональной некомпетенции (что едва ли было верно для профессорского уровня). Перевод «борьбы с космополитизмом» на уровень обыденности, научной повседневности приводит к раздроблению «могучей силы боже-

ства» (властных указаний). Компания приобретает всеобъемлюще-размытый характер – под эту категорию попадают и служебная халатность, и клановость, и игнорирование сельхозработ, и неявка выпускников на места распределения, и т.д. Борьба с космополитизмом приобретает характер банальной склоки – это могло приводить к трагическим последствиям для отдельных представителей научного сообщества, но в целом лишало её сколько-нибудь серьезных перспектив (но, увы, не последствий для науки в целом).

В тоже время научное автономное пространство сохраняется (в деформированном виде) даже в столь неблагоприятных условиях. Более того, по некоторым направлениям обнаруживаются тенденции к его расширению. Это проявляется и на институциональном уровне – создание кафедр по истории науки и техники, введение специальных курсов по этой проблематике, активизации изучения, в том числе путем создания специальных кафедр истории славянства. Историческая конъюнктура в какой-то мере совмещалась с логикой развития науки, ученые пытались использовать ее, иногда не безуспешно, в своих интересах. Оформление символического пространства советской науки не избавляло от необходимости решения собственно научных проблем. В рамках борьбы с космополитизмом провинциальные ученые часто смещают акценты, подменяя содержание кампании. Ими актуализируются как важные научные проблемы, так и проблемы самоорганизации научно-педагогического сообщества. В дальнейшем власть вынуждена была мириться с существованием сферы научной автономности и, как указывает Л. Грехем, допускалось «служение истине... не приводящее автоматически к конфликту с системой» (Цит. по: Наука и кризисы. СПб., 2003. С. 777).

Т.А. Бульгина (Ставропольский ГУ)

Предпосылки перемен в советской историографии конца 1950-х годов

Советские историки середины 50-х гг. представляли собой то же научное сообщество, что и в конце 40-х гг. XX в. В связи с политическими и духовными переменами в стране после смерти Сталина сущность режима не изменилась, но при всей стабильности советской системы тогда в её основах появились едва заметные трещины, которые впоследствии привели к ее разрушению. Таким образом, изменились условия бытования и творчества советских гуманитариев, что меняло характер профессионального и социального поведения отдельных личностей. Это, в свою очередь, влияло и на общий характер продукции советской историографии.

Вместе с тем новые явления в советской исторической науке конца 1950-х – начала 1960-х гг. не были чистым следствием внешних обстоятельств, как и сами социально-политические обстоятельства, но посте-

ленно созревали в недрах первого послевоенного десятилетия. Перемены происходили, во-первых, в толще общественного сознания под воздействием Великой Отечественной войны, а это, так или иначе, отражалось в государственной политике. В годы войны эффективность репрессивной политики ослабла по объективным обстоятельствам, а чувство национального самосознания и свободной воли выросли. Кроме того, воевавшие увидели «капиталистический» мир своими глазами, что способствовало развитию самостоятельного критического анализа своей советской действительности. Великая Победа отразилась на состоянии советской интеллектуальной общественности. Деятели культуры и науки, отражая настроения народа-победителя, трансформировали их в рациональные идеи, связанные с потребностями обновления страны. Эти идеи позже вновь возвращались в общество уже на иных этапах развития страны.

Режим улавливал угрозу его благополучию, что вело к усилению партийно-государственного диктата в духовной сфере в последнее десятилетие жизни Сталина. Это было не только прямым продолжением политического террора тридцатых годов, но и следствием появления новых факторов советской жизни. Руководство стремилось ослабить опасность роста национального самосознания, «тлетворного» влияния открытого нашими соотечественниками буржуазного Запада, чувства свободы населения, вошедшего в состав СССР накануне войны, «опасных» мыслей и творческих поисков интеллигенции. Главным оружием в этом стало усиление идеологического давления.

Таким образом, одним из контекстов послевоенной советской историографии стало идеологическое наступление власти на общество, что выразилось не только в знаменитых постановлениях ЦК ВКП (б) о литературе и искусстве. С января 1944 по август 1945 гг. вышло около 20 партийных постановлений по идеологическим вопросам, которые непосредственно касались и социально-гуманитарных наук. С одной стороны, историков как и других работников науки и культуры «ставили на место», «поправляли», а с другой – власть стремилась активнее использовать историю как орудие подавления опасных общественных настроений. Под лозунгом разоблачения национализма и местничества партийная верхушка развернула борьбу против крепнувшего чувства национального достоинства жителей республик Советского Союза. Согласно другой группе партийных постановлений об идеологической работе на территориях, вошедших в СССР в начале Второй мировой войны, руководство высшей школой РСФСР обязано было направить подготовленных историков, экономистов, философов из центра в окраинные республики. В частности, кадры преподавателей марксизма-ленинизма Восточной Украины были командированы в учебные заведения западных областей, из РСФСР были посланы политически подготовленные учителя истории в западные районы Белоруссии, из России в Молдавию приехали 6 гуманитариев, канди-

датов наук, завершивших учебу в аспирантуре, а на Украину – 8 ведущих кафедрами марксизма-ленинизма.

Сталинское руководство еще в конце 1940-х гг. почувствовало ослабление внутренней силы официальной идеологии, которая основывалась на таких иррациональных явлениях, как вера и страх, поэтому наряду с традиционными репрессивно-административными мерами предпринимались попытки рационализировать функции идеологии за счет усиления ее научного потенциала. Подобная тенденция в полную силу проявится в 1970-е гг., но появилась она уже после войны. С целью повышения научной квалификации грамотные кадры для партийно-политической работы, в том числе и историков, в 1947 г. при ЦК ВКП(б) была создана Академия общественных наук. Стала поощряться защита кандидатских диссертаций лекторами партийных комитетов, для чего при Высшей партийной школе (ВППШ) ЦК ВКП(б) были организованы комиссии для приема кандидатского минимума и создан Совет для защиты кандидатских диссертаций.

В то же время на состоянии исторической науки в Советском Союзе 40-х годов сказывалось противоречие между стремлением власти свести историю к инструментальным функциям идеологии и спецификой научного знания. В гуманитарных и социально-экономических науках, вопреки жесткому идеологическому диктату, в силу самой природы научного знания сохранялись зерна творческого и рационального мышления. Поэтому любое интеллектуальное усилие, даже погруженное в трясины пропагандистской риторики, становилось опасным для тоталитарного руководства и требовало официальной коррекции. Партийное руководство стремилось возложить на историков, как и на других гуманитариев, ответственность за непродуктивность идеологической работы. Время от времени конкретные историки, в том числе и наиболее лояльные режиму, обвинялись то в национализме, то в космополитизме, то в буржуазном либерализме.

Так, в докладе секретаря ЦК, члена политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданова 14 августа 1944 г. «О недостатках и ошибках в научной работе в области истории СССР» разгрому подверглись основные учебники по истории СССР, авторами которых были видные советские историки. Жданов обвинил таких историков как Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин, М.В. Нечкина, в научной некомпетентности, т.к. учёные позволили себе добросовестно изложить суть дискуссии о норманском происхождении Древнерусского государства, отметив, что длительный научный спор не дал окончательного решения вопроса. По мнению главного сталинского идеолога, ученые принижали историческое прошлое России, а развитие русской культуры ставили в зависимость от западноевропейской мысли. Особым нападкам уже тогда подвергся советский историограф Н.Л. Рубинштейн, который в конце 40-х – начале 50-х гг. станет одной из центральных фигур обвинений за «космополитизм». Жданов упрекал его за благосклонность к трудам таких ученых, как Байер, Шлецер, Миллер.

В записке секретарю ЦК партии А.С. Щербакову в 1944 г. начальник Управления пропаганды и агитации философ Г.Ф. Александров, который через три года сам подвергнется партийному погрому, обвиняет научного редактора учебника по истории СССР для средних школ А.М. Панкратову за то, что в книге упоминаются «норманнские завоевания» и «призвание варягов». Как принижение роли русской культуры расценивается тот факт, что в учебнике не упомянуты М.П. Лазарев и Ф.Ф. Ушаков, нет иллюстраций с изображениями Дмитрия Донского, Александра Невского, Минина и Пожарского, но есть портреты Чингисхана, Батыея, Лжедмитрия.

Однако давление на историков и историческую науку со стороны режима не отличалось последовательностью и логикой. Анализ политических обвинений показывает неуверенность власти в эффективности идеологической работы. Поэтому от гуманитариев требовалась не только интеллектуальная верность марксизму-ленинизму, но и соблюдение необходимых ритуальных приличий. В их разряд в условиях возрождения уваровской формулы, где православие заменялось коммунизмом, а самодержавие – партийностью, попадал и интернационализм. Например, в лекции, прочитанной Е.В. Тарле перед историками Саратова, он призвал отказаться от шаблонов в исторической науке и высказал мысль о прогрессивности внешней политики Александра I и Николая I, что было расценено партийным руководством как ошибка «великодержавного шовинизма». Соблюдение ритуалов предполагало и своевременное цитирование вождя.

В целом разгромные идеологические кампании в области литературы, искусства и науки, а также грубая критика в адрес отдельных ученых призваны были держать деятелей науки и культуры в постоянном напряжении, создавая атмосферу неуверенности, надлома и подозрительности в научном сообществе. В то же время характер политики власти в тот период обнаруживал метания режима и его бессилие полностью подчинить партийно-государственному контролю процесс творчества.

Е.В. Червяцов (Казанский ГУ)

Заметки на полях «истории»: о профессиональной этике взаимоотношений историков А.С. Шофмана и В.И. Адо

Прочное утверждение в последние десятилетия традиции корпоративного самоописания историков Казанского университета неизбежно ставит перед современными исследователями множество проблем неисторического свойства. Одним из них при изучении современной истории *alma mater* становится проблема исследовательской и общечеловеческой этики, в частности, культуры коммуникаций между учеными в процессе совместной научной работы. Дискуссии относительно того, каким должен быть некролог, что должна содержать в себе юбилейная статья, кто достоин публичного поздравления, а кому пока стоит подождать, выходят из

пространства собственно истории в пространство моральных норм и оценок. Создавая подобные работы, автор, как правило, решает сам, где положить предел исторической достоверности, и что есть правда, если она приносит боль, выходя за мифо-ритуальное поле корпорации, либо оставаясь в нем. Однако в поисках собственной стратегии исследования ученые часто обращаются к примерам своих коллег, учителей и даже историков прошлого. В настоящем докладе автор обращается к одному из таких сюжетов – истории с подготовкой в конце 1970-х гг. истории Казанского университета (См.: Казанский университет, 1804–1979: Очерки истории. Казань, 1979. 304 с.), участие в которой приняли известные историки-всеобщники КГУ профессор А.С. Шофман и доцент В.И. Адо.

В написании IV главы указанного издания, посвященной изучению современных (для той поры) направлений научных исследований в КГУ, принял участие коллектив в составе 32 человек. Следует отметить, что, в отличие от предыдущих глав, где авторство определялось исключительно «по интересам», в данной главе разделы были распределены «по разнарядке» преимущественно между заведующими кафедрами, директорами НИИ, лабораторий, обсерватории и иных подразделений университета (87,5% от общего числа авторов). Не по должности в авторский коллектив были включены только четверо: профессор Е.П. Бусыгин, доценты В.И. Адо, Л.С. Ачкасова и Л.М. Пивоварова. В случае с двумя последними ситуация ясна: они оказались единственными представителями своих кафедр в авторском коллективе, а потому могли по каким-то причинам заменить заведующих в столь ответственном мероприятии. С Е.П. Бусыгиным и В.И. Адо дело обстояло иначе. Наряду с первым из них среди авторов значится и профессор А.В. Ступишин – заведующий кафедрой физической географии, на которой работал тогда Е.П. Бусыгин. Но последнему было поручено написать подраздел «Этнография», в области которой он считался крупнейшим специалистом. Интересно дело обстояло и с разделом «История». Очевидно, первый из двух его подразделов – «История СССР» – был написан профессором И.М. Ионенко. Следовательно, второй подраздел – «Всеобщая история» – является продуктом совместного творчества А.С. Шофмана и В.И. Адо. Проблема авторства в коллективных трудах с неподписанными структурными частями может быть разрешена путем обращения к первоисточникам: либо непосредственно к предполагаемым авторам, либо к архивным материалам. К сожалению, и А.С. Шофман, и В.И. Адо уже скончались, а рукописей именно этой работы в архивах историков не сохранилось.

Зачем понадобилось включение в авторский коллектив еще одного всеобщника, помимо А.С. Шофмана, и почему выбор в данном случае пал на В.И. Адо? Опираясь на косвенные свидетельства, попытаемся построить гипотезу. К 1979 г. знакомство А.С. Шофмана с В.И. Адо продолжалось уже более 35 лет. Состоялось оно в период Великой Отечественной войны в Ашхабаде, где оба занимались педагогической (а А.С. Шофман

еще и общественной деятельностью). Работа по партийной и общественной линии сблизила А.С. Шофмана и В.И. Адо и постепенно переросла в дружеские взаимоотношения. Кроме того, их объединяли научные интересы: оба изучали проблемы истории балканских славянских государств (Македонии и Болгарии соответственно) и историографии всеобщей истории. Имелись и общие знакомства в научной сфере: так, член-корреспондент и директор Института истории АН СССР В.М. Хвостов дружил с В.И. Адо со времен совместной учебы школе и институте и вместе с тем поддерживал тесные контакты с А.С. Шофманом, сложившиеся в ходе защиты последним кандидатской диссертации в Москве.

После демобилизации В.И. Адо возвратился в Казань, где стал заместителем декана истфилфака КГУ по научной работе (1946–1947) и старшим преподавателем кафедры всеобщей истории. Именно он порекомендовал ректору КГУ К.П. Ситникову кандидатуру А.С. Шофмана для замещения вакантной с 1943 г. должности заведующего кафедрой. Переход последнего на работу в КГУ оказался поворотным событием в изучении и преподавании всеобщей истории в казанских вузах. В.И. Адо и А.С. Шофман «проработали вместе более 30 лет, и, может быть, это сотрудничество было самым плодотворным фактором развития кафедры» – кафедры всеобщей истории КГУ. Как отмечает декан истфака доцент Е.А. Чиглинец, на склоне лет у А.С. Шофмана с В.И. Адо по-прежнему «были прекрасные отношения» (Интервью с Е.А. Чиглинцевым от 27.11.2008: [записал Е.В. Червяцов]. – Л. 3). Степень их уважения друг к другу проявлялась и в том, что хотя с 1986 г. А.С. Шофман уже не являлся официально заведующим кафедрой, В.И. Адо писал в мемуарах, что тот «бессменно возглавлял ее до конца жизни» (Адо В.И. Я пережил три революции // Известия Татарстана. 1995. 21 февр.). Будучи принятым в самые высокие научные круги Москвы и Ленинграда, А.С. Шофман никогда не забывал о своем товарище, подробно анализировал его деятельность в серьезных сборниках научных работ, тем самым, популяризируя творчество коллеги, который формально не был даже кандидатом наук, но являлся при этом выдающимся педагогом и исследователем.

И вот А.С. Шофман, с легкостью и даже с некоторым упоением «вознесший гимны» именам А.П. Щапова, Н.А. Осокина, В.К. Пискорского и др., сталкивается с проблемой описания жизни кафедры и ее научных достижений за период собственного руководства. К тому же будучи единственным на ней доктором наук, он вынужден писать и о себе. А.С. Шофман должен оценить свой вклад в изучение творчества М.М. Хвостова и Ф.Г. Мищенко, указать, что история античной Македонии не подвергалась до него столь глубокому изучению в отечественной науке, что «его работы по этому вопросу вошли в мировую историографию как первый обобщающий труд по истории Македонии и македонского народа», что «на основе широкого круга источников автором были изучены социально-экономические условия и основные этапы развития

македонского общества от первобытно-общинного строя до конца античности», что «в последние годы ученый вместе со своими учениками перешел к комплексной разработке эллинизма» (Казанский университет, 1804–1979. С. 241-243). Неважно, что все это истинная правда. Писать так о самом себе А.С. Шофману, наделенному, по выражению профессора В.Д. Жигунина, «нравственными, человеческими качествами античного мудреца» (Жигунин В.Д. А.С. Шофман – ученый, учитель, человек // Античность: события и исследователи. Казань, 1998. С. 8), не позволяла совесть. Поэтому он блестяще описывает деятельность старого друга и просит его в ответ написать пассаж о себе. Для В.И. Адо это подразумевало и иную «выгоду»: благодаря этому он вошел в «сонм» академиков и профессоров, подготовивших одну из немногих «Историй» Казанского университета. Этические нормы, воздержание от самовосхваления сыграли в данном случае на руку исторической справедливости, увековечили для будущих поколений студентов, аспирантов и преподавателей КГУ имена двух выдающихся историков – Аркадия Семеновича Шофмана и Василия Ивановича Адо.

М.Е. Копылова, Ю.В. Селезнёв (Воронежский ГУ)

Общество и историческое знание: как сегодня «делают» историка

Современные студенты исторических факультетов (прослеживается это на примере Воронежского государственного университета) оказались в определённом аксиологическом тупике. В результате социокультурных сдвигов, произошедших в последние годы, появилась необходимость найти ответ на вопрос: зачем нужен историк в современном обществе? А по сути – где и как возможно реализовать полученные на факультете знания, умения и навыки? Ответ на вопрос «зачем?» студенты в состоянии найти довольно быстро. Кроме того, студенты в состоянии сформулировать понятие исторической проблемы, основные функции истории и – отдельным списком – функции историка. Немаловажен тот факт, что студенты смогли прийти к единому мнению, что историк в современном обществе нужен для формирования, поддержания и постоянного пополнения *исторической картины в общественном сознании*.

Сразу же после этого появился закономерный вопрос: как стать таким историком, который сможет реализовать свое профессиональное предназначение? Перспектива работы в call-центрах, торговых залах и прочих бизнес-единицах, где аналитические способности выпускников исторического факультета довольно востребованы, студентов не привлекает. Однако, нарисовав ситуацию «as is» (как есть на сегодняшний день), обнаруживается наличие проблемы, решение которой возможно только при условии объединения усилий различных общественных институций.

Ключевой проблемой в обеспечении удовлетворения общественной потребности в историческом знании является разрыв между Заказчиком образовательных услуг и конечным продуктом, который производит система создания исторического знания. Делая заказ вузам на образование профессиональных историков, сегодняшний Заказчик вместо ориентации на решение общественной потребности в историческом знании фактически заинтересован только в удовлетворении кадровой потребности учреждений, призванных *реализовывать функции историка*. В число таких учреждений входят школы, архивы, музеи и другие государственные и негосударственные организации.

Запуская, финансируя и организуя процессы для якобы удовлетворения общественной потребности в историческом знании, Заказчик не отслеживает, как меняется общественная ситуация и решается ли проблема исторического знания. Эти вопросы остаются за скобками, уступая место спорам о формах, методах и объеме образования.

Основным объектом, регламентирующим функцию *регулирования образовательного процесса*, являются положения Конституции РФ, провозглашающую право гражданина на образование. Однако механизмы реализации этого права настолько запутаны, а главное, не отвечают запросам общества в профессиональной подготовке, в частности, историка.

Таким образом, мы получили систему, замкнутую в самой себе: административные органы получают заказ от организаций, реализующих функции истории, на обучение профессиональных историков, этот заказ преобразовывается в соответствии с возможностями и потребностями конкретных людей в конкретной ситуации. Заказ направляется в вузы, которые выпускают профессиональных историков, не знающих, а следовательно, не реализующих свои функции. Но так как ответственный за конечный продукт (дополненная историческая картина в общественном сознании) отсутствует и в системе, и за её пределами, то существование всей этой цепочки становится нецелесообразным с точки зрения удовлетворения общественной потребности в историческом знании.

В связи с этим у студентов возникают вопросы, на которые и преподаватели затрудняются ответить: зачем нужен историк, и почему не следует идти в менеджеры? А затем появляются совершенно не относящиеся к решению проблемы исторической науки объекты, запускающие и поддерживающие процесс образования в том виде, в каком мы его наблюдаем сегодня. Например, личные потребности выпускников школы в дипломе о высшем образовании, в отсрочке от армии, на которые вуз вынужден тратить свой интеллектуальный, финансовый, организационный и имиджевый ресурс, не выполняя своей основной функции – образования профессионального историка, дополняющего историческую картину в общественном сознании.

Но на вопрос «как стать историком?» мы не смогли ответить не только потому, что связь между обществом, государственными и образо-

вательными организациями утеряна. В структуры, выполняющие функцию *образовать историка*, могут случайно или целенаправленно поступать объекты, информирующие об общественной потребности в историческом знании: из СМИ, культурных организаций, от так называемого «внутреннего заказчика» и т.д. Однако реализовать эту потребность качественно и в соответствии с общепринятыми нормами научного знания не представляется возможным по причине отсутствия таковых норм. Такой регламентирующий объект как *требования к историческому знанию*, мы также как и Конституцию РФ, не можем соединить с процессом *образовать профессионала*, так как «as is» не существует общества, принимающего и соблюдающего эти требования.

Ю.Ю. Ветютнев

(Волгоградская академия государственной службы),
А.И. Макаров (Волгоградский ГУ)

Пути развития коммуникативных компетенций в историческом образовании

Национальный проект «Образование» в качестве одного из своих направлений предусматривает поощрение и развитие инновационных технологий в сфере высшего образования.

Модель исторического образования, основанная на компетентностном подходе, предполагает развитие следующих профессиональных компетенций: 1. **Инструментальные компетенции**: способность к анализу и синтезу; навыки управления информацией (умение находить и анализировать информацию из различных источников); умение сравнивать; решение проблем; принятие решений. 2. **Межличностные компетенции**: способность к критике и самокритике; способность к аргументации; умение задавать вопросы; работа в команде. 3. **Системные компетенции**: исследовательские навыки; способность учиться; способность адаптироваться к новым ситуациям; способность порождать новые идеи.

Для развития коммуникативных компетенций необходим специальный курс, основными целями которого являются:

- повышение компетентности в составлении устных и письменных текстов, обладающих логической убедительностью;
- повышение компетентности в области продуцирования оригинальных мыслей (развитие креативного мышления);
- развитие навыков рефлексии (самопознание).

Задачи курса:

- с помощью различных методов (сократический диалог, ментальное интервью, герменевтика) протестировать состояние логического мышления (выявив моменты «спутанности» сознания, «ложно поставленных проблем» и т.п.), а также показать пути совершенствования мышления;

– тренировка «мгновенного» анализа возникающей в диалоге проблемной ситуации и развитие навыков риторического реагирования на выявленные вызовы со стороны собеседника;

– освоение навыков быстрого и продуктивного «запуска» моторики мышления для решения любых творческих задач, связанных с профессиональной деятельностью.

Основные методы решения задач – «сократический диалог», «ментальное интервью», «творческая герменевтика», «деловая игра».

Программа основана на авторской модификации комплекса российских, французских и американских методик (Г. Альтшуллер, О. Бренифье, М. Микалко и др.). Программа адресована магистрам, аспирантам и повышающим квалификацию специалистам.

Особенностями программы являются: 1) *Интерактивность*. Занятия проводятся не в классических формах лекций и семинаров, а в виде тренингов-мастерских. Диалогический подход дает двусторонний обучающий эффект, т.е. каждое занятие ведет к повышению профессионализма не только учащихся, но и преподавателя. 2) *Универсальность*. Приобретаемые навыки одинаково применимы в преподавательской, научно-исследовательской деятельности и в принятии практических решений.

Тренинговая программа, разработанная авторами, направлена на развитие таких необходимых историчу качеств сознания, как *чувствительность к противоречиям, широта охвата проблемной ситуации, способность обобщать и категоризировать материал*. Перечисленные качества противоположны допонятийному модусу мышления. Тренироваться перечисленные качества могут с помощью специальных упражнений. Упражнения сначала выполняются в режиме спонтанного диалога с аудиторией или конкретным человеком, а затем совместно анализируются мотив, способ и результаты конкретного упражнения. Анализ делается по следующей схеме: в конце каждого упражнения задаются вопросы: «Как вы думаете, что мы делали и зачем (цели тренинга и средства)?», «Какие приёмы использовал тренер и зачем? Какие были наиболее удачными, какие приемы были замечены, но не понятно их предназначение?», «Было ли это полезно? Что именно полезно (какие конкретные операции принесли пользу, которую вы ощущаете, а теперь должны ещё и вербализовать)?».

Поэтому участники обучения должны не только участвовать в упражнении, но и рефлексировать процесс. Методика требует в выполнении одного упражнения около 3–4 часов интенсивной работы.

Теоретическая информация представляется в минимальном объеме, так как форма тренинга предполагает развитие навыков (в случае необходимости теоретическая информация оформляется в особый лекционный курс). Теоретическая часть нужна как для понимания того, что делалось, так и для закрепления в долгосрочной памяти. Если практические упражнения направлены на автоматизацию определённых навыков с помощью помещения информации в т.н. оперативную память и в моторную память,

то теоретические сведения – это такой вид информации, который предназначен для архивирования в т.н. семантической стратегической памяти, это стратегический запас знания.

Занятия ориентированы не на получение какого-то объема информации, а на развитие навыков обоснованного, аргументированного рассуждения в ситуации диалога. На первый взгляд, может показаться, что задача аргументированной речи связана с владением информацией о наборе аргументов, т.е. с получением знаний в той или иной сфере. Однако в ситуации диалога далеко не достаточно только много знать (недостаточно, хотя и необходимо быть компетентным теоретически), необходимо обладать особыми навыками – навыками мыслить логически, корректно и контекстуально. Из-за сжатости времени, в котором протекает живая речь, все ее режимы наслаиваются друг на друга и затрудняют процедуры припоминания того, что ты знаешь, процедуры встраивания этого знания в конкретную речь, с конкретным собеседником.

По нашему убеждению, выполнить обозначенную цель нельзя ни с помощью лекционно-семинарской формы обучения, ни с помощью психотренинга, ни с помощью тренинга по ораторскому искусству. Предлагаемая форма занятий – это ментальные упражнения или упражнения по развитию интеллекта. И хотя рациональная, или ментальная, компонента интеллекта тесно переплетена с психологическими структурами сознания, данная методика направлена в сторону, противоположную психологическим приемам: если освоение психотехник опирается на манипуляцию чувствами и бессознательными процессами, то методика ментального тренинга направлена на развитие навыков убедительной речи без педальирования эмоционального фона и без опоры на манипуляционные техники.

А.В. Мартыненко (Мордовский ГУ, Саранск)

Некоторые аспекты конфессионального просвещения студентов в педагогическом вузе

Вопрос о необходимости преподавать историю и культуру религий в высшей школе является риторическим, поскольку религиозный фактор пронизывает всю историю и культуру человечества. Поэтому всякий, претендующий на статус человека с высшим образованием, человека культурного, должен быть знаком хотя бы с основами великих религий.

В российской высшей школе история и культура религий всегда преподавалась (даже, к слову, в советский период атеистических гонений на конфессии), преподается и, очевидно, будет преподаваться в будущем. В этом плане не являются исключением педагогические вузы Российской Федерации и, в частности, Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева. В данном вузе, на факультете истории и права, помимо курсов по выбору с религиоведческой тематикой, конфес-

сиональная история и религиозная культура весьма подробно изучается студентами в рамках базовых исторических дисциплин. Так, история Отечества неразрывно связана с историей Русской православной церкви, историю средневековой Европы невозможно отделить от католицизма, Новую и Новейшую историю Запада – от протестантизма, и, наконец, история Востока полностью зиждется на цивилизационных фундаментах ислама, буддизма, индуизма, конфуцианства и так прочее.

Безусловно, преподавание истории и культуры отдельных конфессий в вузе сопряжено сегодня с рядом особенностей. Например, сегодня преподавателю приходится исходить из того, что у большинства студентов среднестатистического российского вуза, в том числе на старших курсах, запас познаний в этой области весьма скудный. Из своего опыта преподавания ислама автор этих тезисов каждый год сталкивается с одной и той же ситуацией: для большинства наших молодых людей ислам – это терра инкогнита, «белое пятно». Поэтому много времени уходит на ознакомление студентов с базовыми и фундаментальными основами той или иной религии, так сказать, с ее азами, соответственно – в ущерб более глубокому изучению ее доктринальных, культурных и иных особенностей.

Поэтому при работе со студентами прежде всего необходимо акцентировать их внимание на базовых, фундаментальных, основополагающих сторонах исламской цивилизации. О чем идет речь? Для начала об источниках ислама – Коране, Сунне и шариате, их сущности, содержании, структуре. Затем о знаменитых аркан ад-дин – пяти столпах исламской веры, этой квинтэссенции мусульманского образа жизни. Желательно постоянно повторять экономические категории ислама (налоги, формы землевладения), тем более, что они «кочуют» из одной темы в другую: скажем, с вакуфной собственностью студент «не расстается» на протяжении всего курса по Востоку, начиная от Халифата и заканчивая кемалистской Турцией или Исламской Республикой Иран.

Другой важный момент – политкорректность преподавателя, иными словами, уважительное отношение к религии, о которой идет речь на лекции или семинаре. Неосторожная фраза и неуместная шутка, без преувеличения, может привести к межконфессиональному конфликту на уровне студенческой аудитории. Опять-таки на примере преподавания ислама автор данных тезисов неоднократно сталкивался с ситуацией, когда студенты-мусульмане болезненно воспринимают два мифа – это якобы агрессивный характер ислама и якобы приниженное положение женщины в исламе. И порой больших усилий стоит, чтобы студентам-немусульманам доказать обратное.

На основании выше сказанного, на наш взгляд, уместен вывод о том, что в вузах должно быть качественное религиозоведческое, но ни в коем случае не конфессиональное образование.

Учебник отечественной истории в контексте формирования гражданского общества: поиск интеграционной парадигмы

Сегодня, когда Россия проходит сложный этап реформирования политической системы в стремлении построить гражданское общество, важное значение приобретает каждый элемент политической культуры. По степени влияния на массовое сознание трудно переоценить роль учебника отечественной истории. Именно учебник истории выводит культурную идентичность в сферу публичности, приписывая ей те или иные характеристики, стереотипизирует образы носителей тех или иных культур. Именно на страницах учебника в популярной форме выстраивается история отношений культурного «большинства» и «меньшинства». Положения о том, что учебники истории навязывают, закрепляют и распространяют негативные стереотипы о тех или иных народах, населяющих Россию, а система образования способствует формированию оси напряжения по культурному и этническому признаку, высказывались учеными, публицистами, лидерами национальных движений и простыми обывателями.

Поиск новой парадигмы для презентации отечественной истории в школьном образовании озадачивает рядом сложных вопросов. Первый из них связан с характером специфики самого предмета обсуждения – учебника истории. Ведь помимо когнитивных целей (знание фактов истории) учебники истории не только в России, но и во всем мире выполняли и выполняют идеологическую функцию. Это – инструмент формирования коллективной идентичности, общегражданской солидарности и лояльности своему государству, то есть средство формирования и воспроизводства гражданского (государственного) национализма. С другой стороны, тема «гражданского национализма» неизбежно выводит на проблему его соотношения (совпадения, разделения) с этническим, или культурным национализмом. Детальное исследование этой проблемы Р. Брубейкером не дало однозначного ответа и оставило вопрос открытым для обсуждения. В нашем случае – это вопрос места культурного компонента в общегражданской истории государства, а вместе с этим и роли (с ее оценкой и интерпретацией) в исторических событиях носителя этого культурного компонента. Третий вопрос связан с проблемой европоцентризма как составляющей расистского дискурса. Как показал опыт исследования школьных учебников истории разных стран (и России в том числе) Марком Ферро, европоцентризм присущ их подавляющему числу.

Применение социологического фокуса к историческому знанию позволяет интерпретировать **прошлое** как социальный капитал. Прошлое, кристаллизованное в историческом знании и учебниках истории, так или иначе участвует в формировании и функционировании двух типов идентичностей: гражданской и культурной. Они формируются и действуют в

условиях коллектива или группы, каждая из которых может быть в условиях конкретного общества «большинством» или «меньшинством».

«Большинство» может иметь разные измерения. Оно может быть тождественно гражданскому обществу (например, во Франции, как показал Р. Брубейкер: сложилась политическая и территориальная концепция национальности). В таком случае, культурная составляющая не берется в расчет и действует в приватной сфере, не совпадая со сферой политики. Другой вариант, когда «большинство» мыслится как «подданные» определенного государства и при этом еще совпадает с культурно доминирующей группой. Тогда гражданская идентичность интерпретируется как государственная (то есть человек идентифицирует себя не с сообществом граждан, а с государством), составной и неотъемлемой частью которой становится этнокультурный компонент. Случай с Россией представляет яркий пример такого совпадения.

Как показывает опыт официальных историй различных государств, интерпретация становления и развития государства подается как сложная драматургия отношений «большинства» с «меньшинством» или меньшинствами. Российский случай, когда история народов и их культура интерпретировались в измерениях «культурный – дикий», «развитая – отсталая культура», не является исключительным. Во всем мире, где культурно доминирующая группа подчиняла себе «меньшинство», «большинство» легитимировало свое господство на поле истории. И школьный учебник был главным инструментом такой идеологии.

Важную роль на режим взаимодействия гражданской и культурной идентичностей в рамках одного общества и государства оказывают те границы, которые институционализирует государство. Среди них можно выделить: по политическому признаку – между приверженцами того, или иного способа управления обществом и государством (приводимый пример Франции); по религиозному признаку; по этнокультурному признаку; по признаку расы; по уровню цивилизационного (культурного, научно-технического) развития.

Концепция культурных границ Ф. Барта, сделавшего акцент на значении социальной организации и социального взаимодействия в процессе группового этнического отождествления, помогает увидеть, что определителем для членства в группе становятся социальные задаваемые факторы, в основе которых лежит феномен категориального приписывания (а не «объективно» существующие культурные различия). Кроме того, автор оговаривает еще одно важное условие: этнические категории как при самоидентификации, так и в процессе отнесения других к определенным этническим группам принимают во внимание не просто сумму объективных различий, а лишь те из них, которые самими индивидами воспринимаются как значимые.

Официальная история, доступно изложенная в учебниках, является одним из инструментов категориального приписывания, по Барту, и

именно она придает значимость в обществе тем признакам, по которым выстраиваются социальные границы. Значимость тем или иным категориям придают «символьная» («символьная элита» – научная и творческая интеллигенция, тиражирующая и создающая посредством СМИ этнические ценности и символы) и властная элиты. Они конструируют систему отношений «большинства» и «меньшинства», которая закрепляется и легитимируется посредством официальной идеологии, отраженной в учебниках. Таким образом, придание значимости определенным границам и категориям становится одним из способов для формирования и поддержания системы господства – подчинения. Одним из ее проявлений является закрепление соотношения социальных групповых статусов. Эффективным инструментом, с помощью которого актуализируются, закрепляются и обретают значимость категории и границы, становится оппозиция «мы – они».

Оппозиция «мы (народ, граждане, государство) – они (зачастую, «варвары»)), как показал анализ школьных учебников М. Ферро, является скрепляющим стержнем историй различных народов и государств. С помощью этой оппозиции выстраивается система иерархии общества. А вслед за этим и система «господства-подчинения» на основе иерархической мотивации.

Как же писать учебники, чтобы утверждающиеся в них версии истории не рождали дискриминационных практик? Способны ли усовершенствованные версии оптимизировать климат отношений между гражданской и культурной идентичностями у представителей «меньшинств», если шлейф исторической официальной традиции, которая интерпретирует прошлое этих сообществ в категориях «варварства» и «дикости» пока еще не изжит? Представляется, что эффективной альтернативой могли бы стать версии истории, дающие события в социологической парадигме. Некоторые из таких попыток описывает Ферро: «В Америке некоторыми учителями истории используется такой метод в изучении истории, когда в проблемном плане рассматривается вся история американского общества с анализом всех ее спорных моментов. Специально сформулированные вопросы сопровождается небольшая подборка текстов, показывающих главные точки зрения: фрагменты выступлений, аргументы сторон, статистические данные. А учебник «Соединенные Штаты: вопросы о прошлом» выступает в роли как бы словаря; к нему обращаются за ориентирами, а не за заключительным выводом, в меньшей степени за анализом» (Ферро М. С. 290-291).

Другая альтернатива – занятия с использованием музейной педагогики или искусствоведческих приемов. Возможно, это те альтернативы официальным историям, которые помогают выйти за рамки традиции идеологизации исторических событий и не сталкивают в непримиримых коллизиях гражданскую и культурную идентичности. А проблемы, свя-

занные с ними, вполне «распаковываются» с помощью социологической призмы, социологических категорий, или других эвристических приемов.

Наверное, это тот путь, который поможет формировать гражданское общество «снизу». Когда естественным путем, а не директивами сверху школьники будут учиться мыслить самостоятельно, критически воспринимая исторические события и факты вне идеологической направляющей. В этом случае гражданская и культурная идентичности не вступают в конфликт, поскольку культурная идентичность интерпретируется в нейтральном ключе, без иерархической нагрузки («высший – низший»). Понимание истории, достигнутое собственными усилиями, способствует формированию не только здоровой гражданской идентичности, но и становлению гражданина.

В.В. Кутявин (Самарский ГУ)

«Гражданская история» в современной российской школе через польскую призму

75-летие постановления «О преподавании гражданской истории в школах СССР» напоминает нам о необходимости постоянно и внимательно анализировать состояние «гражданской истории» в нашей школе. Польская призма открывает неограниченные возможности для такого анализа, ведь «польский фактор» – одно из базовых явлений отечественной истории, по значимости вполне сопоставимое с такими явлениями (в том числе персонифицированными), как Иван Грозный, Петр I, распад СССР и т.д. Регулярное исследование общественного мнения неизменно обнаруживает в сознании российских граждан многочисленные и распространенные антипольские предубеждения. «Польская проблема», таким образом, остается неотъемлемой характеристикой России, старой и новой.

Несмотря на множество ироничных суждений о школьных учебниках, влияние на массовое историческое сознание иных факторов при ближайшем рассмотрении и сейчас оказывается меньшим. Из конфликта поколений уходят идейные мотивы, с которыми органичной всего соединялись исторические представления; малозначимыми становятся «русские» способы передачи и переосмысления культурного и исторического опыта, как «кухонные» полемики или споры в пивной об экзистенциализме. Чтение и кино стали в сегодняшней России делом элитарным, а нынешние масс-медиа так редко включают в свои программы польские материалы, что всерьез можно говорить об удручающей для современной России дилемме: или антипольские предубеждения, или незнание Польши и ее народа. Учебники истории, оставаясь для российского школьника единственным источником систематизированного материала о Польше, могли бы противостоять этой неблагоприятной для общества тенденции, форми-

руя и корректируя «русское понимание» польского культурного мифа, если можно говорить о таком понимании как о целостном взгляде.

Обзор современных российских учебников истории показывает, что польская история до XX в. излагается главным образом в учебниках российской истории, что имеет определенные основания, учитывая непосредственное соседство народов России и Польши и вытекающее отсюда их многовековые – интенсивные и разнообразные – связи. Такое положение истории Польши в системе школьного преподавания влечет за собой, по крайней мере, два следствия. Во-первых, польская история редко выступает как самостоятельный и самоценный исторический процесс. Во-вторых, выбор и, что еще важнее, трактовка событий, явлений и персоналий польской истории исходят из постулатов русского патриотизма, в России же патриотизм, даже «новый» и «просвещенный», слишком часто трансформируется в антизападническую позицию, исходно препятствующую пониманию смысла польской истории и уникальности польской культуры. В современных учебниках более ограниченной становится польская персонификация, т.е. круг персонажей, с которыми отождествляется польская история и культура – в этом отношении сегодняшние учебники значительно уступают учебникам советской школы.

Заметнее всего в современных учебниках изменились трактовки польской истории XX в. Это обстоятельство не стоит недооценивать, ведь именно новейшая история, самая близкая к нам и даже открытая во времени, чаще всего вплетается в злободневные идейно-политические построения, оставаясь средоточием наиболее острых взаимных предубеждений поляков и россиян. Вместе с тем не приходится забывать, что подобная смена оценок и суждений в учебной литературе свидетельствует не только о тесной ее зависимости от политической конъюнктуры, но и об отсутствии прочной научной традиции, опираясь на которую можно было бы предложить корректные и убедительные ответы на вопросы, которые ставит (или должно ставить) перед историком демократическое общество. В исторической науке современной России не произошло решительного разрыва с прошлым; огромная литература, созданная несколькими поколениями историков-марксистов, не получила объективной оценки, не была надлежаще проанализирована, хотя образы прошлого, сложившиеся прежде всего под влиянием марксистской традиции, устойчиво держатся в исторической памяти российских граждан, порождая явный диссонанс между «народной» историографией и научным исследованием истории. Отмечая положительные стороны подобной «мягкой» трансформации исторических представлений, не всегда помнят о том, что в такой ситуации стремление к обновлению относительно легко может смениться реставрационными тенденциями.

Анализ современных учебников истории убеждает в том, что польская история предстает перед школьниками как история политическая, т.е. в своей наиболее конфронтационной модели. Персонажами польской ис-

тории в наших учебниках выступают почти исключительно политики. Даже в советских учебниках история Польши, как и других стран «социалистического содружества», не была представлена непрерывной линией развития. Современные учебники содержат еще более фрагментарные и лишенные самостоятельной ценности сведения о Польше, история которой входит в массовое сознание российских граждан в «непереваренном» виде, мало способствуя формированию целостного, а тем более притягательного образа Польши и поляков. Похоже, корректировка антипольских предубеждений не является осознанной задачей авторов современных российских учебников. А осознается ли это как государственная задача? Какой культурный продукт хочет получить государство, перерабатывая всех граждан в соответствии с образовательными стандартами государственной школьной системы?

Неудивительно, что, как показывают социологические исследования, большинство россиян считает, что Россия не должна испытывать чувство вины перед Польшей за события прошлого. Отношение респондентов к этому вопросу, с одной стороны, отражает современное состояние массового сознания, которое с негодованием отвергает идею примирения, а тем более покаяния. Но, с другой стороны, это и отражение слабой информированности россиян о Польше и поляках, что также обнаруживают опросы. Популярными версиями политической истории, решительно преобладающие в российских учебниках, едва ли способны формировать чуткость и внимание к исторической судьбе другого народа. Известны обязательные составляющие этих версий – победы и поражения, герои и злодеи и т.п., в конечном счете, сводимые к оппозиции «свой – чужой».

Так воспитывается разве что прямолинейный патриотизм, трудно сочетающийся с чувством ответственности за свое прошлое, зато легко проникающийся чувством «отмщения». Секретный протокол к советско-германскому пакту 1939 г., Катынь и т.п. никак не вписываются в героический образ прошлого, особенно образ Второй мировой войны, победа в которой вызывает у российских граждан наибольшую гордость за свою историю. Объективное изучение этих «черных» страниц в отношениях России с Польшей разрушает цепь символов, составляющих основу «здорового представления народа» и ставших частью нашего исторического сознания. Оценивая новаторство или традиционность учебников, мы все еще опираемся на старые критерии и старую систему координат, канонизируя политическую историю как единственно приемлемую для дидактики версию прошлого. Но есть и духовная история народа. Культурологический образ Польши был бы не менее научным и воспитательным, чем тот, что формируют в сознании россиян современные учебники.

Приверженность демократической идее исключает притязания на «избранность», особое место любого народа в учебной литературе. Но именно истинная приверженность демократической идее действительно требует осознанной коррекции исторических представлений о Польше и

поляках, т.к., наверное, ни один европейский народ не является сейчас в глазах русских объектом столь устойчивых и широко распространенных предубеждений, преодоление которых остается частью по-настоящему фундаментальной задачи формирования гражданского общества в России.

Профессиональная деформация сознания подсказывает еще одну близкую годовщину – 175-летие основания славистических кафедр в российских университетах, приступивших уже в XIX в. к систематическому исследованию польской истории. Вспоминая с почтением отцов-основателей нашей славистики, не будем забывать, что многие из них (И.И. Срезневский, В.И. Григорович и др.) считали своим профессиональным долгом писать учебники для средней школы. Наверное, и сейчас профессиональные историки могли бы считать своей почетной обязанностью создание и экспертизу школьных учебников?

О.С. Свешникова (Омский ГУ)

Археологи и общество: стратегии взаимодействия в контексте поисков национальной идентичности*

Использование археологических памятников в качестве основания для этногенетических построений является традиционным для отечественной науки. В постсоветское время появились специфические формы взаимодействия археологии и общества, описанию которых и посвящена настоящая работа. В центре нашего внимания будет пример конкретных археологических памятников: Диринг-Юрях (палеолитическая стоянка в Якутии), Аркаим (городище эпохи бронзы на Южном Урале), Аржан-II (курган раннего железного века в Туве) и захоронения в ледяных линзах на плато Укок (Алтай, ранний железный век). Все 4 памятника являются предметом интереса общественности, широко известны и являются основанием для псевдонаучных построений («Аркаим – прародина ариев», «Якутия – прародина человечества» и т.д.).

Для нас интерес представляют стратегии поведения археологов и каналы легитимации знания. Две противоположные стратегии взаимодействия с общественностью демонстрируют, с одной стороны, Н.В. Полосьмак (руководитель раскопок на плато Укок) и К.В. Чугунов (Аржан II) (условно эта стратегия может быть названа «научной»), с другой – Г.Б. Зданович (Аркаим) и Ю.А. Мочанов (Диринг-Юрях) («популяризаторская» стратегия). Первые действуют в рамках сложившихся в научном сообществе норм взаимодействия с обществом (в утрированном виде они могут быть сформулированы как «раскопки для археологов»). Способами информирования о результатах исследования являются научные

---

* Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ, проект МК-3087.2008.6.

статьи и монографии, выставки в ведомственных музеях. К популяризации результатов своих исследований эти ученые не стремятся и, скорее, предпочли бы избежать ее. Невозможность получения достоверной доступной информации, прежде всего, речь идет о доступности для понимания, приводит к широкому распространению разного рода построений в жанре фолк-истори. Следует отметить, что такой режим взаимодействия с общественностью характерен для большинства археологов. Чаще всего он приводит к тому, что археология существует в параллельном пространстве: большинство жителей Омска, например, уверены, что «у нас раскапывать нечего», хотя ежегодно на территории области работают 2–5 экспедиций.

«Популяризаторская» стратегия взаимодействия с обществом, особенно ярко демонстрируемая Г.Б. Здановичем, напротив, является нарушением принятых конвенциональных норм научности, причем не только в коммуникативном, но и в гносеологическом плане. В рамках данной стратегии археологии включаются в медийное пространство: выступают на телевидении, создают туристические центры около памятников, привлекают известных людей для популяризации и т.д. Общественность таким образом получает информацию об исследовании «из первых рук». Проблема заключается в том, что сами археологи в этом случае становятся создателями фолк-истории: так, идея о внеэпопической прародине человечества была выдвинута Ю.А. Мочановым в 1992 г. Начиная «раскрутку» исследуемого памятника, археологи нарушают нормы научности в анализе и интерпретации фактов и становятся маргиналами в научном сообществе.

Как ни парадоксально, диаметрально противоположные стратегии поведения археологов имеют, фактически, одинаковые последствия – каналы легитимации знания оказываются однотипными. Каналов таких два – «исторический» (археологические памятники – свидетельство древней истории) и «обрядовый» (археологические памятники – «места силы» и совершения всевозможных обрядов). Исторические построения на базе данных археологии ведутся преимущественно любительской наукой, теми, кого Оливье Руа назвал «люмпен-интеллигенцией» или «новыми интеллигентами». Основные характеристики этой группы, сформулированы при изучении исламистских движений, но очень точно описывают отечественных «творцов истории». По О. Руа «люмпен-интеллигенты» – это люди, не имеющие высшего гуманитарного образования (часто это бывшие военные, люди технических специальностей), в силу этого не владеющие методологией научного исследования, очень вольно обращающиеся с источниками и с фактами, часто приводящие для подтверждения своей правоты ссылку на авторитеты. Ярчайшим образцом любительской науки в трактовке археологических памятников является М.Н. Задорнов, 26 апреля 2009 г. выступивший на РЕН-ТВ в фильме «Ар-каим. Стоящий у солнца» с рассуждением о том, что аркаимовцы – наши предки, жившие в гармонии с миром и т.д. и т.п. К «люмпен-интеллигенции», кроме того, следует относить авторов сайтов типа «Аль-

тернативная история», значительную часть журналистов (бесспорным исключением следует считать А. Гордона, снявшего очень взвешенную программу ГорДонкиход о все том же Аркаиме).

О доминирующей роли любительской науки в легитимизации знания позволяет говорить тот факт, что именно эти идеи транслируются широкой общественности, в том числе в мультфильмах. Невозможно не упомянуть широко известный проект «Гора самоцветов», где в пластилиновых заставках о народах России, предваряющих сказки, дважды встречается рассказ об Аркаиме. При этом оба раза рассказ содержит одни и те же смысловые единицы: большая древность памятника, большой вклад его создателей в развитие мировой цивилизации. Именно эти моменты являются наиболее популярными в фолк-истории.

Второй канал легитимизации знания – «обрядовый», связан, понятным образом, с деятельностью всевозможных религиозных, эзотерических, парапсихологических и прочих организаций. Наиболее значимой информацией в данном случае являются древний возраст находки / памятника, и принадлежность его данной этнической группе. Так, после обнаружения на плато Укок мумии знатной женщины, она была объявлена алтайской принцессой; алтайцы совершают шаманские камлания около этой мумии; воссоздан костюм «принцессы», и он используется в народных праздниках. Аркаим, этническая принадлежность создателей которого остается спорной, является местом паломничества представителей различных этнических групп (здесь даже проводится фольклорно-этнографический фестиваль евразийских народов) и эзотерически настроенной публики.

Сложившаяся вокруг археологических памятников ситуация, бесспорно, результат процессов, происходящих как в обществе в целом, так и в сообществе археологов. Говоря об особенностях существования археологии как науки в постсоветское время, следует отметить, что как и в других дисциплинах, прежде всего, гуманитарных, здесь произошло разрушение гомогенности конвенциональных норм. Кризис науки на ценностно-нормативном уровне, инициированный проблемами с поиском финансирования, подкрепляется «феодалным правом» на материалы раскопок – право публикации принадлежит руководителю раскопок (держателю т.н. открытого листа) и даже знакомство с артефактами и отчетной документацией возможно только с его разрешения. Это, с одной стороны, дает руководителю раскопок карт-бланш на проведение работ так, как он считает нужным, а, с другой, обуславливает наличие плотных коммуникаций внутри сообщества (только наличие контактов дает возможность познакомиться с материалам). Сложившая в настоящее время ситуация однозначно свидетельствует о том, что чем выше включенность исследователя во внутринаучные коммуникации, тем выше степень соблюдения им норм научности. А.Н. Кирпичников (руководитель раскопок в Старой Ладого) и В.Л. Янин (руководитель раскопок в Новгороде) ведут широкую популяризаторскую работу, но при этом не отходят от норм научности.

**Группа «Преподы России» в социальной сети Vkontakte:
нормы, ценности и практики виртуального сообщества**

Стремительное распространение социальных сетей в интернет-пространстве расширило возможности для общения. В социальных сетях создаются разнообразные тематические группы. Группы работников прокуратуры, воспитателей детсадов, продавцов сотовых телефонов объединяют всех желающих для обмена опытом и обсуждения интересующих вопросов. Среди таких групп большой популярностью пользуются те из них, которые объединяют преподавателей. В основном возраст участников-пользователей не превышает 35–40 лет. Именно в этом возрастном промежутке (с момента окончания вуза и начала работы в нем) идет профессиональное становление преподавателя, сталкивающегося с разного рода «вызовами» в своей деятельности. Последние 10–15 лет часть из них связана с реформированием высшей школы.

Социальная сеть дает возможность обсудить те вопросы, которые редко выносятся за пределы учебного заведения. Именно в свободных обсуждениях выявляется проблемное поле профессиональной деятельности: противоречия и несоответствия заявляемой политики администрации вуза, рутинные вопросы, связанные с процессом обучения.

В центре внимания моего исследования – тематическая группа социальной сети «Vkontakte» «Преподы России» (<http://vkontakte.ru/club506073>), которая была создана для обмена опытом и полезными материалами, касающимися обучения, а также общения на отвлеченные темы. На сегодняшний день общее число участников группы превышает 2500 человек – преподавателей и аспирантов из России и СНГ. Материалы данной группы представляют интерес для исследования норм, ценностей и практик виртуального педагогического сообщества, проявляющихся в выстраивании отношений с администрацией, коллегами, студентами и т.д. («говорящие» темы обсуждений: «Внешний вид преподавателя»; «А как у вас обстоят дела с отчислением студентов?»; «У Вас на кафедре есть свой персональный стол? Короче, тема о рабочем месте»; «Стоит ли общаться со своими студентами Вконтакте и прочих социальных сетях?»; «Влюбленные студенты и студентки» и другие).

Предметом анализа избираются материалы обсуждений тех преподавательских тактик и стратегий, которые относятся к внедрению в российское высшее образование двухуровневой системы (бакалавр / магистр). Кардинальные сдвиги в системе образования часто исследуются на уровне институтов. Ожидания, опасения, сомнения научно-педагогического сообщества выпадают из подобного анализа. Однако процесс реформирования требует от преподавателей смены стратегий, преодоления барьеров административного, содержательного, процедурно-

го и методического характера, возникающих в ходе разрушения старой системы и создания новой. Как преподаватели реагируют на смену правил игры в образовательной политике, каким они видят свое место в меняющейся структуре высшего образования?

В группе открыто 192 обсуждения. Темы самые разнообразные, через многие из них проходит одна общая – перемены в высших учебных заведениях, связанные с реформированием системы высшего образования, реализацией принципов Болонской декларации. Далее, российское образовательное пространство иерархично. В процессе реформирования эта иерархичность только усиливается, выявляя лидеров и аутсайдеров. Высокая конкурентная среда в высшем образовании повышает его качество, однако многие региональные вузы изначально в этой борьбе имеют ограниченные ресурсы и возможности. Эта «институциональная» ущемленность иногда очень ярко проявляется в обсуждениях.

Можно выделить несколько позиций, которые занимают участники, обсуждая Болонский процесс и условия, в которых оказываются вузы (вместе с ними и преподаватели): наблюдатель, сторонник проводимых реформ, жертва насилия, участник «поневоле». У многих участвующих в дискуссиях имеется поверхностное и упрощенное понимание сути Болонского процесса. Мнения участников основываются на реформаторском опыте в родном вузе, который нередко оценивается как негативный.

Следует отметить, что в обсуждениях достаточно четко проявляется существование двух лагерей в среде преподавателей: «техников» и «гуманитариев». Первые выступают за специализированное образование, вторые – за универсальное высшее образование, формирующее, кроме специалиста, и личность. Предметом споров становятся общие гуманитарные дисциплины (история, философия, культурология и др.) и обсуждение их востребованности и невостребованности у непрофильных специальностей. Многие участники обсуждений слабо представляют, как выглядит зарубежная система бакалавриата и магистратуры. Для них реформирование высшей школы носит подражательный характер. В то время как советская система образования идеализируется.

Судя по обсуждениям, представление о роли преподавателя (кроме традиционной – обучать) в условиях кардинальных перемен в системе образования остается размытым. Сокращение количества вузов по стране, изменения в структуре учебной нагрузки, сокращение педагогического состава вузов заставляет участников группы задуматься о собственных перспективах в этой профессии. Насколько показательным в этом отношении является опрос, открытый в группе, судить сложно. Тем не менее приведу его результаты (на 20.06.2009). На вопрос, ваше отношение к данному виду деятельности (преподаванию), 51,7% (698 человек) опрошенных ответили, что обожают преподавать и будут работать дальше; 24,4% (329 человек) – преподавали бы с удовольствием, если бы платили побольше; 18,8% (254 человека) рассматривают преподавание как допол-

нительный вид деятельности; 5,1% (69 человек) разочаровались в профессии и собираются заняться чем-то другим (<http://vkontakte.ru/club506073>).

Итак, большинство участников обсуждений не имеют четкого представления о сути, этапах, продолжительности, нормативной базе реформ, проходящих в системе высшего образования, что способствует еще большей идеализации существовавшей ранее системы. Постоянная смена правил игры, непредсказуемость результатов отпугивает многих преподавателей от реформаторских замыслов. Эту ситуацию усугубляет их практическое воплощение в «родных» вузах, где нередко создается только видимость изменений при сохранении элементов прежней системы.

В.М. Ловчев (Казанское высшее военное командное училище)

«Малые истории» как фактор становления гражданского общества

История добровольческих организаций, задействованных в сфере общественного здоровья, словно *in vitro* показывает нам проблемы становления гражданского общества в России.

В 1892 году, с интервалом в несколько месяцев, появились две родственные организации: *Интернациональная организация гуманизма и трезвости Швейцарии* [ИОГТ; ныне крупнейшее трезвенническое объединение мира. ИОГТ была основана в 1851 г. в г. Утика (США)] и *Казанское общество трезвости*. ИОГТ Швейцарии существует до сих пор. В 2006 г. швейцарские трезвенники в городе Базеле принимали 66-й Всемирный конгресс ИОГТ. А в Казани аналогичная традиция дважды прерывалась полностью (в 1917–1928 и 1931–1976), и добровольческим организациям весь социальный опыт приходилось набирать практически с нуля.

Благополучная Швейцария может показаться неподходящим предметом для сравнения с Россией с ее драматической историей. Но Германия за XX век пережила два сокрушительных поражения в мировых войнах, а также калейдоскопическую смену государственных форм, теряла значительные территории, населенные соотечественниками, и выплатила большие репарации противникам. При этом ныне Германия представляет достаточно благоустроенное социальное государство. В ее «регенерации» существенную роль сыграли неправительственные организации. ИОГТ Германии, основанная в 1889 г., пережила все эти внутри- и внешнеполитические повороты и вносит свой вклад в оздоровление страны. За прошедшие сто двадцать лет в организации уже сменилось несколько поколений лидеров и рядовых членов. Однако каждое новое поколение, принося свойственный его эпохи помыслы и чаяния, встраивалось в уже имевшиеся организационные формы. Интеграция была обусловлена как привлекательными повседневными практиками, так и тщательно пропи-

санной историей организации, что повышало самооценку неопитов самим фактом вступления в столь уважаемую организацию.

В создании привлекательной исторической ауры отметим деятельность только одного исследователя – Альфреда Коса (Alfred Koss) из города Люнебург (земля Нижняя Саксония).

В конце XX – начале XXI вв. он последовательно опубликовал объемные исследования об истории ИОГТ в целом (678 страниц!), о пред истории ИОГТ в Германии, книгу об отцах-основателях ИОГТ. Кроме перечисленных монографий Альфредом Косом были выпущены несколько брошюр о знаковых фигурах ИОГТ, а также прочитаны многочисленные доклады. Вершиной этой подвижнической деятельности является книга объемом, посвященная истории всего лишь одного клуба – общины «Победа» из города Винзен, земли Нижняя Саксония (Koss A. 100 Jahre Guttempler in Winsen. 100 Jahre “Sieg”. Lueneburg, 1999. 476 s). В свете приведенных фактов представляются вполне реальными планы написать пятитомную историю ИОГТ в земле Нижняя Саксония, которые были прерваны уходом историка из жизни в 2007 году.

Кстати, традиционные, книжные, способы фиксации социально ценного опыта неправительственные организации дополняют престижными способами его хранения, изучения и пропаганды – через музеи. В 1999 г. в местечке Милдштедт, пригороде города Гузума (земля Шлезвиг-Гольштейн) был основан Музей ИОГТ. Музей ИОГТ в Милдштедте посвящен великолепный каталог (Das deutsche Guttempler-Museum. Husum, 2003), на 54-х страницах которого представлена богатая история ИОГТ. Более ста цветных иллюстраций, а также множество черно-белых рассказывают о разнообразных и интересных формах работы. Это федеральное учреждение опирается на региональные музеи ИОГТ, например, в 1998 г. в Берлине был открыт музей дистрикта Берлин-Бранденбург, чьи фонды состоят из 680 предметов, не считая плакатов и рукописных материалов.

Аналогичной устойчивостью отличаются и другие добровольческие организации в сфере общественного здоровья. Например, с 1900 г. существует Женский союз Германии за культуру, свободную от алкоголя (приводим современное название). Женский союз также обращает пристальное внимание на фиксацию собственной истории, профинансировав, например, издание на русском языке очерка об основательнице Союза Оттилии Гофман. В итоге неправительственные организации Германии застрахованы от многократного повторения ошибок, имеют в своем распоряжении проверенные эффективные формы деятельности и кропотливо работают над оздоровлением страны.

Опыт Германии однозначно свидетельствует о целесообразности «малых историй» историй неправительственных организаций, которые не только позволят воспроизвести многомерную картину прошлого нашего Отечества, но и будут способствовать укреплению гражданского общества в современной России.

ЧАСТЬ III. «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ИСТОРИЯ» В МИРОВОМ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

И.Л. Григорьева (НовГУ, Великий Новгород)

Интеллектуальный переворот XII в. и феномен западноевропейских университетов (к вопросу о цивилизационных образовательных моделях)

Культура раннего западноевропейского Средневековья, основой которой был христианский неоплатонизм в форме августинизма, развивалась в рамках цивилизации *ценностного* типа социальной мотивации. Школы в абсолютном большинстве случаев существовали при монастырях и епископских кафедрах. Сфера десакрализованного знания в качестве самостоятельной отсутствовала. Вера и знание, согласно доктрине, принятой Церковью, считались совместимыми, языческая философия – совместимой с христианским учением. Светское знание играло подчиненную роль. В XI–XII вв. в средневековой Европе начался бурный рост городов. «В своём развитии они опережали время и становились проводниками будущего. Можно сказать, что они уже сами по себе были этим будущим», – пишет о городах XI–XII вв. Ф. Бродель. Это обусловило формирование новой цивилизационной парадигмы – с *целевым (инструментальным)* типом мотивации социальной деятельности.

Города начинают играть главную роль в системе образования. Их расцвет привел к интеллектуальному возрождению, к появлению *интеллектуала-профи*, как одного из тех мастеров (его ремеслом на первых порах было «писать и обучать»), которые под влиянием разделения труда обосновались в городах. В XII в. появилось множество таких интеллектуалов-«ремесленников», большей частью клириков, связь которых с Церковью ослабела. Это привело к частичной десакрализации знания: светское знание – свободные искусства – приобрело автономный статус. Изменилась и образовательная модель: наставника в вере сменил интеллектуал, продающий услуги интеллекта. Город мыслился современниками как большая мастерская, в которой обучение свободным искусствам стало одним из ремёсел, а профессия магистра уподобилась профессии плотника и кузнеца. В отличие от наставника в вере магистр уже являлся *специалистом*, т.е. знатоком не целого, а части, определенной узкой сферы знания [*specialis* (лат.) – особый, частный]. Отмечая произошедшую смену цивилизационной парадигмы, Ж. Ле Гофф определяет и её суть: городские интеллектуалы «увели Запад от миражей Азии и Африки, от мистических миражей леса и пустыни».

Отныне вместо монастырей средоточием образовательных усилий стали города. Там были соборные школы, доступные, в отличие от мона-

стырских, всем желающим; некоторые городские монастыри основывали там свои «внешние» школы; там же всё больше становилось частных школ. Для их открытия требовалось лишь разрешение – лицензия от канцлера собора или аббата близлежащего монастыря. Магистр, получивший *licentia docendi* (право преподавать) от епископа и от главы школы, становился профессором (преподавателем), принятым в корпорацию. В XII веке в большинстве случаев слова «магистр» и более редкое «доктор» означали человека, прослушавшего курс и получившего право преподавания в одном из престижных учебных центров Европы. Лицензирование права на преподавание стало одним из шагов на пути возникновения учебных корпораций – университетов.

Культурный подъём, известный под названием Возрождения XII века, породил, ещё до возникновения университетов, феномен *высшего* образования, суть которого составляют трансляция знаний в большом объёме и сочетание преподавания с научной деятельностью. Школами высшего типа были городские школы Северной Франции: Шартра, Лана, Парижа, славившиеся преподаванием естественной философии, теологии и логики. Европейские университеты, возникшие на рубеже XII–XIII вв., стали лишь новой организационной формой этого феномена, «институционально его конституировали». Первоначальным названием университетов было *studium generale* – «всеобщая школа», в отличие от *studium particulare* – «местная школа». «Всеобщая школа» имела право присуждать ученые степени, главной из которых была степень лиценциата, дававшая право «преподавать повсюду». Эти степени пользовались признанием во всех высших школах христианского Запада, статус которых был гарантирован, прежде всего, авторитетом и поддержкой главы Римской католической церкви, а также покровительством королевской или императорской власти. Постепенно название «всеобщая школа» было вытеснено названием «университет» (*universitas*). «Местные школы», не выдержав конкуренции, опустились до элементарных. Со временем на уровне обыденного сознания сложился неверный, но стойкий стереотип, согласно которому только университет является высшей школой. Мало известен и такой факт: отличающая университеты корпоративная структура сложилась далеко не сразу. Вот как описывает самый ранний этап в истории университетов П. Маффеи: «Первоначально вокруг отдельного профессора собиралась группа студентов (*comitiva*), и возникали очень тесные, почти семейные связи... Постепенно отношения между студентами и профессорами стали давать трещину... Медленно исчезла *comitiva*: на её месте родилась корпорация студентов (*universitas*)».

Система светского образования, доставшаяся Средневековой Европе в наследство от Римской империи, в течение всего Средневековья создавала прочную базу для светской культуры, которая в эпоху Возрождения начала претендовать на самостоятельность. Культурная традиция Запада со временем усвоила рационалистическую концепцию текста, отличную

от «субстанциональной», в которой слово соответствует обозначаемому предмету – субстанции. Рационалистическая, трёхкомпонентная концепция текста (слово–объект–субъект) была иной: она учитывала роль критически мыслящего субъекта – интеллектуала, сменившего в цивилизации Запада «книжника» и писца. Эта революция произошла благодаря интеллектуальному перевороту XII в.

В отличие от Западной Европы Средневековая Русь оказалась совершенно чужда секулярной культуре. Преобразовывать сакральный текст в соответствии с грамматическими правилами считалось здесь опасным делом. Большие опасения вызывала также логика. В полемическом сборнике «Остен», в главе, повествующей об учёном диспуте между Епифанием Славинецким и Симеоном Полоцким, говорится: «...бегати бо силлогисмов, по святому Василию, повелеваемся, яко огня, зане силлогисмы, по святому Григорию Богослову, – и веры развращение, и тайны истощение». «Внешние мудрости» – грамматика, риторика и диалектика встречались на Руси враждебно и недоверчиво.

Христианский неоплатонизм (исихия, пришедшая из Византии) принял на Руси форму личного поведения, духовным стержнем которой было православное благочестие. Именно присущий Православию идеал святости определил образовательную модель Древней Руси, основу которой составляло не интеллектуальное познание, а мистическое учение о теозисе (обожении) – обретении христианской духовности путём подражания жизни святого с помощью Благодати. Под «образованием» на Руси понимали уподобление образу, достойному подражания (образу Божьему, прежде всего), учитывая, в первую очередь, религиозный и нравственный компоненты образовательного процесса. Сравнивая образовательные модели Руси и Средневекового Запада, обратим также внимание на «правовой нигилизм», присущий русскому Средневековью.

Н.В. Ростиславлева (РГГУ, Москва)

Университет Гумбольдта и развитие либеральных традиций в Германии XIX в.

Немецкий классический университет оказал сильное воздействие на духовное развитие Европы XIX века. Это был век неоспоримого мирового значения немецкоязычной науки, которая являлась наукой университетской. Этот университет – творение Вильгельма Гумбольдта, но его модель была выстроена под влиянием интеллектуальных размышлений великих немецких философов И. Канта, И.Г. Фихте, Ф. Шлейермахера.

Главная особенность немецкого классического университета – построение учебного процесса на принципе единства исследования и преподавания, который дополнялся академической свободой. Эти идеи были обоснованы в знаменитом меморандуме В. Гумбольдта «О внутренней и

внешней организации высших научных заведений в Берлине», ставшего программным для создания Берлинского университета (1810).

Такой университет был свободен как от влияния церкви, так и от государственной опеки в сфере науки и образования и организован подобно привилегированной корпорации на основе самоуправления. Академическая свобода в гумбольдтовской концепции – это право преподавателей выбирать предметы для изучения без ограничения со стороны стандартных программ. Гумбольдт сформулировал в меморандуме еще одну важную преференцию университетского образования, заявляя, что умственная деятельность в человеке развивается как совместная деятельность. Это означало признание студентов в качестве равноправных партнеров научной деятельности преподавателя и превращало университет в исследовательский центр. Государство, по мнению Гумбольдта, должно было оказывать университету финансовую поддержку и назначать преподавателей. Ученый понимал, что последнее нарушало принцип самоуправления, но защищало свободу, поскольку благодаря этому сохранялось столь важное для развития индивидуума стремление к разнообразию.

На первый взгляд, концепция университета Гумбольдта содержала в себе сильную бинарную оппозицию: свобода должна сочетаться с государственной опекой. Политическая практика прусского государства еще при жизни Гумбольдта серьезно нарушила чистоту его замысла. Так, в 1819 г. в Германском союзе были приняты Карлсбадские решения, которые вводили контроль над университетами, что привело к сильным протестам со стороны либерального лагеря. Вынужден был оставить преподавание в Боннском университете К. Велькер. В знак протеста ушел в отставку с государственной службы и сам Гумбольдт, но, объясняя свой уход в статье «О Карлсбадских решениях», он, даже критикуя их, не желал бросать тень на прусского короля. В анналах либерального движения Германии имя В. Гумбольдта связано с интеллектуальным либерализмом. Назначение идеального государства он видел в пробуждении чувства внутреннего достоинства человека, которое отождествлялось со свободой, государство обеспечивает, по его мнению, наивысшее духовное развитие человека. Поэтому его пиетет перед государством вообще, прерогативы которого в классической теории либерализма ограничены, не выглядят в контексте его образовательной концепции нелогичными.

В XIX в. развитие либерализма в Пруссии, а затем в Германской империи связано с довольно сильным признанием прерогатив государства. Идеи либерала Рохау о «реальной политике», ориентированной на сотрудничество с государством, и поддержка национал-либеральной партией бисмарковского проекта объединения Германии также являются глубоким реверансом государству. Но этот пиетет уже проявляется в иной плоскости и, с точки зрения теории континуитета германской истории, подвергается немецкими исследователями критике. Seriously настроены были на сотрудничество с прусским государством также предста-

вители экономического либерализма, например, Кампгаузен и Ганземан, но их либеральные интенции натолкнулись на преграды прусского государства, критиковать которое они себе не позволяли, а встраивали свои экономические начинания в существующие политические реалии.

Феномен образованного человека и его взаимоотношения с государством – важная тема как для истории XIX в., так и для XX в. К концу XIX в. Германия займет ведущее место в научном мире как по целому ряду достижений в ключевых областях, так и в особенности по размаху и уровню организации научных исследований. Роль гумбольдтовской концепции в этом неоспорима, поскольку она обосновывала привилегированное положение немецкого университета и университетского профессора, что стало своеобразным ориентиром для германских коллег за границей. Но такой оптимальный вариант организации науки и образования в тандеме с государством, где последнее выступало как единственный гарант поддержания и сохранения духовных ценностей, привело в Германии к возникновению феномена мандаринизма (Ф. Рингер) и, в итоге, к разрушению гуманитарной науки в годы национал-социализма.

Н.Н. Зипунникова

(Уральская государственная юридическая академия, Екатеринбург)

«Университетская география» и ее отражение в законодательстве Российской империи (к изучению истории университетов)

Университетская история, лежащая на пересечении нескольких отраслей исторического знания – социальной истории, культурологии, институциональной истории, истории государственной политики, может теперь, используя их последние достижения, выйти на новый уровень обобщений (См.: «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX вв. М., 2009. С. 7). Важным представляется и историко-правовой контекст университетской истории. Закономерным следствием определяющего участия российского государства в университетском строительстве XVIII – начала XX вв. стала мощная законодательная база, в деталях регулировавшая отношения в сфере высшего образования и науки. Задачей государства было, кроме прочего, устроить университеты в разных «полосах» государства; в начале XIX в., с манифестацией идеи «народное просвещение – особая государственная часть», страна была поделена на учебные округа.

«Университетская география» является одним из направлений активно развивающейся социальной географии. В современных условиях особую значимость обретают комплексные социально-географические исследования, способные интегрировать разнородные частные аспекты территориальной организации высшего образования, представив тем са-

мым сложнейшую группу этих проблем как единое целое (Катровский А.П. Формирование и развитие территориальной структуры высшего образования России. М., 2003. С. 4). Уточним, что ведем речь об императорских университетах, т.е. высших учебных заведениях, учреждавшихся и осуществлявших свою деятельность по инициативе и на средства государства. Все прочие формы, в том числе возникшие в пореформенный период и отражавшие новую тогда тенденцию сотрудничества общества и государства (народные университеты, Высшие женские курсы, частные вузы и вузовские курсы и др.), требуют отдельного осмысления.

Использование достаточно условной категории «университетская география» позволяет описать эволюцию усилий российской власти по организации устойчивой системы университетского образования на территории большого государства. Часто встречающийся в литературе термин «университетское пространство» – значительно более узкий по содержанию, он демонстрирует территориальную организацию отдельных университетов. При этом выделяют две основные модели такого пространства: 1) когда «замкнутый» университетский комплекс располагается вдали от суety городской жизни, обособленно на окраине, и 2) когда учреждение находится в центре города, рядом с присутственными местами, координирующими жизнь города (и страны) (Андреев А.Ю. Лекции по истории Московского университета. 1755–1855. М., 2001. С. 61).

Первые российские университеты имели столичную «прописку» (Академический в Санкт-Петербурге и Московский). Но уже в начале XVIII в. отмечалась необходимость «дисперсного размещения» высших учебных заведений, так как централизация высшего образования в столичных городах негативно сказалась бы на освоении новых территорий, социально-экономическом развитии российской провинции. В многочисленных проектах XVIII века вузовскими городами назывались Астрахань, Киев, Батуриин, Дерпт; именной указ Екатерины, данный Комиссии об учреждении училищ 29 января 1786 г., содержал план устройства университетов в Пскове, Чернигове и Пензе (1-е ПСЗ. Т. 22. № 16315), чему, увы, не суждено было сбыться. В ходе подготовки учебно-научных реформ в начале XIX в. в нескольких предложенных проектах университетскими центрами рассматривались 9 городов империи. Предварительными правилами народного просвещения 1803 г. в дополнение к существующим университетам в Москве, Вильно и Дерпте провозглашалось учреждение университетов в округе Санкт-Петербургском, Харькове и Казани. «Предназначенными для университетов городами» назывались также Киев, Тобольск, Устюг Великий и др., «по мере способов, какие найдены будут к тому удобными» (Сб. постановлений по Министерству народного просвещения (далее – Сб. постановлений...). Т. 1. СПб., 1864. Стб. 15).

Практика университетского строительства растянула во времени предположения законодателя. Харьковский и Казанский университеты получили свои утвердительные грамоты в конце 1804 г., Санкт-Петербург-

бургский университет был преобразован из Главного педагогического института в 1819 г., а университет в Киеве был учрежден только в 1833 г., чему предшествовало закрытие Виленского университета (Там же. Т. 1. Стб. 254–261, 1152–1159; Т. 2. Отд. 1. СПб., 1864. Стб. 384, 428, 499). Ни в Тобольске, ни в Великом Устюге университетов устроено не было. В 1827 г. по повелению Николая I существовавший в Финляндии (в г. Або) университет был переведен в Гельсингфорс и получил название императорского Александровского. Сложной была история Варшавского университета, открытого первоначально в 1817 г. и в 1830 г. прекратившего свою деятельность. В 1840 г. были открыты Варшавские юридические курсы, в 1862 г. – Варшавская главная школа, а в 1869 г. – университет (Там же. Т. 4. СПб., 1871. Стб. 1260–1262). Новороссийский университет, преобразованный из Ришельевского лицея, был открыт в Одессе в 1865 г. (Там же. Т. 3. СПб., 1865. Стб. 1199–1224).

Предполагавшийся к открытию еще в начале XIX в. университет в Сибири (в Тобольске) спустя несколько десятилетий было решено учредить в Томске. Он долго устранивался и начал работу только в конце 1880х годов, первоначально в составе лишь одного факультета – медицинского (Томский университет. 1880–1980. Томск, 1980. С. 7–40). Обильный поток узаконений по Томскому университету в период его организации и первого этапа деятельности (не менее двух десятков актов, удостоившихся подписи императора) свидетельствовал и о сложности поставленной задачи, и о последовательности и настойчивости власти в деле университетского строительства. Узаконения эти касались работы комиссии «из лиц, практически знакомых с Сибирью, для соображения вопроса о том, в каком из сибирских городов предпочтительнее учредить предполагаемый университет», расходования средств из казначейства и одобрения различных пожертвований на учебное заведение, устройства и деятельности строительного комитета, отведения земельных участков, организации библиотечных фондов (Сб. постановлений... Т. 7. СПб., 1883. Стб. 155–220, 528–552, 618, 694, 759, 801–803, 990, 1542–1550, 1566–1573, 1863, 1917–1918; Т. 8. СПб., 1892. Стб. 835; Т. 9. СПб., 1893. Стб. 55–62, 651–652; Т. 16. СПб., 1903. Стб. 941–949). Нормативно оформлялись также торжественное открытие университета в 1888 г. и учреждение в нем через 10 лет юридического факультета (Там же. Т. 10. СПб., 1894. Стб. 1134–1211, 1343; Т. 15. СПб., 1902. Стб. 1482–1488).

В 1909 г. открылся университет в Саратове; идея его создания зародилась еще в середине XIX в. и высказывалась впоследствии неоднократно. Университет представлялся «сильным двигателем будущего процветания юго-восточного края (Попкова Н.А. Десятый русский университет. К 80-летию Саратовского университета. Саратов, 1990. С. 4). Высочайше утвержденным, одобренным Государственным советом и Государственной думой законом от 10 июня 1909 г. провозглашалось учреждение в Саратове университета в составе одного медицинского факультета.

«Впредь до издания новых Устава и штата Императорских Российских Университетов» закон распространял на университет действие Общего устава 1884 г. (3-е ПСЗ. Т. 29. Ч. 1. № 32061).

В 1916 г. было принято решение об открытии временного отделения Петроградского университета в Перми в «помещениях, предоставляемых городом и губернским земством», «в составе первых курсов всех факультетов, кроме факультета восточных языков, и со специальным учебным планом на естественном отделении физико-математического факультета, согласованным с курсом первых двух семестров медицинского факультета» (ЖМНП. 1916. № 8. С. 99). В процитированном министерском акте «О приеме в университеты» от 24 июня 1916 г. наряду с Пермским отделением (в мае 1917 г. преобразовано в самостоятельный Пермский госуниверситет) назывались сам Петроградский университет, а также университеты Московский, Казанский, Харьковский, Св. Владимира (в Киеве), Новороссийский, Томский, Николаевский (в Саратове), Юрьевский (бывший Дерптский) и Варшавский (в Ростове-на-Дону).

Как следует из показанной «университетской географической карты» Российской империи, в научно-образовательную политику государства неизбежно и прочно вплетались геополитические, экономические, национальные интересы. Университетскую историю в этом смысле также можно отнести к вопросам, связанным с имперским измерением Российского государства – взаимодействия между центром и периферией, управления многонациональными окраинами, национальных движений и попыток национального строительства, сложного переплетения имперской и национальной идеологии, имперского и национального самосознания («Быть русским по духу и европейцем по образованию»... С. 186). Познание сложного процесса «трансфера и адаптации “университетской идеи”» (А.Ю. Андреев) в России диктует необходимость и их постановки.

К.А. Ильина (Казанский ГУ)

Проблема университетской корпоративности в письмах попечителей учебных округов (первая четверть XIX века)

Социологи определяют корпоративность как «чувство принадлежности к единой группе, в которой индивиды имеют общие взгляды и убеждения» (Э. Гидденс). В данном случае мы обратим внимание на процесс «рождения» университетской корпоративности в Российской империи на примере истории Казанского университета.

Начало XIX века – время создания системы народного просвещения в Российской империи. Появление университетов в России повлекло за собой формирование академических корпораций. Этот процесс сильно отличался от подобного в европейских университетах. В Западной Евро-

пе, как отмечают исследователи, университетские корпорации формировались спонтанно, вследствие критической «концентрации интеллектуалов в учебных центрах», корпоративные традиции и нормы вырабатывались постепенно (Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. *Terra universitatis*. Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. С. 85-86; Кулакова И.П. *Университетское пространство и его обитатели*. М., 2006. С. 245-246). В России же инициатива создания университетов исходила от верховной власти, корпорация назначалась, а правила и критерии, по которым должна строиться университетская жизнь, были прописаны в составленном членами Главного правления училищ под влиянием европейских университетских моделей Уставе 1804 года.

Воплощать идею университета в жизнь было поручено попечителям учебных округов. В иерархии управления образованием попечитель занимал промежуточное положение между университетом, с одной стороны, и министерством народного просвещения, с другой. Жить попечителям предписывалось в Петербурге, раз в два года объезжая свой округ.

Механизм управления университетом и его корпорацией позволяет раскрыть такой источник как переписка попечителя учебного округа. В Национальном архиве Республики Татарстан и Отделе рукописей и редких книг научной библиотеки КГУ в разрозненном виде сохранился комплекс писем глав округа за первую четверть XIX в. (С.Я. Румовского, М.А. Салтыкова и М.Л. Магницкого) и ответов на них членов университетского сообщества. Переписка позволяет выявить механизмы неформального управления университетом, отражает работу попечителя по «приведению его в цветущее состояние», которая включала комплекс мероприятий, в т.ч. и создание «ученого сословия» в подведомственном учебном заведении. Деятельность попечителей делилась в этом вопросе на два направления: поиск людей, которые согласились бы преподавать в Казани, и превращение «собранных» в университете ученых в академическую корпорацию западного образца, с едиными нормами и традициями, с чувством «принадлежности» и преданности университету.

Поиск преподавателей в университет осуществлялся попечителями несколькими способами. Первый заключался в приглашении ученых из разных университетов Европы и Российской империи. Это могли быть как лично знакомые главе округа исследователи, так и рекомендуемые ими их коллеги. Второй способ состоял в рассмотрении направляемых попечителю частных просьб о принятии в университет как от преподавателей университетов (русских и европейских), так и от чиновников гимназий и училищ округа. Последних часто протезировали как попечители соответствующих учебных округов, так и профессора Казанского университета. Бывали случаи и «забракования» претендентов. Причины могли быть самые разные: от злоупотребления алкоголем до случайно дошедшей до попечителя информации о неблагонадежности. Так, М.Л. Магницкий писал о частном визите неизвестного лица, результатом

разговора с которым стал отказ от профессорства в Казани имеющему докторскую степень выпускнику двух факультетов Московского университета, инспектору Оренбургской врачебной управы А.А. Шпиру.

Намного сложнее дело обстояло с формированием академической корпорации (не просто как данности, а как действующего организма). Пестроту, прежде всего национальную, собранного в Казани ученого сообщества исследователи отмечали неоднократно. В письмах нашла отражение такая проблема, как отсутствие общего языка общения, когда владение или невладение языком становилось инструментом воздействия и борьбы за власть в складывающейся корпорации. Так, переписка профессора физики Броннера с попечителем Румовским изобилует примерами незнания немецкими профессорами русского языка и плохого знания французского, а русскими – латыни или немецкого.

Кроме проблемы непонимания, национальная «пестрота» имела и еще одно последствие. Прибывшие из разных университетов Германии и Швейцарии немцы принесли с собой традиции европейских университетов и, как свидетельствуют письма профессоров, на заседаниях Совета, при конфликтах с коллегами они действовали согласно своим убеждениям и ценностям, считая иное поведение невежественным, непросвещенным, варварским. Они противопоставляли себя русским профессорам, чьи представления об университете и корпоративности базировались на патриархальных традициях и локальных обычаях, на сформированных в ходе службы привычках, на самостоятельной интерпретации Устава 1804 г. Относительно противостояния немцев и русских в университете попечитель М.А. Салтыков замечает: «это история всех университетов – Харьковского, Московского – они также находятся в состоянии гражданской войны». Процесс складывания единых корпоративных норм, борьбы за свое место и свои ценности в рождающейся корпорации определялся попечителями и их респондентами как противостояние «партий». В данном контексте особо отмеченные дореволюционными историками Казанского университета «русская» и «немецкая» партии могут прочитываться не только как объединения профессоров по национальному признаку, но и как противостояние культур и установок.

Говоря о «рождении» (как процессе) корпорации, следует отметить и факт смены попечителей университета, каждый из которых пытался в той или иной мере повлиять на «ученое сословие». Недовольство университетскими чиновниками могло быть высказано или в качестве возмущения (С.Я. Румовский), или как жалоба респонденту (М.А. Салтыков), или в форме подробных предписаний к выполнению (М.Л. Магницкий).

Достаточно четко определил свое отношение к университетскому сообществу М.Л. Магницкий, используя местоимение «мы» (чего не было у других попечителей). В своих письмах он проводил мысль о вреде интриг, «фаворитства» и «духа партий», говорил о совместном движении вперед для достижения цели, о преданности университету. В процессе

решения очередного конфликта во вверенном ему учреждении Магницкий сформулировал тезис, который, на наш взгляд, представляет формулу университетской корпоративности: члену «университетского сословия» необходимо «всем лишним связям предпочитать благо университета как сословия, к которому каждый член его привязан быть должен». Одна из составляющих этой привязанности – гордость за принадлежность к университету, которая проявляется и в выборочном присвоении званий почетных членов университета и в качестве принимаемых студентов. Потеря этих качеств приведет к упадку университета.

А.А. Василенко (Институт развития образования Омской области)

Университетская кафедра как центр консолидации гуманитариев (первая половина XIX века)

Первая половина XIX века – время зарождения общественного сознания россиян, когда было посеяно семя, давшее жизнь тому росту, который, по образному выражению А.И. Герцена, был беспощадно «вырван с корнем» в период николаевского правления. И снова мы обращаемся к «детям 1812 года» и вновь задаем себе вопрос: кем же были они для России XIX века и кем остались для потомков? Какое «зерно» они посеяли на ниве российского просвещения, и каковы всходы, плоды их деятельности.

Если примем во внимание то обстоятельство, что к концу первой четверти XIX в. только начинают складываться научные школы и исторические общества, только набирают силу периодические издания, то, бесспорно, практически единственным центром профессиональной и идейно-политической консолидации гуманитариев становится университетская кафедра. Это тот центр, где зарождается и формируется ядро российского просвещенного общества, из которого выходят российские интеллектуалы, определившие движение общественной мысли.

Недаром среди представителей российского просвещения первой половины XIX века на первый план выходят именно профессора и преподаватели университетов: С.С. Куторга, М.С. Куторга, В.С. Порошин, П.Я. Корнух-Троцкий, П.О. Шиховский, А.И. Чивилев, Т.Н. Грановский, А.Н. Савич, П.Я. Петров и мн. др. Жизнь, научная и преподавательская деятельность каждого из перечисленных ученых сложилась по-разному, но именно «благодаря этим молодым профессорам, Московский университет 40-х годов стоял на такой высоте, на которую ему не приходилось подниматься ни прежде, ни после этого славного времени» (Бороздин А.К. Литературные характеристики. XIX век. Т.2. СПб., 1905. С. 99).

В деятельности профессоров университетских кафедр нельзя не отметить корпоративный дух, стремление сообща двигаться к поставленным целям, решать вопросы просвещения и образования не только студентов, но и в целом российского общества. Это были «ученые яркого

таланта и широкого кругозора, независимой мысли и общественного долга» (Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. М., 1985. С. 95). Университетская кафедра являлась объединением людей, имеющих общность интересов и целей, сродни Открытому обществу, где человек реально использует ту духовную свободу, которую ему предоставляют. Это нашло отражение в стремлении профессоров и преподавателей донести до студентов и вольнослушателей не только права, но и обязанности каждого. Здесь значимо то, что часть «молодой профессуры» проходила стажировку в германских университетах, причем внимание русских «студентов» привлекали не только университеты и библиотеки, но и уклад жизни. Посещая лекции и занятия немецких профессоров, они впитывали их стиль, манеру преподавания. Перенимая опыт немецкой профессуры, они не ограничивались чтением лекций, а принимали студентов у себя на дому: проводили семинары, снабжали литературой, вовлекали в беседы и дискуссии на научные и современные темы.

Молодые профессора Московского университета «новой формации» осознавали себя не только педагогами и учеными, но и составной частью культурной жизни своего времени. Они выступали с публичными лекциями, сотрудничали в «толстых» журналах, ведомственных изданиях, выступая в качестве авторов, редакторов, издателей. Уже с 1830–40-х гг. университеты были главными очагами просветительской идеологии. В Москве именно университет стал центром идейных исканий. Молодые профессора Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев, П.Г. Редкин, К.Д. Кавелин, вместе с «питомцами университета» А.И. Герценом и Н.П. Огаревым, составили влиятельный кружок прогрессивной интеллигенции.

Наиболее ярким представителем профессора «просветительского типа» современники единодушно признавали Грановского, для которого чтение лекций было «не ремеслом, а высоким искусством – искусством посвящения в истину» (Левандовский А.А. Время Грановского. М., 1990. С. 56). Имя его стало своего рода эталоном: сравнение с Грановским воспринималось как высшая похвала профессору, признание его особого влияния и авторитета среди учащейся молодежи. Высокий уровень знаний Грановского, по мнению Бороздина, был результатом, в первую очередь, зарубежного образования (Указ. соч. Т. 2. С. 100).

Нельзя не отметить и другую важную функцию сообщества профессоров и преподавателей – «университетское» наследование не только знаний, но и ценностей, что предполагает сменяемость поколений при последовательной передаче знаний от одного поколения другому. В этом смысле мы можем говорить именно о научных «школах», где традиции одного поколения наследуются, передаются и развиваются.

Университетские кафедры спланировали лиц разных сословий, разного воспитания: «Двери их (университетов – В.А.) были открыты всякому, кто мог выдержать экзамен и не был ни крепостным, ни крестьянином, ни уволенным своей общиной» (Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 1. М., 2001.

С. 100). В социальный состав «ученого сословия» входили представители и дворянства, и духовенства, и купечества, и разночинцы, кроме того, мещане, крестьяне и казаки. При этом дворяне составляли не более трети, поскольку они, по традиции, предпочитали военную или чиновничью службу. И если разделение на социальные группы в других странах зачастую является барьером к объединению разных людей, то в России это обстоятельство уходит на второй план. Хотя нельзя не учитывать контроль со стороны университетской администрации, тем не менее, очевиден результат деятельности профессоров и преподавателей университетских кафедр: им удалось «зажечь искру» просвещения и образования, они смогли повлиять и на развитие российской науки, и на развитие общественной жизни, поскольку «кафедры для них были святыми наложениями, с которых они были призваны благовестить истину; они являлись в аудитории не цеховыми учеными, а миссионерами человеческой религии» (Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 1. С. 427). И если даже они сами «не дали глубоко-ученых трудов, все же они выдвинули ряд учеников, которые пошли уже своим путем» (Бороздин А.К. Указ. соч. Т. 2. С. 98).

Университетская кафедра становится не только центром образования, но и, наверное, в гораздо большей степени, центром воспитания, где постигались нравственные, духовные, культурные ценности общества.

М.Ю. Досталь (Институт славяноведения РАН)

Методология романтизма как основа становления кафедр славяноведения в российских университетах в середине XIX века

Когда речь идет о первых университетских славистах и начале профессионального славяноведения в России, неизбежно встает вопрос о методологической основе преподавания данного предмета и научных трудов в этой области. Общеизвестно, что они базировались на идеях европейского романтизма. Романтизм как методологическое направление в русском славяноведении утвердился в 1830-е гг. До конца 50-х гг. и даже далее это направление играло определяющую роль в развитии славистических исследований. Для этой методологии характерны три принципа: диалектический принцип развития, признающий его источником противоборство национальных, религиозных, социальных, политических «миров» или «стихий»; принцип универсализма, определяющий поиск закономерностей в развитии человеческого общества с тенденцией к концепционности и синкретизму мышления; принцип народности, определяющий как задачи научных исследований, так и «высшие цели» прогресса человеческого общества (Реизов Б.Г. Французская романтическая историография. М., 1956. С. 23, 85, 86 и др.; Досталь М.Ю. Об элементах романтизма в русском славяноведении 40–50-х гг. XIX в. (по материалам периодики) // Славяноведение и балканистика в отечественной и зару-

бежной историографии. М., 1990. С. 6-9; Милюгина Е.Г., Кислякова О.А. О методах романтизма как феномене мировой художественной культуры // Романтизм: грани и судьбы. Тверь, 1999. Вып. 2. С. 110-112 и др.).

Элементы романтизма ясно обнаруживаются в постановке предмета славяноведения в российских университетах. Начнем с того, что сами кафедры «истории и литературы славянских наречий» были введены в новый устав российских университетов в 1835 г. в ответ на зримое развитие национального Возрождения в славянских странах, проходившего под знаком романтизма. Сначала пытались пригласить специалистов из славянских стран (П.И. Шафарика, В. Ганку, Ф.Л. Челаковского, Я. Коллара и др.), но после их благовидного отказа приехать в Россию, было решено послать кандидатов от четырех российских университетов (Московского, Петербургского, Харьковского и Казанского) в славянские страны для приготовления к профессорскому званию. Так О.М. Бодянский, П.И. Прейс, И.И. Срезневский, позднее В.И. Григорович, побывав в большинстве славянских земель, познакомились с элитой славянского национального Возрождения, их трудами, изучили славянские языки и литературы, памятники древней письменности, особенности этнографии и фольклора, историю и археологию славянских народов. Добытые знания были положены в основу преподавания славяноведения. Пожалуй, только у П.И. Прейса не выявлено пристрастия к романтизму. Остальные, особенно в первые годы преподавания, стремились и в структуре, и в содержании предмета следовать канонам романтизма.

О.М. Бодянский первоначально намеревался представить своим слушателям в Московском университете каждый славянский народ как отдельное лицо в романтическом восприятии: в языковом, этнографическом, историческом и историко-литературном отношениях. В. Ганке он писал в 1843 г.: «Цель моя – каждый год преподавать один из главных славянских языков и несколько самоближайших ему второстепенных, чтобы таким образом доставить слушателям нечто целое в своем роде, присоединяя к язычному изучению также историческое, т.е. деписание народа и его письменности» (Цит. по: Кондрашов Н.А. Осип Максимович Бодянский. М., 1956. С. 32). Такой подход зародился у Бодянского при анализе славянских народных песен в магистерской диссертации «О народной поэзии славянских племен» (1837). Примерно так же подходил к построению курса в 1840-е гг. и И.И. Срезневский в Харькове, прошедший школу украинских литераторов-романтиков. Его лекции имели филолого-этнографический уклон: главное внимание уделялось «науке народностей», т.е. показу славянства в целом и в отдельных частях сквозь призму этнографии, используя данные филологических и исторических дисциплин. Предмет славяноведения, таким образом, первоначально излагался славистами скорее не по дисциплинам, а по народам, представленным в комплексном освещении (Подробнее см.: Досталь М.Ю. И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. С. 101).

Сущность философско-исторической концепции первых университетских славистов, во многом исходившей из трудов немецких философов (Гердера, Гегеля, Шеллинга) и пражского метра славистики Шафарика, состояло в том, что «Провидение» в каждую историческую эпоху избирает особый народ или «племя», способное наилучшим образом осуществить «начертанные» им задачи. Вслед за азиатами, греками, римлянами, романо-германцами, говорил О.М. Бодянский в своей вступительной лекции в Московском университете, «наступает преемственность нам, четвертому главному европейскому племени». Молодое и энергичное славянское племя должно, усвоив «лучшие плоды» западноевропейской цивилизации и «образованности», далее действовать «своим умом», жить самобытной народной жизнью, а потом, достигнув зрелости, повести за собой Европу, вдохнув новую свежую струю в ее «угасающую жизнь» (Досталь М.Ю. Первая лекция О.М. Бодянского в Московском университете 24 сентября 1842 г. // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 290).

В чем именно заключается «предназначение» славян в современности, первые университетские слависты, как правило, не раскрывали. Однако можно предположить, что это, прежде всего, обогащение европейской «образованности» началами народности, основанной на общих принципах гуманизма в духе «певца славянской взаимности» Я. Коллара. Так, В.И. Григорович полагал, что мерилом просвещенности европейских народов служит степень постижения ими общегуманистических идей христианства, и славяне в этом плане могут достичь «всеобщности идеи просвещения» именно потому, что осознали необходимость преодоления своих религиозных различий, «обратившись к народности» и «поставив себя во взаимность» (Григорович В.И. Краткое обозрение славянских литератур // Ученые записки Казанского университета. 1841. Вып. 1. С. 93-153). Интерпретация истории славян в курсах О.М. Бодянского, И.И. Срезневского и В.И. Григоровича осуществлялась по канонам западноевропейской славистической историографии, во главе которой стояли П.И. Шафарик, Ф. Палацкий, В. Мацеёвский, И. Лелевель и др. ученые-романтики. Славянство рассматривалось ими как особое «племя», наделенное противоположными германскому чертами, при этом, однако, всегда подчеркивалось значением общечеловеческих начал.

Главным фактором развития славянских народов признавалась их борьба с инонациональными «стихиями»: греческой, немецкой, турецкой и пр. В соответствии с этим оценки событий давались с точки зрения их «пользы» для развития того или иного славянского народа. Причиной потери ими национальной независимости чаще всего признавались отсутствие сплоченности славянских народов, их «усобицы» и «братская ненависть». Все исторические аргументы в пользу сплочения славян использовались для обоснования необходимости культурной и научной «взаимности» славян в настоящем. Именно она могла способствовать

успехам национального развития каждого славянского народа. Вопрос об освобождении славян из-под чужеземного гнета первые университетские слависты не поднимали, всячески избегая касаться современных политических вопросов, что им впрямую предписывал циркуляр министра народного просвещения 1847 г. (Досталь М.Ю. Всеславянский аспект теории официальной народности // Славяноведение. 1999. № 5. С. 57).

Первые университетские слависты заложили основы научного славяноведения в России, соответствующего уровню современной им европейской науки, которой были чужды идеи этно-конфессиональной обособленности. Возможно, это способствовало тому, что они не поддались влиянию отечественных славянофилов и их романтических концепций с приоритетом национально-религиозного фактора. Некоторое исключение, возможно, составлял только О.М. Бодянский. Близкий к кругу славянофилов по патриотической настроенности и «славянолюбию», но не разделявший многие положения их доктрины, он, тем не менее, передал своим ученикам идеи В. Мацеёвского, В. Ганки и др. о православии как некогда единой религии всех славян и о сохранении православной традиции в Чехии (Лаптева Л.П. Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. – 1917 г.) М., 1978). Так или иначе, все славистические концепции, основанные на методологии романтизма, постепенно изживались последующей позитивистской историографией.

Л.А. Сазонова (Национальный музей РТ, Казань)

Учебная повседневность профессоров Казанского университета 1863–1884 гг.

Учебная повседневность, регламентированная законодательством, вырабатывала у служащих университета особый ритм жизни и восприятие времени, отличный от представителей других занятий.

Рабочее время профессоров делилось на академические года. По Уставу 1863 г. учебный год начинался 15 августа и заканчивался 1 июня. Всем служащим университета полагался отпуск в размере 29 дней в году во время летних каникул студентов (Устав 1863 г. // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т. 3. (1855–1864), 2-е изд. СПб., 1876). С началом учебного года распорядок времени профессоров был тесно связан с недельным расписанием их занятий. В период действия Устава 1863 г. рабочая неделя составляла шесть дней. Количество часов распределялось на факультетских советах во время составления учебных программ. Каждому преподавателю предоставлялось право вносить предложения по распределению предметов и порядку их преподавания. Окончательно программы утверждались в Совете университета.

В рассматриваемый период учебная нагрузка среди профессоров распределялась неравномерно и варьировалась от 4 до 10 часов в неделю

на каждого преподавателя (Обозрение преподавания в Императорском Казанском университете на 1863–1864 учебный год. То же на 1880–1881 учебный год). Это было связано с нехваткой преподавательских кадров, особенно на юридическом и историко-филологическом факультете. Так, в 1864 г. вместо положенных по Уставу 1863 г. 58 ординарных и экстраординарных профессоров в Казанском университете было 26 профессоров, в 1869 г. – 44, в 1879 г. – 48. Профессорам приходилось одновременно читать курсы по нескольким предметам. К примеру, в 1860-е гг. профессор Н.Н. Булич на историко-филологическом факультете вел занятия по истории, философии, истории литературы европейских стран, русской литературы (История Казанского университета. Казань, 2004. С. 161).

На практике профессора проводили гораздо меньше учебных занятий, чем предусматривалось. Занятия прерывались на гражданские и церковные праздники, пропускались преподавателями по болезни или в связи с многочисленными обязанностями: необходимостью присутствовать на заседаниях в Совете, публичных лекциях, ученых диспутах коллег и т.д. Ход учебного процесса мог существенно меняться из-за увольнения профессоров в отпуск или отправки в командировку. К примеру, в связи с отъездом на съезд естествоиспытателей в Москву в августе 1869 г. профессоров физико-математического факультета, входивших в состав испытательных комиссий, Совет сместил сроки проведения экзаменов с обычного времени (с 16 по 23 августа) на конец сентября (НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5116. Л. 324). Заграничные командировки могли длиться от нескольких месяцев до года, из-за отсутствия профессоров студенты не прослушивали целых курсов. В 1870–71 уч. г. на медицинском факультете не читались лекции по ботанике и зоологии из-за нахождения профессоров в двухгодичной заграничной командировке (Флерин Н.Ф. Медицинский факультет Казанского университета полвека тому назад. С. 311).

Служебные обязанности задавали суточный ритм жизни профессоров. Занятия начинались в 9 час. утра, завершались в 8 час. вечера. Их продолжительность равнялась одному академическому часу, теоретические лекции могли длиться по два часа. В среднем профессора должны были вести в день по два-три занятия. Однако они часто по собственному желанию проводили в университете времени намного больше, чем этого требовало выполнение служебных обязанностей. Много времени в стенах университета находились профессора физико-математического и медицинского факультетов, т.к. особенность их исследовательского труда требовала постоянного присутствия в лабораториях и учебных кабинетах. Студенты медицинского факультета вспоминали: «жизнь И.М. Догеля была всецело посвящена науке, он все время с 9-ти до 3-х часов дня проводил в лаборатории, производя разные исследования и эксперименты».

В 1860–1870-е гг. широко была распространена практика проведения профессорами дополнительных практических занятий со студентами и чтение необязательных курсов. Как правило, их организовывали экст-

раординарные профессора медицинского и физико-математического факультетов. Так, в 1868 г. медицинский факультет ходатайствовал в Совете университета о разрешении экстраординарному профессору П.Ф. Лесгафту открыть частный курс хирургической анатомии по воскресным дням для студентов высших курсов (НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5116. Л. 34). Лекции П.Ф. Лесгафта пользовались большой популярностью. В 1869 г. медицинский факультет сообщал на заседании Совета: «хотя этот курс не обязателен для студентов и не смотря на то, что лекции читаются в праздничный день и продолжаются нередко по два часа и по три часа, – аудитория постоянно полна» (Там же. Л. 264-265).

В 1870-е гг. в свою лабораторию ежедневно в послеобеденное время приглашал учащихся профессор физиологии Н.О. Ковалевский, где показывал эксперименты на лягушках и собаках. Проводил практические занятия по гистологии проф. К.А. Арнштейн и его ассистенты (Флерин Н.Ф. Указ. соч. С. 313). На историко-филологическом факультете в конце 1860-х гг. по инициативе проф. Н.А. Осокина для студентов стали проводиться «учено-исторические и историко-географические семинарии» (НА РТ. Ф. 977. Историко-филологический факультет. Д. 1777. Л. 5).

Кроме чтения лекций и проведения практических занятий со студентами, много служебного времени профессоров занимали административные обязанности. Все профессора – ординарные и экстраординарные – должны были присутствовать на заседаниях Совета университета, а также на факультетских собраниях. Среди молодых профессоров, обычно экстраординарных, распределялись должности секретарей совета и факультетов. Ординарные возглавляли университетские комиссии по различным вопросам, исполняли обязанности деканов факультетов, председателя и членов правления, из их числа избирался ректор университета. Профессора старшего возраста с течением времени отказывались от больших административных и учебных нагрузок. Обычно обращались в университетский Совет с прошениями освободить от должности секретаря факультета, требующей активной работы, и с просьбами уменьшить количество часов по чтению дополнительных курсов. Служба профессоров не ограничивалась временем, проводимым в университете. Подготовкой к лекциям, научной работой они занимались дома. Кроме того, профессора редактировали студенческие лекции и составляли учебные пособия, т.к. учебники в рассматриваемый период выпускались в недостаточном количестве и были по большей части на иностранных языках.

Ординарные профессора медицинского факультета, кроме всего прочего, исполняли обязанности заведующих отделениями в городских больницах. Из-за отсутствия факультетских клиник по основным направлениям медицины они часто приглашали студентов в больницы Казани по воскресным, праздничным дням или по вечерам после занятий и проводили с ними практические занятия. Учащиеся посещали Губернскую земскую больницу, где главным врачом был проф. Л.Л. Левшин, окруж-

ную психиатрическую больницу под руководством проф. А.У. Фрезе, терапевтическое отделение Александровской мешанской больницы, которым заведовал проф. М.А. Хомяков (Флерин Н.Ф. Указ. соч. С. 314).

Таким образом, университет структурировал жизнь профессора, расписывая ее по академическим годам, времени каникул, отпусков, командировок внутри академического года, по неделям, дням и часам, согласно занятиям в университете. Эта структура подчиняла ученых своему ритму и формировала особую жизнь университетского человека. Необходимость выполнения различных видов деятельности – преподавательской, административной, научной – вынуждала профессоров находиться в состоянии постоянного напряжения. В результате в корпорации складывались разнообразные персональные стратегии деятельности. Развитие научной деятельности, а также гражданской активности интенсифицировало социальное время профессоров, способствовало делению представителей корпорации на тех, кто находился в состоянии профессиональной активности, и на «пассивных» членов университетского сообщества.

Р.Ш. Нигматуллин (ТГГПУ, Казань)

К истории становления кафедры всеобщей истории ТГГПУ (1918–1945 гг.)

Кафедра всеобщей истории ТГГПУ ведет свою историю с 1918 г., когда после преобразования действовавшего с 1876 г. Учительского института в Казанский педагогический институт впервые была введена специализация студентов по историко-социальному циклу. В соответствии с новым планом обучения (НАРТ. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 3. Л. 91–926) для студентов этого цикла уже в 1918 г. был введен ряд дисциплин по всеобщей истории. Для чтения лекций по дисциплинам «Древняя история» и «Средняя история» был приглашен проф. В.Т. Дитякин. Дисциплина «Новая история» была представлена двумя учебными курсами – «Абсолютизм в Западной Европе» (проф. С.П. Сингалевич) и «Англия в XVII веке» (доц. М.Д. Бушмакин). Помимо этого для всех циклов отделения по подготовке школьных работников для школы II ступени (III отделение) вводились дисциплины «Введение в историю культуры» (М.Д. Бушмакин) и «Новейшая история Западной Европы (XIX в.)» (С.П. Сингалевич).

В 1919 г. институт был переименован в Высший институт народного образования (ВИНО). Введены новые курсы, в т.ч. «Международная политика» (проф. Н.Н. Кравченко) и «История гуманизма и реформации» (С.П. Сингалевич). В марте 1920 г. Сингалевич приступил к чтению единого курса лекций по предмету «Новая история» для студентов ВИНО и КГУ (НАРТ. Ф.1487. Оп.1. Д. 4. Л. 20). В 1920/1921 учеб. году по разным причинам сняты курсы «История Англии в XVII веке», «Международная политика», «История гуманизма и реформации». В то же время введен

курс «История Великой Французской революции» (М.Д. Бушмакин) (НАРТ. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 4. Л. 33). Учебный план на 1921/1922 г. предусматривал изучение студентами-историками общих курсов по древней и средневековой истории (В.Т. Дитякин), истории XVIII века (М.Д. Бушмакин), а также работу в семинаре по истории Великой Французской революции (С.П. Сингалевич). Всем студентам III отделения должны были читаться пропедевтические курсы, в т.ч. «История Великой Французской революции» (Сингалевич) и «Введение в историю культуры» (Бушмакин) (НАРТ. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 4. Л. 50–51). Существенные изменения в организации и содержании учебного процесса были адекватным отражением трудного процесса становления советской высшей школы.

В первые годы в структуре вуза не было кафедр в современном понимании. В документах за 1919 г. упоминается ряд исторических кафедр: «русской историографии и русской истории», «истории религий», «профессионального рабочего движения». В 1920 г. на кафедру «Международная политика» был избран проф. Н.Н. Кравченко для чтения соответствующего курса «для желающих студентов историко-социального цикла» (Ф. 1487. Оп. 1. Д. 3. Л. 716). В этом случае, как и в ряде других, под кафедрой понимался один преподаватель с одним учебным курсом. В 1920 г. была предпринята первая попытка упорядочить структуру: утвержден список кафедр, включая «кафедру истории – 2 проф., 2 препод.» и «кафедру методологии истории – 1 проф.» (Ф. 1487. Оп. 1. Д. 4. Л. 60).

В августе 1922 г. КПИ (преобразован из ВИНО в октябре 1921 г.), факультет общественных наук КГУ (без правового отделения) и Восточная академия были объединены в Восточный педагогический институт (ВПИ), который (до 1939 г.) становится единственным вузом Казани, продолжающим подготовку специалистов по истории на словесно-историческом отделении (с 1924 г. – общественно-экономическое отделение). Именно тогда в структуре института появляется кафедра «всеобщей истории и методики обществоведения», ее первым заведующим стал С.П. Сингалевич (НАРТ. Ф. 1487. Оп. 5. Д. 104. Л. 24), который вплоть до завершения работы в КГПИ продолжал руководить работой кабинета методики истории (позже – обществоведения). В 1922 г. решением Педагогической секции Государственного ученого совета в должности профессора кафедры был утвержден В.Т. Дитякин, он же возглавил кабинет истории и теории марксизма. В том же году в должности преподавателя по «кафедре всеобщей истории» был утвержден М.Д. Бушмакин (с июня 1928 г. – доцент). Так в начале 20-х гг. складывается костяк кафедры.

В последующие годы к работе на кафедре привлекаются новые преподаватели, главным образом из числа выпускников ВПИ. В 1925 г. на должность ассистента была принята выпускница словесно-исторического отделения ВПИ (1924) Е.С. Гинзбург. Вплоть до осени 1930 г. она преподавала методику обществоведения. В феврале 1930 г. на должность старшего ассистента по методике обществоведения был принят Р.Ш. Тагиров.

В том же году должность ассистента кафедры занимает выпускница общественно-экономического отделения ВПИ (1930) К.Г. Крылова. В сентябре 1930 г. на должность доцента принимается Г.С. Садретдинов. В 1931 г. и.о. доцента кафедры по совместительству становится выпускник общественно-экономического отделения ВПИ (1927) В.И. Адо.

В 1930 г. в результате структурного укрупнения ВПИ был создан общественно-литературный факультет, составной частью которого стало историко-экономическое отделение. В сентябре 1930 г. кафедра была переименована в «кафедру истории классово-борьбы на Западе», призванную «объединить курсы по истории Запада, читаемые на всех отделениях, включая курс по истории эпохи империализма, а также методику истории» (приказ по ВПИ № 91 от 10.09.1930). Зав. кафедрой вновь был назначен С.П. Сингалевич, а руководство кабинетом по истории классово-борьбы на Западе поручено В.Т. Дитякину. (В апреле 1931 г. В.Т. Дитякин был освобожден от преподавательской работы «как не обеспечивающий марксистско-ленинскую линию в преподавании диамата и истмата», после чего переехал в Москву, где продолжил научно-педагогическую деятельность. В 1941-44 гг., будучи эвакуированным из Москвы в Казань, вновь преподавал в КГУ и КГПИ. В послевоенные годы работал в МГУ).

В 1931 г. после преобразования ВПИ в Татарский педагогический институт (ТПИ) основной структурной единицей вновь становятся отделения, в т.ч. историко-экономическое. Кафедре было возвращено прежнее название, С.П. Сингалевич назначен зав. «кафедрой всеобщей истории», определен новый состав дисциплин кафедры: «курсы историко-общественных формаций, история Запада эпохи промышленного капитализма, эпохи империализма, марксистская история техники, история религии, история христианства, методика истории, методика обществоведения» (приказ по ВПИ № 112 от 18.08.1931). При кафедре начинает функционировать аспирантура. Одним из первых аспирантов стал С.М. Муртазин, специализировавшийся по истории Запада.

Завершается период организационных перестроек 1920-30-х гг. в 1934 г. новой трансформацией вуза – созданием Казанского государственного педагогического и учительского института (КГПИ) в составе четырех факультетов, включая исторический. Вторая половина 30-х гг. стала одним из наиболее сложных периодов в истории кафедры. С одной стороны, это было время заметной активизации ее деятельности, вызванной восстановлением преподавания истории в учебных заведениях. Начинает функционировать отделение заочного обучения, осуществляется подготовка учителей истории для неполных средних школ. С другой стороны, на волне борьбы с «врагами народа» ведущие преподаватели были подвергнуты критике и репрессиям. Так, в феврале 1935 г. М.Д. Бушмакин был отстранен от учебной деятельности, как «допустивший по своей преподавательской работе в институте по истории средних веков грубейшие извращения, объяснявшего факты истории с точки зрения буржуаз-

ной методологии» (приказ по ТПИ № 18 (§ 1) от 4.02.1935). Лишь в 1937 г. он был вновь допущен к чтению учебного курса «История доклассового общества». В 1938 г. С.П. Сингалевич был отстранен от заведования кафедрой всеобщей истории, арестован и приговорен к 8 годам лагерей.

После ареста С.П. Сингалевича «временно исполняющим обязанности заведующего кафедрой всеобщей истории» был назначен В.И. Адо (приказ по КГПИ № 122 от 21.09.1939). По свидетельству Р.Ш. Тагирова, «накануне Великой Отечественной войны кафедру всеобщей истории возглавлял Г.Ф. Юдин». Во второй половине 30-х гг. к работе на кафедре привлекаются новые преподаватели. В 1936 г. на должность и.о. доцента была принята выпускница аспирантуры (1935) при ЛГПИ им. Герцена Г.М. Данилова. В 1940 г. на должность старшего преподавателя был принят выпускник аспирантуры при Московском институте истории, философии и литературы, к.и.н. А.Х. Рафиков (приказ по КГПИ № 118 от 7.09.1940). Он стал первым в истории кафедры преподавателем, получившим ученую степень после Октябрьской революции.

Особым этапом в истории кафедры стал период Великой Отечественной войны. К чтению лекций на историческом факультете приступают эвакуированные из Москвы ведущие советские историки – академики Б.Д. Греков, Е.В. Тарле, Е.А. Косминский. В 1941-42 гг. в КГПИ работала Н.А. Сидорова. В 1942 г. на кафедре начинает преподавательскую деятельность Л.Е. Кертман. В начале 1942 г. зав. кафедрой всеобщей истории назначен эвакуированный из Москвы член-корр. АН СССР А.В. Ефимов, но вскоре в связи с подготовкой к изданию «Истории дипломатии» он был отозван в Москву. В июне 1942 г. новым зав. кафедрой назначается доц. М.Д. Бушмакин. В марте 1942 г. на заседании Ученого совета историко-филологического факультета КГУ М.Д. Бушмакин успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Внешняя политика Генриха IV». Оппонентами выступили академик Е.В. Тарле и профессор Б.Ф. Поршнев.

Несмотря на тяжелые условия военного времени, кафедра смогла не только сохраниться, но и нарастить свой потенциал.

Р.Б. Казаков (РГГУ, Москва)

**Из научного наследия Кафедры источниковедения
и вспомогательных исторических дисциплин
Историко-архивного института РГГУ 30-х гг. XX в.**

Кафедра (первоначально – под названием «кафедра вспомогательных исторических дисциплин») была образована в составе Московского государственного историко-архивного института в августе 1939 г. Об истории кафедры, ее профессорах и преподавателях написаны статьи, опубликованы документы, издана история кафедры (Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических

дисциплин. М., 1990; Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института / Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева; отв. ред. В.А. Муравьев. М., 2001; Система «Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории» – основа профессионального образования гуманитария: (Концепция развития кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Ист.-арх. ин-та РГГУ) // Вестник РГГУ. Сер. «Ист. науки». М., 2009. № 4 и др.).

За семьдесят лет работы кафедры в составе ее коллекций оказались разнообразные учебные материалы: плакаты и таблицы, географические карты, нарисованные от руки, рисунки и фотографии, издания разных лет, которые используются в качестве раздаточного материала. Коллекция рукописных документов XVII–XX вв. включает в себя столбцы, отдельные листы и тетради рукописных и старопечатных книг с примерами инициалов и вязи, образцы бумаги российского и иностранного производства. В учебном процессе используется коллекция российских монет XV–XXI вв. и иностранных монет в основном XX в., российские, советские и иностранные бумажные денежные знаки XIX–XX вв.

Кафедра располагает коллекцией медалей российского и иностранного происхождения, а также восковыми и гипсовыми слепками монет и печатей западноевропейского Средневековья. Несколько десятков металлических матриц печатей учреждений и матриц печатей с личными гербами и монограммами XIX – начала XX в. неатрибутированы и еще ждут своего исследователя. Часть собрания была передана в Библиотеку РГГУ.

Десятилетиями собирались рукописи трудов, подготовленных кафедрой, не все из них опубликованы. О неосуществленном проекте хрестоматии по дипломатике и курсе лекций по источниковедению, который читал А.Ц. Мерзон, уже писалось. Несомненный интерес представляют записи обсуждения учебного пособия Л.В. Черепнина «Русская палеография» (М., 1956), ставшего классическим.

1930–40-е гг. – время, когда учебников и учебных пособий по вспомогательным историческим дисциплинам крайне не хватало. Студенты пользовались стенограммами лекций, хранившимися в кабинете кафедры (например, лекций проф. Н.В. Устюгова по курсу «Вспомогательные исторические дисциплины»). Сохранились стенограммы 1–26 лекций, читанных со 2 сентября по 16 декабря 1938 г. Лекционный курс открывался хронологией (лекции 1–4), затем читались лекции по сфрагистике (лекции 5–8), геральдике (лекции 9–11). Лекции 12–21 и 23 посвящены проблемам метрологии, лекции 22, 24 и 25 – нумизматики, а лекция 26 – эпиграфики. Структура блоков лекций вполне академична: определение той или иной дисциплины сопровождалось рассуждением о ее цели, объекте и предмете. Н.В. Устюгов характеризовал литературу по курсу, как правило, дореволюционные издания. Затем излагался сам материал курса.

Очевидно, что курс палеографии читался отдельно от других вспомогательных дисциплин. Об этом можно судить по стенограммам лекций

профессора и зав. кафедрой А.Н. Сперанского, читанных с 5 сентября 1937 г. по 5 января 1938 г. (16 нумерованных лекций; стенограммы датируются). Курс делился на две части: собственно палеографическую, длившуюся весь сентябрь, и лекции по дипломатике, насыщенные и палеографическим материалом, и сведениями по истории учреждений, которые длились по январь. Первая и вторая лекция (4 сентября) были посвящены очерку развития русской дипломатики (Лекция 4 сент. 1937 г. С. 1). Лекция 5 сентября – третья, в ней давалась характеристика славянских письменных памятников, начиная с XI в. В лекции ничего не говорилось о цели и задачах самой дисциплины, ее объекте и предмете.

Стенограмма позволяет судить об особенностях преподавания дисциплин. Из лекций А.Н. Сперанского: «Мы с вами рассмотрели образец старинной рукописи. Это рукопись уникальная и, конечно, для практических занятий студентов, аспирантов и даже профессоров она выдается сравнительно редко» (Лекция 5 сент. 1937 г. С. 34). Иногда в лекциях встречались элементы воспоминаний о недавних временах: «Здесь, в Москве, покойный профессор нашего Института Павел Григорьевич Любомиров рассказывал, как в этот Исторический музей привезли архив Шереметева. Архив представлял собой часть полные дела, а частью то, что у нас называется технически архивной россыпью». Новгородские берестяные грамоты еще не были открыты, поэтому в лекциях говорилось: «С березы срывали вот эту тонкую кору, ложили ее костью или гладким предметом и затем на этих тонких берестяных листах писали, причем иногда писали целые книги. От древнейших времен мы имеем только некоторые упоминания об этом» (Лекция 16 сент. 1937 г. С. 21, 23).

Лекции А.Н. Сперанского, посвященные русской дипломатике в составе курса палеографии, представляют особый интерес. Нужно было обладать немалой смелостью, чтобы в 1937 г. подробно рассуждать о достоинствах школы А.С. Лаппо-Данилевского, а Сперанский делал это на протяжении всего курса. Уже начало заявляло о приоритетах: «...В конце XIX века у нас зарождается в этой дисциплине [дипломатике. – *Р.К.*] новая школа, очень значительная и серьезная, школа Лаппо-Данилевского». Краткий очерк развития дипломатики в России давал важнейшие сведения: «Лихачев свое высшее образование закончил в Казанском университете, и здесь под влиянием профессоров русской истории Загоскина, Фирсова и других у него сложились те интересы, которые определили дальнейшую ученую работу этого исследователя» (Лекция 4 сент. 1937 г. С. 1). А.Н. Сперанский подробно говорил о деятельности Н.П. Лихачева и о его судьбе, включая арест и ссылку. И далее: «Но рядом с Лихачевым появилась новая школа Лаппо-Данилевского, на ней приходится остановиться более подробно. <...> По своим методологическим приемам и историко-философским воззрениям Лаппо-Данилевский принадлежал к той школе профессоров, которая шла вслед за неокантианством. Изучая исторические явления, эти ученые видели в них явления идейного порядка,

пытались всякий исторический факт поставить в связь с общей культурой, рассматривая его как деятельность человеческого сознания. И с этой точки зрения изучение всех исторических явлений и является характерной чертой Лаппо-Данилевского. <...> И когда Лаппо-Данилевский подходит к изучению актов, он рассматривает их как явления природы. Он не знает классовой природы культуры. Культура у него нечто общее для всего народа, и над всем этим возвышается государственная власть. Этот плюрализм Лаппо-Данилевского при рассмотрении явлений сказывался в его дипломатике, и к дипломатике он подошел не случайно. Изучение социально-экономических явлений заставило его искать тех путей, которые могли ему обеспечить изучение массовых фактов, введение цифр в изучение, введение статистического метода. <...> Здесь и сказались те же недостатки общей методологии Лаппо-Данилевского, на которые я указывал. Он рассматривает акт как явление культуры, и для него – это акт прежде всего правосознания общества, взятого в целом; т.е. классовый характер понимания отдельного юридического акта, правосознания отдельных людей для него исчезает. <...> Но у Лаппо-Данилевского очень много ценного в его методе анализа частного документа. Буржуазная историография дает нам нередко образцы чрезвычайно тщательного описания факта. И эта тщательность описания факта наблюдается в работах Лаппо-Данилевского и в работах его учеников» (Там же. С. 5-8).

Неопубликованные и теперь вводимые в научный оборот материалы научного наследия кафедры позволяют во многом по-новому и более полно представить себе тот историографический контекст и образовательные стратегии, в которых формировалась Научная школа источниковедения Историко-архивного института.

В.П. Золотарев (Сыктывкарский ГУ)

Научно-исследовательская лаборатория при кафедре – эффективное средство подготовки историков (из опыта работы)

Среди научных сообществ историков свое место занимают научно-исследовательские лаборатории в рамках университетских кафедр. Цель этих заметок автор видит как раз в том, чтобы поделиться многолетним опытом работы такого сообщества.

16 декабря 1999 г. на Ученом Совете исторического факультета было принято Положение о студенческой межкафедральной научно-исследовательской лаборатории «Научная школа академика Н.И. Кареева по новистике», которая превратилась в центр изучения научного наследия Кареева, творчества его учеников. В лаборатории принимают участие студенты 1–5 курсов, аспиранты и сотрудники кафедры истории зарубежных стран в новое и новейшее время. Члены лаборатории – студенты, аспиранты и сотрудники факультета исследуют жизнь и научное насле-

дые выдающихся учеников Кареева, «потерянных» отечественной и европейской историографией – М.А. Буковецкой, П.П. Митрофанова, А.М. Ону, Е.Н. Петрова, П.П. Щеголева и др. Творчеству Кареева и его последователей посвящены диссертационные работы аспирантов кафедры. Лаборатория «вышла» за рамки студенческой и превратилась в центр подготовки кандидатов и докторов наук. Подтверждением тому служат научные исследования С.Л. Клестовой, И.Е. Морозовой, О.И. Зезеговой, Ю.С. Волковой, Т.В. Павловой, Т.П. Филипповой, О.В. Поляковой и др. Доцент филфака В.П. Ефименко (ныне докторант СПбГУ) реконструирует взгляды Кареева на исторический роман. Одним из направлений работы лаборатории является издание трудов Кареева, хранящихся в архивах нашей страны. В.А. Филимоновым подготовлена к изданию «Библиография научных трудов академика Н.И. Кареева» (на сегодня самая полная, в которой указано 905 его работ); Е.В. Карповой подготовлена к публикации рукопись монографии ученого «По большой дороге истории». В 2000 г. на базе научных исследований лаборатории прошла первая Всероссийская научно-теоретическая конференция, посвященная 150-летию Н.И. Кареева. Из 34-х авторов подготовленного по ее итогам сборника статей 19 являются сотрудниками и студентами СыктГУ.

Научное наследие Н.И. Кареева изучается совместно с кафедрой истории древнего мира и средних веков. В 2002–2003 гг. был реализован под руководством В.А. Филимонова проект (грант) «Античность в научном наследии Н.И. Кареева» в рамках программы «Университеты России». Карееведение – одно из известных в стране научных направлений истфака СыктГУ – сегодня представлено научной школой автора этих строк. У сотрудников лаборатории сложились творческие связи с коллегами из СПбГУ, где проводятся, начиная с 1995 г. Кареевские чтения по новистике. Ученые СыктГУ – их неперенные участники. У нас установились плодотворные связи с историками Казанского университета (В.Д. Жигунин, Г.П. Мягков, А.А. Сальникова, Л.А. Сыченкова и др.).

12–14 ноября 2008 года в ИВИ РАН состоялся «Круглый стол» на тему «125 лет со дня выхода в свет докторского исследования Н.И. Кареева “Основные вопросы философии истории”: современное прочтение». Руководство лабораторией разработало план проведения упомянутого «Круглого стола». В нем приняли участие большинство членов нашей лаборатории. Издан сборник материалов «Круглого стола».

Исследование процессов модернизации в контексте интеллектуальной истории ведется по двум направлениям. В рамках *первого* направления на примере работ Н.И. Кареева по истории славянских народов рассматривается влияние общественно-политической ситуации на формирование когнитивной структуры отечественной историографии. Кроме того, освещается роль славистических исследований в решении внешнеполитических задач Болгарии в первой трети XX в. *Второе* направление – изучение вопросов, связанных с формированием когнитив-

ной и институциональной структуры советского финно-угроведения на примере деятельности выдающегося коми ученого – филолога, поэта и общественного деятеля В.И. Лыткина (1895–1981 гг.) в рамках международного проекта «Процессы модернизации в Баренц-регионе». Исследуется взаимосвязь экономических и политических факторов становления институциональной и когнитивной структур коми языкознания.

Всестороннюю помощь лаборатории оказывали выдающиеся историки-новисты Ленинградского государственного университета В.Г. Ревуленков, К.Б. Виноградов, С.М. Стецкевич, а также профессора С.И. Ворошилов, Б.А. Ширяев и Б.Н. Комиссаров. В установлении и развитии творческих связей лаборатории с ленинградскими историками не можем не отметить роль доцента Г.Д. Петровой (ученицы В.К. Фураева).

В последние годы под руководством зав. кафедрой В.П. Золотарева (с 1996 г.) сформировано еще одно научное направление, призванное создать портретную галерею учеников Н.И. Кареева. Сделано уже немало: «нарисованы» и опубликованы портреты его учеников двух поколений В.А. Бутенко, Я.М. Захера, В.В. Бирюковича. В формате выпускных квалификационных работ воссозданы образы А.М. Ону, П.П. Щеголева, П.П. Митрофанова, И.Л. Попова-Ленского. Ждут своей «очереди» Е.А. Соловьев и один из последних учеников академика Н.П. Соколов.

Лакуной российской историографии второй половины XIX в. является неизученность взаимодействий и взаимовлияний великих русских историков и их научных школ. Сделаны попытки в этом весьма перспективном секторе исторической мысли.

Своеобразие нашей лаборатории состоит в том, что ее научно-исследовательская практика дает ценнейший сплав опыта профессоров, доцентов со студенческим и аспирантским дерзновением, тем самым поддерживается и умножается преемственность «отцов и детей», что позволяет, как говорили наши предки, «свече не погаснуть».

Н.Г. Шишкина (Удмурдский ГУ, Ижевск)

Развитие научно-педагогических традиций профессора В.Е. Майера кафедрой истории древнего мира и средних веков УдГУ

В 1949 г. на историческом факультете Удмуртского госпединститута была создана кафедра всеобщей истории, ставшая впоследствии основой для двух самостоятельных структурных подразделений – кафедры истории древнего мира и средних веков, а также кафедры новой и новейшей истории. Сегодня можно говорить о нескольких этапах развития кафедры. Каждый из них связан с именем заведующего кафедрой и теми идеями, которые внедрились в практику в это время.

Особая страница в развитии кафедры и изучении всеобщей истории и культуры связана с именем Василия (Вильгельма) Евгеньевича Майера.

С сентября 1945 г. по 10 февраля 1985 г. его жизнь была связана с УГПИ (с 1972 г. – УдГУ), где он прошел путь от ассистента до профессора, зав. кафедрой всеобщей истории (1964–1985гг.), проректора по научной работе. Здесь он вырос в крупного медиевиста-германиста, ученого энциклопедических познаний, исследователя с европейским именем. Это была многогранно одаренная личность, прекрасный педагог, совершенно замечательный по своим душевным дарованиям человек.

Более 30 лет упорного труда В.Е. Майера отдано исследованию крестьянского мира Германии XIV–XVI вв. Его работы важны не только в плане расширения представлений о позднесредневековой истории Германии, они позволяют по-новому взглянуть на многие теоретические проблемы генезиса капитализма на европейском континенте, дают перспективу дальнейшего хода исторических исследований.

У В.Е. Майера счастливо сочетался талант крупного исследователя и педагога. Круг научных интересов Василия Евгеньевича был столь же широк и многообразен, как и его педагогическая деятельность. Около сорока выпусков студентов-историков заинтересованно слушали лекции В.Е. Майера по истории средних веков, работали в его семинарах, проходили специализацию под его руководством. Большим успехом пользовались его лекции и на факультете романо-германской филологии.

Одной из главных забот В.Е. Майера в качестве зав. кафедрой всеобщей истории в конце 60 – начале 70-х гг. стало создание коллектива единомышленников, ученых-педагогов. Именно тогда на кафедре заметно активизировалось изучение античности, историю которой преподавала Н.С. Талашова, ученица проф. А.С. Шофмана, и появилось новое в те годы направление – этнография, возглавил его В.Е. Владыкин, в настоящее время – один из ведущих финно-угроведов страны. Тогда же было положено начало преподаванию дисциплин специализации и подготовке дипломных работ по проблематике античности, средневековья, новой и новейшей истории. В 1973 г. на кафедре была открыта аспирантура. Тематика диссертаций аспирантов определялась в русле основных моментов концепции профессора В.Е. Майера. Непосредственно аграрной проблематикой занимались В.А. Чиркин и Л.В. Котова, изучением историографии Н.Г. Шишкина, а В.В. Иванов в качестве приоритетных выбрал темы, связанные с идеологией Реформации в Германии и Швейцарии. Таким образом, в 70-е гг. сложились основные научные направления в деятельности кафедры – изучение проблем средневековой истории Европы в целом и Германии, в частности, античной истории и культуры.

Профессиональное изучение истории Германии требовало от исследователей знания не только современного немецкого языка, но и его диалектов, их исторических особенностей. В.Е. Майер привлекал студентов к выполнению курсовых и дипломных работ, основанных на работе с источниками и специальной литературой на немецком языке. Можно сказать, что на кафедре всеобщей истории царила атмосфера увлеченности

иностранными языками, в том числе и «мертвыми», осознавалась необходимость совершенствования в их изучении.

В 1970-е гг. кафедра, под руководством В.Е. Майера, становится одним из авторитетных в стране центров по изучению средневековой истории Германии. Свидетельством признания достижений кафедры явилось проведение в 1979 г. в Ижевске Всесоюзного симпозиума по проблемам аграрной истории европейского феодализма. К середине 80-х гг. стабилизировался состав кафедры, определились ведущие направления в научных исследованиях, укрепились связи с научными центрами страны. Василий Евгеньевич сумел превратить кафедру провинциального института в центр научного изучения и преподавания западноевропейского средневековья. Благодаря огромной научной и организаторской деятельности Василия Евгеньевича всеобщая история в Удмуртском университете стала одним из приоритетных направлений в научной и учебной работе.

В последние годы коллектив кафедры уделяет огромное внимание развитию направлений, связанных с актуальными проблемами преподавания источниковедения и историографии античности и средневековья истории, а также культурно-антропологической и интеллектуальной истории. Накопленный кафедрой опыт изучения и преподавания истории древнего мира и средних веков позволяет утверждать, что и в настоящее время значение классического наследия для формирования и воспитания историков-профессионалов не только не умалается, но и получает новые импульсы в условиях модернизации системы образования. Ведущее место в сфере научных интересов коллектива кафедры продолжают сохранять исследования по аграрной проблематике, вопросам идеологии и культуры. Серьезное внимание уделяется разработке методики преподавания в высшей школе. Молодые исследователи обращаются к новым темам, связанным с современными подходами и научными теориями. Коллектив кафедры истории древнего мира и средних веков прилагает максимум усилий для совершенствования качества профессионального образования за счет повышения квалификации преподавателей, раннего приобщения студентов к научной деятельности, улучшения материально-технической базы и издательской деятельности, приглашения преподавателей из других ВУЗов страны и обучения выпускников кафедры в аспирантурах ведущих университетов России. В целом, работа кафедры – достойное продолжение трудов нашего учителя, память о котором мы трепетно храним. Ежегодно на факультете проходят Майеровские чтения, к юбилейным датам, связанным с именем Василия Евгеньевича издаются тематические сборники. В 2001 г. кафедра начала выпуск научной серии «Историк и его дело» (к настоящему времени издано 7 выпусков).

К 85-летию со дня рождения В.Е. Майера в 2003 г. состоялась Всероссийская конференция, а в декабре 2008 г. – международная научно-практическая конференция «Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ», приуроченная к 90-летию со дня рождения В.Е. Майера.

Исследование проблем социокультурного восприятия русскими стран Запада на кафедре всеобщей истории ОрелГУ: научные традиции и перспективы

На базе кафедры всеобщей истории Орловского госуниверситета уже несколько лет под руководством профессора Т.Н. Гелла работает научная школа «Страны Запада в XIX – XX веках глазами русских. Социокультурные аспекты восприятия». Целями и задачами научной школы является повышение на основе комплексного использования интеллектуальных, материальных и информационных ресурсов, образующихся в результате соединения научно-исследовательской деятельности с учебно-образовательной системой вуза, эффективности и качества образовательного процесса для подготовки специалистов-историков, разработка и внедрение в учебный процесс инновационных методов изучения социально-политической истории в новое и новейшее время. Школа аккумулирует новейшие достижения истории и смежных гуманитарных дисциплин.

Исследуются следующие проблемы: Россия в мире XIX–XX вв.; проблемы европейской и американо-канадской идентичности; вопросы взаимовосприятия североамериканских и европейских народов; взгляды представителей российских общественных кругов на особенности государственно-политического устройства западных стран; малоизученные вопросы о личных контактах европейцев, американцев и россиян; различные аспекты дипломатических и культурных связей России/СССР и западных стран; Россия и Запад в условиях холодной войны; Россия, США, Европа и проблемы глобализации.

Научно-практическая значимость деятельности научной школы определяется созданием базы данных инновационных систем, возможностью внедрения результатов в учебно-педагогическую практику институтских и университетских курсов по проблемам истории России, нового и новейшего времени стран Запада, культурологии, истории международных отношений, в практику политических дискурсов и т.д.

В работе школы принимают участие 10 человек, из них – один доктор исторических наук, 4 кандидатов, а также аспиранты и студенты. Преимущественно внимание уделяется изучению образа той или иной страны глазами русских современников. В центре исследования такие страны, как Великобритания, Франция, Германия, США. Как правило, результаты исследования представлены в многочисленных публикациях представителей школы. Интересные публикации в рамках работы школы были представлены к.и.н. Ю.В. Кузнецовым по взаимовосприятию США и России [см. статьи «Как историю России рассказывают американским школьникам», вышедшую в 2005 в сборнике трудов международной научно-практической конференции в Орле, и «От второй мировой войны к

“холодной войне”: Джордж Кеннан о Советской России (1944–1951 гг.)», опубликованную в журнале исторического факультета ОГУ «Рюрик»].

Результаты работы школы также были представлены на международном уровне. В частности, руководитель школы д.и.н. Т.Н. Гелла выступала с докладами по проблематике школы на международных конференциях: в 2006 г. в Дареме (Англия) «Образ Англии и англичанина на страницах русских периодических изданий», в 2007 г. в Белфасте прошла презентация доклада «Британские либералы и их имперская политика в оценке русских дипломатов», а в 2008 г. доклад «Испания и испанцы конца XIX в. глазами русских современников: социокультурные аспекты восприятия» был сделан в университете Лиссабона.

Результаты работы – это и успешные защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

В.Н. Долговой в исследовании «Русско-английские культурные связи в конце XIX – начала XX веков» (2005) раскрыты факторы, способствовавшие активизации культурного сотрудничества России и Великобритании перед Первой мировой войной, уточнена роль общественных организаций и отдельных представителей русской и английской художественной интеллигенции в процессе расширения русско-английских литературных контактов, проанализирована специфика восприятия отдельных русских писателей в Англии и английских в России. В.Н. Долгова также изучила неизвестные страницы русско-английских театральных связей, исследовала восприятие русской музыки и балетного искусства английскими зрителями на рубеже столетий. Особое место было отведено исследованию исторических условий и факторов, которые оказывали влияние на развитие русско-английских культурных отношений. Впервые автором была предпринята попытка воссоздать целостную картину русско-английских связей в области литературы, театра и музыкального искусства. Значительное внимание была также предпринята попытка более углубленного изучения роли отдельных представителей творческой интеллигенции России и Англии в распространении и популяризации достижений национальной культуры в российском и британском обществах.

Интерес также представляет диссертация Е.В. Жарких «Германия и немцы глазами русских в конце XIX – начала XX веков: социоэкономические аспекты восприятия». Этнические представления о немцах, за немногим исключением, практически всегда оказывались нагруженными информацией об экономической и социальной ситуации в Германии. Здесь же автор определяет основные каналы проникновения социально-экономической информации о Германии: многочисленные статьи и публикации в специализированных и общеинформативных периодических изданиях; научная и научно-популярная литература конца XIX – начала XX вв.; наглядный пример в лице многочисленных представителей немецких деловых кругов, осуществлявших свою деятельность в различных областях российской экономики и демонстрировавших незаурядные ком-

мерческие способности; впечатления о социально-экономическом положении в Германии, привезенные русскими предпринимателями и путешественниками из их поездок в Германию. Жарких удалось связать коренные изменения в немецком обществе, произошедшие вследствие индустриализации Германии с переменной образа немца в глазах русских. В исследовании Жарких было доказано, что традиционные представления русских о немцах трансформировались в конце XIX – начале XX вв., и наиболее популярным среди русских стал образ немца-предпринимателя.

Не менее значима диссертация В.В. Борискина «Викторианская Англия в оценке русских либералов и демократов в 50–60-х гг. XIX в.», в которой рассмотрены аспекты восприятия русскими современниками экономического строя Англии в середине XIX в. Автор показал, что интерес русских публицистов к английским общественно-политическим институтам чаще всего сопровождался убеждением в невозможности заимствовать их в России из-за их безусловной самобытности. Значительный интерес представляет исследование Борискиным восприятия русскими культурно-бытовых деталей жизни английского общества в изучаемый период. Основное внимание, конечно, уделялось быту господствующих слоев, ибо быт социальных низов особым разнообразием не отличался. Внимание русских либералов привлекала и роль путешествий в жизни англичан. Борискин привел многочисленные мнения и наблюдения русских либералов по поводу английского национального характера.

Активное участие в работе научной школы принимают студенты старших курсов исторического факультета. Ежегодно несколько дипломных работ выполняются в рамках проблематики школы.

Таким образом, на кафедре всеобщей истории ОрелГУ сложились прочные основы для развития научных традиций и воспитания научных кадров в рамках школы ««Страны Запада в XIX – XX веках глазами русских. Социокультурные аспекты восприятия»».

Т.А. Сидорова (РГСУ, Сочинский филиал)

**Российский государственный социальный университет:
история университета как «историческая биография» вуза
в научно-образовательном пространстве России**

Особое место Российского государственного социального университета в научно-образовательном пространстве России определяется его миссией пионера и лидера в становлении и развитии нового направления в подготовке кадрового корпуса для социальной сферы в нашей стране.

Историю РГСУ, связанную с эволюцией социального образования и формированием социального государства в России, правомерно позиционировать как «университетскую историю» на том основании и в том смысле, что в ее разработке задействованы все структурные подразделе-

ния вуза, независимо от профиля: научно-образовательная деятельность кафедр и факультетов объединена общей стратегией, имеет общий вектор и развивается в контексте единой парадигмы.

История РГСУ может быть рассмотрена в разных срезax: и как история относительно молодого вуза, сочетающего в своей деятельности традиции классического университета с современными образовательными технологиями (комплекс текстов, которые еще «пишутся» профессиональными историками), и как обобщенная и биография (биографии) кафедр, факультетов, научных институтов, школ, ученых. Поскольку университетское бытие органично вбирает в себя два мира, мир преподавателей и мир студентов, равновеликой составляющей истории РГСУ становится и история его студенчества.

В зависимости от избранного варианта и структуры «университетской биографии» определяются концептуальные подходы к созданию истории университета. Думается, что в любом случае наиболее приемлемым жанром является жанр исторической биографии, в котором сопрягаются исследования специфических, уникальных свойств РГСУ как инновационного научно-образовательного комплекса и индивидуальные жизнеописания людей, стоявших у истоков его становления и образующих университетское сообщество в современных условиях.

Контекстное пространство университетской истории РГСУ составляют проблемное поле российского социального образования, которое в том числе может рассматриваться как одно из антикризисных средств в системе безопасности страны; социально-экономическая ситуация в России как фактор, определяющий социальный заказ и востребованность специалистов социальной сферы; государственная социальная политика в целом и в отношении наиболее незащищенных категорий населения; аспекты формирования социального государства в России.

Собственно фактологическая история РГСУ прослеживается по следующим основным показателям.

Российский государственный социальный университет создан Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 ноября 1991 г., является правопреемником Высшей партийной школы КПСС. В 1993 г. переименован в Московский государственный социальный университет (МГСУ). В 2004 г. получил нынешнее название. Он был первым и остается единственным государственным социальным университетом России и СНГ. Ректор-основатель РГСУ – В.И. Жуков, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации. За короткий срок РГСУ сформировался как комплексный образовательный, научно-исследовательский и информационно-аналитический центр, способный решать поставленные задачи на уровне современных требований. В структуре РГСУ более 40 филиалов и представительств, 9 Международных центров социального образования. В РГСУ получают образование свыше 100 тыс. студентов из всех регионов России. Из них более 25 тыс. обучаются в Москве. После-

вузовская подготовка, переподготовка и повышение квалификации осуществляется по 21 направлению. Университет имеет семь диссертационных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций; аспирантуру и докторантуру. Учебный процесс в университете обеспечивает высокопрофессиональный профессорско-преподавательский коллектив (более 70% имеют ученую степень и звание). Учебный план РГСУ включает в себя преподавание более 1120 учебных дисциплин, факультативных и авторских курсов. РГСУ ведет обучение по 63 специальностям на 9 факультетах (факультет социальной работы, педагогики и ювенологии, факультет социальной медицины и реабилитационных технологий, факультет охраны труда и окружающей среды, факультет социального страхования, экономики и финансов, гуманитарный факультет, факультет иностранных языков, факультет информационных технологий, юридический факультет, факультет социального управления).

Уникальность РГСУ в том, что это единственный государственный вуз социального профиля, в котором студенты обучаются, в основном, за счет средств федерального бюджета, а также в неповторимости многих образовательных направлений, которых нет, не только в России, но и за рубежом. РГСУ – головной вуз России в области подготовки кадров для социальной сферы. На базе университета создано и функционирует Учебно-методическое объединение вузов России, ведущих образовательную деятельность по титульной специальности «Социальная работа». По состоянию на 1 января 2008 года в стране зарегистрировано 236 вузов, осуществляющих подготовку специалистов, бакалавров и магистров данной специальности, объединенных в УМО, возглавляемым РГСУ.

По итогам III Всероссийского конкурса «Российское учреждение высокой социальной эффективности» Российский государственный социальный университет признан победителем в номинации «Наука и образование». Ученым университета присуждена премия Правительства Российской Федерации в области образования. РГСУ вошел в число 100 лучших вузов России и награжден золотой медалью «Европейское качество». Университет первым среди российских вузов удостоен сертификата Европейского фонда по управлению качеством «Признанное совершенство в Европе». Вуз прошел европейскую и международную сертификации, которые открыли дорогу выпускникам на рынки труда 37 стран мира. РГСУ входит в число 50 крупнейших университетов России, выпускники которого востребованы ведущими национальными корпорациями. Выпускники РГСУ работают в Правительстве Российской Федерации, избраны в законодательные органы России, в региональные органы, высокий процент выпускников работает в региональных администрациях, в органах социальной защиты населения.

В РГСУ создана признанная международным и российским сообществом научная школа в области социальных наук и социального образования. В структуре РГСУ – Академический научно-педагогический ин-

ститут, Академический институт социальных исследований, Научно-педагогический центр прав человека и ювенальной юстиции, Институт безопасности образования, Институт ресурсов человека и управления социальным здоровьем, Студенческая академия социальных наук, Научная библиотека, Издательско-полиграфический комплекс «Союз». В университете издаются 7 научных журналов, два из которых – «Ученые записки РГСУ» и «Социальная политика и социология» – включены в перечень изданий ВАК. Ученые университета разрабатывают научные проекты по грантам российских и международных фондов, участвуют в разработке федеральных целевых программ, нормативных актов, активно сотрудничают с ведущими научными центрами России и зарубежья.

Созданы и функционируют многочисленные научные направления (научные школы). Процесс формирования научных школ продолжается. В частности на стадии оформления находится научная школа «История, историография, теория и методология социальной работы».

Таким образом, история РГСУ как крупнейшего социального вуза России, представляет собой многоаспектную, композиционно сложную историческую биографию вуза, вписанную в историю социального образования страны, создание которой базируется на междисциплинарном подходе и парадигмальном синтезе.

Г.Г. Амалиева (Казанский ГУ)

Проблема трансформации документа в условиях внедрения цифровых технологий (на примере электронной коллекции личных дел студентов Казанского университета 1917–1925 гг.)

Архивы и библиотеки старейших вузов страны находятся зачастую в тяжелом состоянии: часть из них погибла во время пожаров и войн, в советское время сузились объемы комплектования. Казанский университет представляет в этом плане уникальное явление: его архив сохранился в целостности и насчитывает 17000 единиц хранения. В Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского КГУ (НБЛ КГУ) за более чем двухсотлетнюю историю сформировалось богатейшее собрание документов XIX–XX вв. Большую ценность представляют документы по истории советского периода его существования – фонд личных дел студентов КГУ за 1917–1925 гг., хранящийся в Отделе рукописей и редких книг (ОРПК НБЛ КГУ).

Комплекс личных дел студентов университета 1917–1925 гг. ОРПК НБЛ КГУ включает 9435 единиц хранения в составе фонда 22. На данный момент эти документы мало изучены и практически не востребованы. Одна из причин – отсутствие информации о документах и их представления в сети Интернет. С внедрением компьютерных технологий во многих научных организациях началась работа по созданию баз данных, электронных коллекций и библиотек. Однако в большинстве случаев создан-

ные ресурсы имеют лишь локальный доступ, что препятствует широкому использованию информации, как специалистами, так и людьми, интересующимися этой проблемой. Появление информационных технологий позволяет разместить их в сети Интернет и обеспечить доступ к ним всему заинтересованному кругу пользователей. В настоящее время в Казанском университете ведутся работы по созданию технологии, позволяющей представить сведения студенческих личных дел в открытом доступе. Коллекция личных дел студентов является частью электронной библиотеки КГУ. Работа поддержана грантом РГНФ (проект № 07-01-12146).

Учитывая специфику представления данных для реализации проекта, в качестве инструментария для создаваемой информационной системы используются следующие продукты:

– Microsoft Access 2003 – это гибкий в использовании программный пакет, соединяющий в себе широкие возможности обработки текста и легкую в использовании систему организации баз данных. К преимуществам программы относится открытый характер базы, т.е. возможность его пополнения новыми сведениями и построения на основе главного банка данных иных форм и конструкций для различных видов обработки информации, проведения статистического анализа. Все данные хранятся в нескольких связанных между собой таблицах (реляционная база данных).

– MySQL – система управления реляционными базами данных, которая применяет язык SQL (Structured Query Language – язык структурированных запросов), стандартный язык запросов к базам данных.

Первоначально база данных ведется в формате Microsoft Access 2003, а при размещении на сайте КГУ конвертируется в формат MySQL.

Личные дела студентов Казанского университета – исторические документы, требующие специализированного описания, метаданных. Данный вид исторических источников обладает рядом особенностей: нарративный характер сведений, неоднородность состава личных дел по объему и видам документов, противоречивость сведений документов разных видов, официально-личный характер. При видовом разнообразии материала личных дел есть, тем не менее, возможность выделить основную форму анкеты, которая и легла в основу сформированного массива данных. Поскольку личные дела не были полностью идентичными, понадобилась дополнительная унификация информации с помощью специально выработанного вопросника (унифицированная анкета). Вопросник заполнялся на каждого студента по его личному делу.

Использование цифровых технологий приводит к трансформации документа – обособлению информации, зафиксированной на материальном носителе от самого материального носителя. Теперь не только документ как единство носителя и информации, но и сама информационная составляющая может служить объектом технологических процессов. Несмотря на то, что информация в цифровой форме по-прежнему требует вещественного закрепления на каком-либо материальном объекте, она

может преобразовываться, перемещаться или копироваться. Движение носителей при этом может быть полностью исключено.

Поэтому при разработке вопросника по личным делам студентов стояла задача как можно более полно охватить сведения каждого документа и максимально приблизить составляемую электронную коллекцию к источнику. Многие значения признаков в вопроснике выявлялись только в процессе работы, поэтому был использован способ частичной формализации признаков. Та информация дела, которая была необходима для идентификации каждого студента (фамилия, имя, отчество, возраст, год рождения, национальность и др.), переносились в базу данных в той же форме, в какой она была представлена в документах. Некоторые сведения с целью экономии памяти компьютера, облегчения последующей обработки материала и сокращения времени работы были формализованы путем кодировки. Кодирование осуществлялось с использованием т.н. «открытой» шкалы – данным присваивался определенный цифровой код по мере выявления их разнообразия. В компьютерной модели личного дела студента при ответе на вопрос «отношение к советской власти» – «положительное» присваивался цифровой код 1, «отрицательное» – 2.

При составлении базы данных использовался такой элемент управления Microsoft Access, как «поле со списком». Поле со списком – это комбинация двух элементов: поля и раскрывающегося списка. В поле со списком список состоит из строк с данными, из которых можно выбрать один из предложенных вариантов ответа или вписать новый. Значение, выбранное или введенное в присоединенное поле со списком, вставляется и в поле, к которому присоединено поле со списком. Например, в вопроснике есть пункт «семейное положение». В поле со списком введено четыре варианта ответа – «холост», «женат», «вдовец» и «разведен».

Формулировка возможных ответов на такие вопросы как пол, год рождения и др. не составляла трудности. Другое дело, когда речь шла о формулировке ответов на такие вопросы, как «Занятие до войны», «Кем делегирован». Большинство признаков (переменных), содержащихся в вопроснике, относилось к качественным, то есть не имеющим количественной меры или числового эквивалента (профессия, социальное происхождение, членство в профсоюзе, партийность и другие).

Некоторые вопросы анкеты в личных делах были очень сложными, детализированными. Например, вопрос анкеты для поступающих в вузы «В каком профсоюзе состоит членом?, с какого времени? и № членской книжки» был разбит на несколько вопросов: «Членство в профсоюзе» (да/нет/не указано), «название», «год вступления».

Вся совокупность вопросов была разделена на четыре группы: «личное дело», «студент», «родители», «документы», которые, в свою очередь, делились на признаки и подразделения. Подготовка массовых данных к обработке на компьютере являлась одним из наиболее трудоемких и ответственных этапов всей работы, от которого во многом зависел и

окончательный его успех, и корректность окончательных выводов. На данный момент коллекция студенческих личных дел содержит сведения 500 единиц хранения. Также в базе данных можно осуществить поиск и подсчет по таким параметрам, как пол, национальность, социальное происхождение и др. В будущем планируется пополнить существующую коллекцию новой информацией. Информационный ресурс размещается на сервере Казанского университета.

Опыт создания электронной коллекции личных дел студентов Казанского университета за 1917–1925 годы может быть использован при формировании других архивов нарративных источников.

А.Г. Циунчук (Казанский ГУ)

Кафедра политической истории Казанского университета на рубеже ХХ–ХХІ вв.: проблема подготовки историков высшей квалификации

Кафедра политической истории вошла в состав исторического факультета в 1994 г., однако на протяжении предшествующего полувека была тесно связана с факультетом, пополняясь его выпускниками, разрабатывая проблемы истории революционного, народнического, социал-демократического движений, истории общественно-политической мысли народов Поволжья, истории партийной организации Татарстана.

В послевоенный период ядро кафедры составили преподаватели-фронтовики М.А. Абдрахманов, А.Х. Бурганов (ныне профессор РГГУ), П.М. Дювбанов, А.К. Исаков, М.А. Кибардин, З.С. Пуцкова. Ш.Н. Садыков, М.Г. Сафронов, В.И. Селицкий, В.Б. Токарев, М.З. Тугаев, А.А. Шишкин, И.Н. Юдин. В 1963 г. зав. кафедрой стал проф. Р.И. Нафигов (возглавлял кафедру до 1993 г.). В 1960-е гг. на кафедре формируется следующее поколение ученых (У.Б. Белялов, А.Г. Циунчук, Ю.В. Бурнашева, Р.Г. Хайрутдинов, Р.А. Гарафутдинов, С.М. Михайлова (зав. кафедрой в 1993–2007 гг.); в 1970-е годы на кафедру приходят В.М. Бухараев, Э.А. Еникеев, М.А. Мулюков, Т.А. Мирсияпов, Л.Н. Бродовская, И.Н. Дулькина, А.А. Садыков, Р.А. Набиев (с 2007 г. возглавляет кафедру политической истории КГУ). В последующие годы в коллектив влились В.В. Буравлева, В.Н. Гайнуллина, Р.А. Циунчук, А.А. Гафаров, М.А. Галеева, Ш.В. Хакимов, Д.И. Люкшин, М.Х. Юсупов. С 1971 г. при кафедре работал Совет по защите кандидатских диссертаций. Уже тогда, кроме работ, в фокусе которых была собственно деятельность КПСС, в совете защищалось немало диссертаций по политической истории России–СССР, по источниковедческим и историографическим темам.

Выпускники аспирантуры и докторантуры становились заведующими обществоведческих кафедр во многих вузах Казани и республики (В.Г. Саркин, О.В. Несмелов, А.А. Петрова, У.Б. Белялов, В.Б. Токарев, З.З. Мифтахов, Р.А. Гарафутдинов, Э.Р. Тагиров, Д.К. Сабирова,

О.Н. Коршунова и др.). Закрепляя и развивая научно-педагогические традиции предшественников, кафедра политической истории в 1990-е гг. сосредоточила усилия на исследовании истории общественной мысли народов России, истории политической науки и ее методологии. Благодаря этому активизировалась подготовка высококвалифицированных кадров историков: была обновлена тематика диссертаций, многие работы концентрировались на историографических, источниковедческих, концептуальных проблемах общественно-политических движений. Возглавила эту работу проф. С.М. Михайлова, инициировавшая повышение статуса Совета. В 2001 году на истфаке был открыт диссертационный совет по специальности «Теория политики, история и методология политической науки».

В 2002 г. были защищены докторские диссертации, посвященные значимым в этнополитике проблемам – социокультурному взаимодействию в Волго-Уралье в XVIII–XIX в. (О.Н. Коршунова), теории и практике национальной политики Советского государства в армии в межвоенные годы (Б.Г. Кадыров). В ряде кандидатских диссертаций обстоятельно рассмотрены феномен мешанства в отечественной общественно-политической мысли (Б.С. Аккуратов), историко-политические аспекты федеративных отношений в РФ (А.А. Микерин), избирательные кампании в Татарстане в 1990–2000-е гг. (О.В. Красильникова), политика власти по отношению к религиозным объединениям в Татарстане в 1960–80-х гг. (М.Н. Фасихова), концепция политического и этнокультурного развития современного городского сообщества в Татарстане (А.Р. Засыпкина).

В условиях развития национальных процессов и становления нового российского федерализма существенно расширилась научная тематика защищаемых работ. Этнополитические концепции презентация, общественно-политические взгляды видных деятелей татарского просветительства и национального общественного движения в Волго-Уральском регионе исследовали А.Ф. Кавиев, Л.З. Хакимова, Л.С. Хисамутдинова, Ф.А. Жестовская. Предметом исследований Н.Н. Кадырметовой, Н.К. Гарипова, В.М. Якупова, И.Р. Валиуллина стала этноконфессиональная политика Российской Федерации, межконфессиональные отношения. Изучались также этнополитическая проблематика в провинциальной публицистике начала XX в. (Н.З. Алпакова), общественная деятельность Казанского земства (Я.В. Солдатов), политическая культура в республиках Поволжья в конце XX в. (В.В. Немировский), культурные связи Татарстана с зарубежными странами (Л.Ф. Ашрафуллина), становление института президентства в Республике Чувашия и в Республике Мари Эл (А.В. Карпов), национальная политика Российской Федерации (О.В. Козлова), социальная политика в Татарстане (А.М. Валиев).

В ряде докторских диссертаций в различных форматах разрабатывались этнополитические концепции в историко-политической науке и исследовалась их реализация в практике России и зарубежных стран. В ра-

боте Р.А. Циунчука «Государственная дума Российской империи: этно-конфессиональные и региональные измерения» (2004) дан панорамный анализ всего комплекса этнических, конфессиональных и региональных проблем Российской империи через призму Государственной думы. Л.М. Макарова (Сыктывкар) защитила в 2005 г. докторскую диссертацию на тему: «Идеология германского национал-социализма: социально-политический анализ». А.В. Мартыненко (Саранск) (2006) показал этно-политические и социокультурные особенности новых религиозных сообществ (бахай и ахмадийата) в контексте модернизации ислама. Е.М. Михайлова (Чебоксары) (2007) исследовала идеологию и деятельность правомонархических партий и движений в Поволжье в начале XX века.

Новой тенденцией стала разработка общественно-политических взглядов и анализ педагогической и общественной деятельности видных профессоров Казанского университета XIX -- начала XX вв. Г.И. Солнцева и В.В. Ивановского (работы М.Х. Гизатуллина, А.Р. Нигматуллина). Концептуализация проблематики проявилась также в изучении отражения ключевых формул византизма в идеологии российского консерватизма XIX в. (Ю.Г. Мягков), эволюции миссионерской политики Российской империи в Поволжье (Н.Д. Крайсман). Были изучены проблемы модернизации татарского социума в первой половине XX века (И.Ж. Салахов, Л.Р. Галимзянова, А.Р. Ахметова, Р.Г. Гиздатуллин). Ряд исследований был посвящен концепциям избирательных систем и анализу их реализации (Д.Е. Румянцев, Т.Р. Шарафутдинова). Логичным стало обращение к проблемам применения коммуникационных технологий и организации связей с общественностью (Н.М. Галимуллина, И.Р. Феоктистова). Предметом исследований были также зарубежные политические концепты и политические практики (М.И. Левченко, А.Р. Минуллин, Е.Г. Никонов). Проявилась плодотворная тенденция плюрализма теоретико-методологических подходов, расширения понятийного аппарата при сохранении традиционного внимания к источниковедческой базе и историографическому анализу трудов предшественников.

Итак, в первое десятилетие XXI века коллективом кафедры политической истории под руководством проф. С.М. Михайловой была проделана значительная работа по подготовке и научной аттестации большого отряда докторантов, аспирантов, соискателей. Итогом стала успешная защита более 40 диссертаций по разнообразной историко-политической проблематике, что свидетельствует как о сохранении исследовательских традиций, так и о развитии новаций, обеспечивших сближение исследований по историческим и политическим наукам, взаимообогащение теоретико-методологических подходов, исследовательских методик.

ЧАСТЬ IV. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: ЯЗЫКИ НАУК И ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА

О.В. Воробьева (Институт всеобщей истории РАН)

К понятию междисциплинарности

1. В современной литературе термин «междисциплинарность» один из самых популярных. Однако его употребление зачастую никак не поясняется. В качестве синонимичных используются понятия интер-, поли-, мульти-, плюро-, транс-, кросс-, мета- дисциплинарности и т.д. Что это: терминологическая игра, признак неустойчивости семантики (свидетельствующей о постоянном поиске способов реализации междисциплинарного синтеза) или наоборот утраты ею своего методологического статуса? Анализ современной исторической литературы показывает, что объясняющим потенциалом обладают все указанные выше факторы. Оставляя за пределами внимания задачу рассмотрения трудностей междисциплинарного взаимодействия (что тоже определенным образом объясняет терминологическую путаницу), обратимся к особенностям употребления и толкования терминов в этом пространстве.

2. Прежде всего, следует уяснить, что по своим истокам феномен междисциплинарности непосредственно связан, как свидетельствует этимология этого слова, с развитием дисциплинарного научного знания, поскольку термин «междисциплинарность» предполагает наличие двух (нескольких) интеллектуально отдельных дисциплин, сочетанием которых может производиться новое знание. Создание дисциплинарно организованной системы знания предполагало признание неполноты изучения каждой из них мира как целостного объекта исследования. Отсюда — необходимость рассмотрения исследуемых объектов с разных точек зрения, т.е. междисциплинарно. Стало быть, междисциплинарность является относительно современным фактором развития науки и на додисциплинарной фазе может рассматриваться скорее с точки зрения способа формирования истории как научной дисциплины. При этом все исследователи этой проблемы единогласно признают, что, несмотря на обращение к проблеме междисциплинарных исследований в конце XIX — первой половине XX вв., в активный оборот это понятие входит только во второй половине прошлого века.

3. Неустойчивость семантики термина «междисциплинарность» тесно связана с поисками форм междисциплинарного взаимодействия в рамках сначала модернистской, а потом и постмодернистской парадигм и исследовательских культур.

4. Модернистская парадигма исходила из того, что любая академическая дисциплина отличается либо своим предметом, либо своим методом, противопоставляя эти подходы и не осознавая их взаимодействие: наличие особого предмета исследование предполагает выработку соответствующего ему метода, а наличие особого метода – собственного ракурса рассмотрения исторической реальности, позволяющего конструировать составляющие предмет дисциплины специфические объекты. Некоторые к предмету и методу, как конституирующим факторам автономности дисциплины в рамках модернистской парадигмы, добавляли еще и теорию. С этой точки зрения, отдельная наука существует тогда, когда она строит *свою* теорию *ей* подведомственного предмета, исследуя данный предмет методом (набором методов), присущим именно *этой* дисциплине. Такое понимание дисциплинарности задавало направление поисков способов междисциплинарного взаимодействия. Специфика междисциплинарности усматривалась либо в предмете, либо в методе, либо в теории, либо сразу во всей триаде.

5. Эволюцию форм междисциплинарного взаимодействия в рамках модернистской парадигмы выглядит следующим образом. Сначала как существование эмпирических данных и наблюдений исторической науки (Э. Дюркгейм, инициаторы проекта «Международной энциклопедии объединенной науки» и т.п.). Затем – как то, что должно быть в самой практике исторического исследования либо на уровне репрезентации, либо на уровне коллективной координации процесса создания исторического исследования, в практике так называемой проблемной истории (Школа «Анналов»). Последний подход был мостиком к той форме междисциплинарного взаимодействия, которую принято называть поли- или мульти-междисциплинарностью.

6. В понимании термина мульти / полидисциплинарность у исследователей также отсутствует ясность и единство. Одни понимают ее как поиск интегрального подхода к изучению прошлого через перекрестное опыление разных общественных наук путем применения различных подходов, исследовательского инструментария к общему и заранее определенному объекту исследования и даже обращение к объектам научных интересов других дисциплин (Л.П. Репина). Другие как многостороннее исследование одного объекта, при выделении в нем разных предметов анализа, исследуемых исключительно дисциплинарными методами, и сохранении каждой из наук-«участниц» значительной степени автономности (В.Б. Касевич). Отсутствие переноса методов исследования из одной дисциплины в другую при мультидисциплинарном подходе является даже, с точки зрения сторонников второго подхода, основанием для разведения его с междисциплинарным подходом. Третьи доходят до того, что отказываются рассматривать термины поли- и мульти- дисциплинарность как синонимичные (А.С. Фомин).

7. Формирование постмодернистской парадигмы внесло новые нюансы в развитие представлений о междисциплинарности. Поскольку в рамках этой парадигмы разделение мира на подведомственные разным академическим дисциплинам сферы рассматривается не как отражение естественного порядка вещей, а как культурная практика, легитимность системы дисциплинарного знания оказывается под сомнением. Следствием этого оказывается делигитимация и междисциплинарного подхода, неотделимого, по своему определению, от дисциплинарного. Это дало возможность обнаружения таких предметов, которые находятся в трансдисциплинарном пространстве.

8. Проблема трансдисциплинарности впервые была поставлена Пиаже в 1970 г., однако ее активное обсуждение началось с 1980-х гг. Но, подобно мультидисциплинарности, однозначного определения термин «трансдисциплинарность» не получил. Среди наиболее употребляемых его значений можно выделить три. Трансдисциплинарность как принцип организации научного знания, открывающий широкие возможности взаимодействия дисциплин при решении комплексных проблем природы и общества, которые в принципе не могут быть поставлены и решены в дисциплинарных границах. Трансдисциплинарность как правило исследования окружающего мира, предполагающее исследование проблемы сразу на нескольких уровнях – физическом и ментальном, локальном и глобальном. Трансдисциплинарность как объединение наук исключительно методами исследования, используемых для установления изоморфности разных объектов.

9. Разнообразие форм междисциплинарного взаимодействия сегодня не ограничивается рассмотренными выше вариантами, хотя они, несомненно, являются наиболее распространенными. Примером может служить недавнее появление терминов ко-дисциплинарности и синдисциплинарности.

10. Проблема четкого определения терминологического аппарата форм междисциплинарного взаимодействия осложняется не только семантическим потенциалом (и даже определенным семантическим «перегревом») используемых для этого терминов, но и дополнительными факторами. Среди последних, например, различная трактовка терминов представителями разных областей научного знания: философами и историками науки, социологами и историками, а также участниками междисциплинарных взаимодействий в различных областях естествознания. В любом случае классификация форм междисциплинарности, равно как и использование соответствующих терминов, не должны быть произвольными и бездумными.

Переход идей через дискурсивные границы: философия и историография

Сегодня можно говорить о смещении акцента в самоосмыслении философии и гуманитарных наук как дискурсивных систем: все больше внимания уделяется не производству смыслов и истин, но мышлению как опыту. Это смещение позволяет сконцентрировать внимание не только на содержательно-логической, но и на формально-аффективной стороне опыта мысли. В частности, по аналогии с понятием «исторического опыта» как особой гуманитарной практики, которое отстаивает в своем фундаментальном труде Ф.Р. Анкерсмит, можно говорить и о специфическом «философском опыте», феноменология которого была намечена в «Эстетике мышления» М. Мамардашвили, «Что такое философия?», Ж. Делеза и Ф. Гваттари, некоторых работах Ж.-Л. Нанси. В современной рефлексии трудно не заметить также, что дискурсы философии и гуманитарных наук и связанные с ними формы «опыта» самоопределяются относительно основополагающего для культуры Нового и Новейшего времени опыта эстетического. Культурогенную роль последнего убедительно показывает в своих работах Ж. Рансьер. Цель настоящего доклада – дать самый приблизительный набросок «философского опыта» и его отношения к эстетическому, опираясь на современную категорию (ментального) события.

Сергей Зенкин, размышляя о соотношении мысли и дискурса, считает, что мысль не есть гипотетическое состояние «чистого интеллекта» и что она всегда предстает в исторических формах мышления. Максимально обобщенные и схематичные единицы, моделирующие мыслительную ситуацию, Зенкин предлагает называть традиционным термином «идея». До известной степени этот термин близок понятию «концепта» Делеза и Гваттари, но если «концепты» в их понимании принадлежат только философии, то «идеи» суть не что иное, как протофигуры мысли, которые способны терять или приобретать актуальность, отделяться от дискурсивного и идеологического контекста, сохраняя при этом некий минимум идентичности. Идеи кроссдискурсивны и анализ их междискурсивного «перевода», позволяет сделать вывод о том, что для них характерна не только определенная устойчивость, не сводимая к формам того или иного конкретного дискурса, но и глубинная фигуративность – своего рода пространственно-временная организация самой мысли. Эта «композиция» мысли может иметь форму визуальной схемы, пространственной конфигурации (таковы, по Зенкину, идеи структуры и иерархии), временной фигуры (например, идеи генезиса, повтора или культурного обмена). Идеи в этом смысле – это интеллектуальные схемы или модели. Они могут не поддаваться верификации/фальсификации, а кроме того, они являются настолько абстрактными, что несводимы к тому или иному образу

или метафоре (напротив: они сами требуют метафоры для обозначения). С другой стороны, идеи не могут быть подвергнуты исключительно логической категоризации, для их анализа более адекватен «фигуративный» подход.

В своей «Эстетике мышления» Мамардашвили образы «чистого созерцания» или спекулятивные идеи характеризует как то, что, с одной стороны, «не зависит от актов ума» и знания, и то, «что нельзя получить никаким понятием», но также, с другой стороны, как то, что ни в коей мере не является «психическими или зрительными образами» и «образами ощущений». Позднее Делез и Гваттари именуют «концептами» идеи, не сводимые ни к понятиям (или к идеям-абстракциям), ни к образам (или к ассоциативным идеям). Так или иначе, все названные авторы указывают на то измерение идей, которое не схватывается только логическим и семантическим анализом.

В докладе предполагается сопоставить стратегии философского и историографического дискурсов в перспективе интеллектуального обмена между ними.

Л.П. Репина (Институт всеобщей истории РАН)

Историческая память как понятие и как проект*

В современной историографии появилось обширное исследовательское поле, связанное с изучением исторического сознания и исторической памяти. С каждым годом появляется все больше исследований, сосредоточенных на изучении коллективных представлений о прошлом в разных исторических социумах. В 1990-е годы произошло становление нового междисциплинарного направления социогуманитарного знания – так называемой истории памяти. Сегодня библиография истории памяти насчитывает уже сотни книг и статей с самым широким спектром конкретных тем и сюжетов. При этом огромный ее массив составляют работы, анализирующие память о травматических событиях XX столетия.

Широко ныне распространенное понятие «историческая память» по-разному интерпретируется отдельными авторами: и как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции, и как индивидуальная память о прошлом, и как часть социального запаса знания, существующая уже в примитивных обществах, и как коллективная память о прошлом, если речь идет о группе, и как социальная память о прошлом, когда речь идет об обществе, и как идеологизированная история, более

---

* Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН в рамках проекта «Кризисы переломных эпох в мифологии исторической памяти».

всего связанная с возникновением государства-нации, и, наконец, просто как синоним исторического сознания.

Однако большинство специалистов понимают под «исторической памятью» совокупность представлений о социальном прошлом, которые существуют в обществе как на массовом, так и на индивидуальном уровне, включая их когнитивный, образный и эмоциональный аспекты. В последние десятилетия «историческая память» стала рассматриваться, наряду с традицией и политизированными версиями истории, в качестве фактора, обеспечивающего идентификацию политических, этнических, национальных, конфессиональных и социальных групп, формирующегося у них чувства общности. Считается, что сегодня «историческая память» в какой-то мере восстанавливает необходимую для социума связь с прошлым, которую обеспечивала традиция.

У терминологии исторической памяти есть не только сторонники, но и противники, в том числе те авторитетные специалисты, которые считают понятие исторической памяти по меньшей мере излишним, а по большому счету – насквозь идеологизированным, и поэтому вредным. Они обосновывают свою позицию разными соображениями. Одно из них состоит в том, что исследователи «исторической памяти» оказываются вовлечены в процесс *производства* самой «памяти», а в результате происходит стирание граней между массовыми представлениями и производством профессионального исторического знания. В связи с этим, в интересах более последовательного их размежевания, предлагается оперировать понятием коллективных представлений о прошлом, разработанным в рамках социальной психологии, культурной антропологии и социологии знания, а концепт «историческая память» главным образом связывается с понятием «политика памяти», с анализом роли политического заказа в формировании и закреплении конкретных знаний о прошлом, для обеспечения определенных социально-политических задач, или же трактуется как оппозиционные, конкурентные формы исторической памяти, создающие так называемую *контр-историю*, – в первую очередь, прошлое угнетенных классов, национальных меньшинств, а также притесняемых конфессиональных групп и маргинальных слоев. Таким образом, историческая память рассматривается главным образом как политический проект. Особое внимание также обращается на роль представлений о прошлом и исторических мифов как элементов социальной, политической, конфессиональной и этнонациональной идентичности.

Возражения со стороны многих специалистов уже долгое время вызывают также понятия «*коллективная* память» и «травма», употребляемые в контексте историко-мемориальных исследований. Между тем, например, П. Рикер, наряду с критикой различных форм «манипуляции и инструментализации памяти» и пониманием «фундаментальной уязвимости памяти», обусловленной «отношением между отсутствием вспоминаемой вещи и ее присутствием в форме представления», признавал опе-

ративное значение понятия коллективной памяти и «травматизма коллективной идентичности», справедливо подчеркивая «переплетение проблематики памяти с проблематикой идентичности – как коллективной, так и индивидуальной» (Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 116, 119). При этом, безусловно, «...историку важно знать, с чем он имеет дело – с памятью главных действующих лиц, рассматриваемых по отдельности, или с памятью целых коллективов» (С. 133).

Историческая память рассматривается не только как один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и как важнейшая составляющая самоидентификации индивида, группы и общества в целом. Зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях. Данное направление исследований опирается на анализ социального опыта, исторической ментальности и исторического сознания, которое конструирует образ прошлого, соотносясь с запросами современности: происходящие в современном обществе перемены порождают у него новые вопросы к минувшему, и чем значительнее эти перемены, тем радикальнее изменяется образ прошлого, складывающийся в общественном сознании. При этом образы прошлого, составляющие важную часть коллективной идентичности, могут служить легитимации существующего порядка или, напротив, противопоставлять ему идеал «золотого века», формируя специфическую матрицу восприятия происходящего и выполняя функцию социальной ориентации. Одна из важнейших проблем, решение которых приобретает все большую актуальность, касается изучения изменяющихся в сменяющих друг друга поколениях представлений о происходивших в прошлом глубоких социальных трансформациях и конфликтах, поскольку эти представления играют ключевую роль в идейной полемике и политической практике.

Активно обращаясь к проблемам исторической памяти в политическом контексте, историки в основном сосредоточены на разработке различных аспектов «использования прошлого» (включая технологии политического манипулирования) и «риторики памяти» (как риторики «прогресса и модернизации», так и риторики «упадка и ностальгии»), а также конкурирующих мемориальных практик. Однако механизмы фиксации и трансформации в исторической памяти разных поколений исторического опыта переживания народами и отдельными группами крупных исторических событий, социальных сдвигов и конфликтов, и особенно – в кросс-культурной и сравнительно-исторической перспективах, остаются до сих пор недостаточно изученными. А между тем этот аспект индивидуальных и коллективных представлений о прошлом имеет важнейшее значение для понимания человеческих действий и весьма разнопланово соотносится как с изучением трансформаций общественного сознания, так и с про-

блематикой истории исторической мысли и публичных социальных функций профессионального исторического знания.

Рассматривая в прагматическом ключе механизмы формирования, фиксации, сохранения, преобразования и передачи исторической памяти, социальное бытование представлений о прошлом в профессиональной и массовой культуре и их роль в общественной жизни и в политической ориентации индивидов и групп, нельзя забывать о когнитивной роли памяти. Синтез прагматического и когнитивного подходов принципиально важен для комплексного изучения способов формирования, фиксации, сохранения, трансформации опыта социальных катастроф в исторических представлениях «первого» и «второго» поколений, их последующей передачи и превращения в культурно-историческую память далеких потомков, а также механизмов функционирования феномена исторической памяти как средства ориентации индивидов и групп в окружающем их мире настоящего и фактора социального проектирования (выстраивания моделей «желанного будущего»).

О.Б. Леонтьева (Самарский ГУ)

Историк в пространстве мифов: методологические проблемы изучения исторической памяти

Одним из самых перспективных направлений развития современной исторической науки является изучение исторической памяти: специалисты говорят уже о «мемориальном уклоне» в исторической науке; о «парадигме памяти» в современном социально-гуманитарном знании; и даже о самой истории как «искусстве памяти».

Сущность «парадигмы памяти», сформировавшейся в русле исторической антропологии, состоит в том, что предметом исследования в данном случае становится не историческое событие или явление как таковое, а память о нем, живущая в сознании общества. Познание прошлого, в таком случае, рассматривается как избирательный и творческий по своей сути процесс, как реконструирование и переосмысление событий прошлого в меняющемся историческом контексте.

Предметное поле исследований исторической памяти очень широко и трактуется различным образом: коммуникативная память, охватывающая воспоминания трех-четырех живущих ныне поколений, – и культурная память, соединяющая современность с давним прошлым; память архаичных, дописьменных обществ – и обществ с письменной культурой; «мягкая» память (личная, субъективная, запечатленная в дневниках и воспоминаниях) – и память «жесткая» (закрепленная, кристаллизованная в форме разнообразных «мест памяти», музейных экспозиций, календаря официальных памятных дат, мемориалов и церемониалов); обыденные представления о прошлом – и эволюция практик историописания. Неуди-

вительно, что изучение исторической памяти в современной науке приобрело междисциплинарный характер: историки, обращаясь к этой сфере, используют методологический арсенал различных гуманитарных дисциплин – от семиологии до психоанализа, что неизбежно накладывает свой отпечаток на понятийный аппарат исследований исторической памяти.

В настоящее время в отечественной и зарубежной исторической науке можно выделить (разумеется, с неизбежной долей условности) несколько подходов к изучению исторической памяти. Своеобразным индикатором, позволяющим наглядно представить различия этих подходов, может служить категория *мифа*, активно применяемая в исследованиях по данной проблематике – и изменяющая свои значения в зависимости от контекста.

Один из этих подходов – «**история исторической культуры**», представленный в исследованиях Российского общества интеллектуальной истории, сформировался как способ расширить традиционное проблемное поле классической историографии – через изучение структурных взаимосвязей «исторической мысли», «типа исторического письма» и «представлений о прошлом», что в совокупности образует «историческое сознание» (понятие, введенное М.А. Баргом) или «историческую культуру». Объектом изучения при таком подходе становится не только смена научных парадигм (как в классической историографии), а смена способов восприятия времени и истории, присущих той или иной культуре. Мифологическое сознание с его циклическим восприятием времени выступает в данном случае как отправной пункт долгой и противоречивой эволюции исторического сознания человечества.

Близко примыкает к «истории исторической культуры» такое направление исследований, как «**память и идентичность**» (глубоко разработанное в классических трудах Э. Хобсбаума и Б. Андерсона). Историческая память в рамках этого направления трактуется как способ создания и укрепления коллективной идентичности – национальной, государственной, классовой, конфессиональной или иной; общественное сознание – как поле соперничества разных проектов коллективной идентичности и разных образов прошлого. Проекты коллективной идентичности в таких исследованиях зачастую описываются через понятие «миф» – «национальные мифы», «государственные мифы», «сарматский миф», «кельтский миф» и т.д. Миф в данном случае выступает как сложный идентификационный механизм, обеспечивающий воспроизведение коллективной идентичности через постоянные отсылки к сюжетному повествованию об «общем прошлом», к его ключевым моментам и персонажам. Эти исследования тесно переплетаются с работами по «**политике памяти**» – практике использования исторических сюжетов для легитимации тех или иных политических систем, от монархических до либеральных или же тоталитарных.

Одним из возможных вариантов изучения исторической идентичности является **семиологический подход**, предполагающий анализ ключевых категорий культуры, использующихся при конструировании образов прошлого и настоящего, – своего рода «координат семантического пространства»: «Мы – Другие», «Свое – Чужое», «Герои – Враги», «Время – Пространство», «Должное – Сущее» и т.д. В рамках этого подхода памятники исторического сознания той или иной эпохи – даже труды профессиональных историков – могут рассматриваться не как историографические факты, но как исходный материал для работы антрополога по реконструкции картин мира. Таким образом, выявляются устойчивые идентификационные структуры коллективного сознания, – и эти структуры могут быть также охарактеризованы как мифологические (Т.А. Сабурова).

В многочисленных работах, посвященных тому, как реальное событие исторического прошлого превращается в «миф» исторической памяти, зачастую используется **«архетипический»** подход. Историк, выступающий в данном случае в роли дешифровщика мифа, прослеживает, как за образами исторических персонажей, тиражируемых пропагандой или массовой культурой, встают архетипические, фольклорные прообразы; как историческое повествование о реальных событиях komponуется по принципу «мифологического детерминизма».

Наконец, одним из самых востребованных является **«психоаналитический подход»** (Й. Рюзен), ключевыми понятиями для которого являются травматическая память, вытеснение и замещение травмирующих воспоминаний, – то есть механизм психологической реабилитации поколений, переживших пограничный опыт. В рамках этого подхода сама историческая наука с ее историографическими стратегиями предстает как практика преодоления посттравматического кризиса идентичности, возврата утраченного ощущения осмысленности истории. Логично, что и в рамках психоаналитического подхода к исторической памяти одной из ключевых категорий становится «миф», поскольку (по Ф. Анкерсмит) адекватно описать экзистенциальную ситуацию крушения идентичности и перехода к новой, посттравматической идентичности можно только на языке мифа.

Таким образом, можно считать, что категории «мифа», «мифологического» стали ключевыми при изучении исторической памяти. Но спектр их значений изменяется в зависимости от контекста исследования и подхода, избранного автором. Миф предстает то как наиболее глубокий, архаичный пласт исторического сознания; то как идентификационный механизм, имманентно присущий любой человеческой культуре; то как «единица измерения» исторической памяти; то как своеобразный «спасательный модуль», необходимый в ситуации кризиса идентичности. Неизменным остается лишь убеждение, что под покровом современной культуры, светской и рациональной, обнаруживаются структуры, характерные для архаичного сознания.

Изучение исторической памяти для современной науки, по сути своей, — один из способов не только «вернуть в историю человека», но и вернуть исторической науке живой интерес читателя-непрофессионала. Это направление исторической науки выводит исследователей на самые глубинные проблемы философской антропологии — и одновременно держится на самом бескорыстном виде любопытства: на живом человеческом интересе к «Другому», к другим способам осмыслить человеческое бытие.

И.Н. Ионов (Институт всеобщей истории РАН)

Трудности междисциплинарного перевода и их преодоление: миросистемный подход и постколониальный дискурс

Налаживание междисциплинарных связей наиболее сложно в случаях, когда речь идет не просто о различных дисциплинарных областях, но и о разных научных парадигмах. Собственно, с точки зрения Т. Куна, такой диалог принципиально невозможен из-за того, что тут сталкиваются разные метафизические основания; доказательство в этих вопросах невозможно. Однако на деле все обстоит сложнее, о чем говорит опыт взаимодействия миросистемного подхода и постколониального дискурса, которые не просто представляют обществоведческий (экономико-социологический) и гуманитарный (культурологически-филологический) дисциплинарный блоки, но и относятся к разным пластам знания — классическому (объективистскому, структуралистскому, эволюционистскому) и неклассическому (деконструктивистскому, постструктуралистскому, релятивистскому). Непосредственные контакты между ними крайне затруднены из-за резкой взаимной критики, но взаимодействие все же осуществляется через общий культурный и идеологический контекст, а его развитие требует создания языка для оптимизации взаимодействия.

Воздействие постколониального дискурса на миросистемный подход сказалось довольно скоро. В 1978 г. вышла классическая книга Э.В. Саида «Ориентализм», показавшая, что негативный образ Востока был создан европейской наукой не столько с целями познания, сколько для культурной самоидентификации, а уже в начале 1990-х гг. концепция И. Валлерстайна, ориентированная на исследование капиталистической миросистемы XVI–XX вв. и недооценивавшая другие миросистемы и особенно «первобытные» минисистемы, была пересмотрена. Дж. Абу-Лугод критиковала предшественников за «бессознательное сползание к европоцентризму» и ввела представление о глобальной системе экономических связей, сложившейся в результате расцвета культур как Запада, так и Востока. Принципиальным нововведением была ее интерпретация «поворотного пункта» в истории человечества: это уже не истоки капитализма (XVI в.), а создание систематических связей Востока и Запада (XIII в.). Она критиковала идею традиционализма, доказывая, что в социальном

отношении Европа и Азия были близки, и не было никаких внутренних препятствий для того, чтобы современная миросистема могла сложиться на базе Востока. Еще дальше пошли К. Чейз-Данн и Т.Д. Холл, которые уравнили в правах минисистемы и миросистемы, стали описывать как самодостаточные «миры» догосударственные сообщества разного типа.

Это поставило проблему сравнительного анализа миросистем. Наиболее очевидным шагом в этом направлении был диалог с культурологической школой истории цивилизаций, которая обладала опытом подобных сравнений. Однако такое взаимодействие не было столь легким, как представляется некоторым авторам. В статье К. Чейз-Данна и Т.Д. Холла диалог на деле свелся к взаимодействию с одним направлением теории цивилизаций, наиболее далеким от культурологии, сводящим понятие цивилизации до представления о политической общности – с историей «Центральных цивилизаций» Д. Уилкинсона. В результате, доминирующим в миросистемном подходе остался интерес к гегемонии и роли центра миросистемы, догосударственные и государственные миросистемы оказались вновь выстроены в иерархические отношения, а внимание постколониалистов к самоидентификации связывалось с деградацией капиталистической миросистемы. Не случайно, что самому Д. Уилкинсону могло показаться, что в этом варианте миросистемный подход и теория цивилизаций – это одно и то же. Но не менее правомерно и высказывание Б.С. Ерасова, который утверждал, что миросистемный подход имеет редуционистский, монокаузальный характер, игнорирует духовную жизнь общества. Этим в равной степени отличались миросистемный подход образца 1995 г. и концепция Д. Уилкинсона. Ни о каком прямом взаимодействии с постколониальным дискурсом в этих условиях говорить было невозможно.

Перелом наступил только в 1995–2000 годы и был связан с ограничением воздействия и деконструкцией старого, европоцентристского дискурса, с новой стратегией осмысления реальности глобализации, с выбором нового объекта исторического анализа, что позволило создать диалоговый дискурс.

Этому служило развитие понятия глокализации, которое к 1995 г. стало обозначать порождение локальных самоидентификаций и специфических форм культуры в результате разрастания миросистем и универсализации связей между людьми. В результате ключевой для постколониального подхода термин «самоидентификация» приобрел позитивное значение. Возникла возможность равноправного описания государственных и догосударственных миросистем и цивилизаций. При этом Робертсон стремился выстроить свой собственный дискурс, споря как с марксистскими социологами-«гомогенизаторами», не признававшими самостоятельной роли локального, так и с постколониальными культурологами-«гетерогенизаторами», игнорировавшими роль универсального.

Переломным представляется сборник статей, изданный Т.Д. Холлом в 2000 г. (Hall T.D. *Frontiers, Ethnogenesis and World-Systems: Rethinking the Theory // A World-Systems Reader. New Perspectives on Gender, Urbanism, Cultures Indigenous Peoples and Ecology / Hall T.D. ed. Langham, 2000*). Он предлагал новый предмет анализа – фронт, пограничье миросистем и поле взаимодействия между ними, а также поле инкорпорации одной миросистемы в другую. Холл подвергал критике «гоббсовский подход» к «племенным обществам», которые рисовались в европоцентрической перспективе как варвары, ведомые традицией, как предмет объективного анализа западной этнографии. Холл показывает, что рост агрессивности американских индейцев был связан с процессом их инкорпорации в общество США и сопровождавшей его деградацией. В итоге в рамках миросистемного анализа возникает важнейшая для постколониальных критиков тема гибридной культуры. Это становится основой для широкого диалога этих направлений.

В результате были созданы основы нового языка взаимодействия постколониального подхода и миросистемной теории, которое мы наблюдаем в сборнике 2007 г. (*The Postcolonial and the Globalization Theory / Krishnaswami, R., Hawley, J.C., eds. Minneapolis, 2007*). В статье постколониального мыслителя Р. Гроссфюгеля теория миросистем И. Валлерстайна является как стороной диалога, так и объектом частичной деконструкции. На примере опыта жизни пуэрториканцев в США он, применяя методологию изучения колониальности власти, показывает, что колониальное различие не исчезает в центре современной миросистемы (как думал еще Р. Робертсон), а воспроизводится в нем.

Из этого следует, что создание языка для диалога в пространстве социо-гуманитарного знания не может быть осуществлено одномоментно. Это долгий и трудный процесс, предполагающий как удаление элементов старого дискурса, так и перестройку контекста и конструирование нового предмета диалога.

В.В. Шапаренко (Сочинского государственного университета туризма и курортного дела)

**Историко-культурная концепция С. Хантингтона:
идея мультикультурности в контексте междисциплинарных связей**

Американский политолог Сэмюэль Филлипс Хантингтон предложил один из вариантов мультикультурного анализа и понимания современности с целью теоретического исследования и прогнозирования. Согласно взглядам учёного, человеческая история – это история конфликтов: правителей, наций, идеологий и цивилизаций. Хантингтон отождествляет понятия «культура» и «цивилизация».

Понятие «цивилизация» в теории Хантингтона диалектично, как диалектична и сама идея мультикультурности. Сначала учёный подразумевает под цивилизацией наивысшую форму культурной общности людей и широчайший спектр признаков, определяющих культурную самобытность народа. В связи с этим С. Хантингтон утверждает идею мультикультурности современного человечества. Однако в своих дальнейших рассуждениях он приходит к выводу о противостоянии западной и незападных цивилизаций, объединяя ислам, конфуцианство и православие в блоки, противостоящие Западу. Затем учёный утверждает, что существует одна супердержава (США). Все остальные являются «главными степенями» или «культурами–цивилизациями». Именно так американский мыслитель видит уни-многоцивилизационную систему мира.

Говоря о возможности возникновения конфликтов, Хантингтон выделяет два уровня противостояний. На микроуровне наиболее напряжённые линии разлома проходят между исламом и его православными, индуистскими, африканскими и западнохристианскими соседями. На макроуровне самое главное разделение – «Запад и остальные», и наиболее ожесточённые конфликты случаются между мусульманскими и азиатскими странами, с одной стороны, и Западом – с другой.

С. Хантингтон полагает, что в отношениях между Америкой и Европой преобладает экономическая конкуренция, в то же время евразийские этнические конфликты, доходящие до «этнических чисток», могут быть значительно опаснее, в смысле кровопролитности, поскольку здесь затронут культурный, идентификационный компонент. То есть если конфликты происходят между группами, относящимися к разным цивилизациям, то в этом случае принимают наиболее крайние формы. Очевидно, что учёный выходит за рамки своей же идеи «конфликта цивилизаций», как «конфликта культур». Именно США на макроуровне выстраивают линии взаимодействия с другими культурами – цивилизациями, удел которых – микроуровень.

Здесь кроется важнейшее противоречие его теории: с одной стороны, мир «многополярен» и культуры–цивилизации относительно равнозначны, с другой – США и все остальные. Возможно, если бы Хантингтон обозначил: культурная идентичность – удел цивилизаций, а экономический интерес – фундамент межцивилизационного общения, концепция приобрела бы более стройный и менее противоречивый облик.

Следовательно, именно идентичность, по мнению Хантингтона, является фундаментом, базисом, на котором держится цивилизация и который скрепляет цивилизацию. В свою очередь, важнейшая цивилизационная черта – «степень идентификации». Пожалуй, именно упор на данную характеристику культур отличает цивилизационный анализ С. Хантингтона от других теоретиков цивилизационного подхода (Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби). Важнейшим условием создания цивилизации и её единства является, по мнению учёного, ут-

верждение в сознании представителей этой цивилизации чувства принадлежности к ней, т.е. ощущения своей идентичности.

С. Хантингтон подробно анализирует американскую идентичность и её проблемы, возникшие после окончания «холодной войны». Главные культурные идентификационные ценности Америки: протестантские ценности и мораль, этническое большинство англосаксов, а также английский язык, британские традиции права, справедливости и ограниченной власти правительства и европейские традиции искусства.

Однако во второй половине XX в. национальная идентичность американцев стала ослабевать, вытесняться идентичностями субнациональными (мексиканские, китайские, филиппинские, кубинские иммигранты), субкультурными (афро-американцы) и т.д. Этому, по мнению профессора, способствовал взятый элитами курс на поощрение мультикультурности, который с утратой англо-протестантской идентичности американцев может привести к распаду США.

Америка, как убедительно доказывает профессор Хантингтон, находится на переломе, и от того, в какую сторону качнется маятник, зависит будущее не только США, но и всей мировой системы. Идеальный образ хантинговской модели англо-протестантской культуры Америки становится образом прошлого. Утверждая особый характер Западной культуры и её преемницы – американской англо-протестантской культуры, ученый отстаивает национальное достоинство *своей* цивилизации, что с патристической точки зрения похвально. Однако рецепт спасения Американской идентичности, предлагаемый учёным, вызывает разочарование, большие сомнения и даже опасения, уводя в эпоху разрешения конфликтов по принципу талиона. Это идея «национальной уязвимости», толкающая американцев к жизни в страхе от постоянной «невидимой» угрозы.

К сожалению, учёный только постулирует, но не доводит до конца столь необходимую идею мультикультурности. Представляется, что постоянный диалог с позиций гуманизма способен решать очень непростые вопросы современного нам поликультурного мира.

Существенно, что профессор заговорил о культурах–цивилизациях как важнейших стратегических характеристиках современного мира. Пусть некоторые высказывания С. Хантингтона и противоречивы, но он обратил внимание учёных и политиков на важнейшую цивилизационную особенность – чувство идентичности. Другая заслуга учёного состоит в том, что он сделал акцент на идее многополярности пусть даже «униполярного» мира. Историко-культурная концепция С. Хантингтона, входя в содержательное поле целого ряда гуманитарных, на самом деле выходит на антропологическую проблематику, позволяющую именно с позиций мультикультурности говорить о гуманизме людей, этносов, конфессий в различных предметных областях.

**Междисциплинарность исследования проблем досуга
и досуговой культуры второй половины XIX – начала XX вв.***

Возникновение понятия досуга как «времени отдыха», как «праздного времени» связано с теми технологическими, экономическими и культурными изменениями XIX в., которые повлек за собой переход к индустриальной эпохе. Развитие промышленности, разделения и организации труда разрушили монополию характерного для традиционных обществ единого временного цикла чередования труда и отдыха, стимулировали разграничение сфер труда и отдыха, способствовали появлению «важнейшей для модернизационного дискурса категории праздного времени» (Живов В.М. Заметки о времени и досуге // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. М., 2004. С. 747).

Сами эти обстоятельства «рождения досуга» индустриальной эпохи обусловили то, что исследование сферы свободного времени, отдыха и развлечений второй половины XIX – начала XX вв. было начато прежде всего усилиями социологов той эпохи. В частности, проблемы соотношения труда и отдыха в современном ему европейском обществе рассматривал в своих трудах К. Маркс. Весьма значимую роль для стимулирования исследований досуга сыграла работа Т. Веблена «Теория праздного класса» (1899). Однако уже в первой половине XX в. проблемы изучения досуга в западноевропейском гуманитарном знании были обозначены и как весьма важные для понимания культуры (Й. Пипер).

Вопросы, касавшиеся проблем досуга и досугового времени, нашли отражение и в российской литературе XIX – начале XX вв. По большей части, она носила практический, утилитарный, отчетно-статистический характер, принадлежала перу людей, по долгу службы занимавшихся этими вопросами. И чаще всего эти работы – прямо или опосредованно – касались проблем бюджета рабочего и досугового времени в связи с рассмотрением положения отдельных категорий населения, прежде всего рабочего класса. Вопросы истории досуга были органично включены в труды российских историков-бытописателей XIX в. Правда, они больше касались традиционной, сельской досуговой культуры. Несмотря на интерес к этой тематике представителей разных гуманитарных и социальных дисциплин, обозначилось несомненное «лидерство» в этой области социологических исследований.

В 1960-е гг. исследования досуга обрели «новое дыхание». Интерес к досугу был столь велик, что социологи даже заговорили о кризисе

---

* Исследование проведено в рамках стипендии Германского исторического института в Москве и Фонда Герды Хенкель (Дюссельдорф, ФРГ) AZ 12/SR/06, тема «Досуговая культура российского провинциального города второй половины XIX в.».

прежнего «общества труда» и продвигали идеи о формировании «общества досуга». Разумеется, в 1970–1980-е гг. исследования досуговой сферы испытали сильное воздействие, прежде всего, именно социологических подходов, что было связано с изучением социологами последствий индустриализации для европейских обществ XVIII–XX столетий (проблем труда, бюджета времени, разделения сфер труда и отдыха, использования свободного времени).

В конце 1970-х – 1980-х гг. в рамках исследований социальной истории проблемы досуга стали разрабатывать и историки. Однако чаще всего они «заимствовали» у социологов теоретические концепты, стереотипы и, конечно, объект исследования. Этим объектом оказывался, в основном, досуг городских рабочих XVIII–XX вв., рассматриваемый в связи с условиями их труда и повседневной жизни. В связи с проблемами труда и положением рабочих касались вопросов досуга и советские и постсоветские исследователи.

В последние десятилетия распространение культурно-исторических исследований и междисциплинарных подходов обусловили новое качество изучения досуга и досуговых практик. Историков все больше интересуют культурно-исторические аспекты. В ряде исследований были обозначены важнейшие проблемы изучения европейского и российского городского досуга конца XIX – начала XX вв., а также ряд факторов, определивших его новое качество: быстрое развитие индустрии, в том числе индустрии развлечений; демократизация общества и развитие массовой культуры. Появились работы, посвященные отдельным формам городского досуга, а также немногочисленные работы, специально посвященные феномену городского досуга. Тем не менее, досуг остается сегодня весьма актуальной и все еще недостаточно изученной научной проблемой. И наиболее оптимальным инструментарием исследований досуга представляется сочетание методов ряда социальных и гуманитарных дисциплин. Полидисциплинарность или междисциплинарность – качество изучения досуга, сложившееся еще с XIX в., и сегодня – в новом обличье и сочетании подходов – не утратившее свой эвристический потенциал.

Р.А. Циунчук (Казанский ГУ)

Современная отечественная литература о национальном вопросе в Государственной думе Российской империи: преодолевая стереотипы и разорванность историографического пространства

Государственную думу 1906–1917 гг. в российской (и в советской) историографии рассматривали как арену противостояния классов и партий, упуская из виду, что она стала первым местом, где встретились и начали совместно работать в качестве законодателей выборные предста-

вители практически всех народов и регионов Российской империи. Поскольку в советском общественном образовании думская политика рассматривалась как второстепенная, то отечественная историография ограничивалась привлечением в качестве иллюстрации к национальной политике царизма фрагментов думских дискуссий по законопроектам о вероисповеданиях, об автономии Финляндии, о создании Холмской губернии, о введении земства в западных губерниях и других.

Отдельные думские сюжеты, связанные с национальной проблематикой, в 1960–80-е гг. начали освещаться в советской науке в контексте думской тактики большевиков, в рамках изучения истории государственной политики периода и истории общероссийских партий. Созыв Государственной думы Российской Федерации актуализировал исследование думской тематики. С середины девяностых годов прошлого века проблема «Национальный вопрос и Государственная дума» начинает результативно исследоваться в двух взаимосвязанных ракурсах: *в общеимперском* (законотворчество по национальному вопросу в Думе, анализ выборов в многонациональных регионах, этноконфессиональный состав Думы и ее фракций, обсуждение комплекса национально-религиозных и региональных проблем) и *в локальном* (выборы в регионе, деятельность местных депутатов и отдельных национальных фракций в Думе).

История думского законотворчества по национальному и конфессиональному вопросам привлекает внимание современных исследователей. В.Ю. Зорин, С.В. Кулешов и Д.А. Аманжолова пришли к выводам, что думское представительство «конфессиональных, национальных и иных интересов... было сдвигом в сторону демократии», но практическая «неэффективность национальной политики самодержавия в начале XX века подтверждала неизбежность распада авторитарной системы» (Зорин В.Ю., Кулешов С.В., Аманжолова Д.А. Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законотворчества. М., 1999. С. 6, 200). Вероисповедальные вопросы в Думе оказались также в центре внимания монографий В.К. Пинкевич и А.А. Дорской.

Анализ соотношения имперского и национального в думской модели российского парламентаризма как через систему выборов, этноконфессиональный состав депутатов, так и через презентацию новыми думскими национальными элитами национально-конфессиональных и региональных интересов в ходе парламентской деятельности, позволил выйти на обобщение места и роли Думы в политической системе страны, являвшейся частью сложной системы «центр-регионы» Российской империи.

Характеризуя литературу, исследующую локальный ракурс думской проблематики, важно заметить, что ныне в России наиболее активно разрабатываются проблемы истории только двух из почти десяти думских национальных фракций – мусульманской и казачьей и связанных с ними регионов. Л.А. Ямаева, изучая «мусульманский либерализм» как общественно-политическое движение на материалах Уфимской и Оренбургской

губерний, показала деятельность уфимских и оренбургских мусульманских депутатов. Д.М. Усманова пришла к выводу, что «в качестве самостоятельной законотворческой силы депутаты-мусульмане были не слишком активны», но при рассмотрении наиболее значимых для мусульман вопросов – религиозного законодательства, проблем национального образования, переселенческой политики и положения национальных окраин, вопроса о праздничных днях и др. – мусульманская фракция действовала сплоченно. В монографии «Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916» (Казань, 2005) она обстоятельно проанализировала отношения, связывавшие мусульманских депутатов с имперской властью, коллегами и единомышленниками по парламенту, региональными мусульманскими элитами и сообществами в центре и на периферии страны.

М.В. Братолобова проследила ход выборов в Области войска Донского, деятельность членов казачьей фракции в Думе и дискуссии по казачьему вопросу, воссоздала социокультурный портрет казаков-депутатов Думы. Л.А. Карапетян и Л.М. Галутво обратились к деятельности кубанских казаков в Думе. Обобщенное исследование парламентской деятельности депутатов от казачества выполнили В.Н. Сергеев и Д.Ю. Шапсугов.

Наметилась тенденция к изучению выборов и представительства крупных многонациональных регионов – Сибири, Урала, Поволжья. Современные работы отличает более широкая источниковая база и панорамное видение региональных политических процессов. Усилился интерес к роли православного духовенства и правых сил на выборах и в самой Думе.

Историческая традиция формирования и развития многонационального российского государства ныне активно раскрывается с помощью выявления ее регионального и федералистского компонента. Уже сегодня комплексное изучение региональных процессов в Российской империи позволило системно представить имперский строй России рубежа XIX–XX вв. в региональном измерении, в том числе показать важное место в нем думских структур.

В современной российской исторической науке обозначился интерес к отдельным национальным вопросам, составившим «общеимперский национальный вопрос». И.В. Михутина, изучая украинский вопрос в Российской империи рубежа XIX–XX вв., коснулась организации Украинской громады в Думе, участия общероссийских партий в обсуждении украинского вопроса в Думе. В коллективной монографии «Западные окраины Российской империи» (М., 2006) показано, что появление Думы заметно изменило «общий политический контекст развития национальных и конфессиональных отношений во всей Российской империи, а особенно в ее западных окраинах» (С. 343). А.А. Кузнецов проанализировал национально-региональные аспекты думского избирательного законодательства для балтийских губерний, отразившего политику власти в Отзейском регионе.

Отдельными направлением становятся историко-биографические исследования. Раньше такие работы выходили лишь о рабочих и социал-демократических депутатах, ныне появляются очерки о кадетях, октябристах, членах мусульманской фракции, казачьей и польско-литовско-белорусской группах.

Локализация исследований думской тематики, безусловно, имеет сильные стороны, если имеет возможность опереться на фронтальный анализ источников, на подробное рассмотрение изучаемых явлений и событий думской жизни. Наиболее серьезные региональные и локальные исследования дают картину, важную для характеристики проблем развития отдельного региона, этноса или группы этносов. Важно объединять как характеристику выборов, так и анализ деятельности местных депутатов и фракций, проводить параллели между этнополитическими процессами в различных регионах империи, проследить постдумскую судьбу депутатов.

Этапное значение имеет для изучения думской истории энциклопедия «Государственная дума Российской империи (1906–1917 гг.)» (М., 2006; М., 2008), где появились первые статьи о национальном и конфессиональном вопросах в Думе, о думских национальных фракциях и справки о всех депутатах Думы.

Таким образом, историки, политологи и юристы в последнее десятилетие используют междисциплинарные подходы и методики, обращают внимание не столько на «пороки» первого российского парламента, сколько констатируют, что Дума стала первым местом легальной презентации национальных интересов, обращают внимание на полученные обществом и во многом реализованные даже в период третьей империи законодательные, бюджетные, финансовые права Думы, что видоизменяло политическое содержание режима и открывало возможности для дальнейшего становления конституционной многонациональной монархии. Изучение выборов на окраинах империи и деятельности национальных депутатов Думы способствует переосмыслению всего комплекса этнических, конфессиональных и региональных процессов и проблем Российской империи через призму первого в России парламента.

Ю.С. Обидина (Марийский ГУ, Йошкар-Ола)

Иммортологические исследования в пространстве социогуманитарного знания

Неиссякаемый интерес исследователей к теме смерти и бессмертия вызван ее необъятностью, глубиной и универсальностью, ведь именно «изучение природы бессмертия, воплощенной во внутренней форме ключевых его обозначений, дает ответ на вопрос о конце, а, следовательно, и о начале, и об истоках всего сущего» (Топорова Т.В. Древнегерманские

представления об ином мире // Представления о смерти и локализации иного мира у древних кельтов и германцев. М., 2002. С. 340).

Сегодня, когда на повестку дня поставлен вопрос о самом существовании человечества, проблема бессмертия приобретает не только личностный, но и глобальный характер. Развитие нанотехнологий и научной иммутологии свидетельствует о настоятельной потребности современного осмысления проблем бессмертия с междисциплинарных позиций для того, чтобы обретенное бессмертие не стало апофеозом ноосферы.

Таким образом, актуальность данного подхода определяется следующими моментами:

– вопросами, возникающими вследствие недостаточной изученности идеи бессмертия в контексте социогуманитарного знания и особенностей ее отражения в европейской культурной парадигме;

– необходимостью обоснования роли и влияния представлений о бессмертии в различных культурах на становление современной культурной традиции;

– недостаточностью исследований особенностей реализации представлений о бессмертии в современных научных концепциях;

– особенностями отношения к проблемам бессмертия в рамках постмодернистской культурной традиции.

Изучением представлений о бессмертии ученые занимаются на протяжении достаточно длительного периода времени, на разных уровнях, в разных аспектах. В общественном сознании конкурируют две концепции. Первую условно можно назвать пессимистической: в центре внимания ее – вера в бессмертие в потустороннем загробном мире. В русле второй концепции бессмертие видится в социальном, духовном плане, и как итог – в личностно-индивидуальном. В последние годы появилась и естественнонаучная концепция бессмертия. Она отражает попытки ученых добиться бессмертия человека как биологического вида и является рефлексией многовекового осмысления границ человеческой экзистенции.

Историки всерьез занялись вопросами смерти и бессмертия совсем недавно. Постепенно стало обнаруживаться, что смерть – это не только сюжет исторической демографии или теологии и церковной дидактики. Смерть – один из коренных параметров коллективного сознания, а поскольку последнее не остается в ходе истории неподвижным, то изменения эти не могут не выразиться также и в сдвигах в отношении человека к смерти. По мнению некоторых ученых (Ф. Арьеса, П. Шюно и др.), отношение к смерти служит эталоном, индикатором цивилизации. Восприятие смерти, загробного мира, связей между живыми и мертвыми – темы, обсуждение которых могло бы существенно углубить понимание историками социально-культурной реальности минувших эпох (А.Я. Гуревич).

Обширная литература по психологии (см. труды М.Д. Александровой, Н.Е. Бачерикова, П.П. Калиновского, К. Ламонта и др.) в центр изучения ставит человека, его индивидуальность и личное представле-

ние о бессмертии. Философская литература (см. работы Л.Е. Балашова, Е.Ю. Сиверцева, В.А. Конева, Ю.В. Хена и др.) ставит вопросы изучения поведения человека перед лицом смерти, о том, существует ли связь между установками в отношении к смерти, доминирующими в данном обществе на определенном этапе его развития, и самосознанием личности, типичным для этого общества. Поэтому в изменении восприятия смерти находят свое выражение сдвиги в трактовке человеком своего «Я».

Следует отметить, что в отечественных исследованиях советского времени вплоть до последней трети XX в. тема смерти и бессмертия была практически под запретом. Общеизвестно, что религиозная проблематика, занимавшая одно из центральных мест в отечественной историографии до революции, в советскую эпоху оказалась на периферии исследовательского интереса и рассматривалась либо с атеистических позиций, либо вообще исчезала из поля зрения авторов. Более того, в советские годы прослеживалась стойкая официальная установка на вытеснение темы смерти из сознания людей социалистического общества как идеи неконструктивной и пессимистичной. Допускались лишь единичные публикации, да и то, в основном, в рамках критики религиозной концепции бессмертия (И.Д. Панцхава, И.А. Крывелев, Н.А. Ильин, Д.Е. Михневич).

В 90-е годы XX в. ситуация стала меняться в сторону плюрализма мнений, альтернативности подходов к проблемам смерти и бессмертия. Тема смерти и ее место в жизни человека и человечества исследовалась А.В. Демичевым. Им была организована Ассоциация танатологов Санкт-Петербурга и инициировано проведение двух международных конференций «Тема смерти в духовном опыте человечества» (1993, 1995), ряда круглых столов, подготовка и издание пяти выпусков философского альманаха «Фигуры Танатоса».

На базе Института философии РАН также было представлено несколько концепций, обосновывающих ценность жизни через ее противопоставление идеи смерти или сопоставлении с ней. Большинство концепций носит онтологический характер, свидетельствующий о том, что интерес к проблеме смерти и бессмертия не является чисто академическим. В исследованиях И.В. Вишева содержится большой материал, основанный на анализе данных естественных наук, достижений медицины и техники. Большой интерес представляют исследования М.В. Соловьева и Г.Д. Бердышева. Естественнонаучный аспект исследований бессмертия человека открывает собой целый ряд новых вопросов и проблем.

В рамках культурологического подхода следует указать на группу исследователей, изучающих проблемы антропологии с позиций «Школы Анналов». Работы А.Я. Гуревича, Ж.Ле Гоффа, Ю.А. Бессмертного вносят весомый вклад в изучение повседневности средневековья.

В большей степени проблемы смерти и бессмертия рассматриваются в рамках био- и ноосферных процессов, геокосмической эволюции, экологии. Этот подход утверждается школой В.П. Казначеева, развиваю-

шего идеи Н.Ф. Федорова о бессмертии и космическом будущем преображенного человечества, К.Э. Циолковского о перспективах атомарного бессмертия, о разумном космическом будущем человечества, В. Вернадского о переходе от биосферы к ноосфере, об автотрофности человечества, А.Л. Чижевского о космобиологических параметрах существования человека.

Проблема экологии смерти разрабатывается в исследованиях В.А. Кутырева. Социальное значение проблем смерти и бессмертия рассматривается в работах С.Г. Спасибенко. Автор считает, что приоткрыть завесу над тайной бесконечности и беспредельности межпоколенных связей людей, вызвать особенности трансмиссии социокультурных ценностей призвана социология.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что проблема бессмертия не осталась без внимания ученых, однако ее изучение в рамках социогуманитарного знания значительно отстает от разработки в рамках отдельных концепций. В отечественных исследованиях осуществлены изыскания, во-первых, в области постановки вопросов проблемы бессмертия в рамках современной методологии, во-вторых, появились работы, в которых предпринимается попытка реконструировать представления о смерти в разных культурах и типах сознания. Но это слишком узкий подход. Огромный потенциал архетипической памяти культуры требует дальнейшего изучения и осмысления.

На сегодняшний день изучены только отдельные аспекты представлений о бессмертии души, о перевоплощении души в различные тела после смерти. До сих пор не разработаны онтология, метафизика, гносеология, антропология, аксиология бессмертия с точки зрения теории и истории культуры. Фактически, только поставлена проблема, но не дана характеристика взаимодействия и взаимовлияния научных и культурных концепций бессмертия. Такие темы, как типология бессмертия, социальная и культурная память общества, морально-нравственная позиция сторонников бессмертия в современной парадигматике культуры, еще ждут своих исследований. Представления о бессмертии в пространстве социогуманитарного знания еще не стали предметом комплексного анализа.

Л.В. Фомина (Казанский ГУ)

Фольклор в исследованиях национализма: подходы и методы

Термин фольклор впервые был введен в научный обиход в 1846 г. английским ученым В. Томсом и в буквальном переводе означает: народная мудрость, народное знание. Понятие «фольклор», как и «культура», имеет много определений. Существуют широкая и узкая трактовки фольклора: либо как определение всей неписанной истории народа, либо как обозначение древних нравов, обычаев, обрядов и церемоний прошлых

эпох, превратившихся в суеверия и традиции низших классов цивилизованного общества.

Фольклор как многоплановый и полисемантический материал (комплекс) является ценным источником для широкого круга смежных дисциплин: литературоведения, лингвистики, искусствоведения, этнографии, истории. Каждая из этих наук имеет свой собственный взгляд на этот источник, свои методы и подходы к его изучению. В процессе развития фольклористики существовало несколько школ, которые видели в народном творчестве различные исторические корни («мифологическая школа» братьев Гримм, «теория заимствования» Т. Бенфея), разные этапы развития фольклора («антропологическая школа») и т.д. Общим для всех этих теорий было то, что они относились к фольклору как к неизменному сочинению прошлого. В начале XX в. такое отношение к фольклору было изменено, с одной стороны, работами представителей школы «Анналов», с другой стороны, исследованиями в русле структурализма.

Приблизительно в это же время фольклор как древнее национальное творчество становится объектом изучения и в исследованиях национализма. Как известно, существуют два значимых направления в изучении национализма: примордиализм и конструктивизм. Первый исходит из того, что нация есть извечный и естественный феномен, второй рассматривает нацию как искусственный продукт, сконструированный интеллектуалами. В рамках конструктивизма фольклорный материал «прочитывается» как неестественный конструкт, созданная традиция. Так, Э. Геллнер полагал, что для подавляющего большинства наций не существует исторической преемственности национальной и преднациональной культуры: «Национализм использует существовавшие до этого культуры и культурные богатства, хотя использует их избирательно и чаще всего радикально их трансформирует. Мертвые языки могут быть оживлены, традиции изобретены, вполне фиктивная первоначальная чистота нравов восстановлена» (Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 56). Как свидетельствует другой известный конструктивист Э. Хобсбаум, «традиции», которые кажутся старыми или претендуют на то, что они старые, часто оказываются совсем недавнего происхождения и нередко – изобретенными. Хобсбаум дает и четкое определение того, что есть «изобретенная традиция» – «совокупность практик, ...направленных на привитие определенных ценностей и норм поведения путем повторения, которое автоматически подразумевает преемственность с прошлым» (Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. М., 2000. № 1. С. 47). При конструировании национальных сообществ, таким образом, должна быть изобретена историческая преемственность, в которую поверят представители этих сообществ, например, путем создания древнего культурного прошлого, не связанного с действительной историей. Таким образом, фольклорный материал отбирается и интерпретируется интеллектуалами, встраивается в общую логику идентичности государства.

Анализируя материал периодической печати конца XVIII – начала XIX в. на предмет конструирования этнических групп населения Российской империи, мы склонны соглашаться с исследователями российской повседневности XVIII–XIX вв., которые отмечают сконструированный, заимствованный и вариативный характер большинства идей и представлений людей этого периода. Поэтому наиболее важным направлением в исследовании фольклора на страницах журналов того периода является конструктивизм.

Для всего XVIII в. характерен стихийный интерес к фольклору; собиранием и публикацией народных произведений занимались редкие любители старины. Не случайно, издания М.Д. Чулкова, В.А. Левшина, Н.И. Новикова были крупными явлениями фольклоризма XVIII века. М.Д. Чулков известен и как прозаик («Пересмешник», 1766), и как составитель сборника народных песен, и как журналист. В 1769 г. он приступает к изданию сатирического журнала «И то и сию», в котором прослеживается просветительское отношение к фольклору, вмещающее свободное отношение к публикуемому материалу и создание собственных псевдофольклорных произведений. Подобный феномен наблюдается исследователями и в творчестве Н.И. Новикова. Таким образом, эти публицисты конструировали современные им отношения и традиции, которые легче воспринимались и принимались обществом, если имели «налет» древности и народной мудрости.

Другим специфическим явлением в периодической печати конца XVIII в. является представление о связи фольклора с народным суеверием, предрассудками. Высмеивая на страницах журналов «Беседующий гражданин», «Сатирический вестник», «Московский журнал» и др. традиции сельских праздников и увеселений, издатели формировали негативное отношение к низовой культуре жителей империи, одновременно создавая идеализированный образ античной культуры.

В начале XIX века начинается эстетическое и этическое признание значения фольклора. Место античной мифологии занимает мифология северных племен. В журналах в большом количестве появляются оригинальные и переводные статьи о народных обрядах и обычаях, описания народных праздников, тексты народных песен. Русский фольклор превращается в один из символов единой нации, коллекционируется интеллектуалами, тиражируется и публикуется, проникая в общественное сознание народа.

Изучение фольклора с позиций конструктивистского прочтения национализма открывает перспективу постижения общественных идей и представлений, исследования создания древней национальной традиции.

**Итальянистика как региональная, всеобщая
и отечественная/национальная история
(трудности перевода)**

Наибольшие трудности в медиевистике, в частности в исследованиях по итальянской истории, а также наиболее жаркие споры вызваны не разночтениями в области средневековой текстологии, не трудностями перевода с латыни на современные языки, а несовместимостью дискурсов, созданных разными историографическими традициями и школами.

Именно по поводу итальянистики средневековья, возможно, наиболее обеспеченной историческими свидетельствами и поэтому привлекательной для ученых-медиевистов из разных стран, сложилась ситуация несбалансированного обмена идеями и дисциплинарными достижениями.

Во-первых, существует диспропорция между изучением средневековой Италии с точки зрения регионального подхода и попытками вписать эту историю итальянских земель в дискурс всеобщей или же отечественной, национальной истории.

Во-вторых, плохо осуществляется контакт между платформами культурной антропологии и истории искусства, моды, костюма и повседневной жизни, истории права и социально-экономической истории, представленной в многообразии методов, включая инструменты вспомогательных исторических дисциплин.

Данное выступление объединяет анализ тем изучения региональной истории и междисциплинарных связей в пространстве социогуманитарного знания, и проблем микро- и макро-подходов, традиций и ре-актуализаций различных способов ведения исследований.

Доклад сфокусирован на проблеме взаимосвязи региональной истории и микро-подходов. Особое внимание уделено вопросу о взаимоотношениях правоведов и историков, с учетом доминирования правовых документов среди источников по истории Италии.

Далее будут рассмотрены случаи внезапной популярности некоторых историков историографических школ вне отечественной почвы, а также интересные примеры ре-актуализации, казалось бы, отвергнутого наследия. В качестве примеров современной ре-актуализации тенденций развития итальянистики различных периодов будут выделены проблемы развития историографических школ, связанных с марксизмом: в Италии начала XX столетия (Вольпе, Каджезе), в 1960-х – 1970-х годах (Табакко Керубини), в России советского периода (популярные за рубежом персоналии – В.И. Рутенбург, В.В. Самаркин).

Будут освещены вопросы развития количественных методов, работы с базами данных, которые также переживают второе рождение, несмотря на явное обеднение культуры данных исследований. Особо будет рас-

смотрен вопрос развития академического Интернет-сообщества и электронных ресурсов медиевистики и италянистики, применения компьютеринга в целях преподавания и обучения в области медиевистики (в частности, успехи прежде одной из самых отсталых стран в области компьютеринга и Интернета – Италии).

С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева (РГГУ, Москва)

Образовательные практики высшей школы: еще раз о краеведении и новой локальной истории

При размышлении на тему «региональной истории» в первую очередь необходимо определить базовое понятие. Организаторы конференции вполне «политкорректно» выбрали, на наш взгляд, самое широкое из ряда понятий, обозначающих историческое пространство, отличное как от истории государства, так и от так называемой «всеобщей истории», представляющей собой, по сути, историю «духовной Европы» (Э. Гуссерль). И здесь есть о чем порассуждать, отталкиваясь, например, от понятия «умопостигаемого поля истории», базового для цивилизационной концепции А. Тойнби.

Ограниченность государственной истории, которая ощущается научным сообществом вот уже более ста лет, плохо преодолевается в образовании. Все большее число историков выражает радикальное неприятие национально-государственных историй и даже слышатся призывы «спасти историю от нации». Однако, в России по-прежнему, основу исторического образования составляют курсы «отечественной истории» (часто именно в такой формулировке – «отечественной», а не «российской»), а инкорпорация во «всеобщую историю» происходит путем дурной компаративистики, примером чего является попыткам ввести понятие «отечественная история Древнего мира и Средних веков».

Но прежде чем преодолевать этот «недостаток» образования стоит подумать, почему эта образовательная модель оказалась столь устойчивой. В качестве дополнительной информации для размышлений стоит вспомнить и о том, что эта же модель воспроизводится на следующем уровне – ВАКа, где по-прежнему существует специальность 07.00.02 – «отечественная история» и специальность 07.00.03 – «всеобщая история», и никакой иной, «региональной».

На наш взгляд, это, с одной стороны, свидетельствует о нарастающем расхождении собственно научного / профессионального знания и возможностями его позиционирования в массовом сознании, с другой – о том, что, по-видимому, эта образовательная модель по-прежнему (хотя быть может и не в полном объеме) удовлетворяет потребности социума, по крайней мере, ту его базовую / первичную потребность в идентичности, которую, по преимуществу, и обеспечивает историческое знание.

Так каково место «региональной истории» в образовательных практиках высшей школы? Не будем сейчас говорить о той истории крупных «регионов», составляющую для любой «отечественной» истории все более расширяющееся (как правило, до уровня цивилизации) «умопостижимое поле», что очевидно необходимо в условиях прогрессирующего в течение XX в. процесса глобализации.

В формулировке проблематики конференции за понятием «региональная история» следует понятие «региональные вузы», что сразу же переводит нас на уровень так называемого «краеведения», под которым явно и традиционно понимается исследовательское пространство меньшего масштаба, чем государство. Нам уже приходилось писать о нашем понимании различия понятий «новая локальная история» и «краеведение», которому присущи как *антиквариализм*, так и черты *эрудитского* типа историописания.

В новой ситуации стоит сделать новые акценты.

В период активного формирования проблемного поля «новой локальной истории» мы естественно и вполне искренне обосновывали преимущества новой локальной истории как экстравертного типа знания, ориентирующего человека на мир и поиск своего места в нем, перед краеведением, представляющим собой, по нашему убеждению, знание интровертного типа или, как пишут зарубежные исследователи традиционной практики местной истории, модель «разделенной истории». Она проникнута определенной местной идеологией, рождающей ксенофобские, а также националистические тексты и присуща всем национальным историографиям, уходящим своими корнями в классическую европейскую историографическую традицию.

Но хотя со времени нашего поиска концептуальных основ новой локальной истории прошло не так много времени, эпоха сменилась. В настоящее время уже можно со всей определенностью утверждать, что кризис постмодерна, его трансформация в новую социокультурную ситуацию, именуемую – за неимением лучшего – пост-постмодерном, привели, в первую очередь, к трансформации функций исторического знания, что в значительной мере сказалось на соотношении «новой локальной истории» и «краеведения».

Если в ситуации постмодерна, в условиях кризиса доверия к историческому метарассказу (Ж.-Ф. Литар) и атомизации социума, историческое знание было призвано обеспечить человеку его собственную индивидуальную ориентацию в социокультурном пространстве и новая локальная история, на наш взгляд, лучше справлялась с этой задачей, чем традиционное краеведение, поскольку за счет компаративных подходов расширяла пространство идентичности, взятое как в коэксистенциальной, так и в исторической составляющей. Ситуация пост-постмодерна характеризуется, во-первых, поиском новых путей интеграции социума, в том числе и на основе общей истории (правда, выступающей уже по преимуществу не

как метанарратив, а как «места памяти»), и, во-вторых, уже не просто расхождением, а непреодолимым разрывом между профессиональным знанием и массовым сознанием.

В этой ситуации новая локальная история выступает как составляющая профессионального исторического знания, предметным полем которой является конструирование и исследование «умопостигаемого поля» истории, не тождественного государству. Эта задача тем более важна, что для новой ситуации характерен процесс глокализации, т.е. обнаружения локальных различий в рамках глобального социокультурного процесса. Краеведение же, обеспечивая локальную консолидацию социума через конструирование собственных «мест памяти», выступает как чрезвычайно важная форма общественного сознания. Очевидно, что с трансформациями нововременной науки, начиная с постмодерна, усложняются взаимоотношения между научным / профессиональным знанием и массовым сознанием. Речь уже не идет просто о позиционировании научного знания в массовом сознании через систему школьного образования и так называемую научно-популярную литературу. Необходимо вырабатывать новые модели взаимодействия, и в первую очередь – через краеведение и тесно связанную с ним работу музеев.

Следует понимать, что разговор о научности новой локальной истории и (не)научности краеведения должен учитывать тот факт, что речь идет не столько о разных исследовательских областях дисциплинарной историографии, сколько о разных практиках исторического сознания. Отношения традиционного краеведения с наукой более сложные, чем нам иногда кажется. В данном случае, «не научная» или «не совсем научная» практика традиционного краеведения не может оцениваться профессиональным историком как «плохая». Она просто *другая*, чем и представляет определенную культурную ценность. Однако нужно понять, что эта ценность больше принадлежит *общественному сознанию*, нежели историографии, и ее изучение может быть плодотворным только с учетом культурного контекста, представленного как историографией, так и общественным сознанием.

В последние годы все отчетливее выделяется мнение, что историки должны переоценить почти все прежние методы и подходы, отдать себе отчет об изменении эпистемологических основ исследований. Новая локальная история отказывается от традиционных территориальных / административных образцов и сосредоточивает внимание на «*пространстве*» и «*пространственных образах*», проявляет интерес к «*образу жизни*», «*культурному значению*» и т.д. Пространственный подход к исследованию любого локуса несет в себе импульс отказа от обслуживания государственно-этнического нарратива. Погружающийся во фрагментарные, произвольные пространственно-временные ряды историк перестает быть государственным биографом, так как он не обязательно находит консенсус с метанарративным стилем истории государственной механической сборки

территорий. Тем самым новая локальная история бросает вызов национализму и местной ксенофобии, дает возможность находить иные темы в пределах больших социальных и культурных структур.

Поэтому, на наш взгляд, в актуальной социокультурной ситуации целесообразно преподавать в высшей школе региональную историю в парадигме новой локальной истории и с расчетом на дальнейшее участие профессионально подготовленных специалистов в формировании общественного сознания, в том числе через краеведческое движение.

Н.Ю. Старкова (Удмуртский ГУ, Ижевск)

Финно-угроведение как вариант реализации регионального компонента исторического образования в провинциальном вузе

С появлением в 2000 г. государственных стандартов второго поколения по истории методом достижения вариативности и повышения качества образования постепенно становился национально-региональный (вузовский) компонент. По мере осознания важности данной новации шли творческие поиски в направлении того, чтобы он стал подлинным средством образовательной и культурной коммуникации.

В государственном стандарте специальности заложено изучение дисциплины «История регионов и народов России», в рамках которой выбор курсов осуществляется вузами в соответствии с региональной спецификой. В связи со сложившейся на историческом факультете УдГУ практикой в данном блоке дисциплин студенты изучают курсы исторического краеведения, истории Удмуртии, истории Урала, а также истории и культуры удмуртского народа. «Местный» (по преимуществу финно-угроведческий) материал, безусловно, представлен в преподавании археологии, этнографии и ряда других общепрофессиональных дисциплин.

В рамках специализаций региональный компонент присутствует в программах, по которым студенты углубленно изучают отечественную историю, и доминирует в тех, по которым преподается археология и этнография. С введением стандарта второго поколения на факультете ведется подготовка по специализации «Историческое краеведение и музееведение». В рамках специальных дисциплин студенты имеют возможность детально познакомиться с такими проблемами финно-угроведения как «История культуры народов Поволжья и Приуралья», «Историческая динамика материальной культуры», «Этнография финно-угорских народов», «Этнопсихология», «Финно-пермские народы на историко-археологической карте средневековой Евразии», «Проблемы сохранения культурного наследия», «История и источники краеведческих знания» и др.

Теоретические знания дополняются практическими навыками, полученными в ходе археологической и этнографической практик первокурсников, а также соответствующих экспедиций для специализирую-

щихся в этой области студентов третьего и четвертого курсов. Многогранная деятельность археологов проходит под эгидой созданного в 1993 г. под руководством д.и.н., проф. Р.Д. Голдиной Научно-исследовательского института истории и культуры народов Приуралья. С 1972 г. кафедрой этнологии и регионоведения проводятся этнографические экспедиции по сельским районам Удмуртской Республики, а также организуются исследования локально-проживающих групп удмуртов на территориях сопредельных с Удмуртией областей и республик. В ходе музейно-экскурсионной практики студенты часто проходят практику в историко-этнографическом комплексе «Лудорвай», расположенном в деревне Ильинка Завьяловского района республики.

Финно-угроведческая проблематика реализуется в выпускных квалификационных работах. Работы студентов по этнологии, осуществляемые по кафедре этнологии и регионоведения, возглавляемой авторитетнейшим специалистом в области финно-угроведения проф. В.Е. Владыкиным, имеют междисциплинарный характер. Важным направлением исследований стало изучение культурных традиций и религиозных верований удмуртов. Защита таких работ как «Феномен жертвоприношений в традиционной этнокультуре удмуртов XVIII–XIX вв.», «Этноконфессиональная ситуация в Удмуртской республике в постсоветский период», «Феномен коня в традиционной этнокультуре удмуртов» на практике создает ситуацию научной, образовательной и культурной коммуникации, базирующейся на региональном компоненте.

В современных условиях перехода на государственные стандарты третьего поколения и, соответственно, двухуровневую систему подготовки по направлению «История» встает вопрос о преемственности классических традиций, накопленных высшей школой и, соответственно, о перспективах дальнейшего развития. В результате дискуссий и обсуждений стандартов третьего поколения удалось сохранить одно из главных достоинств современного исторического образования – его фундаментальность. В новые учебные планы подготовки бакалавров истории введена и рассматриваемая область исторического знания – региональная история. Она представлена в межкафедральных профилях «Историческое краеведение» и «Историко-культурный туризм». Принципиальной смены парадигмы по принципу «от общего к частному» это, конечно же, не означает, но каждому историку ясно – активно изучать нужно и то, что рядом. Понятия «локальная история», «микроистория», «менталитет» станут основополагающими для краеведения.

На магистерском уровне образовательный стандарт содержит большие возможности для продолжения и развития деятельности существующих научных школ по отечественной истории, археологии и этнологии. Финно-угроведение должно при этом стать ведущим направлением развития Удмуртского государственного университета как научно-исследовательского.

Вузовский курс истории Республики Башкортостан

В условиях интенсивных межгосударственных коммуникаций, обусловленных глобализацией и регионализацией, важное значение имеет гражданская и духовно-профессиональная ответственность вузовской молодежи за перспективы нашего Отечества. Дипломированный специалист должен хорошо представлять исторические и культурные ценности, социально-экономические и политические приоритеты своей республики как одного из субъектов Российской Федерации.

В высших учебных заведениях Республики Башкортостан образовательные программы формируются с учетом приоритетности глубокого изучения курса «Отечественная история», в этом ключе – и истории своей республики. Без знания истории своей, как принято называть Малой Родины, трудно понять историческую значимость отечественной и мировой цивилизаций. Да и рыночная экономика своими плюсами и минусами заставляет каждого человека, не говоря уже о специалисте с высшим образованием, хорошо знать местный край, его историко-культурное своеобразие и экономическую специфику на общероссийском фоне. Это дает будущему дипломированному специалисту возможность свободно ориентироваться в его профессиональной деятельности и успешно сотрудничать с отечественными и зарубежными деловыми партнерами.

По инициативе и приказу ректора Уфимской государственной академии экономики и сервиса д.э.н., проф. А.Н. Дегтярева в учебные планы всех специальностей Уфимской государственной академии экономики и сервиса как самостоятельный курс введена «История Республики Башкортостан» с древности и по настоящее время. На лекциях и семинарских занятиях студенты в первую очередь приобщаются к научному творчеству известных отечественных историков, авторов фундаментальных трудов по истории Башкортостана. Большое научно-методологическое и воспитательное значение имеет двухтомный фундаментальный труд ученых Башкирского государственного университета (История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: В двух томах. Уфа, 2007). Неоценимую помощь при изучении вузовского курса «История Республики Башкортостан» оказывают научные труды ученых Уфимского научного центра РАН и АН РБ, а также труды члена-корреспондента РАН, д.и.н., проф. Р.Г. Кузеева, посвященные проблемам этногенеза и этнической истории башкирского народа, формирования этнического состава населения Волго-Уральской историко-этнографической области. Библиографическую ценность представляет историческая монография В.Н. Витебского «И.И. Неплюев. Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 3. Казань, 1891». Также студентам предоставлена

возможность ознакомиться с научным наследием академика Матвея Кузьмича Любавского, находившегося в Уфе в 1931–1936 гг.

В изучении истории Башкортостана всесторонне учитывается профиль специальности. Например, на специальности «Туризм и гостеприимство» студентам читаются лекции по вопросам историко-культурных ресурсах туризма в республике. По проекту «Золотое кольцо Башкортостана» определены туристические маршруты, проходящие через исторические достопримечательности края.

Одна из главных задач при изучении истории Республики Башкортостан – это формирование у студентов исторического представления об общих закономерностях и своеобразных особенностях социально-политического, культурного и экономического развития Башкортостана, что особенно необходимо для его профессиональной деятельности в будущем, то есть после окончания академии.

Д.А. Черниенко (Ижевск–Уфа)

Украинистика в Уфе: традиции региональной истории

Башкортостан – регион России, где исторически сложилась одна из наиболее многочисленных и компактных групп украинского населения. Начало формирования украинской диаспоры относится к 1730–40-м гг., когда были заложены основы политики «правительственной колонизации» по привлечению переселенцев из юго-западных областей империи для освоения земель и строительства крепостей на новых границах государства. Впоследствии важную роль сыграли такие сложные социальные процессы как активное привлечение выходцев с Украины в Оренбургское казачье войско на рубеже XVIII–XIX вв., организация соледобычи на р. Илек с приписными крестьянами, в том числе украинского происхождения, массовые переселения селян на восток по причине обезземеливания после отмены крепостного права в 1861 г., реализация столыпинской аграрной реформы 1906–1916 гг. В этот период башкирские земли превращаются в один из основных объектов крестьянских миграций, а украинское переселенческое движение достигает своего кульминационного уровня. Положительная динамика увеличения численности украинского населения продолжалась и в 1920–30-е гг., а также в ходе эвакуации во время Великой Отечественной войны. К концу 1980-х гг. на территории Башкортостана проживало почти 75 000 украинцев, что являлось одним из самых высоких показателей среди всех регионов России.

Таким образом, украинцы на башкирских землях являются давними поселенцами. На их примере имеется возможность изучать этнографические особенности, закономерности изменения в этнодемографической структуре, материальной и духовной культуре малой этнической группы, находящейся длительное время в инациональном полиэтничном окру-

жении. С этой точки зрения, совершенно закономерно, что именно в Уфе были заложены традиции серьезных разносторонних исследований в рамках украинистики и появились предпосылки для складывания одного из крупнейших в России научных направлений.

Первый этап изучения украинцев в Башкортостане местными учеными приходится на середину и вторую половину 1920-х гг., когда в башкирской научной периодике появляются публикации, в которых анализируются материалы переписей населения, даются развернутые характеристики аграрной и переселенческой политики, численности и расселения, занятий, культуры народа (Н. Барсов, Г. Комиссаров, М. Никитин, Г. Солодий и др.).

Второй этап связан с деятельностью в Уфе Института общественных наук, эвакуированного в 1941 г. в составе АН УССР. На его базе в июне 1942 г. созданы четыре института: экономики, украинского языка и литературы, истории и археологии Украины, народного творчества и искусства. Пребывание в Уфе украинских ученых способствовало активизации научной работы. С сентября 1941 по март 1943 гг. было организовано семь специальных экспедиций в различные районы Башкирии, в которых проживали украинские переселенцы. По результатам поездок к печати подготовлены новые труды, к сожалению, не все из них опубликованы. Основное внимание исследователей оказалось уделено изучению фольклора и языка переселенцев, однако, в отчетах содержалась также информация об устройстве украинских сел, приведены некоторые этнографические сведения о быте, жилище, одежде местного населения (М. Береговский, В. Ильин, А. Копыленко, П. Лысенко, М. Плисецкий и др.). Например, работа члена-корреспондента АН УССР П.М. Попова представляет собой первую попытку специального изучения истории переселения украинцев в Башкирию. В 1942–43 гг. изданы коллективные труды «Очерки истории Украинской ССР» и первый том учебника для вузов «История Украины». При активном участии академиков Б.Д. Грекова и В.И. Пичеты начато систематическое издание «Научных трудов» Института истории.

Третий этап открывается с середины 1970-х гг. Он связан с началом научно-исследовательской деятельности В.Я. Бабенко – историка, ведущего отечественного украиниста, ученика известного академика Р.Г. Кузеева. Богатая и недостаточно изученная источниковая база Башкортостана способствовала определению сферы интересов В.Я. Бабенко – этнография восточнославянских народов Южного Урала, украинских переселенцев края, разработка теоретических закономерностей поведения малых этнических групп в многонациональной среде. Активный сбор и анализ полевых материалов во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг. привели к появлению ряда публикаций, посвященных этническим процессам, свадебным обрядам, семейным отношениям, быту, особенностям одежды, питания и жилища украинских переселенцев. За-

кономерным результатом этой работы стала подготовка в 1985 г. диссертации на тему «Материальная культура украинцев Башкирии (историко-этнографическое исследование)», защищенной в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (Ленинград). В 1980-е гг. научно-педагогическая деятельность В.Я. Бабенко связана с Башкирским государственным педагогическим институтом, Институтом истории, языка и литературы Башкирского Филиала АН СССР.

Заметным событием в российской украинистике стала монография В.Я. Бабенко «Украинцы в Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде» (1992 г.), в которой выделены основные этапы и ареалы расселения, дана комплексная этнокультурная характеристика, показаны традиционные формы хозяйства и новейшие тенденции развития, большая часть материалов введена в оборот впервые. Важными итогами длительных экспедиционных исследований, а также совместной работы В.Я. Бабенко и Ф.Г. Ахатовой явились сборники «Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии» (1995) – первое научное издание по фольклору украинцев за пределами исторической родины, «Завези од мене поклон в Україну...» (1999), «Украинские песни в Башкортостане» (2000). Вместе с тем, в течение 1990–2000-х гг. начали набирать силу ассимиляционные процессы, приведшие к размыванию самосознания и утраты этноязыковых традиций частью украинского населения, поэтому одновременно с научной работой в 1990-е г. разворачивается деятельность по организации национально-культурного движения, создается Республиканский НКЦ «Кобзарь». Для образовательных целей большое значение получила подготовка коллективом авторов (В.И. Коваль, В.Ю. Крушинский и др.) учебного пособия «История Украины» (1996), это был первый опыт издания подобного учебника за пределами украинского государства на территории всего бывшего СССР.

Начало четвертого этапа связано с созданием в 1998 г. в Уфе Филиала Московского государственного открытого педагогического университета им. М.А. Шолохова (сейчас – МГГУ), который возглавил В.Я. Бабенко. Образовательное учреждение стало признанным центром притяжения всех украинистических исследований в регионе, местом проведения конференций, семинаров, курсов повышения квалификации; установились прочные научные связи с коллегами из России, Украины и более чем 30 стран мира. На базе УФ МГГУ действует Научный центр украинистики – до недавнего времени единственный в России и странах СНГ. Издательский центр вуза способствовал выходу в свет научно-публицистических сборников об исторических аспектах и современном состоянии взаимоотношений Башкортостана и Украины, в рамках которых стали разрабатываться новые направления, например: национально-культурное движение (В.Б. Дорошенко), вклад АН УССР в развитие Башкирии, экономическое сотрудничество республик в годы войны (М.А. Ильгамов, М.А. Сайтова, Ю.В. Ергин, Г.В. Мухаметдинов), совре-

менные миграционные процессы (И.В. Голубченко), этнокультурные связи русских и украинцев (И.Г. Карпухин), башкирско-украинское сотрудничество в сфере культуры (В.М. Сорокина, А.В. Шарипова), декоративно-прикладное искусство (А.В. Колбина), история сел и деревень Башкирии (А.З. Асфандияров), экономические и культурно-исторические аспекты взаимодействия Башкортостана и Украины (Н.А. Баранова) и другие. Особое направление в рамках новейших исследований – изучение предметов украиноведческого цикла в образовательных учреждениях различного уровня. В девяти школах Башкирии, в том числе в четырех школах Уфы, изучается украинский язык.

Таким образом, украинистика в Уфе прошла в своем развитии ряд последовательных объективных этапов, к настоящему времени обеспечена солидным фондом источников и историографической базой, организационными структурами, собственными традициями, ее научные достижения признаны в России, Украине и других странах. Можно утверждать, что в лице уфимских украинистов отечественная историческая наука, этнография получили самобытную научную школу, которая продолжает свое формирование.

А.И. Петрянкина (Чувашский ГУ, Чебоксары)

Образовательная среда города Алатыря начала XX в.: общая характеристика*

Исследовать историю возникновения и функционирования отдельных школ в истории России в отрыве от исторических условий и вне связи с другими учебными заведениями региона не совсем правильно. Успешно работающие школы появлялись там и тогда, где для этого имелась благоприятная среда. Открытие и развитие одной школы со временем содействовало возникновению других. Так постепенно складывалась образовательная среда. Понятие «образовательная среда» мы рассматриваем как совокупность государственных, общественных и частных учебных заведений в крае, сеть библиотек, типографий и книжных магазинов, содействующих распространению грамотности и образования, а также ресурсы учителя. Все названные факторы в дореволюционной России присутствовали в условиях городов, но не во всех. Из имевшихся на территории современной Чувашии XVIII – начала XX вв. городов наиболее развитым был город Алатырь.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Роль городской образовательной среды в общественной жизни полиэтничного региона конца XVIII – начала XX вв. (на примере Чувашского края)», проект № 09-01-22106 а/В.

До начала XVIII в. Алатырь принадлежал к числу сторожевых городов но потом он теряет свое военное значение и становится административным и торговым пунктом, а с 1780 г. — уездным городом. На XIX в. приходится быстрый экономический и демографический рост города. По этническому составу население Алатыря было русским с небольшим количеством мордовского и единицами чувашского населения; по сословному составу преобладали купцы и мещане. Городская интеллигенция представляла собой довольно значительную социальную прослойку, в которой в количественном отношении преобладали лица, занятые в сфере местной администрации и представители духовенства.

Образовательная среда Алатыря складывалась постепенно, начиная с XVIII в. Самым первым учебным заведением в городе было открытое в 1787 г. на пожертвования городского общества малое народное училище. Испытывая серьезные изменения и преобразования, данная школа просуществовала до 1918 г. Под влиянием образовательной политики правительства и согласно школьным реформам в 1816 г. оно стало уездным училищем, в 1835 г. было преобразовано в уездное трехклассное училище, в 1907 г. было переведено в городское четырехклассное училище, а в 1913 г. стало высшим начальным училищем (Национальный архив Республики Татарстан (далее — НА РТ). Ф. 92. Оп. 2. Д. 7085. Л. 8).

Названное образовательное учреждение долгое время оставалось единственной в городе светской школой. Лишь в 1842 г. открылось волостное мужское начальное народное училище, а в 1850 г. — городское приходское начальное мужское училище в виде «приготовительного класса при уездном училище.

На середину XIX столетия приходится становление женского образования в Алатыре. В 1847 г. удельным ведомством было открыто женское училище для обучения «девиц удельных крестьян хозяйству, рукоделий и чтений». В 1860 г. в городе состоялось открытие женского училища 2-го разряда для девушек городского сословия, которое в 1870 г. было преобразовано в женскую прогимназию (Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее — ГИА ЧР). Ф. 209. Оп. 1. Д. 7. Л. 34). В начале XX в. (1908 г.) на ее основе появляется Алатырская женская гимназия (Там же. Д. 18. Л. 25).

В 1876 г. в городе состоялось открытие мужской прогимназии. Однако ее судьба оказалась непростой. Если большинство прогимназий со временем преобразовывались в гимназии, то мужская прогимназия в Алатыре была закрыта министерством народного просвещения в 1897 г.

Следующим средним учебным заведением города является Алатырское реальное училище, открытие которого состоялось в 1902 г.; оно просуществовало до 1918 г. (ГИА ЧР. Ф. 209. Оп. 1. Д. 52. Л. 7).

Образовательные запросы горожан в конце XIX — начале XX вв. росли. Как уже было отмечено, это привело к появлению средних школ. В то же время большим спросом пользовались низшие начальные школы.

Отвечая этим потребностям, открывались приходские училища. Например, в 1881 г. среди остальных школ упоминается недавно открытое приходское женское училище (ГИА ЧР. Ф. 243. Оп. 1. Д. 59. Л. 4).

В числе делопроизводственных документов, сохранившихся в фондах Государственного исторического архива Чувашской Республики, имеется список начальных народных училищах Алатырского уезда Симбирской губернии за 1907/1908 уч.г. Здесь названы частное женское училище 2 разряда княгини Оболенской, городское четырехклассное училище, приходское двухклассное училище, мужское начальное училище, волостное училище, женское 1-е училище, женское 2-е училище, женское 3-е училище, посадское мужское училище, посадское женское училище (ГИА ЧР. Ф. 210. Оп. 1. Д. 20. Л. 11). К этим 10 школам необходимо добавить учебные заведения, которые осуществляли среднее образование. Это Алатырская женская гимназия и Алатырское реальное училище.

Такое большое количество школ для одного города – не совсем характерное явление не только для Чувашского края, но и для большинства регионов Российской империи начала XX в. Дальнейшему распространению дела народного просвещения способствовала открытая в 1866 г. с разрешения попечителя Казанского учебного округа при Алатырском уездном училище публичная библиотека и две типографии. На городскую образовательную среду оказывали влияние уровень развития промышленности и торговли, социальная структура городского населения, личности учителей и руководителей учебных заведений, а также активное участие в судьбе отдельных учебных заведений алатырского купечества.

Н.А. Куликов (Сочинский филиал РГСУ)

**У истоков изучения истории управления в г. Сочи:
Сергей Александрович Артюхов**

Современная регионалистика начинает занимать значимое место в трудах российских исследователей, т.к. постепенно приходит понимание, что всеобщая история основывается на локальных элементах. В школах и университетах вводятся научные дисциплины, рассматривающие локальную историю в контексте общероссийского и даже мирового развития. В Сочи такой дисциплиной является сочиневедение.

Видным историком-краеведом, фактически, первым сочиневедом является С.А. Артюхов. В своих трудах он обобщил множество разрозненных материалов о системе управления городом-курортом. Заслугой С.А. Артюхова является то, что он изложил историю города Сочи с 1917 и вплоть до 1990 гг. в едином сборнике очерков, рассмотрев многие изменения на основании отраслевого деления. В рамках данного доклада анализируются взгляды С.А. Артюхова на эволюцию органов государственной власти на курорте Сочи. Хронологическую последовательность

изложения материала определяет порядок опубликования сочинским краеведом своих трудов по годам.

Начиная с одной из первых своих статей, еще в 1980 г., С.А. Артюхова стала интересоваться тема организации системы управления городом в годы Великой Отечественной войны. Из публикаций Артюхова становится известно, что «по решению ГКО от 7 июля 1941 г. на Северном Кавказе решено на основе санаториев и пансионатов в районах Сочи, Кавминвод, Анапы, Геленджика и Туапсе развернуть 81960 госпитальных коек для лечения раненых воинов». Особо С.А. Артюхов отметил роль союзного центра в решении вопроса о подготовке медицинских кадров в годы ВОВ.

Другим направлением исследований С.А. Артюхова стала проблема формирования новых органов государственной власти в городе Сочи после установления власти большевиков и их деятельность в первое после-революционное десятилетие. Данной проблематикой С.А. Артюхов начал заниматься в 90-е гг., что связано с радикальными изменениями в России и необходимостью переосмысления предыдущего опыта государственно-го управления и даже его критикой. Важнейшие решения правительственных органов СССР и РСФСР в отношении Сочи, по мнению С.А. Артюхова, были приняты в 20–30-е гг. Он подмечает, что главным решением той поры стало закрепление за городом особого статуса: «Первым государственным законом, который определил на долгие годы статус Сочи как курорта, стал декрет СНК от 4 апреля 1919 года “О лечебных местностях общегосударственного значения”, по которому все курорты РСФСР объявлялись общегосударственной собственностью». «А в 1921 году государством были выделены четыре курортных района, в том числе и Кубано-Черноморский район (в него вошел Сочи). В конце 20-х государством принято решение о строительстве санаторно-курортных учреждений на Черноморском побережье».

С.А. Артюхов выявил в своих работах и основные проблемы города на пути реализации планов по превращению г. Сочи во всесоюзный курорт. Первой проблемой являлась малярия, так как «она препятствовала развитию сочинского курорта. Второй – недостаточная способность обеспечения города продуктами питания. Обе вскоре были сняты.

На реконструкцию курорта в 30-е гг. повлияла «стабилизировавшаяся экономическая обстановка в СССР. Все это вызвало необходимость развития сферы услуг и большого строительства. Переломной вехой в истории курорта С.А. Артюхов считает 17 января 1933 года, «когда ЦИК и СНК СССР вынесли постановление “О реконструкции Сочинского курорта”». Этот план превращал Сочи во всесоюзную здравницу, и на это выделялись огромные средства. К позитивным моментам в реализации данного плана С.А. Артюхов относит введение должности Уполномоченного ЦИК СССР в Сочинском районе по курортным вопросам, который сосредотачивал в своих руках партийные, государственные и контроль-

ные функции. Реконструкция Сочи по пути преобразования провинциального города во всеююзную здравницу продолжалась 7 лет. Большую роль в восстановлении курорта после войны, по мнению Артюхова, сыграло повторное учреждение в 1948 г. должности Уполномоченного Совета Министров СССР по Сочи-Мацестинскому курорту. После упразднения поста в 1953 г., все функции вновь перешли к Сочинскому горсовету. 10 марта 1960 г. Постановлением Совмина санатории города были переданы в ведение ВЦСПС, а по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 10 февраля 1960 г. Сочи приобрели современные размеры.

Не обошел краевед в рассмотрении и самое значительное решение центральных властей за послевоенную эпоху – Генеральный план развития города-курорта Сочи, утвержденный Постановлением Совета Министров РСФСР от 31 августа 1967 г. Данный план развития являлся вторым и предусматривал развитие города с 1967 по 1992 гг. Полностью план выполнить не удалось.

Таким образом, С.А. Артюхов отразил в своих трудах историю становления и развития г. Сочи в контексте системы политического менеджмента и общероссийских исследований. Социальная значимость его исследований возрастает, особенно в процессе подготовки к Олимпиаде-2014, когда опыт предыдущих поколений становится незаменим.

Е.А. Чиглинец (Казанский ГУ)

Рецепция античности как культурно-исторический концепт

Обращение к античному наследию с целью включить его в качестве неотъемлемой части в культуру той или иной последующей эпохи стало обязательным элементом в истории европейской цивилизации. Однако научная рефлексия этого процесса оформилась только в последней трети XX века, когда появились попытки обобщить многочисленный накопленный филологами-классиками и искусствоведами эмпирический материал. Теоретические основы для новых построений предложила немецкая филологическая школа в Констанце во главе с Х.Р. Яуссом, который выдвинул концепцию взаимодействия читателя и текста, получившую название «рецептивная эстетика». Наиболее перспективным в этой теории стало положение о необходимости учитывать в качестве важнейшего фактора рецепции «социально-объективную оболочку» познающего субъекта, т.е. исторические или социокультурные условия рецепции.

Эта идея была усвоена и развита рядом англоязычных (британских, американских, австралийских) филологов-классиков, обратившихся к изучению рецепции классического наследия Греции и Рима. Расширенное, «плюралистическое» представление о реципиенте за счет исследования массовой культуры позволило вывести изучение рецепции античности за рамки классической филологии и истории искусств; а привлечение

структуралистских и постструктуралистских подходов, в частности, идеи интертекстуальности Ю. Кристевой и Ж. Женета, привели к господству в изучении рецепции античности теории межкультурного диалога прошлого и современности, воспринимаемого как интертекстуальное взаимодействие. В свою очередь, это позволило и расширенно толковать античный «текст», включая в него не только художественное и письменное наследие, но и все многообразие **исторических или социокультурных проявлений эпохи**. Именно такой подход и был реализован в данной книге.

Результатом рецепции античности становятся социальные представления, которые включают античные процессы, явления и персонажи в социокультурную практику нового и новейшего времени. В условиях массовой коммуникации любое индивидуальное обращение к античности социально обусловлено (есть потребность индивида, группы, общества в целом) и обязательно имеет социальные последствия в виде распространения этих представлений в обществе.

Хотя статистически определить процент интересующихся античностью в те или иные периоды нового и новейшего времени не представляется возможным, социокультурные условия конца XIX, всего XX и начала XXI веков позволяют предположить, что и индивидуальное творчество в сфере академической культуры, и производство медийной продукции в сфере культуры массовой имеют своей целью и результатом доведение представлений об античности до самого широкого круга потребителей, а значит – формирование античного субстрата социального сознания.

На основе анализа жизни и творчества ряда выдающихся деятелей культуры конца XIX – первой половины XX вв. **цели и механизмы рецепции античного наследия** определяются следующим образом.

Рецепция как **реализация социально значимых проектов** видна на примере Г. Шлимана и П. де Кубертена. Самый сложный вариант рецепции демонстрирует нам Генрих Шлиман. Механизм рецепции у него выглядит как *восприятие античного мифологического архетипа* (в наименее архаической части греческой мифологии – героическом мифе о культурном герое) и *конструирование на этой основе собственной публичной биографии*. Механизм рецепции античного наследия, использованный Пьером де Кубертенем, можно обозначить так: попытка *модернизации античности и архаизации современности*.

Рецепция как **общественно-политическая практика**. Самый «простой» вариант рецепции античного материала принадлежит К. Кавафису, создавшему настоящую *поэтическую концепцию эллинской истории в рамках идеологии греческого национализма*. А для русского поэта А. Блока характерна *политическая актуализация античности на основе аналогий*.

Возможность художественного самовыражения – наиболее распространенная цель рецепции античности. Однако наряду с традиционными вариантами рецепции (реплика или реминисценция), которые неоднократно рассматривались в историографии, существуют и достаточно

«экзотические» примеры. Рецепцию античного наследия в творчестве А. Дункан можно назвать *аллегорической реконструкцией* античной пластики в современном танце. Русский композитор Игорь Стравинский, обратился к осознанному *конструированию* собственных музыкальных представлений об античности.

XX век с постоянно идущим активнейшим омассовлением культуры в условиях стремительно развивающейся системы массовой коммуникации создает благоприятные социокультурные условия для рецепции античного наследия в массовом сознании. **Образы античных исторических персонажей по способу их интерпретации и репрезентации** в современной культуре могут быть классифицированы как *образ-знак, образ-символ и образ-судьба*.

Образ-знак. Уже в античности эти образы обретают зачастую одну доминирующую черту, которая, будучи в течение веков вырвана из социальной и культурной среды своей эпохи, превращает реального исторического персонажа именно в знак, одинаково декодируемый вне зависимости от конкретного социокультурного контекста, хотя метаморфозы смелы «плюса» на «минус» или «минуса» на «плюс» в XX в. наблюдаются постоянно. В этом отношении показательны такие фигуры, как Меценат или Герострат, имена которых ставшие нарицательными еще в античности, были адаптированы европейской цивилизацией последующих веков. Между тем, именно перспективный анализ от античности к нашему времени может показать тот механизм рецепции, который использовался в отношении таких явлений как «меценатство» и «комплекс Герострата».

Образ-символ формируется еще в античности в тесной связи с социокультурным контекстом своего времени. В последующие века образ всегда сохраняет этот контекст в снятом виде, при этом подвергаясь корректировке в соответствии с социокультурными запросами реципиента. И тогда романтический образ Спартака привлекает внимание людей диаметрально противоположных политических и философских взглядов, выступая и в политических практиках, и в художественной сфере в качестве символа свободы и мужественной борьбы за эту свободу; а Клеопатра становится символом женщины во всем многообразии ее проявлений и привлекает внимание и социалистов, и сторонников психоанализа, и последователей феминистских взглядов, трактующих этот символ в соответствии с субъективными установками. Особенно ярко субъективные варианты рецепции этих персонажей видны в массовой культуре конца XX и начала XXI веков.

Образ-судьба. Благодаря хорошей источниковой базе эти персонажи при любых интерпретациях обязательно сохраняют античный социокультурный контекст, что приводит зачастую к попыткам исключительно биографической трактовки этих образов в последующие века, более или менее подробного описания «деяний» героя. Движущим мотивом для обращения к этим образам является уверенность интерпретатора в анало-

гичности социально-культурных процессов прошлого и настоящего. Таково восприятие в современном массовом сознании и культуре образов Александра Македонского (судьба лучшего полководца в мировой истории, попытавшегося создать новую систему взаимоотношений Запада и Востока) и Юлия Цезаря (судьба выдающегося правителя, но позволившего себе стать правителем тоталитарного типа). Эти персонажи призваны дать политический и этический урок современности.

Обращение к исторической или социокультурной рецепции античности позволяет исторической науке активно присутствовать на широком междисциплинарном поле современного гуманитарного знания и выполнять при этом утраченную некогда интегрирующую роль в социогуманитарных исследованиях.

Т.П. Евсеенко (Удмуртский ГУ, Ижевск)

Римская республика как сюзеренное государство

1. Проблема территориальной организации государства долгое время не вызывала особого интереса в отечественной науке. Этому способствовало утверждение в 30–40-х годах XX столетия в советском государственоведении однозначно трактуемого понятия формы государственного устройства. Такое универсальное понятие вполне удовлетворяло большинство исследователей, изучавших стабильные государственные организмы. Однако конец XX столетия привел к серьёзному пересмотру сложившихся взглядов и концепций. В настоящее время изучение территориальной организации государства становится одним из важнейших направлений государственоведения.

2. Познать закономерности и основные направления эволюции формы государственного устройства проще всего на конкретных исторических примерах. В качестве такового особенно интересна история Римского государства, единственного в древности «завершившего» трансформацию полисной республики в империю, прошедшего путь от крестьянской общины к территориальной государственности современного типа.

3. Держава, созданная римлянами, включала множество государств как территориального, так и общинного типа, обладавших различным правовым статусом. Помимо официально подвластных Риму общин Италии и провинций уже тогда существовали государства и отдельные территории, находившиеся в различных степенях зависимости от него, причём, характер этой зависимости не всегда оформлялся одинаково.

4. К началу II века до н.э. римская *civitas* охватывала лишь 1/3 территории Италии. Остальная часть Апеннинского полуострова образовывала сложный конгломерат разностатусных общин, связанных с Римом двусторонними договорами (традиционно именуемый в литературе «Римско-Италийской федерацией», что по сути своей является искажени-

ем его подлинной природы). Покорённые страны–провинции также не представляли собой единого целого, являясь подобным же конгломератом общин, число которых после римского завоевания резко увеличивалось. Римляне искусственно дробили ранее сложившиеся здесь союзы и объединения, как и отдельные крупные общины, желая ослабить этим возможное сопротивление своей власти. Наконец, существовали т.н. союзные государства, состоявшие с Римом в разного рода договорных отношениях, причем договоры с такими государствами могли быть как равноправными, так и неравноправными.

5. Фактически подобный договор представлял собой точную копию *foedus iniquum*, сложившегося ещё в ходе завоевания римлянами Италии. В число обычных прав *civitates foederatae* входили полная судебная автономия, включавшая юрисдикцию местных судов над проживающими в союзной общине римскими гражданами, налоговый иммунитет, право собирать в свою пользу торговые пошлины, право принимать римских изгнанников, независимость в финансовых вопросах. В договорах такого рода, как правило, фигурировало обязательство римлян без крайней необходимости не вводить свои войска на территорию союзной общины. Последняя же обязалась поставлять в римскую армию (или флот) определённый контингент своих военных сил и не вести самостоятельной внешней политики.

6. В конце концов, союзная община постепенно утрачивала свой суверенитет и поглощалась Римом. Однако подобное развитие событий не было предопределено изначально, поскольку различные фракции римской правящей верхушки первоначально по-разному представляли судьбу побеждённых противников. Ещё А.И. Тюменев, а вслед за ним А.С. Шофман усматривали на рубеже III–II вв. до н.э. борьбу двух концепций завоевательной политики Рима, каждая из которых выдвигалась и отстаивалась влиятельной политической группировкой внутри правящего класса.

7. А.И. Тюменев обнаруживал стремление римского нобилитета сохранить определённую самостоятельность за подчинёнными государствами, объясняя это его стремлением монополизировать богатства завоёванных стран в своих руках, устраняя конкурентов – всадников, значение которых росло по мере развития провинциальной системы. Поэтому провинциальному управлению, нобилитарная аристократия предпочитала систему внешне ослабленных, но автономных государств под протекторатом Рима. Таким образом, на область государственной политики распространялись отношения патроната и клиентелы, существовавшие в Риме издревле. Этим для правящей группы создавалось положение рантье при обеспеченном доходе со стороны зависимых государств.

8. Такие связи недёшево обходились «клиентам» – союзным племенам и государствам. Союзные государства не платили Риму прямых налогов, но за сохранение своей «свободы» принуждены были делать т.н. «добровольные приношения» лично римским полководцам. Зато государ-

ства-клиенты избегали непосредственного вмешательства римского правительства в свои внутренние дела (разумеется, кроме случаев, непосредственно задевавших «крвные» интересы господствующего государства). Помимо того, денежные выплаты отдельным аристократическим «патронам» оказывались для подчинённых государств более приемлемым вариантом, чем хозяйничанье откупных коллегий римских всадников, разорвавших целые страны и порабовавших их население.

9. А.С. Шофман противопоставлял политике нобилитета, устремления всадников (т.н. «новых людей»), стремящихся к превращению побеждённых государств в провинции. По его мнению, такое их преобразование позволяло указанным кругам эксплуатировать провинции напрямую, не делясь доходами с традиционной аристократией. Лидером этой второй группировки А.С. Шофман называет Марка Порция Катона (Старшего), игнорируя его нападки на публиканов и их грабежи в провинциях. Между тем представляется, что это противопоставление является типичным упрощением ситуации. Вероятнее всего борьба шла между несколькими социально однородными фракциями правящей верхушки Рима, выбиравших методы наиболее эффективной эксплуатации покорённых народов. Если принять эту точку зрения, то Катон Старший превращается в защитника «справедливости» (т.е. равного доступа к богатствам провинций для всех фракций господствующего класса), и, как представляется, именно в этом кроются истоки его популярности.

10. Напрашивается вопрос: как охарактеризовать форму государственного устройства, сложившуюся в Римской державе эпохи «золотого века Римской республики»? Представляется, что единственно возможным ответом может быть в этих условиях – «сюзеренное государство».

11. Это понятие выработано классическим государствоведением рубежа XIX–XX веков, и характеризовалось следующим образом: «Сюзеренное государство осуществляет свое господство над подчинёнными ему государствами, которые, в пределах установленных господствующим государством правовых границ, свободно организуются, обладают широкой самостоятельностью во внутренних делах, но вовне подвергаются, в силу их зависимости, значительным ограничениям и обязаны ставить свои войска сюзеренному государству или, по крайней мере, нести в его пользу определённые экономические повинности (платёж дани)» (Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1903. С. 501-502).

12. В сюзеренном государстве отмечается сочетание, черт как межгосударственного союза, так и единого союзного государства. Эта двойственность его природы побуждала некоторых учёных характеризовать подобное образование в качестве конфедерации (Напр.: Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. I. СПб., 1908. С. 151-152). Признавая основательность этой точки зрения, необходимо всё-таки оговорить отсутствие тождества указанных понятий. Откровенная неравноправность партнёров в государстве государств, открытое подчинение интересов го-

сударств-вассалов интересам сюзерена мешают поставить между ними знак равенства. Можно предположить, что сюзеренное государство является частным случаем конфедерации (её разновидностью), как более широкого явления государственно-правовой действительности (к конфедерации могут относиться объединения, построенные как на неравноправной, так и на равноправной основе).

С.С. Ходячих (Сыктывкарский ГУ)

**Нормандское завоевание в историко-правовом дискурсе
В.А. Маклакова: междисциплинарный синтез
в социогуманитарном измерении**

Изучение Нормандского завоевания Англии в дореволюционной отечественной историографии занимает столь же скромное место, как и в других научных школах континентальной Европы. «Завоевание Англии норманнами» В.А. Маклакова – один из немногих специальных трудов, посвященных проблемам истории средневековой Англии.

Известный российский юрист, адвокат и государственный деятель Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) начинал свою профессиональную карьеру как историк. Ученик профессора П.Г. Виноградова, слушатель лекций В.О. Ключевского, а также автор работы «Избрание жребием должностных лиц в Афинском государстве», опубликованной в «Ученых записках» Московского университета, он окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1894 г., однако, не стал заниматься историческими изысканиями, отдав предпочтение науке юридической. В 1896 г. он экстерном окончил юридический факультет Московского университета, сдав экзамены после трехмесячной подготовки. Тема выпускного сочинения – «Влияние зависимого держания земли на гражданскую правоспособность на исходе Каролингского периода» – свидетельствует об органичном сочетании у В.А. Маклакова исторического знания с юридической каузальностью. Таким образом, в исторических исследованиях В.А. Маклакова уместно говорить о междисциплинарном синтезе: виртуозно используя методы гуманитарных наук, Маклаков обогатил пространство социогуманитарного знания полиструктурированным дискурсом: историко-юридическая дихотомия будет прослеживается на поприще всей его интеллектуальной деятельности.

Еще на студенческой скамье Маклаков подготовил раздел о Нормандском завоевании Англии в «Книгу для чтения по истории Средних веков» под редакцией П.Г. Виноградова. Позже этот раздел вырос в самостоятельное исследование «Завоевание Англии норманнами», опубликованное в 1898 г. в Москве.

Рассуждая в своей работе о правовом аспекте Нормандского завоевания, Маклаков отмечает, что санкционирование военной кампании

Вильгельма Завоевателя папой Александром II – «неправое дело», французские феодалы, в его понимании, – шайка авантюристов, а сам Вильгельм – грабитель и лицемер. Рассматривая положение *английской* церкви после 1066 г., автор приходит к выводу: хоть «церковь стала независимым от государства, самостоятельным телом», политика архиепископа Кентерберийского Ланфранка носила двойственный и противоречивый характер: с одной стороны, стремление освободить церковь «из-под власти светского собрания», а с другой – отстаивание «самостоятельности своей местной церкви от Рима». В результате «пока жив был Ланфранк – мир между государством и церковью не нарушался»; после его смерти церковь, «предоставленная своим собственным силам, не смогла отстоять независимость» и оказалась в подчиненном светской власти положении. Таким образом, в политическом плане Ланфранк потерпел поражение.

Важное место в политико-правовой системе донормандской Англии В.А. Маклаков отводит уитенагемоту – совету знати в англосаксонском королевстве, основные функции которого заключались в подтверждении прав короля на престол, решении вопросов войны и мира. После битвы при Гастингсе представители местной англосаксонской знати в угоду традиции собирали в Лондоне уитенагемот с целью избрания нового короля. Стремясь показать политический континуитет между прежней системой управления и новой, привнесенной Вильгельмом Завоевателем с континента, В.А. Маклаков называет собрание баронов 1086 г. для принесения знаменитой Солсберийской клятвы не иначе как *уитенагемотом*, что, на наш взгляд, не совсем справедливо. Безусловно, совет аристократии продолжал выполнять свою главную задачу, однако, введение Вильгельмом клятвы верности непосредственно королю, помимо обычной присяги вассалов своему сюзерену, на совместном присутствии баронов в Солсбери кажется не более чем *ассамблейей*. Следует отметить, что необходимость в институте уитенагемота, который в полной мере можно считать предтечей общего (англосаксонского) права, не отпала с момента прихода к власти первого нормандского короля: он дал импульс для поступательного развития других английских политических институтов.

В выстроенном В.А. Маклаковым дискурсе значительное место уделено личностям Гарольда и Вильгельма: на всем протяжении повествования они выступают как антиподы. Рассуждая о категории *legalitas*, Маклаков приходит к осознанию амбивалентности той ситуации, которая сложилась в Англии к 1066 г.: с одной стороны, *законно* избранный уитенагемотом новоиспеченный король Гарольд, защищающий свою страну от нормандского узурпатора, с другой – Вильгельм, явившийся на острова «как законный правитель», борющийся против клятвоступника с целью овладения английской короной и в то же время отдавший приказ «жечь, грабить и разорять ту самую страну [Англию]», ради которой он приехал проливать кровь. Убеденность В.А. Маклакова в легитимности пребывания Гарольда в качестве короля позволяет сделать ему следую-

ший вывод: «Корона Англии зависела от воли народа, и была ему вручена». За Вильгельмом автор «Завоевания Англии норманнами» признает такие заслуги, как установление диалога в отношениях народа и короля, институциональное укрепление власти последнего, а также лавирование между «враждебными лагерями» и выполнение роли арбитра во внутриполитических делах.

Оценивая значение и последствия Нормандского завоевания, В.А. Маклаков акцентирует свое внимание на его бинарности: сочетание *деструктивности* (жестокость в методах его осуществления) и *полезности* (привнесение феодализма) позволяет сделать вывод о том, что события 1066 г. – это историческая закономерность, которая позволила Англии в кратчайшие сроки догнать по уровню развития континентальную Европу, а впоследствии и вырваться по уровню развития далеко вперед.

Таким образом, правовая компонента в историческом дискурсе В.А. Маклакова занимает значительное место. Рассуждения о Нормандском завоевании с историко-политико-правовых позиций позволяют вести речь о междисциплинарном синтезе в его исторических исследованиях. Интерес к персональной и правовой истории, изучение английской политической системы через репрезентацию политических институтов, их органичное сочетание свидетельствуют о методологическом плюрализме штудий В.А. Маклакова, которые в силу своей специфики носили интеллектуальную направленность.

Ю.Г. Мязков (Казанский ГТУ)

Концепт византизма в исторической и философской мысли России XIX века: особенности формирования

Во второй половине XIX – начале XX вв. проблема византизма представлялась контрапунктом российской культуры истории. Её постановка восходит к тому времени, когда, как писал в 1844 г. акад. А.А. Кунин, «Византия пребывала загадкой в глазах образованного мира вследствие недостаточного знакомства с ее прошлым». Стоявший у истоков науки о всеобщей истории в России Т.Н. Грановский подчеркивал, что разработка истории Византии составляет, по сути, национальный долг российской науки: «Нужно ли говорить, – вопрошал историк в 1850 г., – о важности Византийской истории для нас, русских? Мы приняли от Царьграда лучшую часть народного достояния нашего, т.е. религиозного верования и начатки образования. Восточная империя ввела молодую Русь в среду христианских народов... На нас лежит некоторого рода обязанность оценить явление, которому мы так многим обязаны» (Грановский Т.Н. Собр. соч. М., 1900. С. 378-379). И, действительно, русские историки добились впечатляющих результатов в изучении истории Византии, но это произошло *только* в 70–90-е годы XIX в. и было связано с деятельностью

В.Г. Васильевского (1838–1899), Ф.И. Успенского (1845–1928), Ю.А. Кулаковского (1855–1919), П.В. Безобразова (1859–1918) и их учеников. К 1917 г. византиноведение в России выделилось в самостоятельную историческую дисциплину, институционализировавшуюся благодаря созданию исследовательских учреждений, подготовке историков-профессионалов, обретению периодических изданий.

Но своеобразием развития византиноведения как отрасли историознания в России стало то, что произошло известное размежевание между теми, кто занимался собственно изучением византийской истории, историками, и теми, кто обратил свои взоры к Византии в связи с задачей философского осмысления «встречи» с ней Руси-России. Потому и само понятие «византинизм» формируется не в связи с развитием исторической науки, а в процессе историософского осмысления феномена Византийской цивилизации. Особая роль здесь принадлежала П.Я. Чаадаеву, А.С. Хомякову, Вл.С. Соловьеву, К.Н. Леонтьеву и Л.А. Тихомирову. Названные мыслители – представители разных поколений российского историософского знания. В их творчестве мы наблюдаем специальные усилия к углублению понимания роли и места «византинизма» в русской истории. Более того, сама означенная тенденция оказалась имманентно связана с развитием **консервативной традиции** в России. Именно в этой интеллектуальной среде вырабатываются **положительные** воззрения на Византию, византийскую культуру.

Либеральная мысль России изначально избирает иной – **отрицательный** – образ Византии, восходящий к традициям эпохи Просвещения. Потому порицание «византинизма» сделалось одним из общих мест «передовой», западнически ориентированной либеральной мысли. В 1901 г. писатель консервативных взглядов Н.И. Черняев отмечал, что в России «...до последнего времени слово “византизм” и “византийщина” одним своим звуком приводят нас в содрогание» (Черняев Н.И. Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия. М., 1998. С. 163).

Начиная с П.Я. Чаадаева, отношение к «византинизму» само по себе стало критерием размежевания в России политических и идейных лагерей и течений. П.Я. Чаадаев, казалось, с присущим ему негативным отношением к Византии и ее наследию, вписывался в круг либерально-ориентированных мыслителей. Характерны споры о месте и роли П.Я. Чаадаева в развитии общественной мысли России, но, очевидно, что дать однозначный ответ на вопрос может ли быть Чаадаев, говоря словами М.О. Гершензона, «зачислен в синодик русского либерализма», и был ли он «убежденным *западником* и *прогрессистом*», дать далеко не просто. В условиях теоретического плюрализма открылись возможности переосмысления концепций П.Я. Чаадаева и Вл.С. Соловьева в контексте истории российского консерватизма. Так, П.Я. Чаадаев оказывается выразителем **антизападнического, антилибералистского** синдрома в русской общественной мысли: ведь мыслитель предложил концепцию, ут-

верждавшую принципиальную инаковость России и в отношении Европы, и всего остального мира на всех этапах ее развития. В том числе и относительно Византии. Провиденциализм, христианский мессианиззм выступают также не как либеральные ориентиры и ценности. Потому можно предположить, что «византизм» выступает как историографический факт, позволяющий рассматривать творчество П.Я. Чаадаева в лоне консервативной мысли.

В эту традицию вписывается и Вл.С. Соловьев, хотя пути российского социума к прогрессу он видит через преодоление византизма. Н.А. Нарочницкая отметила тот факт, что «многие поборники “вхождения в цивилизованное сообщество” ссылаются на эту (Соловьева – Ю.М.) крупнейшую фигуру в русской мысли как на “авторитетнейшего оппонента славянофилам”, представляя его как безупречного западника». Но теоретик «свободной теократии» создавал модели, совсем не отвечающие принципам либерализма. Поэтому, заключает Н.А. Нарочницкая, «его нельзя назвать западником в общепринятом смысле – поборником просвещения, представительных учреждений и позитивного права» (Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М, 2004. С. 42). Вл.С. Соловьева с его противопоставлением «вселенского» и «национального» органичнее смотрится среди сторонников консервативной мысли, хотя и его творчество, и П.Я. Чаадаева не может быть редуцировано, сведено к консерватизму.

Проблема оценки византизма, актуализированная П.Я. Чаадаевым в «Философических письмах», получила обоснование в ходе борьбы «западников» и «славянофилов». В свою очередь, она органичным образом вписалась в круг тем и проблем, которые принято объединять понятием «русская идея» и которые в советское время практически не изучались, что было связано с особенностями методологических подходов и идеологических обстоятельств. Не изучался и тот идейный комплекс, который был мобилизован представителями различных политических течений для аргументации выдвигаемых ими своих программ. В этом комплексе занимало особое место обращение российских мыслителей к византийскому наследию, к наследию той цивилизации, в кругу которой произошло становление России и ее, по представлениям консервативной ветви общественной мысли, духовного стержня.

Иными словами, в каждую эпоху живут представления о византизме, но особо они были развиты и востребованы в эпохи реформ. Истолкования образа «византизма» как особого социополитического и культурного начала, оказавшего *негативное* влияние на русское христианское общество, заложенные П.Я. Чаадаевым и особо полно развернутые В.С. Соловьевым, были в действительности использованы представителями реформистских ориентаций в идейно-политических движениях России. Проблема модернизации страны в этом смысле выступала как задача преодоления византизма в ее культуре и общественной жизни. Либе-

ральные литераторы и философствующие публицисты стремились утвердить идею русского европеизма не только как наиболее предпочтительную, но и как, по крайней мере, одну из самых значимых в историческом движении российского сообщества. В результате идеи славянофилов и К.Н. Леонтьева относительно византинизма оказались маргинальными, что в значительной степени было следствием выступления В.С. Соловьева, высказывавшего мысль-пожелание в адрес российского общества учиться «судьбою павшей Византии».

Ю.Я. Вин, Д.Е. Кондратьев
(Институт всеобщей истории РАН)

Инновационные принципы анализа лексики и текстов византийского права: когнитивный и информационный подход*

Построение Базы данных «Византийское право», нацеленной на ее использование в процессе изучения правовых монументов и аутентичных понятий и терминов, неотъемлемо сопряжено с потребностями систематизации отдельных частей и разделов законодательных памятников и организации современной информационно-поисковой системы. На первый взгляд, решению связанных с этим задач присущ сугубо прикладной характер. В действительности это невозможно без теоретико-методологических исследований и научного обоснования анализа лексики и текстов византийского права на принципах информационного и когнитивного подходов. Именно теоретические изыскания оправдывают внедрение в названной сфере инновационных технологий.

Одним из главных аспектов исследований в указанном направлении является разработка аналитических приложений Системы управления Базой данных и создание Информационно-аналитического комплекса «Византийское право и акты». К настоящему времени актуализированы не только различные виды информационного поиска, включая поиск «по нескольким словам» независимо от их дистрибуции, транскрипции и с учетом супплетивизма. Одновременно проводится внедрение специального (отраслевого) поиска, опирающегося на понятийно-терминологическую систему византийского права и присущую ей синтагматику. По сути, речь идет о разработке принципов построения банка данных и тезауруса понятий и терминов византийского права. Реализации этого замысла осуществляется посредством практического использования подготовительных материалов для названного банка данных в Блоке понятий и терминов. Систематизация терминов производится путем установления

---

* Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 09-01-0048а) и РФФИ (Проект № 09-06-00106а).

синтаксических связей основных лексических единиц, определяющих состав информационно-поискового массива Блока понятий и терминов.

В центре внимания разработчиков Информационно-аналитического комплекса находится апробация Модуля определения информационной близости (МОИБ), предназначение которого обусловлено задачей определения информационной близости исторических источников посредством сравнения их семантического поля с помощью статистического анализа понятий и терминов. Опуская подробности описания названного Модуля, поскольку они уже освещены в печати, хотелось бы обратить внимание на основные принципы анализа текстов путем сопоставления их фрагментов, подобных друг другу в информационном плане. Сравнение опосредует Блок «Структура понятий», точнее говоря, представленные там две версии понятийно-терминологической иерархии, носящей название «Полигlossия». С ее помощью претворяется принцип сравнения двух элементов по третьему («tertium comparationis»). Версия «Семантика» отображает грамматическую дистрибуцию лексики (имена существительные и субстантивации – имена прилагательные – глаголы и так далее); версия «Когниция» построена на проблемной классификации лексики. «Семантический» вариант «Полигlossии» обеспечивает сопоставление фрагментов источников, исходя из близости их общего смысла, когда все синонимичные лексические единицы рассматриваются без дифференциации их понятийного содержания как однозначные семантические элементы. «Когнитивная» версия «Полигlossии» в рамках разрабатываемой информационной технологии делает возможным дифференцированный анализ лексических единиц, лежащих в основании понятийно-терминологической иерархии. Она предназначена для сравнения текстов на латинском, греческом и славянском языках благодаря созданию групп эквивалентной по значению лексики. Основные уровни иерархии составлены сообразно степени обобщения семантики лексики текстов. Высший уровень занимают систематизированное по Предметным полям Ключевые понятия (или Концепты); входящие в Ключевое понятие Ключевые слова составляют второй уровень иерархии. Собственно говоря, аккумулярованные в ее составе лексика естественных языков структурируется в виде лежащих в основе «Полигlossии» лексических фреймов, каждый из которых, соответствуя уровню «лексем», включает словоформы с определенным лексическим значением. Соответственно Ключевое слово олицетворяет собой свойственное лексемам определенное номинативное значение. В зависимости от него одинаковым по своей грамматической форме Ключевым словам с относящимися к ним словоформами, наделенным в том или ином естественном языке различными лексическими значениями, отводятся разные места в репрезентируемой иерархии.

Итак, МОИБ обеспечивает сравнения в четырех автоматизированных режимах: «Семантика» (обобщающий) и «Когниция» (дифференцированный); частота вхождения в текст лексем устанавливается относи-

тельно «ключевого понятия» (высший, общий уровень) и в режиме «лексема» – «ключевое слово» (низший, уровень детализации). Предусмотрена техническая возможность различного вида сравнений – полных фрагментов текстов, частичных фрагментов и сравнения текстов по отдельным Ключевым понятиям. Это позволяет уделить внимание социокультурной значимости проделываемого сопоставления. Определяя информационную близость сравниваемых текстов в автоматизированном режиме, исследователь руководствуется задачей установить по возможности адекватные логико-грамматические и семантические атрибуты каждого из входящих в высказывание, независимо от естественного языка, понятия или термина. Выбирая альтернативы, исследователь «назначает» Ключевые понятия и Ключевые слова согласно эквивалентным сочетаниям лексем с учетом их логико-грамматической индексации, которая репрезентируются как статистика вхождения в текст лексем.

Особую роль выполняет функция Когнитивного картирования (the cognition mapping). Здесь надо пояснить, что в современной науке когнитивное картирование получило широкое приложение, начиная от экологии и медицины, в частности – в исследованиях мозга, и завершая прикладной лингвистикой. Благодаря названной функции МОИБ предметом сравнительного анализа становятся не только численные его результаты, но и понятийно-терминологическая атрибуция лексики. Не касаясь непосредственно проблемы многозначности понятий, необходимо отметить специально, что когнитивное картирование, будучи использовано для отображения лексико-семантических результатов сравнительного анализа текстов, служит наилучшим индикатором практически их любых расхождений. Названная функция позволяет акцентировать лексические различия проделанных текстологических сопоставлений, которые предопределяют понятийно-категориальную систему анализируемого высказывания.

Дальнейшие процедуры машинного анализа предусматривают проекцию приведенных сведений на информационный массив БПТ для уточнения грамматических и семантических параметров изучаемых понятий. Благодаря тому, в частности, аналитический инструментарий исследователя дополнит перечень выявленных контекстных словосочетаний и синтагм с учетом содержащихся в названном Блоке аналогичных сведений византийских актов. На этой основе планируется создание Блока когнитивного картирования, призванного осуществлять вторичный анализ эмпирических лексико-текстологических сопоставлений. Результатом станет построение так называемых Когнитивных карт (the cognition maps), аккумулирующих сведения о дистрибуции и семантике изучаемой лексики соответственно ее понятийно-терминологическому содержанию, концептуализации и категоризации. Когнитивные карты явятся посылкой сопоставления современных научных представлений и восприятия значений слова (концептирования – the conceptive apprehension) в историческом прошлом.

Тем самым построение когнитивных карт обозначает следующий шаг к разработке экспертной системы. Системный характер машинного анализа, несомненно, обеспечит исследователя объективными показателями, столь необходимыми для достоверной оценки особенностей когнитивного процесса прошлого. Таким образом, предлагаемая информационная технология нацелена на углубление когнитивного анализа лексики и текстов византийского права.

Г.В. Бакус (Тверской ГУ)

**«Суеверие» (*superstitio*) и «злонамеренное колдовство» (*maleficium*)
как понятия немецкой демонологии конца XV–XVI столетий**

Предметом настоящего доклада являются особенности категориального аппарата ранней немецкой демонологии в контексте интеллектуальной культуры позднего Средневековья – раннего Нового времени на примере разработки понятия *superstitio* (суеверие) и *maleficium* (злонамеренное колдовство) в трактате Якова Шпренгера и Генриха Крамера (Институториса) «Молот ведьм». Сочетание данных понятий определило своеобразие авторской концепции *Malleus Maleficarum*, поскольку предполагало разработку узкой и весьма специфической проблемы под углом общехристианской проблематики. Исследовательский интерес для историка вызывает не столько даже оригинальность заложенных в трактате идей, сколько особенности ситуации, сложившейся вокруг него в XVI в. Здесь мы сталкиваемся с определённым парадоксом: несмотря на Реформацию во второй половине столетия «Молот ведьм» переживает новую волну популярности, которая распространялась даже на протестантов. На данный момент остаётся открытым вопрос: насколько адекватно воспринималась читательской аудиторией концепция данного трактата? Природа этой популярности представляется ещё более интригующей, если допустить, что основывалась она не на признании заложенной в нём концепции, а на каких-то иных, неизвестных нам, факторах и обстоятельствах.

В «Молоте ведьм» присутствует лаконичная формулировка: «Суеверие есть религия, отправляемая сверх [дозволительного] способа, то есть, религия, практикуемая дурным (букв. – злым) и ущербным способом либо же при соответствующих тому обстоятельствах». В данном случае сформулирована некая общехристианская истина, которая не вызвала принципиальных возражений у христианских мыслителей, вне зависимости от конфессиональной принадлежности. Как пример озабоченности проблемами сущности христианского благочестия можно привести «Оружие христианского воина» Э. Роттердамского и «Послание о Фортуне» М. Грека. Появление подобных сочинений можно расценивать как свидетельство наличия диалога внутри христианского общества по проблеме благочестия, в котором одну из заявленных позиций представляли

демонологические сочинения, в том числе – «Молот ведьм».

Специфика понятия «суеверие» в «Молоте ведьм» заключалась в том, что данная категория разрабатывалась применительно к одному явлению – *maleficium* (злонамеренного колдовства), что наложило свой отпечаток в виде акцента на магической составляющей религии. «Магизм» интересен уже тем, что он имел ярко выраженную структуру. С одной стороны, данное понятие было наполнено вполне определённым и конкретным смыслом: проявлением суеверия могло являться как ношение талисманов, не соответствующих католической религиозности, так и прямое богохульство (осквернение гостии e.g.). Примечательно то, что в этом вопросе обвинения в сторону ведьм оказываются очень созвучными обвинениям против евреев, что, возможно, объясняется активным участием «брата Генриха [Инститориса] из Шлетштата» в преследовании евреев в 1475 г. в Триенте. С другой – вся эта конкретика выступала в качестве своего рода фундамента для «теоретической социологии и антропологии» в концепции «Молота ведьм». В этом вопросе авторы «Молота ведьм», следуя схоластической традиции (прежде всего – Фоме Аквинскому), указывают на необходимость для совершения злонамеренного колдовства особых отношений с Врагом рода людского, в результате чего ведьмы становятся *instrumenta animata* и теряют тем самым человеческий статус.

Таким образом, обе составляющие злонамеренного колдовства в «Молоте ведьм» оказываются интегрированными в единую логическую концепцию, и суеверие, как религиозное нечестие, тем самым достигает своего апогея. «Испорченная» обрядность ведёт к порче человеческой природы для тех, кто её принимает и практикует. Своего апогея подобная ситуация достигает тогда, когда извращение нормы практикуется добровольно, сознательно и целенаправленно: в акте злонамеренного колдовства, цель которого – нанесение ущерба христианскому миру через реальный вред, причинённый конкретным христианам. Достигнув этого уровня, проблема суеверия приобретает новое качество и осмысливается уже как ересь ворожей. Применительно к *maleficium* понятийный аппарат «Молота ведьм» был оформлен через ложную этимологию, объяснявшую, с одной стороны, происхождение слова, с другой, – допускавшую расширительное толкование. («Сверх того, эта ересь отличается и тем, что из всех видов чудесничества она обладает наибольшей степенью злобы. Ведь даже латинское её название – *maleficium* происходит от *maleficere* т.е. *male de fide sentire* (по-русски: дурно относится к вере)» (Цит. по: Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. СПб., 2006. С. 80). Это уточнение позволяет истолковывать практически любое проявление религиозного нечестия как *maleficium*.

Однако жёсткая организация данной концепции оказывается той проблемой, которая существенно усложняла её восприятие уже ближайшими потомками. Особенно наглядно это проявляется в уже упомянутом нами парадоксе. Ко второй половине XVI в. этот парадокс приобрёл от-

чётливые очертания: с одной стороны – признание протестантами авторитета *Malleus Maleficarum* во всём, что касается ведьм; с другой – отрицание ими таких специфических способов борьбы с колдовством, практикуемых католиками, как святая вода, молитва, пост, колокольный звон, которые осуждаются и, в свою очередь, в определённых случаях классифицируются как колдовство. Как подтверждение этого можно рассматривать и то обстоятельство, что популярность «Молота ведьм» не распространялась на другое произведение Крамера (Инститориса) – сборник проповедей, посвящённых проблеме причастия. Однако сложность ситуации этим не исчерпывается, поскольку аналогичным образом критиковали концепцию «Молота ведьм» и сторонники т.н. «естественной магии». Сущность проблемы заключалась в том, что авторы *Malleus Maleficarum* попытались уравновесить «дьявольски эффективные, но незаконные практики идеально приемлемыми, но, по-видимому, неэффективными средствами противодействия» (Broedel H.P. *The Malleus Maleficarum and the construction of witchcraft: Theology and popular belief*. Manchester and New York., 2003. P. 32). Очевидно, что действенность концепции Шпренгера и Инститориса предполагала наличие веры, в том смысле, в каком её понимали инквизиторы.

Редакция данного понятия проявляется уже в том, что, как отмечает Е.Б. Мурзин, в сочинениях второй половины XVI столетия механизм колдовства изображается весьма простым — он заключается в призывании человеком дьявола, который действует по его просьбе. В этой связи уместно привести определение колдовства, данное викарным епископом города Трира Петером Бинсфельдом, – это «злое деяние, совершённое особым образом с помощью дьявола с целью достижения необычного эффекта» (Мурзин Е.Б. *Трактаты немецких авторов второй половины XVI в. о колдовстве и ведьмах // Книга в культуре Возрождения*. М., 2002. С. 106). Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с существенной разницей в понимании: с одной стороны, колдовство предполагает «дурное отношение к вере» (Инститорис), с другой — «злое деяние, совершённое ... с целью достижения необычного эффекта» (Бинсфельд).

Колдовство стало восприниматься как опасность внутри магического универсума и перестало быть проявлением религиозного нечестия. Новые издания *Malleus Maleficarum* в изменившейся обстановке указывают на ревизию и переосмысление его концепции, результатом чего стал перевод данного текста в категорию *auctoritas*, и редукция понятия *maleficium* до простых ситуативных моделей. Ценность «Молота...» теперь определялась большим количеством описаний конкретных случаев злонамеренного колдовства предшествующих столетий, то есть перед нами – легитимизация определённого культурного стереотипа по казуальному принципу. Таким образом, осуществляется включение схоластического трактата в пространство мифа, то есть манипуляции со смыслами привели к определённой «деидеологизации» текста «Молота ведьм».

Изучение истории Реформации в Англии в отечественной историографии советского периода

Научное изучение истории Реформации в Англии в отечественной историографии было начато в XIX в. (Н.И. Кареев, К.П. Победоносцев, А.Н. Потехин, В.А. Соколов и др.). В советской историографии исследований, в которых была бы представлена история Реформации в Англии в целом, не появилось. Поскольку методологической основой отечественной исторической науки советского периода был марксизм, изучение религиозной сферы общественной жизни было смещено на периферию.

Большую научную и организационную роль в изучении Реформации в Англии сыграл Ю.М. Сапрыкин и его ученики (А.А. Петросьян, О.В. Дмитриева, О.А. Руденко, В.Н. Ильин, А.В. Исаенко, Н.А. Смирнова). Но только в конце 1990-х – 2000-е годы появились отечественные исследования, посвященные английскому постреформационному католицизму (А.Ю. Серегина). Ряд работ по этой тематике опубликовала В.В. Штокмар; она же способствовала изучению этих проблем своими учениками и другими историками, связанными с Ленинградским университетом (Ю.Е. Ивонин, С.Е. Федоров, С.В. Кондратьев) и представляющими более молодое поколение (Н.А. Журавель).

Под влиянием деятельности ученика Ю.М. Сапрыкина А.В. Исаенко в Северо-Осетинском университете появились историки, занимающиеся историей пуританского движения в Англии в XVI веке (Т.Х. Хозиева, К.А. Будилова). В отечественной историографии также уделялось внимание рассмотрению идей Дж. Уиклифа и лоллардов – идейных предшественников Реформации (Е.В. Кузнецов, О.М. Козик, Н.В. Щелокова).

Для понимания религиозной ситуации в Англии XVI–XVII вв. важны также работы, в которых рассматриваются и анализируются вопросы политической и культурной истории Англии этого периода, а также работа философа Я.Я. Вейша о формировании англиканской церкви. В отечественной исторической науке также есть историографические исследования Л.П. Репиной, И.И. Шарифжанова, М.И. Бацера, Н.В. Ерохина и других историков, посвященные современной американской и английской историографии Реформации.

Итоговое краткое представление об английской Реформации, сложившееся в отечественной историографии советского периода, нашло свое выражение в двух учебниках: История средних веков / Под редакцией З.В. Удальцовой и С.П. Карпова. М., 1991; История средних веков / Под редакцией С.П. Карпова. М., 2000.

Ю.М. Сапрыкин характеризовал Реформацию в Англии как политическое по характеру явление, в основе которого лежало стремление анг-

лийских дворян и горожан создать национальную протестантскую церковь как орудие абсолютизма, а также завладеть церковными землями и имуществом. Он отмечал, что Реформация проводилась путем жесточайшего террора. С оценками Ю.М. Сапрыкина была солидарна В.В. Штокмар, отметив в своем учебном пособии, что Реформация в Англии, в отличие от ситуации на европейском континенте, отнюдь не представляла собой народного движения. О.В. Дмитриева, по сравнению с Ю.М. Сапрыкиным, пишет о Реформации в рамках учебника более подробно. В трактовке причин Реформации в формулировке причинно-следственной цепи объяснения она обращает внимание не только на политические интересы короны в проведении Реформации, но отмечает также идейные влияния, которые привели к возникновению религиозной Реформации в Англии.

В то же время в ныне используемом втором томе учебника «История средних веков» под редакцией С.П. Карпова в разделе об истории Англии XVI – начала XVII вв. есть неточности, а также требующие корректировки суждения. Томас Кромвель не был лордом-канцлером королевства. Он объединил в своем лице многие должности: с 1532 г. – заведующий королевской сокровищницей, с 1534 г. – королевский секретарь, с 1535 г. – наместник в духовных делах, а лордом-канцлером после отставки Томаса Мора стал Томас Одли – спикер парламента и единомышленник Т. Кромвеля. В третьем томе «Истории Европы» (М., 1993) О.В. Дмитриева уже называет Т. Кромвеля королевским секретарем. Почти полный перечень должностей Т. Кромвеля дан В.В. Штокмар в ее учебном пособии «История Англии в средние века», но она неточно указывает дату рождения короля Эдуарда VI: он родился не в 1538 г., а 12 октября 1537 г.

Реформированная церковь Англии, в отличие от утверждения, предлагаемого в учебнике «История средних веков», не стала сразу (с 1534 г. после принятия парламентского Акта о супрематии) называться англиканской: термин «англиканский» появился в употреблении лишь в первые десятилетия XVII в. Первоначально употреблялось латинское выражение «*Ecclesia Anglicana*», и соответствующим ему названием в английском языке считалось понятие «церковь Англии». Статья в Оксфордском словаре английского языка (*Anglicanism // The Oxford English Dictionary. V. I. P. 464*) вообще упоминает самые ранние примеры употребления этого слова в печати в 1838 и 1846 гг. в ходе полемики, связанной с появлением Оксфордского движения в церкви Англии. Причиной столь позднего появления понятия «англиканский» в словоупотреблении британские исследователи считают то, что формирование англиканства как доктрины, обладающей своей специфической идентичностью, происходило вплоть до реставрации Стюартов в 1660 г. и завершилось в 1662 г. с появлением нового издания молитвенника и символа веры, а 1534 год стал только началом этого сравнительно долгого процесса.

О.В. Дмитриева в учебнике «История средних веков» (под ред. С.П. Карпова) пишет, что при регентах Сомерсете и Нортумберленде в правление Эдуарда VI (1547–1553) в церковной доктрине «были приняты положения, приблизившие англиканскую церковь к лютеранской модели: о таинстве причащения (Евхаристии) как чисто символическом действе». На самом деле лютеранство придерживалось в трактовке Евхаристии не символического понимания этого таинства, а так называемой доктрины консубстанции (присутствия Христа в Евхаристии не поддающимся рациональному осмыслению образом). Символическим же понимание причащения было не в лютеранстве, а в цвинглианстве. В учебнике упоминаются также две группы в среде пуритан – пресвитериане и индепенденты. Но первоначальное название тех, кто впоследствии повлиял на возникновение индепендентов, – сепаратисты, и это понятие используется современными британскими историками.

Ю.М. Сапрыкин утверждал, что пуритане в Англии проповедовали идеи установления «дешевой церкви», между тем вопрос об этом не так прост. В таком суждении совершенно не учитывается то, что пуритане выступали за увеличение денежного содержания образованных священников, которые могли самостоятельно составлять проповеди, и пуритан даже обвиняли в том, что они стремятся к тому, чтобы увеличить материальное состояние духовных лиц, что отнюдь не делало церковь «дешевой». Дискуссионным является и вопрос о социальной природе пуританизма. Британские историки утверждают, что при своем возникновении пуританизм был лишь движением в среде духовенства, а только потом к нему почувствовали тяготение представители разных социальных групп.

Не проясненным остается в отечественных учебниках и вопрос о том, насколько тяготила Англию до Реформации необходимость уплачивать Риму часть доходов, получаемых духовенством. В 1485–1533 гг., по подсчетам А.Дж. Диккенса, опубликованным в работе «Английская Реформация» (1964), ежегодный объем всех платежей в Рим в среднем составлял около 4 800 фунтов в год. Накануне выхода Англии из-под власти Рима английское духовенство выплачивало королю и Риму вместе около 17 300 фунтов в год. После же начала Реформации в 1535–1547 гг. церковь Англии платила уже только королю в среднем 47 тысяч фунтов в год, хотя при этом следует учитывать начавшуюся инфляцию.

В целом, результатом изучения Реформации в Англии в советской историографии стало формирование общего представления об этом процессе как одной из форм идеологического выражения генезиса капитализма. Работавшие на марксистской методологической основе советские историки представили лишь социально-экономическую трактовку Реформации в Англии. Советские историки также уделяли мало внимания доктринальной, богословской стороне Реформации и оставили без внимания большинство крупных деятелей и даже религиозную политику монархов, оказавших влияние на ход английской Реформации.

Понятие историографического источника и историографического факта в советской историографии

Впервые в советской историографии целостно, системно, с позиций марксистской теории исторического процесса, теоретические вопросы историографии как исторической дисциплины были представлены и рассмотрены в труде Н.Л. Рубинштейна «Русская историография». Эти вопросы занимают особое место среди теоретических проблем труда этого выдающегося историографа XX века.

В «Русской историографии» дается обоснование таких теоретических вопросов науки как понятие об историографическом источнике и историографическом факте. Отметим, что четкого определения этих понятий ни в книге, ни в тезисах докторской диссертации, положенной в основу данного труда, Н.Л. Рубинштейн не дает, но для понимания его толкования этих вопросов имеем его статью от 1962 года «О путях исторического исследования», в которой он, развивая идеи книги, пишет, что «историографический источник аналогичен историческому источнику в конкретном историческом изучении. Но, в отличие от исторического источника, который мы стремимся подвергнуть всеобъемлющему охвату, историографическое изучение требует... представительного отбора» (Рубинштейн Н.Л. О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 6. С. 117). Историк рассматривается как «представитель направления или школы, объединяемой единством методологических принципов исследования и тематической общностью или общностью проблематики, отражающей его понимание органической сущности и структуры исторической действительности» (Там же. С. 120), при этом «общность направления не снимает индивидуальность историка, она должна из нее вырастать» (Там же. С. 119).

Историографический источник – это непосредственно сами исторические произведения. Историографический факт, кроме того, что он является исходным материалом для историографической работы, еще несет в себе информацию о развитии науки, ее деятелях. Н.Л. Рубинштейн убежден, что «действительный путь науки получает свое полное и отчетливое выражение в ее наиболее ярких и типичных представителях... само изучение сменяющихся исторических направлений возможно лишь через анализ творчества основных, наиболее типичных представителей каждого периода, каждой школы» (Там же. С. 121). Отсюда необходимость определения конкретной исторической обусловленности рассматриваемых научных концепций, трактовка концепции ученого как историографического факта.

Само понятие «историческая концепция» широко. Оно включает в себя не только понятийный аппарат, с помощью которого историк анали-

зирует и осмысливает исторические факты и явления, но и представление историка об исследуемых фактах, его оценки и суждения по поводу значения существа, особенностей фактов, и, наконец, выводы и обобщения историка, конечные результаты проверенного им осмысления исторических фактов. Концепция ученого может быть выражена не в одном его сочинении, а в нескольких.

В 1980-х годах понимание историографического факта и историографического источника оказалось в центре дискуссии по методологическим и теоретическим проблемам истории исторической науки. С одной стороны, конкретизировалось содержание понятия историографического факта как авторской концепции: это такая концепция историка, которая действительно воплощает в себе новое в науке, способствует развитию науки на каждом этапе ее поступательного движения (Иллерицкий В.Е. О толковании содержания историографического факта // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки: Межвуз. тематич. сб. Калинин, 1980. С. 75-76). В этой связи принцип историзма должен быть в основании критерия оценки и анализа историографического факта. А.И. Зевелев, В.П. Наумов утверждали, что «историографический факт проверяется и оценивается в сопоставлении со временем его возникновения, исходя из развития исторической науки и момент его появления» (Зевелев А.И., Наумов В.П. Историографический факт: критерии оценки и анализа // Там же. С. 67). С другой стороны, исследователи предлагали расширить содержание понятия, включив в него «дискуссии, факты личной биографии ученого, его печатные труды, деятельность вообще и преподавательскую деятельность в частности» (Гутнова Е.В. О типах историографических фактов и концепции историографа // Там же. С. 96). Они резюмировали, что «исторический факт, относящийся к истории исторической науки, и есть историографический факт» (Городецкий Е.Н. О многозначности понятий «историографический факт» и «историографический источник» // Там же. С. 118).

Наряду с сохранением подхода к историографическому источнику как к произведению историка, содержание определения историографического источника также расширилось. Исторический источник, содержащий в себе историографическую информацию, мог быть (в зависимости от целей исследования) отнесен к историографическому источнику.

Таким образом, понятие историографического источника и историографического факта эволюционирует в сторону расширения своего содержания, которое становится подвижным в зависимости от задач исследователя: изучает ли он развитие истории исторической мысли или историю исторической науки, научно-исторические учреждения. Бесспорным стало признание многоаспектности историографического факта и историографического источника.

Историографический быт эпохи: содержание понятия

Понятие «историографический быт эпохи» было предложено мною в 1996 г. и постепенно входит в арсенал историко-историографических исследований. Под этим понятием понимается исследовательский конструкт, который описывает структуру историографического знания как некоторую коммуникативную целостность. В номенклатуру понятия входит описание господствующих в ту или иную эпоху историографических жанров, а также способов и форм общения историков, форм организации и функционирования научных сообществ и школ.

Традиционно фиксируемый «верхний слой историографии» – концептуальный – на самом деле, питается «соками» историографического быта, структуру которого можно представить как напряженное триединство следующих составляющих: «я-в-истории» как момент личностного включения историка в свое время и пространство, «ментальных моделей исторического сознания» как глобальных феноменов мышления в определенной культуре (прежде всего эксплицированных в качестве эпистем) и адресата (сообщество историков, публика или сам автор, пишущий «в стол»). Изучение историографического быта эпохи позволит ответить на многие вопросы: как связана эго-история самого историка с его научными штудиями, почему одни историографические жанры (например, исторические афоризмы) еще недавно заполнявшие страницы исторической периодики, исчезают, уступая место иным жанровым образованиям, в конечном итоге, – почему меняются дискурсивные практики историков, определяя господство той или иной историографической парадигмы.

Историографический быт включает в себя и вопросы нарратологии, междисциплинарной области, актуализирующей лингвистические, литературоведческие, историографические и текстологические механизмы текстопорождения.

С дискурсивной точки зрения, историографическое повествование можно представить в виде трехслойной сферы: внешнюю оболочку составляет идеологический уровень текста, следующий, более глубокий – нарратологический уровень, наконец, сердцевину сферы занимает дискурсивный уровень организации исторического повествования.

Предметом (и единицей) идеологического уровня организации текста может быть назван концепт. Традиционная историография, как правило, занималась именно этим уровнем: идентификация историка проводилась на основании декларируемых и скрытых концептуальных оснований.

Письмо (в смысле Р. Барта) является единицей нарратологического анализа исторического повествования. Нарративность, понятая как риторическая модальность «порождающего повествовательного акта», без которой «нет повествовательного высказывания» (дискурса), «нет и пове-

ствовательного содержания» истории (Ж. Женетт). В качестве характеристик нарратологического анализа могут быть (по Ж. Женетту) следующие: порядок, темп, повторяемость, модальность.

Единицей дискурсного анализа историографического нарратива является коммуникативная стратегия текста. Она лежит в основе всякого высказывания и в значительной степени его формирует.

Для сюжетно-повествовательных дискурсов В. Тюпа выделил три коммуникативных стратегии, к которым может быть сведено все многообразие повествовательных жанров: *сказание*, *притча*, *анекдот*. Подобная редукция означает, разумеется, лишь преобладание в конкретном тексте той или иной стратегии, но не его жанровые или стилевые характеристики. Коммуникативная стратегия *сказания* своим сюжетным основанием полагает факт: с действительностью сказание интенционально соотносится как реалистический портрет с натурой. Но это именно интенция – иногда место реального факта занимает факт текстовой: событие, о котором рассказывается, замещается событием самого рассказывания. *Притча* как коммуникативная стратегия свое основание видит в этосе, делая основным сюжетным ходом значимый этический выбор своих персонажей. С действительностью она разговаривает императивно, предписывая подчиняться априорным законам. *Анекдот* как дискурсная стратегия основывается на *казусе*, не подчиняющимся никаким установлениям и полагающим своим естественным пространством пространство игры.

С точки зрения указанной типологии, разнообразные направления позитивистской историографии в основе имеют коммуникативную стратегию *сказания*. Историографические школы и направления, ангажированные какой-либо априорной идеей, в основании имеют *притчевый* дискурс. Феноменологическая историография (например, микроистория) восходит к коммуникативной стратегии *анекдота*.

Представляется, что вектор развития современной историографии все более разворачивается в сторону анекдотического дискурса как самого свободного и непредсказуемого.

Изучение историографического быта касается и лаборатории историка: так например, при рассмотрении личных дневников историков XX в., ставших свидетелями крупных исторических катаклизмов, можно заметить, каким образом «разворачивается» их эпистемологическая оптика и наработанные методы анализа переносятся на события современной им действительности. Анализ дневника Ю.В. Готье, например, показывает, что основным способом идентификации событий 1917 и 1918 годов для московского историка становится проведение параллелей с подобными событиями Смутного времени XVII века и Французской революции.

Кажется, что очередными сюжетами историографического быта могла бы стать реконструкция тезаурусов отдельных историков или целых направлений в историографии: базовые метафоры определяют проблемное поле и эпистемологию историографической формации.

Дискуссия о том, является ли понятие «историографический быт» просто метафорой или практически совпадает с известным понятием «габитус» мне кажется неосновательной: предлагаемая структура понятия делает его вполне инструментальным, а понятие П. Бурдьё «габитус» просто не совпадает с содержанием историографического быта эпохи, находясь с ним в отношениях дополнительности.

Н.Г. Самарина (Московский гуманитарный педагогический институт)

Язык музея: источниковедческий аспект

Понятие и специфика языка музея дискутируются в научной литературе с середины XX в. Дискуссия разворачивается в рамках четырех подходов: осознание феномена музея как института памяти (феноменологический подход); позиционирование музея в качестве открытой социальной информационной системы, направленной на передачу информации специфическими музейными средствами (информационный подход); трактовка музея как публичного института, сохраняющего и презентирующего социокультурные явления посредством знаковых систем (семиотический подход); рассмотрение всех форм коммуникации индивидуального и коллективного субъекта с социокультурной действительностью, осуществляемых посредством музея (коммуникативный подход). Таким образом, понятие языка музея размывается, рассматривается в широком диапазоне от осознания его как целостной, неделимой структуры до проблем музейного проектирования и музейной коммуникации как основополагающих и исчерпывающих.

В рамках каждого подхода встает вопрос о том, какова неделимая смысловая и структурная единица музейного языка, на основе которой выстраиваются культурные тексты, транслирующие и интерпретирующие культурное наследие. Эта единица – музейные предметы (источники), но понимание природы источника, универсальность проблем его интерпретации, недостаточно освоены представителями музейных профессий.

А.М. Разгон считал, что весь комплекс решаемых музеем задач, в том числе и экспозиции, замыкается на источниковедческих исследованиях (Разгон А.М. Музейный предмет как исторический источник // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 175). Эта позиция по-разному трактуется в музееведческой литературе. Н.П. Финягина считает, что в силу большей широты понятие исторический источник перекрывает понятие музейный предмет, однако исключает простое «калькирование» методов профильного источниковедения: музейное источниковедение делает акцент на семантической информации (Финягина Н.П. Развитие музейного источниковедения – важнейшая задача современного музееведения // Слово о

соратники и другие: К 80-летию А.М. Разгона. М., 1999. С. 18-19). К этой трактовке присоединяются В.М. Суринов и Л.Т. Сафразьян, которые рассматривают музейность как общее свойство информационной структуры источника, а под музейностью понимают специфику фиксации действительности в источниках, позволяющую наиболее эффективно формировать массовое историческое сознание.

В.Ю. Дукельский поддерживает позицию А.М. Разгона в том, что многие формы музейной деятельности теснейшим образом связаны с музейным предметом, поэтому критерием для разграничения музейных терминов может служить факт направленности деятельности на сам предмет или на его включение в более широкие системы: экспозицию, музейное собрание, музейный фонд страны (Дукельский В.Ю. Терминологические проблемы музейного предмета // Терминологические проблемы музееведения. М., 1986. С. 27-34). Рассматривая свойства музейного предмета, автор обозначает интересующую нас проблему: в середине 1980-х гг. не существовало особого понятия для характеристики предмета, выступающего в качестве объекта музейного источниковедения, однако методика его изучения носила источниковедческий характер и заимствовалась из исторической науки. Музеифицированный источник, изъятый из прежней среды бытования или специально изготовленный для экспозиционного использования, выступает не только как источник информации, но и как источник эмоционального воздействия, средство воспитания и образования, т.е. выполняет функцию инкультурации. Значение музейного предмета определяется не только его конкретными признаками и свойствами, но и научной, мемориальной, исторической и художественной ценностью.

Е.А. Воронцова (Музейное дело России. М., 2003. С. 231) считает, что сторонники музейного источниковедения термины источник и музейный предмет употребляют чуть ли не как синонимы. Следует согласиться, что особого музейного источника не существует. Однако типология источников с наибольшей полнотой и разнообразием представлена в музейном хранении, вследствие чего методика источниковедческого исследования в музее вырабатывается применительно ко всей генеральной совокупности источников, отражающих социокультурный процесс. Вспомогательные (специальные) дисциплины сформировались как вспомогательные не по отношению к музееведению, а по отношению к фундаментальным наукам и источниковедению, предмет которого поглощает предметы этих дисциплин. В рамках источниковедения обобщается методика анализа источника, а, следовательно, и музейного предмета.

В.Н. Цуканова, обращаясь к проблеме музейности источника, отмечает, что источниковая функция музейного предмета максимально реализуется в экспозиции, тогда он становится источником исторического, историко-культурного и историко-научного знания, будучи рассчитан на восприятие не профессионала, но музейной аудитории (Цуканова В.Н. Источник в музее: музееведческие особенности // Проблемы теории, ис-

тории и методики музейной работы: источниковая база музеев. М., 2004. С. 58-80). Специфическое свойство музейного источника – его мемориальность. Автор особенно подчеркивает, что в музее хранятся разные типы источников, и они обладают равными семантическими свойствами.

Теоретические проблемы музейного источниковедения рассматривались автором доклада в ряде статей, сообщений и других публикаций, общие положения которых представлены в главе «Музейное источниковедение» учебного пособия «Основы музееведения», подготовленного коллективом авторов под руководством Э.А. Шулеповой (М., 2005. С. 67-105). Не останавливаясь подробно на анализе определений источника, данных в литературе, предлагаем собственное, которое, на наш взгляд, характеризует его основные свойства. *Источник – это текст, содержащий в отраженном и фиксированном виде информацию о социокультурной действительности и являющий результатом деятельности индивидуального или коллективного субъекта.* Термин «текст» в данном случае позволяет передать неисчерпаемую природу источника, в котором информация может быть закодирована любым способом, в произвольной форме. Он также позволяет включать в совокупность источников как вербальные, так и невербальные (знаковые, изобразительные, вещественные и т.п.) способы кодирования информации.

Своеобразным итогом обозначенной дискуссии стала публикация «Словаря актуальных музейных терминов» (Музей. 2009. № 5. С. 47-68), в котором отсутствуют статьи «музейное источниковедение» и «музейный источник», а термин «язык музея» характеризуется как метафора.

По нашему мнению, *язык музея – это целостная система текстов, отражающих и воплощающих социокультурную действительность.* Будучи языком культуры, он обеспечивает передачу накапливаемого опыта от индивида к индивиду и от поколения к поколению. Средства музейной коммуникации позволяют реконструировать и моделировать на музейном языке любой фрагмент пространства и момент времени, разрушая границы пространственно-временной локализации человеческого опыта.

А.А. Сальникова (Казанский ГУ)

Советская елочная игрушка как текст: особенности прочтения и интерпретации

Принцип суверенности и равноправия источников предполагает рассмотрение их как единого комплекса «текстов» с обязательным учетом присущего им типового, видового, структурного, содержательного, жанрового и хронологического разнообразия, особых условий и форматов возникновения, бытования и существования в культуре, особых подходов к их изучению и прочтению как исследователем, так и адресатом. Среди

многочисленных и достаточно разнородных источников по советской истории особое место принадлежит вещам.

Власть всегда стремилась заставить «потребителя» увидеть и «прочитать» за «инструментальностью» вещи некое предписанное и приписанное ей символическое значение. В наивысшей степени это касалось тех предметов, которые были семантизированы изначально и имманентно, тех вещей, чья знаковая, «духовная» сущность уже при их создании оказывалась гораздо более важной, нежели чем их сущность «вещная», материальная (А.Л. Топорков). Весьма показательной в этом плане являлась елочная игрушка – неотъемлемая часть рождественского / новогоднего ритуала, организовывавшая праздничное пространство в его «вещном» измерении, прочно вошедшая в жизнь советских детей и взрослых, начиная со второй половины 1930-х гг.

В отличие от большинства других вещей, встроенных в ткань советской рутинной повседневности, елочная игрушка представляла собой по большей части лишь презентационный носитель информации. Не являясь абсолютно «внефункциональной» или просто «декоративной» и выполняя «системную функцию знака», она все же была достаточно маргинальной (Ж. Бодрийяр). Будучи глубоко мифологичной, она отсылала «потребителя» (в первую очередь, ребенка) к миру-мифу, но миру-мифу, коррелирующему с действительностью, и потому представляла собой не столько «сказку», сколько образец почти автоматического – сознательного или бессознательного – «запечатления» нормативных и нормализующих установок власти в художественной форме. Материальное и духовное (идеологическое) здесь «взаимно отождествлялось», «переплеталось», «рождая новое, художественное единство», «не уничтожая, но уравновешивая друг друга» (М.С. Каган).

Изучение елочной игрушки предполагает рассмотрение ее, по крайней мере, в двух неотделимых друг от друга ипостасях. Во-первых, как вещевой реалии советского предметного мира и, во-вторых, как символа новой, советской действительности (с особым акцентом на вопросах ее смыслового наделения и «прочтения»). Такой подход позволяет показать не просто то, что она символизирует, но «как, когда и почему она это делает, выходя за границы своей утилитарности и становясь органичной частью духовного пространства» (Д. Баранов).

Советская елочная игрушка была многофункциональна по назначению и сложна по содержанию, неся в себе явное или скрытое познавательно-образовательное, художественно-эстетическое, семантико-семиотическое и оценочно-идеологическое начало. Подобная полигlossия елочного текста предусматривает применение особых методов и приемов его транскрибирования и интерпретации. Возможной и весьма полезной оказалась, в частности, методика реконструкции процесса складывания советского визуального елочного канона как некоего официального легитимированного властью идеологически оформленного визуального об-

раза. Этот образ оказался закрепленным как в вербальных, так и в визуальных текстах, причем как в «детских», так и во «взрослых». «Взрослые» тексты были приоритетны при рассмотрении проблемы выстраивания советского елочного нарратива и предлагаемых властью путей, способов и методов его прочтения. «Детские» тексты призваны были отразить специфику детского «прочитывания» предлагаемого. Акцент был сделан на отраженном и воспроизведенном в них детском («видении», детской «оптике») как особом способе освоения елочного визуального текста и создания идентичных или альтернативных его аналогов, но уже «детского» происхождения. В этой связи достаточно широко употребляемая в современном исследовательском дискурсе практика «разглядывания» источника, когда визуальный текст прочитывался подобно «телесной партитуре» (Р. Барт, Т. Дашкова, В. Подорога, М. Ямпольский и др.), оказалась приемлемой лишь с определенными уточнениями и ограничениями. Поскольку «увидеть» елку следовало глазами ребенка, неоценимое значение наряду с детскими вербальными текстами приобретали детские рисунки на «елочную» тему с их в общем-то достаточно стандартной видовой матрицей, но вместе с тем и особой стилистикой.

Первоначально (в соответствии с установкой, данной в небезызвестной статье П.П. Постышева) советская елка рассматривалась исключительно как детский праздник. Поэтому «новые» елочные игрушки были ориентированы, в первую очередь, на детей, хотя реально елка находилась в ситуации «детско-взрослого» культурного пограничья. Выстраиваемый на елке предметно-образный ряд, состоящий во многом из достаточно традиционных, привычных для «старой» – рождественской – елки предметов, должен был отныне заключать в себе новый символический смысл и функции, направленные и на отторжение былой религиозной традиции, и на воплощении советского имперского дискурса. Образуя изначально довольно случайный и даже противоречивый (в силу отсутствия необходимых – да и вообще всяких – игрушек и украшений и неразработанности соответствующих методик) «елочный» визуальный текст, этот ряд все более «застывал» и «кристаллизовался» (В. Паперный).

Однако недостаточно было этот текст создать – его нужно было правильно прочесть. Анализ советских директивных и исполнительных документов второй половины 1930-х – середины 1960-х гг. – периода складывания, закрепления и торжества канонизированного образа советской елки – показывает, что основными требованиями, предъявляемыми к елочной игрушке в СССР, были требования ее массовости и доступности. Ведь не только и не столько «высокое искусство», сколько массовая художественная продукция, представлявшая и воплощавшая «minor art» (П. Бурдьё), должна была способствовать выработке и распространению новых «культурно-политических» художественных стереотипов. Пропаганда «монументальных, героизированных» форм искусства предполагала понимание монументальности как «повышенного и героического

ощущения жизни», а потому эта монументальность могла проявляться и в бытовой картине, и в натюрморте, и в «мелкой пластике», и, как это ни курьезно звучит, в елочной игрушке.

Учитывая особенности маленького «читателя», главными признаками советской елочной игрушки должны были стать, с одной стороны, ее особая зрелищность, достигаемая за счет яркости, красочности, «удивительности», а с другой – максимальная доступность в ее восприятии, осуществляемая за счет простоты и узнаваемости образов (обычно – путем типизации и генерализации). Не случайно среди советских елочных игрушек было так много елочных «детей», а елочные «взрослые» – красноармейцы, матросы, милиционеры, колхозники, позднее – космонавты – были обычно под них стилизованы.

Идейно-символический смысл новой елочной игрушки мог быть выражено и явно, и тайно (скажем, красная звезда на верхушке, с одной стороны, и, казалось бы, совершенно «аполитичные» овощи и фрукты, которые на самом деле олицетворяли советское изобилие, с другой). Но явное было, безусловно, предпочтительнее.

Усилия власти оказались не напрасными, и вскоре елка засияла светом тех символических значений, которые приписывали ей советские воспитатели. Однако имеющиеся образцы «нарушения норматива» (Ю.М. Лотман), прослеживаемые в визуальных и вербальных текстах, свидетельствуют об убегании от канона и о наличии особого, в том числе и специфически «детского» видения, как одного из способов формирования советской идентичности.

Так елочная игрушка вносит свой вклад в создание нового – «вещественного» – источниковедческого исследовательского поля, междисциплинарного и методологически вариативного в своей сути, располагающего множественными языками выражения, требующими адекватного прочтения, перевода и системного анализа.

А.А. Сальникова, Д.М. Галиуллина (Казанский ГУ)

**«Национальный» букварь как особый вид нарратива:
Татарстан, 1990-е – 2000-е гг.***

Школьный учебник и в особенности учебник для начальной школы представляет собой особый тип нарратива. Это, как правило, официально одобренное издание, отражающее и воплощающее властную образовательно-воспитательную политику и властные образовательно-воспитательные стандарты. Это текст массовый не только в «бытовом» смысле

---

* Работа выполнена в рамках коллективного проекта «Исследование образов семьи и ребенка в учебной литературе для начальной школы: 1987–2006», финансируемого РФНФ (№ 09-06-00950а).

(что достигается широчайшим тиражированием, приобщенностью к нему практически каждого и сильнейшим влиянием его на массовое сознание), но и в классическом источниковедческом понимании (что обусловлено его стандартизованностью по форме, языку и характеру содержащейся информации). Это достаточно однородный, одностилевый упорядоченный текст, который при внешней фрагментированности составляющих его высказываний, слов и фраз складывается в законченное, целостное повествование. Это смешанный (креализованный) текст, причем визуальное (особенно на первых порах обучения) часто доминирует над вербальным. И, наконец, это, безусловно, закодированный текст, где соотношение тайного и явного, эксплицитного и имплицитного может бесконечно варьироваться в зависимости от того исторического контекста, в который этот учебник встроен, и той конкретной историко-политической ситуации, которой он порожден.

В связи с полемикой, развернувшейся по поводу так называемого «этнокомпонента» в федеральном образовательном стандарте, своевременным представляется обращение к постсоветским учебникам для начальной школы на национальных языках. Подвергшись – вместе со всеми российскими учебниками – реформированию, направленному на избавление от «советскости», эти учебники не могли не испытать на себе влияния тех общественно-политических перемен, которые происходили в национальных регионах, что можно проследить на примере татарского букваря «Алифбы» последнего двадцатилетия и его языка – как вербального, так и визуального.

Декларация о государственном суверенитете Татарской ССР (1990) провозгласила, а Конституция Республики Татарстан (1992) законодательно закрепила наличие в республике двух равноправных государственных языков – татарского и русского, что предусматривало возрастание удельной доли «титულიного» языка в образовании. В этих условиях остро встал вопрос об учебниках татарского языка для начальной школы. Большинство детей Татарстана в 1990-е гг. обучалось по «Алифбе» для трехлетней начальной школы Р.Г. Валитовой и С.Г. Вагизова, созданной еще в 1964 г. и выдержавшей более 30 изданий. О ней и пойдет речь. Нас интересовало, в частности, то, как отражались в языке «Алифбы» советский, постсоветский и национальный дискурсы, как они соотносились между собой, как изменилось это соотношение на протяжении 1990-х – 2000-х гг. и как все это можно было в учебнике «прочитать».

Позднесоветская «Алифба» представляла собой типичный советский учебник, приправленный национальным колоритом. Если сравнить ее с широкоупотребимым «Букварем» В.Г. Горецкого, то степень «советизации» была здесь гораздо ниже. Только открыто обозначенные символы «советскости» (портрет Ленина, изображение карты СССР, Красной площади, крейсера «Аврора», буденовки, красного флага, серпа и молота, пионерского горна, барабана и красного галстука и др.) встречались в

букваре Горещкого не менее чем на трети страниц; в «Алифбе» – лишь на 8 страницах из 100. Впрочем, и от этой немногочисленной советской символики «Алифба» скоро избавилась: так, уже в издании 1992 г. на месте Красной площади и портрета Ленина появились картинки с изображением новгородных празднеств. Однако красные галстуки еще продолжали рдеть на груди «букварных» детей. В издании 1994 г. от манифестируемой «советскости» не осталось и следа: «колхоз» и «совхоз» в текстах заменили «деревней», «колхозник» стал «хлеборобом», четверостишие о Ленине удалили.

Тем не менее, на протяжении 1990-х гг. это издание оставалось вполне «советской» учебной книгой. Оно проповедовало «советские» (впрочем, близкие к общечеловеческим) ценности: трудолюбие, прилежание, послушание, заботливость, взаимопомощь, уважение к старшим, любовь к природе и родному краю, аккуратность, которые демонстрировали как взрослые, так и детские персонажи букваря (и как экторы, и как наблюдатели, и как герои вербальных текстов). Манера поведения, занятия, одежда, игрушки, мимика, жесты, позы этих людей несли на себе печать неистребимой «советскости».

При всем том возможность отхода от общесоветской педагогической парадигмы создала более комфортные, чем прежде, условия для укрепления национальной идентичности, утверждения национально-региональной культурной специфики. Этноцентричность «национальных» учебников неизбежно вела к сознательному пространственному ограничению, «фрагментации» изображаемой действительности. «Алифба» предлагала татарскому и русскому ребенку увидеть образ татарского народа – «своего» или «другого» – путем помещения на страницах учебника реалистичных и при этом совершенно стереотипных (и в силу этой стереотипности понятных), «национально» маркированных образов и простейших комментирующих их слов, фраз и текстов. Такие маркеры, как четко вырисованные антропологические черты внешности детей и взрослых, элементы татарской национальной одежды, изображение праздника Сабантуй, танцоров в национальных костюмах, татарские имена детей оставались практически неизменными как в советских, так и в постсоветских изданиях 1990-х гг.

Однако персонажи национального букваря должны были не просто демонстрировать атрибуты национальной культуры – они должны были стать носителями и трансляторами национальных традиций и ценностей, более того – некой «этнической эксклюзивности» (Г.В. Касьянов). Поскольку «традиционностью», как известно, отмечено именно сельское социокультурное пространство, изображаемая на страницах «Алифбы» культура была культурой преимущественно сельской. «Национальное» выражалось в «Алифбе» в значительной степени через образ жизни, занятия и поведение людей, живущих в деревне, в селе, в крайнем случае, в

районном центре, но уж никак не в большом городе. В букваре не было ни одной картинки с изображением Казани.

Такой подход был до какой-то степени оправдан вплоть до начала 1990-х гг., когда «Алифба» была ориентирована на сельскую татарскую школу. Но когда по этому букварю стали учиться городские дети, подобное выстраивание нарратива обрекало учебник на коммуникативный разрыв и трудности в понимании и транскрибировании предложенных текстов, причем как русскими, так татарскими городскими школьниками.

Начиная с 2003 г. в Татарстане было издано новое поколение учебников татарского языка. «Алифба» была сохранена только в татарских школах. Но это была уже другая «Алифба» – яркая, красочная, отказавшаяся от реалистически будничного изображения действительности в пользу фольклорно-сказочного и полусказочного нарратива (что особенно очевидно проявилось в визуальной риторике), существенно расширившая свой пространственный охват, но так до конца и не избавившаяся от идиллических изображений сельской жизни. «Этнокомпонент» в ней резко усилился: в том или ином проявлении он присутствовал практически на каждой странице букваря.

Таким образом, претерпев определенную эволюцию на протяжении 1990-х – 2000-х гг., татарский букварь представлял собой причудливую смесь советского, постсоветского и национального, причем одно зачастую презентировалось за счет другого. Так, способ подачи «национального» был, по большому счету, традиционно советским, а «постсоветскость» как, в первую очередь, актуализация этничности в структуре личностной идентификации и постулирование суверенизации, декларировалась и визуализировалась путем расширения именно национального дискурса. Традиционализм и дезурбанизм ограничивали возможности отображения, прежде всего, постсоветской повседневности. Все сказанное еще раз подтверждает недостаточность подхода «изнутри» и важность участия «аутсайде-ра» в практике создания и прочтения национального букваря.

С.С. Шадрин (Казанский ГУ)

Н.А. Соболева как гимнолог

Надежда Александровна Соболева вошла в отечественную историографию как один из крупнейших геральдистов. В 1985 г. она защитила докторскую диссертацию «Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв.», а в постсоветский период занялась также изучением истории российской и советской гимнографии.

Деятельность Н.А. Соболевой по изучению истории национальных гимнов началась в очень непростых условиях. Традиции классической гимнологии, заложенные в России на рубеже XIX–XX вв., были фактически прерваны Октябрьской революцией 1917 г. В советской исторической

науке гимнология никогда не рассматривалась как самостоятельная область исследований. Исключение составляла лишь проблема «происхождения, истории и толкования» гимна международного коммунистического движения «Интернационал», разработанная в брошюре некоего М. Арика, статьях этномузыковеда Е.В. Гиппиуса (1903–85) и в наибольшей степени в капитальных трудах литературоведа С.Д. Дрейдена (1905–91). Кроме того, в 1980-е гг. литературный критик В.П. Александров (1934–92), изучавший творчество поэта и гимнографа С.В. Михалкова, отдельно затронул в контексте его биографии историю создания в 1943 г. Государственного гимна СССР.

Н.А. Соболева впервые предприняла попытку комплексного изучения истории всех государственных гимнов России и СССР. Источниковую базу ее исследований составили материалы дореволюционной, советской и постсоветской периодической печати, мемуары отечественных гимнографов и, наконец, рассекреченные делопроизводственные документы из фондов Государственного Архива РФ. Наряду с этим Н.А. Соболева аккумулировала в своих трудах достижения всей предшествующей и современной ей историографии проблемы. Предметом ее изучения являются становление национальных гимнов в России, эволюция отечественной гимнографии в XVIII–XX вв., история использования гимнов в качестве государственных символов и их восприятия в общественном сознании, а также выявление их жанровых особенностей.

Отказавшись от классового и идеологически ангажированного подходов в гимнологии, Н.А. Соболева поставила своей задачей развеять «домыслы и суждения об истории государственных гимнов России, СССР и нынешней Российской Федерации», ставшие «камнем преткновения» для сограждан. Благодаря этому ей удалось представить развитие всей отечественной гимнографии как единый, непрерывный и в известном смысле последовательный процесс, отражавший «мировоззренческий и духовный настрой общества» на различных этапах российской и советской истории. С равным уважением и беспристрастием Н.А. Соболева подошла к изучению полярных по своей идейной направленности гимнов (будь то, например, «Боже, Царя храни!», «Интернационал» или современный Государственный гимн РФ), подчеркивая, что при утверждении официальной символики учитывались не только интерес власти, но и объективные «исторические традиции и политические устремления, а иногда – народный колорит без всякой политики». Заложенные Н.А. Соболевой принципы историзма и «беспартийности» в изучении отечественной гимнографии стали доминирующими в методологии современных российских исследователей данной проблемы.

Особый интерес у Н.А. Соболевой как гимнолога вызвал вопрос о времени возникновения первого государственного гимна России. В первых своих работах она, вопреки существовавшей ранее традиции, указывала на 1816 год – дату, когда был издан указ Александра I об исполнении

«Молитвы русских» при встречах императора, и соотносила сроки ее «бытования в России» с периодом существования в Европе «Священного союза». Однако в 2000-е гг. Н.А. Соболева отказалась от этой периодизации, т.к., на ее взгляд, данное произведение «вряд ли признавалось тогда государственным российским гимном, ибо не утвердилось еще в качестве обязательного атрибута различных официальных церемоний». В итоге она согласилась с мнением ряда других историков о необходимости рассматривать появление русского национального гимна «в контексте формирования идеологии николаевской России» и в связи с провозглашенной в 1833 г. доктриной «православие, самодержавие, народность». Более того, Н.А. Соболева предостерегла последующих исследователей от идентификации государственных гимнов с близкими им по характеру и звучанию гимнами-маршами, гимнами-молитвами и т.д., что неизбежно сдвигает дату появления музыкально-поэтического символа страны к более ранним историческим эпохам.

Большое значение для развития гимнологии имело и введение Н.А. Соболевой в научный оборот комплекса неопубликованных архивных источников по истории создания Государственного гимна СССР (документы СНК СССР – ГАРФ). В то же время Н.А. Соболева не использовала материалы из других архивов, что привело к возникновению ряда фактических неточностей в ее исследованиях. Так, например, она сообщает, что на рассмотрение конкурсной комиссии в 1942–43 гг. было представлено 123 гимнических текста, в то время как таковых (с учетом проектов, сохранившихся в фондах РГАСПИ и РГАЛИ) было не менее 150 вариантов 73 авторов, не считая 33 редакций текста С.В. Михалкова и Г.А. Эль-Регистана. Впрочем, подобного рода замечания не снижают значения сформулированных Н.А. Соболевой окончательных выводов.

А.В. Хазина, Л.В. Софронова (Нижегородский ГПУ)

Живые «мертвые» языки: неклассические формы в преподавании классических языков на историческом факультете НГПУ

Изучение древних языков на историческом факультете НГПУ, возобновленное в 1991 г., делится на два этапа: элементарный курс латинской грамматики, который осваивают все студенты однокурсники в течение первого и второго семестров; специализированный курс языка в рамках дополнительной специализации «Древние классические языки и античная культура». Последний, рассчитанный на три года, является уникальной особенностью исторического факультета НГПУ.

Чаще всего преподавание древних языков осуществляется силами филологов и лингвистов. В НГПУ это является прерогативой историков, членов кафедры всеобщей истории и дисциплин классического цикла.

Это обстоятельство обусловило иные методические установки. Разрабатывая лингвокультурологическую концепцию дополнительной специализации, мы старались придерживаться двух принципов: с одной стороны, рассматривать язык по А.Ф. Лосеву «не в виде застывших грамматик и словарей, но в виде живой стихии человеческого, т.е. осмысленно-жизненного, общения» (Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. М., 1982. С. 4); с другой стороны, использовать язык для постижения исторического прошлого, т.к. историк воспринимает язык, прежде всего, как инструмент для работы с письменным источником. Ибо в поисках максимальной верификации исторического знания профессиональный историк всегда обращается к свидетельствам источников, используя для этого язык как ключ, по принципу *“ex fonte ipso bibere”*.

Стремление придерживаться в преподавании древних языков двух этих принципов заставляет искать интересные нестандартные формы обучения, активно внедрять новаторские формы занятий. К ним относятся «пиры софистов», «прогулки по Риму», просмотр и обсуждение тематических фильмов, аудирование текстов источников, музыкальные занятия с использованием латинских песен, средневековой духовной и светской музыки. Накоплен большой опыт в постановке театрализованных представлений на латинском и древнегреческом языках, проведения Олимпиад по латинскому языку и античной культуре, проходящих как в традиционной форме, так и в форме КВН.

Выбор темы застолий и еды, на наш взгляд, позволяет реализовать методические и профессиональные задачи. Современная историческая наука за любым историческим феноменом пытается рассмотреть живую человеческую жизнь, обнаружить человеческое содержание истории, углубляясь в проблемы микроистории и истории повседневности. Одним же из самых повседневных явлений в истории является прием пищи. Игровая форма проводимого мероприятия активизирует познавательную деятельность самих обучаемых.

На III курсе студенты собираются на общем застолье, которое лишь условно определяется как «сисситии», поскольку, если восстановить значение древнегреческого *συσσίτιον*, понятия, возникшего в Спарте и на Крите, то оно означало – обед, сотрапезничества мужчин – полноправных граждан, санкционируемые государством. Не вдаваясь в подробности научной дискуссии о связи сисситий с мужскими союзами и их военной организацией, заметим, что применение этого термина на профиле актуализирует только три его характеристики. Сисситии не предполагали никакого вида интеллектуальной деятельности, и это условно отражает первую ступень проведения игры-застолья, а также «примитивность», несложность получаемых заданий. Сисситии допускали эпизодическое участие женщин, а также, по критской традиции, проходили сидя. Аттическим *συδρίσιον* определяется форма трапез, проводимых на IV и V курсах, которая предполагала, что участники пира собираются, в том числе и

для интеллектуального общения. Использование двух этих понятий отражает эволюцию, которую претерпели «сисситии», проводимые на профиле в течение последних трех лет, оформившись фактически в «симпосии» как форму интеллектуального общения.

На первом этапе (III к.) студенты получают групповые и индивидуальные задания, выполняя которые, они должны выяснить ряд вопросов. Какая система питания была у греков? По какой схеме они принимали пищу? Как регулировались время и способ еды? Чтобы накрыть условно греческий стол, выясняется традиционный набор продуктов и трапезной утвари. Рассматривается и культура питания: виды напитков, традиция разбавления вина, варианты тостов, эпитеты, которыми наделялось вино. По каждой теме составляется лексический минимум на древнегреческом языке. Итак, в реальном времени проводится трапеза, на которой обсуждается подготовленный материал и выясняется, какое большое количество ассоциаций, подписок, складчин позволяло грекам участвовать в общих трапезах.

На втором уровне (IV к.) для обсуждения на симпозиуме предлагается тема: «Греки и варвары: традиции пиществ и застолий у различных народов». Этот этап предполагает непосредственную работу с древнегреческим источником. В качестве подготовки студенты под руководством преподавателя переводят отрывки из «Пирующих софистов» Афинейя. Эти отрывки объединены одной темой – описанием традиций застолий у разных народов (кельтов, парфян, этрусков, римлян, сирийцев, египтян) и выстроены по определенному канону: кто и когда устраивает пир; как трапеза выстраивается, регламентируется; как приготовлена еда, что и в каком количестве съедается. Во время симпозиума студенты обсуждают различные системы питания и связанные с ними обычаи, выясняют предметно-бытовой мир застолий, а также пытаются анализировать, как формируется образ варвара в эллинистической историографии.

На V курсе в течение года идет подготовка к симпозию с темой для обсуждения – «Пир как форма интеллектуальной жизни греков». Переводятся и используются отрывки из «Пира» Платона и Ксенофонта, «Застольные беседы» Лукиана, «Пирующие софисты» Афинейя, «Пир семи мудрецов» Плутарха. Студенты анализируют проблему, как и когда у греков возникает «пир» как философский жанр и какова его специфика.

В дальнейшем такая форма работы может быть использована для освоения и других тем: древнегреческие кулинарные рецепты, пища и медицинские рекомендации, «пифагорейская кухня»: альтернативные сообщества и пищевые запреты. Так на сисситиях методически игровой прием превращается в интеллектуальное пространство и универсальную метафору одного из способов греческих мыслительных практик, в которых одновременно совмещается цель и средство. Погружаясь в это пространство, студенты не отстраненно изучают эти практики, а сами становятся их субъектами. Классическая же для греческой античности соци-

ально-мыслительная и поведенческая практика в наше время становится нестандартной формой изучения древнегреческого языка.

На пятом курсе организуется педагогическая практика по преподаванию древних языков. Многие выпускники, освоившие эту дополнительную специальность, успешно обучают латыни и греческому учащихся гимназий, духовных и медицинских учебных заведений города и области. Все перечисленные особенности работы дополнительного профиля способствуют превращению «мертвых» языков в средство живого общения, а также в инструмент культурно-исторической коммуникации прошлого и настоящего.

В.Л. Портных (Новосибирский ГУ)

Хроника «Деяния франков и прочих паломников в Иерусалим» и трудности перевода латинской терминологии на русский язык

Хроника «Деяния франков и прочих паломников в Иерусалим» занимает важное место среди прочих хроник первого крестового похода. Именно она относится к категории хроник, написанных очевидцами событий. Принято считать, что автором хроники является рыцарь, воевавший в составе войска Боэмунда Тарентского, сформированного из южно-итальянских норманнов. Установлено, что текст «Деяний франков» лежит в основе многих других хроник первого крестового похода.

В рамках работы над переводом хроники на русский язык авторы столкнулись с трудностями разной степени значимости. Часть их связана с адекватным переводом на русский язык средневековой латинской терминологии. Как справедливо заметили по этому поводу Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос, «у каждого автора есть своя манера выражаться, а следовательно, нужно изучать язык автора, знать, какой особый смысл придавал он словам» (Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 2004. С. 149). В том числе, это касается проблемы адекватного перевода в хронике «Деяния франков» термина «miles».

Западные переводчики переводят «miles» как «рыцарь»: Розалинд Хилл как «knight» и Луи Брейе как «chevalier». В пользу строго соответствия miles и рыцаря как особой корпорации свидетельствует приведенный Ниермайером пример из хроники Фульхерия Шартрского, еще одного очевидца первого крестового похода: «Рыцарей наших было 500, не считая тех, которые, не будучи, однако, рыцарями, сражались верхом». Таким образом, не всякий конный воин является miles.

Однако, как пишет Г. Дельбрюк, термин miles никогда не был точным. В XII в. им обозначались все конные бойцы, и лишь со временем он начинает обозначать собственно рыцаря. Жан Флори в своих исследованиях также говорит о нечеткости смысла термина «miles» во времена пер-

вого крестового похода. Он пишет, что термин широко распространяется на рубеже I-II тысячелетий, и уже с XI в. его начинают прибирать к себе высокие персоны (Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в средние века. М., 2006. С. 80). Однако в тот период данный термин не перестает обозначать всякого воина в принципе. В течение XI в. термин уже приобретает значение отборного всадника, и в хартиях все чаще делается акцент на обозначении им принадлежности к социальной категории. К концу XI в., за исключением особых случаев, *milites* обозначает только конных воинов. Аналогичный смысл имеет терминология XII в. из вульгарных языков – *chevalier*, *knight*, *ritter*. При этом в конце XII–XIII вв. и *miles*, и соответствующая терминология в «вульгарных» языках, уже начинает обозначать некий институциональный статус. Как считает исследователь, это связано с формированием рыцарства как аристократической корпорации «профессиональных военных». Дальнейшим развитием событий ближе к концу средневековья было превращение звания рыцаря в высокую награду не только за военные заслуги и далеко не для всех дворян, отличившихся на военном поприще.

Таким образом, в изучаемый период термин *miles* нельзя связать ни со знатным происхождением, ни инкорпорированностью в систему феодальных отношений. Бесспорным было лишь указание на военную профессию и, как правило, статус конного воина. Исходя из этого, мы попытаемся вывести значение термина «*miles*» применительно к хронике «Деяния франков» и осуществить более-менее адекватный перевод.

Чаще всего, термины *miles* и *militia* употребляются без указания на социальную принадлежность или на род войск. Однако вместе с тем в хронике встречается достаточно много формулировок, где *milites* противопоставляются пешим (*pedites*). В девятой главе Бозмунд обращается к войску перед битвой при Дорилее: «Сеньоры и сильнейшие воины Христа, вскоре тяжелая битва обступит нас со всех сторон. Итак, пусть все воины (*milites*) мужественно выступят навстречу туркам, а пешие (*pedites*) же пускай благоразумно и скоро разбивают лагерь». Важно заметить, что обращение было адресовано *omnibus militibus*. Таким образом, *milites* относится ко всем, но и в то же время только к конным воинам. В 13-й главе говорится: «Отпраздновав с пышностью праздник славнейшего Рождества, в понедельник те и другие выступили из лагеря, имея более 20 тысяч воинов и пехотинцев». 14-я глава: «Они убили многих наших воинов и пехотинцев, не ожидавших нападения». 18-я глава: «В тот день более тысячи из наших воинов и пеших претерпели мученичество». Аналогичные примеры встречаются в 20, 30, 33, 39-й и других главах.

В 15-й главе указывается на прямую зависимость *miles* и лошади: «Во всем войске тогда никто не был способен найти 1000 воинов (*milites*), у которых были бы лошади в хорошем состоянии». Фрагмент 10-й главы

дает понять, что различие в статусе *milites* и *pedites* состояло в наличии или отсутствии лошади: «Там погибла большая часть наших лошадей, и потому многие из наших воинов остались пешими».

Можно привести еще один довод в пользу того, что *miles* не является в хронике синонимом рыцаря. В историографической традиции принято считать автора хроники рыцарем средней руки, что основано на анализе ее текста (автор противопоставляет себя духовенству, пешим воинам и верховным руководителям). Однако в 36-й главе, ближе к концу своего повествования, автор пишет, что «наши воины (*milites*), идя впереди нас, расчищали нам дорогу». Таким образом, автор противопоставляет себя *milites*, что вряд ли может означать то, что автор был лишен статуса рыцаря. Процедура лишения рыцарского звания была сложной и в то время встречалась достаточно редко, и скорее всего упомянутая фраза означает попросту то, что автор хроники лишился своей лошади.

Единственным фрагментом, который может указывать на то, что *milites* могут выделяться как прослойка общества, является фрагмент из 19-й главы: «Танкред не медлил. Он выступил со своими достойнейшими воинами и сержантами». Хотя Брейе считает, что *servientes* здесь фактически является синонимом *pedites*, Ниермайер указывает, тем не менее, на то, что *serviens* не является рыцарем, но может быть и конным воином (Niermeyer J.F. *Mediae Latinitatis Lexicon Minus*. Leiden, Boston, 2002. P. 1255). Однако последний пример является для «Деяний франков» скорее единичным случаем. Таким образом, в контексте хроники мы считаем, что более уместно переводить *miles* как «воин» или «конный воин», либо как «рыцарь», оговаривая при этом специфику его значения для изучаемого периода.

ЧАСТЬ V.
У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
(К 200-ЛЕТИЮ М.С. КУТОРГИ И 180-ЛЕТИЮ С.В. ЕШЕВСКОГО)

Н.Ю. Бикеева (Казанский ГУ)

**Степан Васильевич Ешевский и его взгляды на эпоху перехода
от Античности к Средневековью**

С.В. Ешевский (1829–1865) занимает уникальное место в русской исторической науке. Ученик Т.Н. Грановского и П.Н. Кудрявцева, он одним из первых в отечественной историографии обратился к изучению переломной для судеб Западной Европы эпохи перехода от античности к средним векам. В этот период происходит крушение прежнего мирового порядка и зарождение нового.

Оставленный после окончания в 1850 г. Московского университета на кафедре всеобщей истории для научной работы, С.В. Ешевский выбрал темой магистерской диссертации личность и творчество галло-римского аристократа, писателя и епископа Сидония Аполлинария. В центре внимания диссертации оказалась не только жизнь высшего, аристократического общества, к которому принадлежал Сидоний Аполлинарий, но и других социальных слоев Галлии V в. С.В. Ешевский с сочувствием говорит о тяжелом положении низших классов и движении народных масс, в частности багаудов (их он называет «багодами»), подорвавшем государство изнутри. В этих социальных конфликтах и противоречиях историк видит причину гибели Римской империи. Это не случайно. Как отмечал С.И. Архангельский, диссертацию С.В. Ешевский писал в тот момент истории крепостной России, когда противоречия между крепостными крестьянами и помещиками становились чрезвычайно острыми.

В своей работе русский историк указал, что хочет через призму личности и творчества галло-римского аристократа увидеть политическое состояние Галлии в V в., а также особенности ее духовной жизни. Эту черту диссертационного исследования С.В. Ешевского отметил принявший участие в развернувшейся по поводу диссертации дискуссии П.Н. Кудрявцев, указавший, что автору удалось показать, как из развалин старого возникает новое общество. Но сам П.Н. Кудрявцев был во многом не согласен с точкой зрения С.В. Ешевского, полагавшего, что ключевым моментом в понимании личности Сидония является система образования, которая носила риторический характер и предопределила развитие литературных способностей Сидония. В отличие от С.В. Ешевского жизнерадостный и увлекающийся характер Сидония П.Н. Кудрявцев выводил из его принадлежности к галльской народности, чем и объяснял большинство его мыслей и действий.

Существенное различие имело место и в трактовках учеными проблем перехода от одной эпохи к другой. Поскольку одной из главных целей своего исследования С.В. Ешевский считал рассмотрение всей истории нравственного и умственного падения античного общества, то при характеристике литературной деятельности Сидония он акцентировал внимание на признаках «упадка, разложения и регресса», считая ее в таких условиях бессмысленным и бесплодным занятием. П.Н. Кудрявцев же обращает внимание на факты, свидетельствующие о «зарождении и становлении» нового общества. С этих позиций он и дает оценку творческой деятельности Сидония. По его мнению, форма сочинений Сидония являлась проявлением исчезавшей античной литературы и одновременно зарождавшейся средневековой латинской литературы. Кроме того, литературная деятельность Сидония заслуживает уважения еще и потому, что в условиях системного кризиса этот античный автор стремился к сохранению античной культуры.

В своей магистерской диссертации С. В. Ешевский рассматривал не только ту часть деятельности Сидония, которая была напрямую связана с литературным творчеством. Так, С.В. Ешевский, используя современные термины, обвиняет Сидония и многих других представителей галло-римской элиты в конъюнктуре и конформизме. По мнению исследователя, именно нравственные недостатки, свойственные нобилитету, способствовали падению империи. В свою очередь, П. Н. Кудрявцев считал неправомерным обвинять Сидония в политической беспринципности, исходя из современных позиций, тем более что Сидоний современникам не казался безнравственным человеком.

Дальнейшая судьба С.В. Ешевского сложилась таким образом, что он, будучи приглашенным на кафедру русской истории в Казанский университет, несколько лет читал лекции по русской истории. Лишь спустя некоторое время (1857) он смог вернуться в Москву, стать профессором Московского университета и начать преподавание на кафедре всеобщей истории (1858).

Теперь С.В. Ешевский мог снова обратиться к изучению и преподаванию своей любимой темы – эпохи перехода от античности к средневековью. Это был очень плодотворный период в его жизни. Им были прочитаны курсы «Центр римского мира и его провинции», «Очерки язычества и христианства», «Эпоха переселения народов и Каролинги». Все эти материалы были опубликованы в 1870 году в трехтомном издании сочинений С.В. Ешевского. Историк также работал над своей докторской диссертацией, посвященной Брунгильде. Материалы для неё историк готовил, находясь в Париже. К сожалению, работа не была им закончена и опубликована.

В историографии признано, что в разработке проблем истории римских провинций, кризиса и падения античного мира Ешевский был пионером в науке своего времени. Его очерк жизни римских провинций в

эпоху империи был составлен почти за четверть века до появления в свет V тома «Римской истории» Т. Моммзена.

К сожалению, этот оригинальный мыслитель, талантливый историк и преподаватель, у которого было так много творческих планов и замыслов, ушел из жизни в самом расцвете сил в возрасте всего 36 лет. Он не успел оставить после себя учеников. Кроме того, историки конца XIX – начала XX вв. (П.Г. Виноградов, Д.М. Петрушевский, П.М. Бицилли, Л.П. Карсавин и др.), при обращении к социально-политическим и культурным проблемам эпохи перехода от античности к средневековью фактически не учитывали научное наследие С. В. Ешевского.

После периода забвения интерес к творчеству русского историка вновь возник в середине XX в. В 1955 г. была опубликована статья С.И. Архангельского «Исторические взгляды С.В. Ешевского» (Средние века. Вып. VI). Автор статьи высоко оценивает труды русского историка, поскольку последний не обошел в своих исследованиях социальные конфликты и противоречия исследуемой эпохи. В отличие от работ таких историков как П.Г. Виноградов и Д.М. Петрушевский, подвергавшихся в середине XX в. в СССР критике и нападкам, исследования С.В. Ешевского, не «воспринятые» представителями «буржуазной историографии», считались более прогрессивным. Хотя долгое время после выхода статьи С. И. Архангельского специальных трудов, посвященных С.В. Ешевскому, не было, а его работы до сих пор не переиздавались, оценка творчества русского историка в различных обобщающих историографических исследованиях в целом была положительной. Так, авторы «Историографии античной истории» считают его оригинальным исследователем, самостоятельно разрабатывавшим вопросы, связанные с жизнью римских провинций в эпоху империи и в этом смысле опередившим западных историков. Э.Д. Фролов в книге «Русская наука об античности» также высоко оценивает творчество С.В. Ешевского, подчеркивая, что он разработал оригинальную концепцию Римской империи. Большое внимание, по мнению Э.Д. Фролова, русский историк уделил содержанию романизации, значению провинций Империи, социально-экономическим аспектам жизни, социальным движениям, роли местной знати.

А.А. Кузнецов (Нижегородский ГУ)

Нижегородские тексты С.В. Ешевского

Под нижегородскими текстами С.В. Ешевского понимаются тексты, созданные им в связи с постижением истории Нижнего Новгорода, под влиянием нижегородских знакомств, и тексты о Ешевском.

***

В исторической памяти России слава Кузьмы Минина, спасшего Отечество и участвовавшего в утверждении новой династии, развивалась

долгое время. Одним из поворотов развития данного сюжета является установление связи между Кузьмой Мининым и вниманием к нему императора Петра I. Расхожим мнением в нижегородской историографии стало то, что в мае 1722 г. он, остановившись в Нижнем Новгороде, почтил вниманием и торжественной речью (типа «Вот истинный спаситель Отечества») гробницу Минина в Спасо-Преображенском соборе. Источники, свидетельствующие о посещении Петром I Нижнего Новгорода в 1722 г., об этих обстоятельствах молчат. (Новый Нижегородский летописец // Гациский А.С. Нижегородский летописец. Н. Новгород, 2001. С. 652).

Впервые эпизод поклонения могиле Минина упоминается в статье П.И. Мельникова, написанной в 1842 г.: «30 мая 1722 года император Петр Великий, быв в соборе Преображенском у обедни, спросил: “Где похоронен Минин?”. Ему показали место. Державный, почтив земным поклоном могилу спасителя России, спрашивал о его потомках... С этого времени началась слава Минина, до тех пор почти забытого. Память о нем воскресла...» (Мельников (Андрей Печерский) П.И. Где жил и умер Козьма Минин? // Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Т. VII. СПб., 1909. С. 499, 501). Еще нет слов о спасителе отечестве, но отмечено внимание царя к праху Минина. Возникают вопросы. Почему Петр I не вспомнил о Минине при первом визите в Нижний Новгород в мае 1695 г., почему не поинтересовался его могилой 27 мая 1722 г., когда был на литургии в Спасо-Преображенском соборе, как это явствует из Нового Нижегородского летописца? Опыт источниковедческой критики придуманных П.И. Мельниковым сюжетов нижегородской истории показывает, что он искусно вводил их в источниковое пространство.

22 октября 1845 г. на торжественном акте Нижегородской гимназии ученик VII-го класса Степан Ешевский прочитал доклад «Пребывание Петра Великого в Нижнем Новгороде в 1722 году» (был опубликован в Неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей» № 42/43 1845 г.). Ешевский отметил, что Петр I посетил Нижний Новгород в 1722 г. в возрасте 50 лет (30 мая) и в 500 годовщину со дня основания города. В связи с этим «Государь был в этот день на литургии и в Нижегородском соборе, сам пел на клиросе с певчими и читал апостол. После литургии он спросил, где могила Минина и, увидев ее, поклонился до земли и сказал: “Вот истинный спаситель отечества!”» (Гацицкий А.С. Нижегородка // Гациский А.С. Нижегородский летописец... С. 73). Сомнительна одна деталь рассказа. В тех источниках, которые мог использовать будущий историк, основание Нижнего Новгорода дано под 6729 г. (в списках Нижегородского летописца читается 6720 г.). При переводе на летосчисление от Рождества Христова получается 1221 (в Нижегородском летописце 1212) год. Наблюдается нарочитое соотнесение Ешевским дат основания Нижнего Новгорода, его посещения Петром, юбилейных «возрастов» города и царя. В этот цикл нижегородской истории вписывается

ее достоинство – спасение Отечества Мининым, соотнесенное с началом династии, представителем которой был Петр I.

Интрига заключается в том, что в 1845 г. гимназическим учителем С.В. Ешевского и редактором Неофициальной части Нижегородских губернских ведомостей был П.И. Мельников. Этот факт в сочетании с тем, что впервые сообщение о посещении Петром I могилы Минина появилось в работе П.И. Мельникова, позволяет считать, что учитель и ученик создали «факт» поклонения Петра I праху Минина. Так увязывались 2 символа, игравших важную роль в национальной и имперской самоидентификации в русской исторической памяти XIX в. Затем этот сюжет быстро распространился, что связано с активным творцом имперского дискурса – Николаем I. Его связь с Петром I и Мининым проявилась в описании Н.И. Храмцовским визита императора в 1834 г.: «Николай I, как и великий прадед его, первый император России, удостоил поклонением прах Минина, для чего изволил спускаться в склеп под Преображенский собор...» (Храмцовский Н.И. История и описание Нижнего Новгорода... С. 157). При визите в 1836 г. император Николай I обратился к городскому главе Ф.П. Переплетчикову, как представителю купцов «...и сограждан знаменитейшего из этого сословия Козьмы Минина» (Там же. С. 158). Переплетчиков же занимался поисками потомков Минина. Все это толкало нижегородцев второй трети XIX в. к увязыванию Минина, причастного к утверждению Романовых, с памятью о Петре I, который был образцом для Николая I.

Гимназист Ешевский заложил основы расхожего стереотипа о Петре I и Минине, который подпитывался идеологией николаевского времени. С этого момента началось вхождение С.В. Ешевского в историческое пространство России.

***

На этом моменте заострил внимание А.С. Гациский: Ешевский сначала прочитал сочинение, а потом опубликовал в «Нижегородских губернских новостях». А.С. Гациский сообщил об этом в сводной работе «Люди Нижегородского Поволжья». Он намеревался создать биографическую галерею известных нижегородцев (351 персона), но до конца замысел не воплотил в жизнь. Тем более примечателен первый опыт 6 портретов, составленных Гациским. Последним из них был очерк о С.В. Ешевском, усиленный переопубликацией статьи о визите Петра I. Внимание автора на личности Ешевского знаменательно тем, что большую роль в формировании списка нижегородцев сыграл П.И. Имеются и биографические параллели С.В. Ешевского и А.С. Гациского: оба были не коренными нижегородцами, оказавшимися в городе на устье Оки в отроческом возрасте, закончили одну гимназию, считали Нижний Новгород второй родиной, написали в гимназические годы работы, посвященные истории Нижнего Новгорода, поступили в Казанский университет, который затем поменяли на другой. А.С. Гациский в очерке о С.В. Ешевском

не дал принципиально нового материала по его научной биографии, сложенной из статьи К.Н. Бестужева-Рюмина и сочинений Ешевского. Бестужев-Рюмин, в свою очередь, использовал «Воспоминание о С.В. Ешевском» А.С. Гациского. Более ценными являются личные впечатления А.С. Гациского и некоторые его наблюдения. Согласно им, С.В. Ешевский и К.Н. Бестужев-Рюмин полемизировали в гимназии по вопросам истории России на литературных беседах. Примечательна сноска Гациского: «Нижний как вторая родина Ешевского, который сам называл себя всегда нижегородцем, как место, в котором протекала его ранняя юность и в котором он так часто работал впоследствии, был одним из любимейших его уголков. Я живо помню, с какой юношеской неподдельной радостью ткнул Степан Всаильевич мне, тогда студенту, чуть не прямо в лицо свой отпуск с казенной печатью на вакацию 1856 года, стремглав сбегая с лестницы из университетского правления в Казани. “В Нижний, в Нижний!”», – кричал он, заливаясь каким-то детским смехом...» (Гацицкий А.С. Люди Нижегородского Поволжья. С. 350).

***

Нижний Новгород не забывал о Ешевском. Научный интерес к нему возник в начале XX в. Тогда в Нижний Новгород вернулся его уроженец, выпускник Историко-филологического факультета МГУ, будущий член-корреспондент АН СССР С.И. Архангельский. Среди нижегородских архивистов он встретил выпускника Истфила МГУ А.К. Кабанова. После революции Архангельский возглавил нижегородское краеведческое движение, ставя его на научные рельсы. Для этого он установил переписку с академиком С.Ф. Платоновым. В письме от 29 октября 1925 г. С.И. Архангельский сообщил о подготовке им совместно с А.К. Кабановым публикации переписки С.В. Ешевского с К.Н. Бестужевым-Рюминым. Она давала новые сведения о биографии, научном формировании Ешевского, Бестужева-Рюмина. Переписка не была издана до 1925 г. по причине отсутствия средств. Возможно, переписка находится сейчас в фонде С.В. Ешевского в Центральном архиве Нижегородской области (Центральный архив Нижегородской области. Ф.1827. Оп. 824). Местонахождение материалов, подготовленных А.К. Кабановым и С.И. Архангельским к изданию, неизвестно.

М.И. Козлова (Ставропольский ГУ)

С.В. Ешевский и А.И. Герцен: два подхода к публицистическому наследию кн. М.М. Щербатова

Виднейший историописатель и публицист XVIII в. кн. М.М. Щербатов (1733–1790) является одним из наиболее предвзято воспринимаемых представителей века «просвещенного абсолютизма». Многие ученые остаются в плену стереотипов, сформированных еще в

XIX в. До этого времени его публицистические работы не издавались, он был известен только как автор тяжеловесной «Истории российской от древнейших времен».

В 1858 г. А.И. Герцен впервые выпустил в свет в Лондоне в Вольной типографии трактат Щербатова «О повреждении нравов в России», в этом же году С.В. Ешевский опубликовал отдельные фрагменты из этого сочинения в московском журнале «Атеней». Указанные представители интеллектуальной элиты XIX в. сопроводили издаваемый текст содержательными предисловиями, в которых изложили свои взгляды на это произведение Щербатова, положив начало активному изучению его творчества.

Для революционера-демократа Герцена образ российского дворянина оказался наиболее «лакомым» для защиты собственных взглядов. Искандер, не имевший прямого отношения к исторической науке и не вчитывавшийся в текст «О повреждении нравов...», представил Щербатова славянофилом, консерватором и стародумом, т.е. противопоставил публициста XVIII в. своему направлению.

С.В. Ешевский, в отличие от Герцена, был профессиональным историком, ко времени написания своей статьи в журнале «Атеней» он получил известность как специалист по древней и средней истории (магистерская диссертация «Аполлинарий Сидоний»). А в связи с избранием на должность адъюнкта на кафедре русской истории в Казанском университете (1855–1857 гг.) Ешевский читал лекции по историографии (1857), сохранившиеся только в записках слушателей. Именно с чтением этого курса мы связываем его интерес к наследию Щербатова как к видному представителю исторической науки XVIII в.

С.В. Ешевский определяет Щербатову «почтенное место» среди историков XVIII века, сожалея при этом, что «История российская» оказалась незаслуженно забытой. По словам ученого, Щербатов стремился вдуматься в ход событий и, чтобы объяснить их суть, неоднократно возвращался к одному и тому же историческому явлению, при этом его выводы были признаны довольно удачными.

Знакомство с трактатом «О повреждении нравов в России», который был обнаружен в 1855 г. вместе с другими «тайными» бумагами Щербатова, стало дополнительным стимулом для обращения Ешевского к личности полузабытого публициста XVIII в. Профессионального историка привлекли в этом произведении не только сведения о жизни высшего общества екатерининской эпохи, но и личный, отличающийся своеобразием, взгляд автора на ход истории «просвещенного века», во многом разнившийся с господствовавшими представлениями. Российский публицист негодует по поводу современной ему безнравственности и преклонением перед материальными наслаждениями, апеллируя к «доброму старому времени». Анализ этого произведения позволил Ешевскому дать собственную трактовку направленности политических воззрений Щербатова. В статье, предваряющей публикацию трактата («О происхождении нравов в

России [Неизданное произведение кн. М.М. Щербатова]), казанский адъютант вступает в дискуссию с представителями, по его словам, «славянской школы», полагая, что они «напрасно хотели бы зачислить кн. Щербатова в число славянофилов до появления славянофильства». На наш взгляд, высказанная Ешевским точка зрения является ответом на суждения своего главного оппонента в изучении наследия историописателя – редактора «Колокола».

По мысли Ешевского, Щербатов вовсе не являлся безусловным защитником старины и противником реформ Петра I. Историописатель лишь выступал против отдельных преобразований, затрагивающих сословные интересы высшего дворянства, – признания приоритета личных заслуг перед принадлежностью к знатному роду и новой системы формирования регулярного войска, вынуждавшей дворян служить, начиная с низших чинов. В жизни допетровской Руси, считает Ешевский, Щербатова привлекал общественный строй, в котором важная роль отводилась знатым боярским родам, признавались аристократические права, а должности занимали родовитые люди. Профессиональный историк акцентирует внимание читателя на то огромное значение, которое Щербатов придавал личному примеру правительственных лиц петровской эпохи, отмечая в целом уважительные высказывания автора по поводу самого Петра I, которого тот, хотя и критикует, но не столько за сами преобразования, сколько за ту излишнюю резкость, с которой они проводились. По мнению Ешевского, аристократический принцип был господствующим в политических убеждениях Щербатова, что, несомненно, повлияло на его оценку современной действительности.

Судьба высказанных суждений об общественно-политических взглядах Щербатова оказалась различной. Аргументация казанского историка осталась не востребованной ни читающей публикой, ни научным сообществом. В сознании последующих поколений исследователей прочно закрепился образ Щербатова, созданный Герценом, породив тем самым подхваченную дальнейшими исследователями традицию считать автора «О повреждении нравов...» принципиальным противником западноевропейского просвещения, фанатическим приверженцем национальной старины, предтечей славянофильства. Утвердившийся в научной, учебной и справочной литературе жесткий стереотип успешно дожил до наших дней, а спорадические попытки его преодоления не имели сколько-нибудь действительных последствий. Сложившаяся ситуация, на наш взгляд, может быть объяснена несколькими причинами.

Не последнюю роль для выбора предпочтительной отправной точки для восприятия наследия Щербатова сыграло место публикации. Созданный в год выхода статьи Ешевского научный журнал русской критики «Атеней» (просуществовавший только до 1859 г.) не имел такого широкого распространения, как нелегально провозимые в Россию и распространявшиеся знаменитые издания бесцензурной Вольной типографии.

Особое значение сыграла способность Герцена использовать различные способы, а говоря современным языком PR-технологии, для продвижения собственных идей. Искандер хорошо знал эффект предварительной «рекламы», поэтому публикуя «О повреждении нравов...», он искусственно инициировал ажиотаж вокруг этого издания и тем самым усилил потребительский интерес. Важным оказался яркий, образный язык Герцена. Умелое использование слов, врезавшихся в память, применение эффектных метафор способствовало формированию необходимого ему образа Щербатова. В этом смысле строгий академический стиль Ешевского оказался не в состоянии конкурировать с мастерством Герцена-публициста, и читающей публике оказался ближе «коммерческий продукт» Искандера.

Таким образом, в XIX в. наметились два альтернативных подхода к творческому наследию Щербатова. Публицистический дискурс Герцена способствовал созданию идеологически заданного имиджа, который постепенно трансформировался в неподдающийся рационализации и закрепившийся в научном сообществе устойчивый стереотип. Напротив, в ситуации происходящего в последние десятилетия пересмотра старых парадигм и поиска новых методов решения проблем актуализация отторгнутого современниками научного дискурса Ешевского способна инициировать интенсивную рефлексию относительно сложившихся историографических стереотипов, а значит, может стать полезной для пересмотра клишированного полтора столетия назад образа Щербатова и создания нового, соответствующего современному уровню развития исторической науки.

Т. В. Кудрявцева (РГПУ им. Герцена, Санкт-Петербург)

М.С. Куторга и преподавание истории в Санкт-Петербургском императорском университете

В конце 20 – начале 30-х гг. XIX в. историческое образование в Петербургском университете находилось в самом безотрадном запущении: «далее сухого изложения фактов по отжившим век школьным или непригодным учебникам без малейшего проникновения в причины и соотношения событий никто из преподавателей здесь не шел» (Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования / Сост. В.В. Григорьев. СПб., 1870. С. 72). От студентов не требовалось ничего, кроме заучивания учебников наизусть; считалось даже за дурную склонность к вредному свободомыслию, если студент на экзамене отвечал из учебника «своими словами». Причинами подобного положения были не только слабая подготовка преподавателей, но и страх, поселившийся в университетских аудиториях после учиненного в начале 20-х гг. Д.И. Руничем погрома. Понимание того, что надо предпринять некие решительные меры для реанимации университетского образования

в России, проникло даже в высшие сферы: проблему собирались решить, пополнив университеты высококвалифицированными преподавателями, которые стояли бы на европейском уровне. По высочайшему повелению в ноябре 1828 г. было отобрано в Санкт-Петербургском, Казанском, Харьковском и Московском университетах 20 способных студентов, отправленных учиться сначала на три года в Дерпт в Профессорский институт, а затем для завершения образования – на два года в Европу, Берлин или Париж. В числе избранных был и М.С. Куторга.

Примерно с 1835 г. начинается постепенное возрождение Петербургского университета и исторического образования в его стенах; причинами были возвращение молодых профессорантов, изменения в университетском уставе и вступление в должность министра народного просвещения покровителя университета графа С.С. Уварова. В январе 183 г. Куторга приступил к чтению лекций в Петербургском университете на историко-филологическом факультете сначала в качестве преподавателя, затем адъюнкта, а после защиты докторской диссертации (1838 г.) экстраординарного, с 1844 г. – ординарного профессора. И современники, и историки отмечали единодушно эпохальность данного события: с него начинается собственно полноценное научное преподавание всеобщей истории на т.с. «европейском уровне» в стенах Петербургского университета.

Воспоминания бывших студентов Куторги несут на себе отпечаток того восхищения, с которой был встречен в университете молодой профессор; о нём уже шла слава как о передовом преподавателе и либерале, что не могло не импонировать студентам. После первых восторгов наступила пора рабочих будней, и тут оказалось, что у некоторых, не самых радивых школяров, привыкших к безмятежной жизни на лекциях прошлых лет, необыкновенная ученость молодого преподавателя порой вызывала раздражение. Один из них пенял впоследствии Куторге на то, что тот, хотя ему был хорошо известен невысокий уровень лингвистических познаний большинства первокурсников, на своих лекциях постоянно потчевал их сентенциями на древнегреческом, латинском и даже готском языках, а немецких ученых цитировал, пользуясь чисто-германским произношением, а в России тогда в ходу по преимуществу было остзейское (А.Ч. Петербургский университет полвека тому назад. С. 140). Тем не менее, большинство студентов преклонялись перед преподавателем, и лекции Куторги были необыкновенно популярны: аудитория была всегда наполнена и часто переполнена слушателями, внимавшими лектору в благоговейной тишине – «раздавался лишь внятный голос профессора, да слышался скрип перьев». Куторга не терпел ни малейшего шума и при малейших его признаках в аудитории немедленно прекращал занятие.

Студентов привлекала в первую очередь манера чтения Куторгой лекций: «речь его была плавная, выработанная, нередко уснащенная пикантными подробностями и либеральными выходками вроде объяснения чудес Моисея естественными причинами» (Там же. С. 139). Но главным

было не то, что Куторга обладал ценным педагогическим даром увлечь и развлечь своих слушателей, – наконец-то в университетской аудитории из уст молодого преподавателя «послышалась строгая наука», как говорит один из первых слушателей Куторги, впоследствии профессор греческой литературы в Петербургском университете Г.С. Дестунис. Лекции, к которым молодой преподаватель тщательно готовился (это чувствовали и студенты), излагались «просто, сжато, ясно и систематично», упор делался на внутреннем развитии государства. Куторга настаивал на необходимости изучения истории по источникам, критически их оценивая, знакомил студентов со сборниками хроник и документов, учил привлекать современную научную литературу – словом, делал то, что теперь делает любой преподаватель и научный руководитель, и что по тем временам было новшеством, не имевшим ничего общего с методами преподавания его предшественников по кафедре. Сначала он читал древнюю, средневековую и новую историю в более или менее полном объеме, впоследствии он нередко ограничивался наиболее интересными «проблемными» эпохами – кризисными, переходными, переломными. Так, из греческой истории он читал обыкновенно классический период – V и IV века до н.э., а из римской – первые два века существования республики, борьбу патрициев и плебеев; в курсе средневековья упор делал на образовании и развитии феодальной системы. В последующие годы преподавания в университете Куторга читал и историософский курс «Введение в Науку истории».

Важнейшим результатом преподавательской деятельности М.С. Куторги явилось появление в Петербургском университете первой исторической школы – школы Куторги, или петербургской исторической школы. Преподавание Куторги, привлекая студентов, побуждало их к самостоятельным занятиям. Чтобы укрепить и поддержать эту тягу к науке, Куторга с конца 40-х гг. завел у себя дома для особо интересующихся и «продвинутых» студентов вечерние беседы, или занятия. Эти Куторговы «семинарии» и стали питомником петербургской исторической школы. На них, по воспоминаниям В. Бауэра, профессор и его гости занимались разбором и обсуждением тех или иных исторических проблем; студентам давались темы для самостоятельной исследовательской работы, результаты которой потом коллективно обсуждались, и т.п. Усилия Куторги не пропали даром: некоторые из трудившихся в его семинаре заняли впоследствии исторические кафедры в университете, но даже те, кто впоследствии избирал себе иные специальности, обязан был Куторге строго научным направлением собственной исследовательской деятельности.

Принципы научного метода, внушаемые Куторгой своим ученикам: научность, строгость изложения, обоснованность выводов, опора на источники – сделались впоследствии *symbolus fidei* научного направления, восходящего к Куторге, которое мы можем с полным правом называть петербургской исторической школой; для неё Куторга стал нечто вроде гоголевской «Шинели», из которой все мы вышли.

**«Вечерние беседы» и их роль в становлении
научной школы М.С. Куторги**

М.С. Куторга был не только прекрасным лектором, глубочайшим знатоком античности, профессионалом своего дела, но и *Учителем*. Он настаивал не на воспроизводстве учениками уже готового знания, а на самостоятельном вдумчивом исследовании ими источника, что единственное и позволяет сформировать собственное видение проблемы. С целью введения молодых людей в науку Куторга стал проводить у себя на дому неформальные встречи или «вечерние беседы» (по выражению В.В. Бауера), где знакомил студентов с «методом научных занятий, с требованиями научного исследования» (Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 216).

Куторга был убеждён в том, что критический метод исследования необходимо усваивать именно на основе античной традиции. Причём, требовалось чтение источников только на древних языках, что способствует более вдумчивому, внимательному изучению классических авторов, а также постижению их менталитета. Отчасти по этой причине не каждый студент мог попасть на квартиру к Куторге. Показателен пример с Н.А. Арбузовым, вольнослушателем Петербургского университета конца 40-х гг., которому профессор посоветовал вообще не приступать к занятиям историей до тех пор, пока не будут освоены древнегреческий и латынь (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 55. Л. 85–85об).

Интересна методика работы М.С. Куторги с учениками в ходе «вечерних бесед». Она не является его собственным изобретением, а представляет собой заимствование у немецких профессоров. Учитель заранее перед каким-либо студентом ставил проблему из области античной истории. Вариант её решения обсуждался на квартире у профессора, причём нередко происходили бурные споры. Возможность высказаться, изложить аргументировано свою точку зрения была у каждого. Куторга, несмотря на свой вспыльчивый характер, терпеливо высушивал даже те мнения, которые расходились с его точкой зрения. Однако это вовсе не означает, что обсуждение велось хаотично, и каждый в итоге оставался при собственном мнении. Мэтр старался направить спор с помощью наводящих вопросов в «верное» русло. По всей видимости, ученики в итоге приходили к выводам своего учителя.

Подробную информацию о ходе «вечерних бесед» мы получаем из писем П.И. Люперольского. В 60-х гг. XIX в. по поручению министра народного просвещения А.В. Головнина М.С. Куторга занимался с 3 магистрантами. Встречи с Куторгой осуществлялись у него на дому два раза в неделю. По пятницам являлись все трое, представляя приготовленные

ими на заданную профессором тему письменные работы по древнегреческой истории. Эти сочинения, которые могли и не быть составной частью будущих магистерских работ воспитанников, обсуждались и правились. Главное, на что обращал внимание Куторга при их разборе – самостоятельность суждений магистрантов, привлечение максимума источников, их критика (или глубокий источниковедческий анализ), а также знание историографии проблемы (т.е. знакомство с зарубежными работами по теме). При этом мэтр был всегда строг, но справедлив, не давал своим воспитанникам зазнаваться и преувеличивать важность сделанных открытий. Сверх того, по воскресеньям проходили индивидуальные консультации с профессором, где ученики отчитывались о своих наработках по избранной теме диссертации (ОР РНБ. Ф 410. № 46. Л. 1–2). Отчёты о своих научных занятиях ученики предоставляли и в письмах в случае, если они не имели возможности общаться лично с учителем. Обычно это случалось летом, когда Куторга, освободившись от лекций в университете, уезжал в своё имение в Могилёвскую губернию.

Люперольский с огромным уважением к своему учителю вспоминает эти занятия: «Я всегда буду помнить и высоко ценить как Ваши полные высокого разума и глубокой опытности наставления и указания в деле науки, так и Ваш вполне бескорыстный и с тем вместе неустанный труд, с каким Вы постоянно занимались с нами в течение двух лет» (Там же. Л. 4 об.).

Дискуссионным является вопрос о времени организации «вечерних бесед». Большинство исследователей творчества М.С. Куторги (С.Н. Валк, А.С. Шофман, А.Д. Константинова, Э.Д. Фролов) говорят о конце 40-х гг. XIX в., опираясь на указанное выше сочинение В.В. Григорьева. Отметим, что статья о Михаиле Семёновиче, помещённая в нём, была написана его учеником профессором В.В. Бауером. В литературе имеется и другая точка зрения относительно начала проведения неформальных встреч со студентами – 1839 г. Она принадлежит некоему В.Б. (В.Б. Празднование пятидесятилетнего юбилея учёной деятельности М.С. Куторги // ЖМНП. 1883. Ч. ССXXVI. Апрель. С. 62). Думается, что под этими инициалами скрывается В.В. Бауер. Из этого следует, что почти через полтора десятка лет после выхода монографии о Петербургском университете автор изменил свою точку зрения. Попытаемся разобраться в причине этого. Студенческие годы Бауера относятся к 50-м гг. XIX в. К этому времени о школе Куторги можно говорить как о сложившемся явлении: авторитет учителя в научной среде достаточно высок, под его руководством было защищено 3 магистерских (В.М. Ведров, М.М. Стасюлевич, Н.А. Астафьев) и 1 докторская диссертация (М.М. Стасюлевич), ученики себя позиционировали именно как научное сообщество, во главе которого находился их любимый профессор всеобщей истории Михаил Семёнович. Следовательно, Василий Васильевич не мог наблюдать процесс складывания школы Куторги, и всю информацию

об этапе её становления он мог почерпнуть из личных бесед с очевидцами, на глазах которых этот процесс происходил. Хороший повод окунуться в прошлое, вспомнить, как всё начиналось – юбилей. В 1882 г. в усадьбе Борок с размахом отмечалось 50-летие научной деятельности М.С. Куторги. Вероятно, именно здесь и прозвучала дата 1839 г. как начало «вечерних бесед». Позже она была помещена в статью В.В. Бауера 1883 г.

В нашем распоряжении имеются также и другие сведения, указывающие на раннюю дату начала проведения неформальных встреч мэтра с его учениками. А.А. Чумиков, студент второй половины 30-х гг., в воспоминаниях отмечает тот факт, что Куторга был едва ли не единственным профессором в Петербургском университете, который «частным образом» руководил ограниченным количеством слушателей в их занятиях историей (Чумиков А.А. Студенческая корпорация в Петербургском университете в 1830–1840 гг. (из воспоминаний бывшего студента) // Русская старина. 1881. Т. 30. № 2. С. 377). По всей видимости, эти неформальные встречи не принесли желаемого Куторгой результата – никто из подопечных после окончания учёбы не посвятил себя науке. Возможно, это связано ещё и с тем, что с 1838 г. Михаил Семёнович преподавал всеобщую историю только лишь юристам. В начале же 40-х гг. он начал читать лекции на первом (филологическом) отделении философского факультета. Кроме этого, в 1842 г. ему было поручено проводить педагогические занятия по истории, географии, статистике с казённокоштными и другими пенсионерами, готовящимися к учительскому званию (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4336а. Л. 401). Именно с этим временем, по нашему мнению, следует связывать начало формирования школы Куторги. Первый питомец её – В.М. Ведров – в 1848 г. защитил магистерскую диссертацию «Жизнь афинского олигарха Крития». Поступил же он в университет в 1842 г.

Таким образом, реально зарождение школы М.С. Куторги можно относить к началу 40-х гг. XIX в. «Вечерние беседы» мэтра с его учениками, в ходе которых происходило возвращение нового поколения исследователей путём передачи профессионального опыта и мастерства, знаний и ценностей от мэтра к воспитанникам, послужили основой для формирования этого научного сообщества.

В.А. Филимонов (Сыктывкарский ГУ)

**М.С. Куторга и Н.И. Кареев:
коммуникативная специфика и трудности верификации**

В рамках scholarly исследований последних лет четко обозначилось проблемное поле, связанное с изучением межличностных коммуникаций как внутри научной школы, так и за ее пределами. Значимым сегментом этого поля становится исследование линии учитель – ученик, по-

звolyющее выявить элементы преемственности, проследить и уточнить тенденции в развитии российской исторической науки.

В докладе анализируются взаимоотношения выдающихся российских историков М.С. Куторги (1809–1886) и Н.И. Кареева (1850–1931), степень и характер влияния первого на второго.

Опираясь на мемуары Кареева «Прожитое и пережитое», большинство исследователей его творчества ограничиваются констатацией факта слушания им лекций Куторги по древней истории при прохождении курса в Московском университете. Насколько и в какой мере Кареев сам ощущал себя учеником Куторги? Первым по времени упоминанием о Куторге являются включение его трудов («История Афинской республики», «Критические замечания о законодательстве Клисфена», и «Персидские войны») в «Указания на литературу по истории Греции и Рима», составленные Кареевым для 2-го (1886) издания «Введения в курс истории древнего мира». В рецензии на эту книгу В.И. Модестов пояснял, что Карееву как «питомцу московского университета, известны некоторые сочинения московских профессоров», в том числе «Куторги, окончившего свою карьеру в московском университете».

В статье «Разработка теоретических вопросов исторической науки» (1890) Кареев сетует на то, что историки редко затрагивают теоретические вопросы, называет Куторгу в числе немногих исследователей, кто хоть раз высказывал «свою научную *profession de foi*», указывая на его статью «Историческое развитие понятия истории». В 1899 г. в 55 полутоме «Словаря» Брокгауза и Ефрона, в статье «Историческая наука в России» Кареев называет Куторгу «первым русским ученым, посвятившим себя самостоятельной разработке всеобщей истории».

Единственную ссылку на сочинение Куторги («История Афинской республики») мы обнаруживаем у Кареева в типологическом курсе «Государство-город античного мира» (1903). Он обратил внимание на то, что Куторга, писавший «еще в те времена, когда историческая наука очень мало интересовалась социально-экономическими вопросами», отметил и проанализировал факт борьбы, шедшей между прогрессивно-демократической и консервативно-аристократической партиями по вопросу о будущем («аграрийном» или «торгово-промышленном») характере афинской демократии.

В 5-й главе («В Московском университете») воспоминаний Кареева «Прожитое и пережитое» Куторге уделено 1,5 страницы. Хотя профессор представлен здесь как «своего рода *figura comica*», мемуарист отметил главное: «Куторга был одним из первых в России всеобщих историков, работавших самостоятельно и по источникам».

Последний раз о Куторге Кареев написал в «Отчете о русской науке» (1927), отмечая, что из «российских «"всеобщих историков"» действительное значение имеют работы М. Куторги».

Рефлексия Кареева относительно Куторги сосредоточена в мемуарах, и этот текст должен объяснить как степень и характер влияния учителя на ученика, так и те положительные в целом оценки, которые дал Кареев в указанных нами немногочисленных высказываниях. Трудность интерпретации состоит в том, что Кареев напрямую о каком-либо влиянии не заявляет, напротив, в тексте зафиксированы факты, которые формально должны были способствовать негативной оценке Куторги, на деле же эти сведения никак не мешают созданию в целом положительного образа профессора-антиковеда. Так, Кареев указывает, что Куторга «уже будучи стариком, перешел в Московский университет из Петербургского, где преподавал до того времени более тридцати лет», но умалчивает о скандальном характере этого перехода, вызванного студенческой обструкцией и неизбранием на следующее пятилетие. Далее мемуарист сообщает, что «в студенческой среде распространилась молва, что Куторга был ставленником Леонтьева (а следовательно, и Каткова), так что его заранее невзлюбили». Известно отрицательное отношение Кареева к деятельности Каткова и Леонтьева, посвященные им страницы мемуаров имеют ярко выраженную негативную коннотацию. Не удостоились высоких оценок Кареева и другие университетские профессора-классики – Г.А. Иванов, Ю.К. Фелькель, И.Х. Вибберг. Иное дело – Куторга. Кареева не смущает ни мнимая или подлинная принадлежность его к катковско-леонтьевской партии, ни то, что «это был человек трудный по крайне щекотливому самолюбию», ни то, что он советовал «читать только древних авторов», а из новейшей литературы только его собственные труды, ни то, что тот «педантически требовал» рейхлиновского произношения при чтении греческих текстов. Доминантой мемуарного сюжета о Куторге является реплика Кареева: «Лекции его мне понравились...». Следует добавить, что на III курсе Куторга читал студентам-историкам курс исторической критики, в котором знакомил их с основами источниковедения и методологии истории, а на IV курсе Кареев занимался в его семинарии, где выполнил реферат, посвященный истории г. Трикка, заслуживший похвалы профессора.

Тому, что Кареев не стал историком-классиком, способствовало несколько обстоятельств. На младших курсах сфера его научных интересов была сосредоточена не на истории, а на сравнительном языкознании, мифологии, фольклоре и древней русской литературе. Одним из внешних факторов перемены своей научной ориентации от лингвистики к истории Кареев называл начавшееся со второго курса (1870) преподавание профессора В.И. Герье. Однако Куторга был первым профессиональным историком, встретившимся на жизненном пути Кареева и, на наш взгляд, именно лекции Куторги подготовили почву для такой перемены, поэтому гипотетически существовала альтернатива выбора Кареевым научной специализации по древней, а не по новой западноевропейской истории. Другое дело, что Куторга не объявлял набора учеников и это связано, на наш взгляд, с его положением в Московском университете (первый год

преподавания после Петербурга), почтенным возрастом и научной командировкой в Грецию в 1870 г. Не следует сбрасывать со счетов и разочарование почтенного профессора в студенчестве в целом и в своих петербургских учениках, в частности, ибо одни (Н.А. Астафьев, В.В. Бауер, В.Г. Васильевский, В.М. Ведров, М.М. Стасюлевич) после защиты магистерской диссертации оставили занятия античной историей, другие, хотя и стали антиковедами (П.И. Люперольский и Ф.Ф. Соколов), примкнули к историко-филологическому направлению и поэтому не могут в полной мере считаться продолжателем «линии Куторги».

Известно, что предметом научных интересов Куторги была история древней Греции, в частности, широкой известностью пользовались его сочинения по политической истории Афинского государства, в которых он обращал внимание и на связь политических изменений в государстве с его социально-экономическим и культурным развитием. Общий взгляд Куторги на характер и значение политического творчества древних греков выразился в признании греческой гражданской общины высшим государственным строем, откуда по его словам вытекали две идеи, которые «доставили эллинам всемирно-историческое значение» – идея свободы гражданина и идея свободы мысли без которых невозможен никакой общественный прогресс. Как ученый, Куторга отличался философским, синтезным складом мышления, его интересовали теоретические проблемы исторической науки. Конечную цель исторического исследования он видел в выяснении общего хода всемирной истории, ее движущих факторов, поиска закономерностей в смене одних исторических эпох другими.

В этом смысле Кареев в большей степени, чем кто-либо из учеников Куторги, может считаться продолжателем его «линии» в исторической науке. Анализ работ Кареева по античности («Введение в курс истории древнего мира», «Государство-город античного мира», «Монархии древнего Востока и греко-римского мира») позволяет обнаружить в них явную и скрытую перекличку с трудами Куторги.

С.И. Муртузалиев (Дагестанский ГУ, Махачкала)

Болгария XV–XVI веков в исследованиях первого периода научной деятельности В.И. Григоровича

Болгарская история XV–XVI вв. была объектом научных интересов В.И. Григоровича в начальный период его научной деятельности (1831–1843 гг.). В 1841 г. вышел в свет его первый печатный труд «Краткое обозрение славянских литератур» (Казань). В 1842 г. в Казанском университете Григорович защищает магистерскую диссертацию, опубликованную под названием «Опыт изложения литературы словен в её главнейших эпохах» (Казань, 1843).

В этой работе автор затрагивает проблему последствий османского завоевания для болгарского народа. Он пишет: «Владычество Турок подавило всю самобытность Болгарии. Скудная литературная деятельность прозябала только на севере ея...». Однако «угнетенные бедствием нового рабства... Булгары находились в непрерывной связи с Русскими, сообщали им свои умственные запасы, посильно участвовали в общем деле православия..., взаимно содействуя в нравственном развитии». В период с XV до XVII вв. славяне «представляют нравственную своею деятельностью обширную драму борьбы», в которой, «сознание важнейших религиозных вопросов было едва ли не существенным мотивом». Работа отразила романтический характер миропонимания Григоровича, носила теоретико-умозрительный характер, за что была подвергнута критике П.И. Прејсом.

Григорович был единственный из своих коллег по науке (Прејс, Бодянский, Срезневский), кто начал преподавать болгарский язык еще до заграничной командировки. Об интересе Григоровича к Болгарии еще до путешествия по ней свидетельствует анализ рукописи ученого «Болгаре в этнографическом отношении». Григорович не только глубоко изучил труды отечественных, болгарских и западноевропейских авторов, но и более обстоятельно, чем в работах российских славистов 30–40-х гг. XIX в. рассматривал вопросы социального угнетения болгар турками, систему византизма церковных поборов в пользу Константинопольской патриархии, гайдучество как форму народной борьбы.

Таким образом, выбор Болгарии в качестве основного объекта изучения в период научной командировки 1844–1847 гг. на Балканы был не случаен. «Основываясь единственно на том, что каждая новая строка об этом народе может иметь какую-нибудь ценность, я беру на себя смелость думать, что и этот мой труд не будет совершенно бесполезен...», – писал Григорович.

Придавая большое значение религиозным «началам» и «стихиям» в развитии славян, ученый планировал во время путешествия «изучить главнейшие произведения каждой эпохи и при этом не упускать из виду знакомства с историческими событиями в жизни народов. В этом последнем отношении, рассматривая религиозное развитие словен, как условие развития их литературы, желал бы вникать в такие памятники, которые, при всей своей важности, не изданы или по редкости не приобретены». Григорович подчеркивает, что в этом ряду источников: «Памятники XV и XVI ст. должны занять главное место» в его изысканиях.

Во время путешествия желание слависта частично осуществилось. На Афоне он обнаружил рукопись «Житие Григория нового мученика». В Рильском монастыре на правой стене церкви, он прочел «...ст. Георгий Софийский и прч.». Совершенствуясь в знании болгарского языка у Неофита Рильского, ученый работал над сборниками Владислава Грамматика, а ученики Неофита переписали один из них для Григоровича.

В трудах отечественных и болгарских ученых довольно обстоятельно освещены многие вопросы, связанные с путешествием Григоровича по Болгарии. Но никто не занимался выяснением вопроса, что нового внес Григорович в освещение истории Болгарии XV–XVI вв., тех самых столетий, памятники которых привлекали особое внимание ученого.

Ответ на этот вопрос дают две работы слависта: «Изыскания о славянских апостолах, произведенныя в странах Европейской Турции» (1847) и «Очерк путешествия по Европейской Турции» (1848). Публикации были осуществлены наспех, в работу вкралось много ошибок и опечаток, поэтому мы привлекли и второе издание (М., 1877) этого труда ученого.

Переходя к анализу содержания книги, отметим один из методов работы путешественника, а именно – стремление изучить сведения «из первых рук». Анализ первого и второго издания книги Григоровича показал отсутствие какого-либо целостного изложения болгарской истории. Сюжеты по истории Болгарии XV–XVI вв. разбросаны по всему тексту, но мы систематизировали их по трем тематическим блокам: чисто историческая, конфессиональная и фольклорная.

К первой группе относится сюжет о Тырново, который, «по народным сказаниям, после завоевания... (1396) лишился всего своего народонаселения. Турки, покорив город, заняли все важные пункты его; и потому живут во всех частях города, а христиане лишь вне центра его, около возвышения. После взятия города, важнейшие его храмы превращались постепенно в мечети; но достояния своего лишились, кажется, и не от одного только турецкаго влияния...». В «Прибавлениях» к своей книге Григорович упоминает «сына болгарского царя Страшимира, Констандина, умершаго в Белграде, в 1422 году».

Вторая группа сюжетов самая многочисленная. Сюда относится упоминание о Рильском монастыре, который «после падения Болгарскаго царства, ...испытывал много превратностей, сохранившихся в темном только предании». Два следующих сюжета посвящены монастырям Афона, в связи с чем автор упоминает болгарские монастыри, говорит о разорении их в XV в., о причине получения некоторыми монастырями особых «преимуществ». «Еще до взятия Константинополя и покорения Солуня девятнадцать монастырей добровольно подчинились покровительству султана» турецкого. «Это подчинение... доставило монастырям преимущества, которыми до сих пор пользуются».

Интерес к вопросам религиозной жизни славян привлек внимание ученого к болгарам-католикам, которых, как ему сказали, называют павликианами. Попытки выяснить их историю успеха не имели, поэтому он пишет: «О начале имени Павликиан духовные также ничего не знают, как и прочие жители. Известно, что уже в XI и XII столетиях в Филлиппополе господствовала секта гностиков Павликиан, водворенных издавна в Болгарии под именем Богомилов. ...Вообще причины распространения западного исповедания у Болгар весьма темны».

Григорович отметил отрицательные последствия подчинения православных болгар греческому клиру. Грабительская политика турок, «этих неприменных виновников всех лишений» христиан и политика греческих фанариотов, привели к тому, что болгары постепенно «сделались предметом презрения других племен». Болгары «теряли чистоту религиозного сознания от совершенной невозможности иметь собственных» духовных наставников. Григорович убежден в том, что «только пастыри природные» – из среды самих болгар – способны «понимать нужды своей паствы и чистосердечно содействовать ей просвещению».

К «фольклорной» группе сюжетов относятся наблюдения Григоровича по эпическому творчеству болгар. Ученый сообщает, что, согласно народным преданиям, на одном из семи холмов Пловдива находится могила Марко Королевича. «Нет песни, в которой бы он не был, если не героем, то непременно действующим». Славист справедливо выражает сомнение в подлинности сказания о захоронении Марко на одном из холмов Пловдива. Заслуживает внимания замечание Григоровича по поводу того, что «на действительной сцене господства Марка-кравевича, в прилепском поле, народ поминает его бранчливо, приговаривая всегда он был де зулумджия (наездник, пакосник)». Отметив популярность Марко в болгарском и сербском фольклоре, Григорович ошибочно считал, что болгары «не столь богатые как Сербь народною поэзиєю». Ошибка ученого, как и большинства славистов того времени, проистекала из того, что к середине XIX в. степень изученности болгарского фольклора значительно уступала сербскому эпосу.

Публикация «Очерка» явилась результатом поспешной обработки официальных донесений путешественника с целью ознакомления с ними славистов и заинтересованных кругов российского общества. Григорович был недоволен книгой и готовил новое доработанное издание, но экземпляр с его собственноручными многочисленными дополнениями пропал.

В 40-х годах XIX в. Григорович был фактически единственным ученым, серьезно занимавшимся болгарскими источниками, определенную часть которых сумел ввести в научный оборот.

Ш.С. Хамматов (Казанский ГТУ)

Средневековая тематика в творчестве ученых-юристов Казанского университета во второй половине XIX века

Заметный поворот в сторону историко-правовой тематики среди ученых-юристов связан с введением университетского устава 1835 года. Правовые науки, утратив философский характер, опирались на юридическую базу – кодифицированное законодательство. Эта база определила два новых направления университетского правоведения – историко-правовое и преднормативно-догматическое. Этот переворот во взглядах

на задачу юриспруденции совпал с изданием Свода Законов Российской империи, и, разумеется, с ним связан возникший интерес к историческим исследованиям права, а также к дополнению исторических данных законодательства, в особенности русского. Изучение отечественного законодательства стало соединяться с изучением его истории на базе сравнительно-исторического правоведения, что было, несомненно, прогрессивным научным явлением, поскольку обращало внимание на исторические основы существования каждого государства. Богатый материал в изучении тех или иных юридических проблем, казусов можно было почерпнуть в истории средневековья.

В Казанском университете во второй половине XIX в. было опубликовано несколько работ ученых-юристов, близких средневековой проблематике. Это «Историко-критическое исследование пауперизма» Е.Г. Осокина, «Семейные власти у славян и древних германцев» С.М. Шпилевского (ей предшествовала книга того же автора «Союз родственной защиты у древних германцев и славян»), «Обзор некоторых существенных вопросов, относящихся к древнегерманскому и государственному устройству» Н.К. Нелидова, «Характеристика международных отношений и международного права в историческом развитии» Н.П. Иванова, и «Исследования по истории учреждений в Закавказье» (Ч. II. Городские цехи) С.А. Егиазарова. Первым ученым, выпустившим солидный труд по историко-правовой тематике, был Е.Г. Осокин (1819–1880). В 1845 г., после заграничной командировки, он был назначен в Казанский университет на должность адъюнкта по только что учрежденной кафедре законов о государственных повинностях и финансах; в 1846 г. защитил диссертацию на тему «Историко-критическое исследование пауперизма». По оценке современников, содержание работы является результатом изучения вопроса пауперизма во Франции на основе теории Сисмонди. Автором излагаются экономические теории, широко распространенные на Западе. Докторская диссертация «Внутренние таможенные пошлины в России» была защищена в 1849 г.

К истории древних германцев обращались в своих диссертациях Н.К. Нелидов (1832–1888) [магистерская диссертация «Обзор некоторых существенных вопросов, относящихся к древнегерманскому государственному устройству», защищена в 1868 г.] и С.М. Шпилевский (1833–1907) [магистерская диссертация «Союз родственной защиты у древних германцев и славян» (1866); докторская диссертация «Семейные власти у славян и древних германцев» (1870)]. Интерес к этому периоду объясняется учеными следующим образом: Н.К. Нелидов, исследуя постепенное развитие государственного устройства в Западной Европе, решает рассмотреть политический быт древних германцев, т.к. считает, что из него вытекли сначала средневековое вотчинное, феодальное устройство, затем абсолютистское, с его отличительным полицейским характером и, наконец, современное конституционное государство (Нелидов Н.К. Обзор не-

которых существенных вопросов, относящихся к древнегерманскому и государственному устройству. Казань, 1868. С. 3-4). С.М. Шпилевский, поднимая вопрос о родовом быте как первоначальной форме общезития в приложении к истории германских и славянских народов в магистерской работе и представляя подробную характеристику семейных властей у германцев и славян во всем их разнообразии и тождестве в докторской, рассматривает в качестве предмета изучения «древность», «первобытность», поскольку видит в них главную причину сходства явлений, когда славяне и германцы представляли много между собой общего (Шпилевский С.М. Семейные власти у славян и древних германцев. Казань, 1870. С. 4). Но разработка данной тематики не получила в творчестве ученых дальнейшего развития. В 1874 г. Нелидов защитил в Казанском университете докторскую диссертацию на тему: «Юридические и политические основания государственной службы», а лучшей работой С.М. Шпилевского, получившей премию Императорской Академии наук, является «Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии» (1877); за труды по археологии он был награжден большой золотой медалью Императорского Русского археологического общества.

Научное наследие Н.П. Иванова (1839–1903), окончившего Казанский университет в 1860 г. и оставленного для приготовления к профессорскому званию по кафедре международного права, включает лишь две работы: его диссертация *pro venia legendi* и магистерская диссертация. Диссертация *pro venia legendi* «Основания частной международной юрисдикции» посвящена международному частному праву, она дает основание считать Н.П. Иванова основателем науки международного частного права в России. Она также была первой работой в отечественной науке международного права, где дана самостоятельная теория коллизийного права.

Магистерская диссертация Н.П. Иванова задумана была широко: «О значении права войны в связи с общим понятием о международных отношениях». Выполнена лишь часть ее (Вып. 1) – «Характеристика международных отношений и международного права в историческом развитии». Для выяснения юридического значения войны, считал Н.П. Иванов, необходимо предварительно установить, по возможности, точное понятие о самой природе международных отношений и международного права, и добытые заключения проверить эмпирически посредством рассмотрения последовательного развития международных отношений во всемирной истории. Во второй главе исследования, посвященной истории международного права, делается попытка проследить постепенное развитие международных отношений с древнейших времен и до последнего времени. Здесь определенное внимание уделено развитию этих отношений в средневековье. Предложенная ученым схема средних веков к тому же в ракурсе международных отношений представляет несомненный интерес.

Особого внимания заслуживает докторская диссертация С.А. Егизарова (1852–1914), выпускника Московского университета

(1880), в 1887–1892 годы читавшего лекции в Казанском университете. Она была посвящена городским цехам в Закавказье – амкарствам, являясь вторым томом в трилогии, которую задумал написать автор (в первом изучалась сельская община, ее внутренние распорядки с экономической и административной стороны, третий предполагал изучение истории внутреннего строя и управления закавказских городов). С.А. Егизаров не отрицал большого влияния на организацию и внутренние распорядки средневековых цехов римской культуры и национальных особенностей германцев. Тем не менее он считал, что цеховая система отнюдь не является чисто западноевропейским явлением, и изучение закавказских амкарств может пролить новый свет на вопрос о происхождении цехов вообще. Изучая закавказские амкарства. С.А. Егизаров путем сравнительного анализа приходит к выводу, что эти учреждения являются вполне аналогичными средневековым цехам, а также устанавливает, что амкарства существовали раньше XVII века, которым датируются сведения об их организации. При этом он ссылается на цехи в Европе, которые древнее своих статутков. В амкарстве религиозный момент был развит больше, чем в большинстве из средневековых цехов этого периода. В дальнейшем С.А. Егизаров сосредоточился на истории права Закавказья.

Обращение профессоров-юристов в Казанском университете к средневековью свидетельствует о повышении статуса медиевистики, происшедшем во второй половине XIX века. Но следует признать, что оно носило единичный, несистематический характер, как правило, средневековая тематика фигурировала в магистерских или докторских диссертациях, при желании создать солидный труд. Несмотря на то, что в этих произведениях рассматривалась историческая тематика в юридическом аспекте, тем не менее, они, несомненно, вносили свой вклад в развитие медиевистики того времени, к тому же в них использовались источники, которые мало или вовсе не были задействованы историками.

Н. И. Недашковская (Казанский ГУ)

Славянская палеография и текстология в Казани (вторая половина XIX века)

В 1850–1890-е гг. в Казанской духовной академии разворачивался и был осуществлен значительный научный проект палеографического и текстологического изучения и описания собрания рукописей библиотеки Соловецкого монастыря. Современники и позднейшие исследователи отмечали большой объем и высокий научный уровень проведенного казанскими учеными разбора, описания, издания и исследования памятников этого собрания. Высокая оценка и неубывающая до настоящего времени актуальность этого труда вызывает вопрос о том, как, на каком методологическом и методическом фундаменте оказалась возможной его реализа-

ция, каково происхождение его общей концепции и что представлял собой выполнявший проект круг исследователей.

В 1855 г., в связи с открытием противораскольнического отделения в Казанскую духовную академию по постановлению Синода была доставлена Соловецкая библиотека, включавшая 1356 рукописей и 83 старопечатные книги. К первоначальному разбору библиотеки, составлению «реестров» были допущены студенты, в результате чего эта работа стала фактором, стимулировавшим формирование научных интересов начинающих исследователей и складывание группы единомышленников.

Для реализации проекта академическому сообществу не хватало научного метода, целого арсенала научных сведений, без которых невозможно изучать славянские рукописи и которые недостаточно преподавались в духовных учебных заведениях. Поэтому чрезвычайно важным событием в жизни академии стало приглашение в 1854 г. профессора Казанского университета В.И. Григоровича (1815–1876), последователя последователя акад. А.Х. Востокова для чтения славянской палеографии. Он согласился «безмездно» читать «славянскую палеографию и славянский язык (церковно-славянский – *Н.Н.*)» для младшего курса академии. Его лекции посещали многие «добровольные» слушатели из числа студентов старшего курса и бакалавров. Видя такую заинтересованность, Григорович отошел от поставленной задачи и прочел студентам сравнительную историю славянских языков. Кроме того, он охотно приглашал студентов академии к себе на квартиру для ученых бесед, позволяя работать с принадлежащими ему источниками. Именно слушатели В.И. Григоровича составили рабочую группу проекта описания Соловецких памятников, а один из учеников, А.И. Лилов, по рекомендации профессора занял в академии уже в 1856 г. кафедру славянской палеографии.

Библиотекарем соловецкого собрания был назначен И.Я. Порфирьев. Под его руководством молодыми бакалаврами И.М. Добротворским, А.И. Лиловым, А.П. Щаповым, а также множеством добровольных помощников из числа студентов, был начат разбор памятников. К 1859 г. предварительная работа была завершена. Основной заслугой казанских ученых на данном этапе стала научная систематизация памятников, разделение их на отделы (книги светского и духовного содержания) и разряды (книги Св. Писания, «творения отеческие», «рукописи разнообразного богословского содержания», «рукописи богослужебные», «рукописи исторические» и др.). Не менее важна была и попытка атрибуции каждого памятника, что позволило выявить некоторые источники формирования русских монастырских библиотек.

Была проделана работа по изучению владельческих, вкладных и охранительных надписей на рукописных книгах в контексте всей славянской палеографии, на основании чего исследователи смогли выявить корпус древнейших памятников (книги, собранные или переписанные в Новгороде по заказу игумена Досифея) и основные пути пополнения мона-

стырских книжных фондов (например, по дарственным или из собственности умерших монахов).

1860-е – первая половина 1870-х гг. – новый этап работы И.Я. Порфирьева с соловецкими памятниками. В эти годы окончательно формируется его академический курс, в особенности, первая часть «Устная народная и книжная словесность до Петра Великого», во многом построенная на материале соловецких рукописей. На основе этого лекционного курса была создана двухтомная «История русской словесности» (Ч. 1–2. Казань, 1870–1891) – одна из первых научных историй словесной культуры в России, до конца XIX века остававшаяся единственным пособием по русской словесности для университетов, духовных академий и средних учебных заведений и выдержавшая 9 изданий.

Особого упоминания заслуживает диссертация И.Я. Порфирьева на степень доктора богословия «Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки» (1873), после успешной защиты которой ученый был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук. Она представляет собой уникальное соединение публикации памятников, сгруппированных по параллелям к каноническим книгам, сюжетам и центральным фигурам Ветхого Завета (сама подобная классификация не имела прецедента в отечественной науке) с их научным осмыслением. И.Я. Порфирьев проанализировал время и место создания апокрифов, пути их прихода на Русь, среду их «хождения», реконструировал возможные причины популярности, привлекая огромный сравнительный материал из истории русской и западной культур. В последние годы жизни ученый завершил работу над этой темой на материале новозаветных апокрифических сказаний.

В 1875 г. после ревизии академии Святейший Синод по представлению митрополита Макария ассигновал особую сумму для полного описания Соловецкой библиотеки. Была создана комиссия по описанию библиотеки во главе с профессором И.Я. Порфирьевым. Он составил программу описания рукописей и краткое обозрение истории и состава Соловецкой библиотеки, которые вошли в предисловие к первой части Описания (изд. в 1881 г.).

Согласно программе описание каждого памятника начиналось с подробной характеристики рукописи (формат, особенности материала страниц, размер и количество листов, переплет, почерк). Относительно самого сочинения прежде всего указывалось, оригинальное оно или переводное. Для переводных была необходима ссылка на подлинник и (при их наличии) изменения по сравнению с ним. Далее – по принятому правилу Ундольского – излагалось содержание по главам или отделам с обозначением начальных и заключительных строк, а также «важных и интересных мест» с соблюдением всех особенностей правописания памятников: титлов, сокращений, надстрочных знаков, старинной пунктуации и пр.

Затем указывались разночтения с другими известными науке изводами или изданиями (если памятник издавался) с соблюдением тех же правил. Завершали описание сведения о всякого рода отметках на рукописи: приписках, в том числе раскольнического характера (сделанных во время знаменитой осады монастыря в 1668–1676 гг.), заметках писца, дарственных и владельческих надписях, и особенностях оформления: иллюстрациях, заставках, буквицах и т.д. Описание рукописей издавалось по мере подготовки в Приложении к журналу «Православный Собеседник», а затем вышло отдельными книгами.

Таким образом, прибытие в Казанскую духовную академию в 1855 году библиотеки Соловецкого монастыря стало событием, серьезно повлиявшим на развитие славяноведения в Казани. Систематизация, описание и изучение ее памятников стали тем большим научным делом, которое привлекло множество исследователей, объединило поколения, создало ситуацию особой востребованности ярких и крупных научных величин и позволило казанским ученым внести бесспорный вклад в развитие конкретных исследований в славяноведении и методов ряда его отраслей, прежде всего, славянской текстологии и палеографии.

А.А. Зорина (Удмуртский ГУ, Ижевск)

Византизм в трактатах российских историков второй половины XIX века: Ф.И. Успенский и А.П. Рудаков

Вторая половина XIX века характеризуется повышенным вниманием русского интеллектуального сообщества к истории Византийской империи, а также её отношений с Древней Русью. В рамках этой проблематики термин византизм активно использовался как профессиональными историками, так и политиками, церковными деятелями, философами, писателями. Однако он не имел общепринятой трактовки и зачастую приобретал полярные интерпретации (от уничижительных до хвалебных) в зависимости от личных взглядов авторов. Особенно эмоционально звучали оценки российских философов А.С. Хомякова, К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьева. Более корректные формулировки предлагали отечественные византисты, среди которых особенно интересны взгляды Ф.И. Успенского и А.П. Рудакова.

Главной задачей своей жизни основоположник российского византиноведения Ф.И. Успенский (1845–1928) считал создание обобщающего труда «История Византийской империи», в котором излагался ход всей византийской истории (СПб., 1913. Т. 1; Л., 1927. Т. 2. Ч. 1; М.; Л., 1948. Т. 3). По мнению ученого, византизм «есть исторический принцип, действия которого обнаруживаются в истории народов юга и востока Европы» (Т. 1. С. 47). Ф.И. Успенский считал, что византизм сформировался в результате слияния римского начала с

иудейской, персидской и эллинской культурами, т.е. он представляет собой совокупность всех компонентов, приведших к превращению Римской империи в Византийскую. Византизм проявляется в особом складе верований и политических учреждений, а также сословных и земельных отношений. Становление византизма происходило под влиянием германской и славянской иммиграции. Основные черты византизма, считает Ф.И. Успенский, «установились к VIII веку и нашли свое воплощение в следующих признаках: 1) в постоянной отмене господствовавшего латинского языка и замене его греческим или, собственно говоря, византийским; 2) в борьбе национальностей из-за политического преобладания; 3) в оригинальном характере развития искусства и в появлении новых мотивов, влиявших на создание новых памятников, равно как в своеобразных чертах литературных произведений, где вырабатывается постепенно новый и оригинальный метод под влиянием восточных культурных преданий и образцов» (Там же. С. 40).

Итак, византизм понимается Ф.И. Успенским как совокупность характерных черт византийской цивилизации. Это сложная система объединяет политические, экономические, идеологические компоненты, а также особенности в области литературы и искусства. Византизм прошел длительный период становления, формировался в результате синтеза и взаимовлияния античного (греческого и римского), варварского, восточного начал. Он оказывал воздействие на различные стороны жизни сопредельных с империей территорий. Поэтому расширение знаний о Византии Ф.И. Успенский считал обязательным не только для нужд русской науки, но и для решения политических задач, стоявших перед Россией в конце XIX столетия, а также для роста национального самосознания.

Необходимость в изучении византизма отчетливо осознавалась византистами «второго поколения» (В.Э. Ретель, А.П. Рудаков, Х.М. Лопарев, В.Н. Бенешевич, С.А. Жебелев, А.А. Васильев). А.П. Рудаков (1886–1940), воспитанник Московского университета, представитель историко-культурного направления отечественной византистики, известен как автор книги «Очерки истории византийской культуры по данным греческой агиографии» (СПб., 1997), в которой впервые использовал обширный агиографический материал для реконструкции социальных, экономических, бытовых реалий византийской цивилизации.

Новаторство А.П. Рудакова состояло в обращении к исследованию культурного развития Византии, что актуализировалось тем, что «понимание цельной, гармоничной старорусской культуры, проникновение в ее особый благообразно-прекрасный стиль невысказанно без знания ее прототипа. Изучая “византизм”, мы, русские, все время как бы чувствуем себя дома, как бы углубляем свое самопознание, как бы восходим к истокам своих родных ключей...» (С. 27). Насущной

потребностью византиноведения А.П. Рудаков называл разностороннее изучение византизма, то есть характерных черт византийской цивилизации. Для этого следовало выяснить «долю участия в образовании византизма каждой из предшествующих культур, взвесить причины его тысячелетней устойчивости, оценить всемирно-историческую роль Византии, как монархии, самой своей косностью хранившей для человечества высшие религиозные, политические, социальные, образовательные и эстетические достижения древности» (С. 30).

Принципиальной особенностью научного подхода А.П. Рудакова является внимание к мировосприятию византийцев. Обозначая этот подход как «психологический», историк подчеркивал, что византизм был подлинно мощной преломляющей средой, в которой человеческая личность искажалась в определенный культурно-исторический тип. Изучение этого типа, в свою очередь, невозможно без знания образа жизни, нравов, бытовых реалий, без проникновения в дух и характер византийского литературного и художественного творчества. А.П. Рудакову удалось показать, что византийская цивилизация представляла собой иной вариант развития общества, во многом отличный от западного. Византисты второй половины XX века (Г.Л. Курбатов, Г.Е. Лебедева), оценивая творческие наследие исследователя, указывают, что своей установкой на уяснение культурно-исторического типа он приблизился к современным постановкам проблемы византийского менталитета, выявления основных устойчивых его характеристик и особенностей.

Обозначим также яркую интертекстуальную параллель. Термин «культурно-исторический тип», используемый А.П. Рудаковым, активно применялся авторами концепций культурно-исторической монадологии (Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым). Философы интерпретировали его как некую социокультурную целостность, проходящую в своем развитии несколько стадий, выделяемых по аналогии с жизнью живого организма. Подобная биологизация в построениях А.П. Рудакова отсутствует, его представление о статичности византийской цивилизации не перекликается с теорией циклических ритмов. Вместе с тем и его подход предусматривает взгляд на византийский культурно-исторический тип как на уникальную историческую единицу, устойчивую цельную структуру, нигде не повторяющую.

А.П. Рудаков, как и К.Н. Леонтьев, считал возможным говорить о влияниях и заимствованиях, так называемом синкретизме или слиянии разнородных элементов в один общий культурный тип. Именно эта предрасположенность к диалогу, по мнению А.П. Рудакова (в отличие от рассуждений Н.Я. Данилевского об изоляционизме культурно-исторических типов), объясняет, почему византийская «культура, являвшаяся синкретизмом Востока, эллинизма и Рима... легла в основу национальной веры и мысли в России» (С. 29).

Таким образом, в трактовках Ф.И. Успенского и А.П. Рудакова термин византизм аккумулировал в себе основные черты византийской цивилизации. Ф.И. Успенский больший акцент делал на политические, социально-экономические и идеологические элементы этого феномена. А.П. Рудаков особо выделял культурологические и психологические компоненты. Оба исследователя избегали резких эмоциональных характеристик, они систематизировали и анализировали составные элементы византизма, прослеживали механизмы его возникновения, но при этом не стремились к однозначным оценочным формулировкам – хорош византизм, или плох. Для них он, в первую очередь, являлся объектом изучения. При этом византизм отнюдь не рассматривался как отвлеченная, искусственно сконструированная категория. Напротив, он был интересен именно потому, что показывал пример явления, возникшего на базе нескольких предшествующих культур, прошедшего чрезвычайно сложный и длительный исторический путь, и оказавшего интенсивное воздействие на самые разные стороны русской жизни.

В.Р. Блиев (Омский ГУ)

**Актуальная Византия: дореволюционная историография
о государственно-церковных взаимоотношениях в Византии
в контексте российской общественно-политической жизни
второй половины XIX – начала XX вв.**

Проблема государственно-церковных отношений в Византии относится к числу наиболее дискуссионных в отечественной историографии. Во многом это связано с тем, что взаимоотношения церкви и государства в Византии часто рассматриваются исходя из отечественного опыта государственно-церковного взаимодействия, так как первые нередко воспринимаются как источник и/или пример для подражания. Традиции такого подхода к изучению данной проблемы были заложены еще при становлении отечественной византистики во второй половине XIX века, когда вопросы реформирования государственной политики по отношению к церкви приобрели особенно острое звучание из-за своей общественно-политической и социальной актуальности.

Представляется возможным отметить определенную связь между появлением различных подходов в научно-историческом сообществе к изучению отмеченной проблемы и изменениями в церковно-публицистической мысли под влиянием серьезной перестройки государственно-церковных взаимоотношений в Европе и изменениями во внутривосточной ситуации в Российской империи.

В отечественной историографии второй половины XIX – начала XX вв. следует различать три подхода к рассмотрению церковно-государственных отношений в Византии. Согласно первому, сущность

этих отношений характеризуется концепцией цезарепапизма, которая имела отличное от современного понимания этого термина содержание. Сторонники этой теории полагали, что, не смотря на канонический и законодательно оформленный принцип независимости церкви от государства, светская власть постоянно вмешивалась во внутрицерковные дела, стремясь поставить церковь под свой контроль. Первым с данной трактовкой византийской модели церковно-государственных отношений в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. выступил доктор богословия и заслуженный ординарный профессор Санкт-Петербургской духовной академии и Санкт-Петербургского университета И.Е. Троицкий (1832–1901). Впоследствии похожие идеи озвучивались В.В. Болотовым, А.П. Лебедевым, Ф.А. Терновским и др. Нетрудно заметить, что появление этой концепции совпало с либеральными реформами Александра II, когда в церковной и светской околоцерковной публицистике поднялась волна критики в адрес синодальной системы управления церковью и актуализировались проблемы свободы совести. Также очевидно, что значительную роль в последующем развитии данного направления сыграл духовно-академический устав 1869 г., который создал совершенно особую научно-образовательную среду в духовных академиях и способствовал становлению церковно-исторической науки в целом и ее «критического» направления в частности.

Второй подход характеризуется идеей «симфонии» государственной и церковной власти в Византии. Его основоположник Ф.А. Курганов (1844–1920), заслуженный ординарный профессор Казанской Духовной академии и Императорского Казанского университета, на основе византийской канонической теории отношений между духовной и светской властью выдвинул концепцию, по которой византийская модель основывалась на идее союза и полного согласия духовной и светской власти, но при этом предполагала для каждой из властей определенную независимость.

Сторонники теории «симфонии» И.И. Соколов, И.С. Бердников, М.А. Остроумов и др., используя эту концепцию при рассмотрении вопросов о положении церкви в Российской империи, также признавали необходимость его изменения и уменьшения чрезмерного государственного вмешательства в церковную сферу. Но при этом они отстаивали сам принцип союза церкви и государства, имевший, по их мнению, определяющее значение для благополучного существования обоих этих общественных институтов. Необходимо учитывать, что данная концепция развивалась с 80-х гг., когда на примере Германии, а затем и Франции, уже отчетливо можно было видеть к чему может привести разрыв между церковью и государством. Для характеристики этого направления, с точки зрения отношения его сторонников к актуальным церковно-общественным вопросам, весьма характерными являются статьи Т.В. Барсова и И.С. Бердникова, в которых представлена развернутая критика различных

современных им теорий отношений государства и церкви, предполагавших их разделение или насильственное подчинение церкви государству.

Концепция «византийской симфонии» явилась ответом также и на зарубежные обвинения византийской церкви в цезарепапизме, получившие широкое распространение благодаря работам Я. Буркхарда, Я. Фаллмерайера, И. Гергенретера. При этом сложилась ситуация, когда сторонники первого направления, «грешившие чрезмерным использованием» зарубежной, прежде всего немецкой протестантской церковно-исторической литературы, стали восприниматься отдельными представителями консервативных церковных и духовно-академических кругов как проводники протестантского мировоззрения. Такие настроения, наряду с необходимостью реформирования духовных академий для усиления в них пастырской подготовки духовенства, послужили причиной появления Устава Православных Духовных Академий 1884 г., по которому свобода научно-исследовательской деятельности фактически подверглась ряду ограничений.

Третий подход к проблеме государственно-церковных отношений в Византии впервые был представлен также в начале 80-х гг. в работах Н.С. Суворова (1848–1909), профессора Демидовского юридического лицея в Ярославле, а впоследствии ординарного профессора по кафедре церковного права в Императорском Московском университете. Характеризуется он, прежде всего, констатацией теократического характера византийского государства, при котором государство и церковь представляют единое целое под главенством императора. Базовый принцип Н.С. Суворова, утверждающий, что земным главой церкви в Византии являлся носитель верховной власти – император, выступал также для него ключевым при защите существовавшей в его время отечественной системы государственно-церковных взаимоотношений. Таким образом, основанный на критике концепций как цезарепапизма, так и «византийской симфонии», этот подход представляет собой реакцию консервативно настроенных светских кругов на попытки ухода от синодальной системы управления церковью, в которых им виделась угроза самодержавной власти российского императора.

Наиболее четко специфику использования отмеченных выше концепций их сторонниками при обосновании подходов к современным им проблемам государственно-церковных взаимоотношений можно наблюдать в «Журналах и протоколах Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия» 1906 г. при анализе полемики по вопросу о восстановлении патриаршества, разгоревшейся на заседаниях I-го отдела.

Таким образом, можно констатировать, что изучение византийской системы взаимодействия между церковью и государством в период становления отечественной византистики и науки церковного права можно рассматривать, по преимуществу, как средство для аргументированной защиты исследователями своих взглядов на современные для них вопросы

реформирования государственно-церковных отношений в Российской империи. Злободневность этих вопросов обеспечила значительный количественный рост публикаций по данной тематике, но в то же время способствовала повышению уровня эмоциональной окрашенности результатов исследований.

М.В. Салимгареев (Казанский ГТУ)

**Осмысление стоического наследия
профессиональным сообществом гуманитариев-обществоведов
во второй половине XIX – начале XX вв.**

Анализ осмысления стоического наследия профессиональным сообществом гуманитариев-обществоведов России во второй половине XIX – начале XX вв. являет интереснейший пример того, как общественная трансформация конкретной эпохи порождает особый угол исследовательских интерпретаций, задает определенный вектор в актуализации прошлого. Поздняя Стоя как значимое явление заката античной культуры отразила глубокие психологические и идеологические потребности кризисной эпохи. Закономерно, что склонный к космополитизму, универсализму и аскетизму стоицизм своей житейской, практической направленностью вызвал повышенный отклик в российском сознании.

Фактически первым представителем университетской науки, обратившимся к Стое, стал В.И. Модестов. Внимание к стоической философии и к ее представителям было проявлено В.И. Модестовым главным образом в просветительско-публицистических работах, относящихся к тому периоду его творчества, когда он был отстранен от преподавательской деятельности. Либеральные убеждения ученого отчетливо прослеживаются в речи, посвященной Сенеке и его письмам к Луцилию, произнесенной на торжественном акте в Университете Св. Владимира в 1872 г. В ней римский философ представлен как носитель идеалов языческой нравственности, но, по своей сути, полагал Модестов, стоицизм Сенеки был не способным возродить древнее общество (Модестов В.И. Философ Сенека и его письма к Луцилию. Киев, 1872. С. 12).

Работой «Марк Аврелий и новая религия» (Наблюдатель. 1882. № 3-4), Модестов откликнулся на книгу «Марк Аврелий и конец античного мира» Эрнеста Ренана. Высоко оценивая работу Ренана, В.И. Модестов сам в стоическом духе замечает, что она позволяет «уйти на время от созерцания окружающей нас вакханалии диких и подлых страстей, беспрепятственно разыгрывающихся на наших глазах и в жизни, и в печати, от созерцания постоянных оскорблений всего того, что до сих пор составляло лучшую веру и надежду, от этого оглушающего призыва к стадным чувствам нашей природы, от этого прославления холопства, как гражданской доблести, от этого цинического отрицания прав человека на достой-

ное существование» (Там же. № 3. С. 136). Ученый не скрывает, что очарован Марком Аврелием как императором, что видит в нем идеального монарха. Он мудрый, справедливый, гуманный, распорядительный, он – предмет общей любви. Тем не менее, он допустил гонения на христиан. Оправдывая его, В.И. Модестов уверен, что он не был их инициатором, что гонения достались ему в наследство, он лишь продолжал политику восстановления уважения к закону и к государству. И все же В.И. Модестов не может полностью оправдать Марка Аврелия, как это, например, делает Э. Ренан. «Марк Аврелий не был двигателем гонений, – пишет В.И. Модестов, – он, по всей вероятности, не одобрял обнаруживавшейся временами жестокости к этому населению со стороны местных властей; но он ее терпел, допускал, не ограничивал законодательным актом, хотя, быть может, и стремился к смягчению ее на практике» (Там же. С. 147). Как видим, автор вполне адекватен современности, он не желает до конца оправдывать политику Антонина, стало быть, не может до конца оправдывать и политику российского императора, повернувшегося к консерватизму. Модестов убежден, что «никакое государство не в состоянии выдерживать возрастающее оскудение жизненных сил, на какое осуждает его систематическое уклонение от участия в его жизни многочисленного класса граждан, не желающих иметь ничего общего с его учреждениями, деятельностью и заботами» (Там же. С. 148). Данная характеристика, как и весь круг стоической проблематики в трудах В.И. Модестова, свидетельствует, что в своих взглядах на Стою казанский антиковед исходит из современной ему нравственной атмосферы эпохи, заставляющей обращаться к актуальным аспектам античного наследия, находя в них примеры и образцы, должные подвести российское общество конца XIX века к пониманию истинных основ общежития и нравственного поведения.

В культурологическом контексте рассматривал Стою профессор Московского университета М.С. Корелин. Связанный с лучшими традициями «русской исторической школы», он развивал культурно-исторические подходы применительно к истории древнего мира и средних веков. По мнению М.С. Корелина, стоицизм, стремясь заменить религию и этим реформировать духовные устои римского общества, лишь обострил нравственные стремления; не будучи в состоянии дать им полное удовлетворение, он не мог надолго соответствовать нравственным потребностям ни общества, ни отдельной личности, поскольку игнорирует естественную любовь человека к человеку. В результате обострившийся духовный кризис имел лишь единственный выход – обращение к христианству (См.: Корелин М.С. Падение античного мирозерцания. Культурный кризис в Римской империи. СПб., 1901).

Другой точки зрения придерживался профессор Санкт-Петербургского университета Ф.Ф. Зелинский. По его мнению, стоицизм как философская школа отвечала на вопросы, заданные Сократом. Ее ответом стала нравственная философия, «создательница единственной в

мире автономной морали, сознательно выводящая нравственный долг – долг человека – из его правильно понимаемой природы» (Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей. Т. 2. СПб., 1905. С. 99-100). Интересным аспектом в авторской интерпретации стоицизма является утверждение, что его нравственная философия органически вплетена в христианство. Стоицизм, войдя в христианство, продолжает в нем жить. В новых исторических условиях христианство встает на место, некогда занимаемое стоицизмом. Ныне уже христианская мораль войдет в новую форму морали. Ф.Ф. Зелинский позитивную направленность грядущих социальных перемен связывал с новым синтезным освоению нравственных, духовных начал античности и христианства.

В рассматриваемый период появляются переводы и публикации позднеримских стоиков, стимулировавшие рост интереса к стоицизму в обществе. Активно осваивалась зарубежная историография. Стоя нашла свое место и в курсах лекций по древней истории Б.А. Павловича, М.М. Покровского, Н.И. Кареева, Н.А. Осокина, В.И. Герье. Российские исследователи откликались на иностранные работы по стоической философии. Переводятся как общие, так и специальные исследования по древнегреческой и древнеримской философии, в которых стоицизму традиционно отводится особое место.

Складывавшийся в России интерес к стоицизму на рубеже веков был обусловлен подобием российских реалий с историко-культурной ситуацией кризисного периода позднеримского мира. Идеинная атмосфера этих эпох была наполнена переоценкой и переориентацией мировоззренческих установок. Обстановка нестабильности, осознание несоответствия хода развития социальных событий человеческим устремлениям, пересмотр сложившихся ценностных представлений, острое ощущение потери смысла жизни предопределяли популярность и востребованность этико-практической традиции стоицизма.

Л.М. Шмелева (ТГГПУ, Казань)

С.П. и Д.П. Шестаковы о задачах в изучении классической филологии и древнегреческой истории в начале XX века

Конец XIX – начало XX вв. стали временем осмысления в науке пройденного пути, подведения итогов и постановки задач на будущее, особенно для российской исторической и филологической науки. С.П. и Д.П. Шестаковы не остались в стороне от этого явления научной жизни. Ими был опубликован ряд статей, в которых ставились задачи развития филологической науки и изучения истории древней Греции и подводились некоторые итоги развития классической филологии.

Так, в небольшой заметке «Из новейшей литературы, относящейся к греческой трагедии» С.П. Шестаков, делая обзор мнений о происхожде-

нии греческой трагедии и драмы, намечает пути дальнейшего развития истории греческой литературы. «Задачи истории литературы, как науки, – пишет С.П. Шестаков, – могут рассматриваться с разных точек зрения. Несомненно во всяком случае, что одним из ближайших объектов ее является наблюдение процесса развития литературных видов». «В истории древнегреческой литературы, – продолжает он далее, – эта сторона изучения в особенности интересна». Здесь же казанский ученый отмечает, что прежнее эстетическое истолкование уже не удовлетворяет современного исследователя, так как «стремилось всячески оправдывать несовершенства и недостатки ранних произведений греческих драматургов», теперь же эти несовершенства служат для исследователя «характерным признаком искусства, еще отыскивающего свои пути, пробуемого и вырабатывающего свои средства» (Гермес. 1908. № 3. С. 76).

Д.П. Шестаков обращает в своих работах внимание на направления в изучении древнегреческой литературы и жизни. Первым таким направлением является изучение народной речи и народного языка, вторым – индивидуализация изучения греческого языка, то есть изучение языка отдельных писателей, что стало возможным благодаря предшествующему развитию классической филологии, которая «заложила прочные основы общего исторического изучения греческого языка». Также ученый указывает, что в изучении Древней Греции одним из направлений исследовательской работы может стать изучение «малых древностей» в истории быта и искусства, внимание к изучению положения различных сословий в древнегреческом обществе, чему особенно способствуют богатые находки папирусов. Д.П. Шестаков пишет и о необходимости изучения древнегреческой религии. Хорошие результаты в этом плане может дать использование наработок по изучению народной латыни.

В последующих публикациях Дмитрий Петрович во многом расширяет высказанные ранее взгляды на развитие классической филологии. Наиболее выразительной чертой современной ему классической филологии Д.П. Шестаков считает «расширение круга тем, интересов, изучений», что связывает с вниманием исследователей к изучению народной речи, с одной стороны, и творчества «писателей послеклассических», с другой. Ученый высказывает сожаление, что у славянской науки нет постоянного представительства и научных исследований, напрямую связанных с местностями, где открываются новые папирусы, но это не мешает ей быть на уровне западноевропейской науки. Дмитрий Петрович считает, что главное, что вносит российская наука в изучение античного мира, – «славянская восприимчивость и спокойная, независимая критика» (Шестаков Д.П. Греческая филология в славянской науке // ЖМНП. 1909. Ч. 24. С. 505, 522). Таким образом, он подчеркивает аполитичный характер российской науки, ставит это ей в заслугу.

Более общие взгляды Д.П. Шестакова на развитие греческой литературы и литературы вообще изложены им в двух статьях: «Сохранность

греческой литературы и египетские папирусы» (Гермес. 1911. № 11–12. С. 292–298; № 13. С. 330–334) и «О некоторых основных течениях в современной науке классической филологии» (ЖМНП. 1912. Ч. 39. Отд. V. С. 233–251). Проводя в них те же принципы, что и в предыдущих своих работах, Д.П. Шестаков специально останавливается на вопросах развития литературы и развития наук, изучающих античность. Им высказан достаточно оригинальный взгляд на эту проблему.

Развитие литературы идет путем преемственности через второстепенных лиц: в истории литературы «пред нами проходят не только великие, гениальные писатели, но и меньшие, слабейшие таланты, а для историко-литературного изучения последние столь же значимы, как и первые», «именно второстепенные писатели заполняют своей литературной деятельностью промежуточные стадии между явлениями двух великих талантов». До нас дошло мало известий о писателях древности, поэтому и не наблюдается плавности развития греческой литературы, она представляет собой «обломки, прекрасные, но рассеянные» (Гермес. 1911. № 11–12. С. 292). Находки папирусов в Египте помогают восстановить «плавность» развития греческой литературы (Там же. С. 330).

Д.П. Шестаков считал основным отличием современной ему классической филологии расширение хронологических границ изучения и добавление культурно-исторических методов исследования. Восстанавливаются и изучаются «с таким же обилием и прочностью рукописного исследования, на таких же основаниях, как и классические писатели, и авторы христианские» (ЖМНП. 1912. С. 233–251).

Главной задачей науки Д.П. Шестаков считал восстановление жизни и культуры древних греков и римлян по литературным памятникам и другим источникам, например, надписям. Начиная с александрийского библиотекаря, астронома, географа Эратосфена, впервые назвавшего себя филологом, Д.П. Шестаковым прослеживается вся история науки через эпохи средневековья и возрождения до современного автору этапа. «При общности основной задачи науки, как и ее первоисточников, – пишет Д.П. Шестаков, – каждое новое поколение подходит к исследованию со своими воззрениями на границы задачи науки, как и на границы средств изучения» (Там же. С. 233). «Мы считаем, – пишет он далее, – первым основным течением в современной науке классической филологии значительное расширение хронологических границ изучения», то есть включение в сферу изучения классической филологии и доклассического этапа формирования древнегреческого языка и после классического периода его развития. В этой связи Д.П. Шестаков рассматривает изучение александрийской литературы, с одной стороны, как самобытной, с другой – как передаточный пункт от греческой к римской литературе (Там же. С. 236–237). Заметив, что за расширением хронологических границ в науку входят другие черты, Д.П. Шестаков подчеркнул, что между ними на первое место выходят как народность, так и их «международность».

На примере развития понятий о языке и его формах автор показывает возможный метод исследования языковых явлений в древнегреческом языке: «Когда мы замечаем, что позднейшие явления языка сводятся к таковым же древнейшим явлениям, то мы безошибочно относим и те, и другие к особенностям народной речи». В то же время «мы возвращаемся к тем первоначальным состояниям обоих античных языков, которые сближают их между собою, и равномерно приближают и греческую, и латинскую речь к их общей индоевропейской основе, то есть повторяем свои изучения на международном основании» (Там же. С. 249, 250).

Таким образом, С.П. и Д.П. Шестаковы ставят в качестве задач на будущее изучение народного языка, жанров древнегреческой литературы для классической филологии, для изучения истории Древней Греции – обратить внимание на исследование положения отдельных сословий, их быта, народной религии.

Л.П. Репина (Институт всеобщей истории РАН)

Понятие всеобщей истории в российской интеллектуальной традиции (XIX – начало XX вв.)*

Говоря о происхождении особого типа историографии – всеобщей истории, качественно отличающегося от повествований об истории отдельных народов, мы попадаем в весьма отдаленную, античную эпоху. Что касается рождения всеобщей истории Нового времени, то оно связано с именем Дж. Вико, с прогрессирующей секуляризацией исторического сознания и с «историографической революцией» XVIII в. В классической парадигме всеобщая/всемирная история была «высоким жанром», в котором на протяжении столетий корифеи историографии стремились реализовать свои самые амбициозные проекты. В России же идея всеобщей истории – довольно позднее приобретение. Само ее распространение было напрямую связано с мучительными поисками ответа на вопрос об исторических судьбах человечества как целого, и России – как его части. В XIX – начале XX вв. идея всеобщей истории имела особое значение как для профессиональной историографии, так и для острых общественных дискуссий о прошлом и будущем России.

В интерпретации Т.Н. Грановского «нет науки, которая не входила бы своими результатами в состав всеобщей Истории, имеющей передать все видоизменения и влияния, каким подвергалась земная жизнь человечества», но при этом всеобщая история не превращается в простую сумму частных, локальных и национальных историй. Принцип отбора материала

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт 02.740.11.0350.

для всеобщей истории должен был, в соответствии с концепцией Грановского, состоять в вычлениении «общего, существенного» в процессе развития человечества – развития, общего для всех народов.

*Профессиональное понимание всеобщей истории у Грановского восходит к концепции Ранке, который считал, наука всеобщей истории отличается от специального исследования тем, что, изучение особенного непременно устанавливает связь с более широким контекстом, а конечной целью остается постижение и написание истории человечества». Во вводной лекции по истории историографии (1848 г.) Грановский дал пространное изложение своего понимания различия между частной (локальной или национальной) историей, с одной стороны, и универсальной, или всеобщей историей, с другой: он обнаружил корни этой концепции в христианстве, но связывал ее реализацию с современной ему философией истории и подчеркивал, что *всеобщая история должна быть рассказана как история одного человека*. При этом также акцентировалось различие между *всемирной* и *всеобщей* историей, и первая трактовалась как направление эмпирическое, которое *ложно* потому, что довольствуется только фактами и *оставляет в стороне человека*. Всеобщая же история, по Грановскому, *немыслима вне человека, «в стороне» от него и представляет собой, по сути, биографию Человечества*. Более того, Грановский, утверждал, что *всеобщая история должна иметь предметом развитие духа рода человеческого*». Речь, таким образом, может идти о *духовной биографии Человечества*.*

Влияние Грановского на все последующее развитие российской историографии всеобщей истории, основы которой он заложил, в XIX – начале XX вв. бесспорно. Несколько поколений испытали его. Это были преемники Грановского по кафедре всеобщей истории П.Н. Кудрявцев и С.В. Ешевский, а также С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин, В.И. Герье, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, И.В. Луцицкий, П.Г. Виноградов, М.С. Корелин, С.Ф. Фортунатов, Р.Ю. Виппер и многие другие.

Герье, например, как и Грановский, подчеркивал, что всеобщая история имеет для русских особое значение, поскольку представители западных стран не в состоянии отделить универсальную историю от своей национальной, в то время как для русского всеобщая история – это история человеческой цивилизации. Стремясь охватить «всю совокупность истории человечества, ее ход и ее цель», не упуская из вида ее «самое конкретное явление» – отдельного человека и настойчиво подчеркивая роль в истории субъективного элемента, Герье видел в знании всеобщей истории необходимый элемент современной культуры.

Историки русской исторической школы, считая Россию неотъемлемой частью европейской цивилизации, всегда признавали самобытность России, даже подчеркивали ее значение и недвусмысленно выражали свое убеждение в необходимости учитывать национальные традиции и специфику внутреннего развития, культурно-историческое наследие – короче,

все те характеристики, которые мы теперь назвали бы цивилизационными основаниями исторического процесса. Будучи профессионалами высочайшего класса с оригинальными философскими и историческими взглядами, российские «всеобщники», отчетливо понимали, что простое наличие апробированных моделей перехода от старого режима к современности могло бы лишь облегчить и ускорить этот процесс, но сам механизм этого движения по пути, проложенному другими, может быть запущен только в аналогичной исторической ситуации, созданной социальными, экономическими и политическими условиями самого общества, его действительными потребностями. Так, П.Г. Виноградов, признавая возможность заимствовать достижения западной цивилизации, исходил из обязательного учета особенностей «национального организма» России. Главное значение всеобщей истории Виноградов видел в воспитании человека через «продумывание» и «прочувствование» последовательности развития человечества, и при этом подчеркивал, что *именно всеобщая история должна быть русской наукой.*

Чтобы до конца представить всю широту понимания предмета исторической науки в российской традиции всеобщей истории, необходимо не упустить из виду, что комплекс идеалов и ценностей, на базе которого выстраивалась картина всемирно-исторического развития, был насквозь гуманистичен. Российские «всеобщники» настойчиво подчеркивали не только разнообразие и многосторонность *жизни человечества*, разных поколений, но и роль личности, индивидуального начала в истории, и в качестве ее творца, и как субъекта исторического познания. Что же мог в этой парадигме взять историк «за центр, около которого должны группироваться все элементы культуры? Это нечто есть человеческая личность, ибо все в истории существует через человека, в ней и для нее» (Н.И. Кареев). Не случайно, что одна из лучших практических разработок «русской» идеи всеобщей истории – серия учебников для школ, написанная Н.И. Кареевым по всем частям и периодам мировой истории. Главная черта этих текстов – интегральная презентация исторического процесса.

Несмотря на прошедшие более полутора столетий многие оригинальные положения концепции всеобщей истории, разделяемой российскими историками XIX – начала XX в., вызывают отнюдь не антикварный интерес, приобретая в современном интеллектуальном контексте особое звучание. Аргументация современных пропагандистов глобальной истории, пытающихся на новом теоретическом уровне вернуться от микроисторической оптики к масштабному, интегрирующему взгляду на историю и охватить человечество как некую структуру в развитии взаимосвязей ее отдельных частей, удивительным образом перекликается с тем, что Н.И. Кареев, более века назад констатировавший «постепенное объединение судеб отдельных стран и народов», описывал как «всемирно-историческую точку зрения»: Всемирная история есть «процесс постепенного объединения человечества, расширения и углубления связей, ма-

ло-помалу образующихся между разными странами и народами. В этом процессе каждая отдельная часть человечества, им захватываемая, все более и более начинает жить двойною жизнью, т.е. жизнью своею собственной, местною и особою, и жизнью общею, универсальною, состоящею, с одной стороны в том или ином участии в делах других народов, а с другой – в испытывании разнородных влияний, идущих от этих других народов. То, что касается только самого народа, есть, так сказать, его частное достояние, и всемирная история человечества, конечно, есть прежде всего сумма таких частных историй, но она получает право на наименование всемирной истории лишь постольку, поскольку судьбы отдельных народов переплетаются между собою, один народ оказывает на другой то или иное влияние, между народами устанавливается известная историческая преемственность, и таким образом над суммою частных историй возникает общая, универсальная, всемирная» (Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. СПб., 1903. С. 7).

ЧАСТЬ VI. УЧЕНЫЕ ВПИ–КГПИ–КГПУ–ТГГПУ В НАУЧНОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ И ТАТАРСТАНА

В.В. Тыринов (ТГГПУ, Казань)

Педагогическая деятельность М.Д. Бушмакина в Казанском коммерческом училище

Окончание учебы известного казанского историка-медиевиста и педагога М.Д. Бушмакина (1882–1958) в Казанском университете совпало с трагическими событиями в истории России. 16 января 1905 г. в «Казанской газете» было перепечатано правительственное сообщение о событиях 9 января в столице. Начались волнения среди студентов Казанского университета, пропуски лекций, попытки проведения собраний с политической окраской. 23 января в здании общежития произошла студенческая сходка. Согласно рапорту зав. общежитием, на сходке было около 700 чел.: «Из разговоров между собой уходивших со сходки можно было заключить, что на ней читались прилагаемые при сем прокламации, произносились на темы прокламаций речи, обсуждались вопросы о какой-то “забастовке”» (НА РГ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11100. Л. 18-20). 24 января за подписью ректора появилось объявление: «с разрешения начальства, все учебные занятия в университете, временно, впредь до особого распоряжения, прекращены, и вход студентам в университет и во все учебно-вспомогательные учреждения университета закрыт» (Там же. Л. 33). Занятия возобновились лишь поздней осенью, а 3 декабря Совет историко-филологического факультета постановил: всем студентам IV курса «зачесть восьмой семестр и выдать им свидетельства о зачете восьми полугодий» (Ф. 977. Оп. Инспектор студентов. Д. 241. Л. 27).

Весной 1906 г. Бушмакин серебряным медалистом окончил университет и получил диплом первой степени, в котором говорилось, что с 1 июля 1902 г. до окончания образования он «пользовался в Университете стипендией Министерства Народного Просвещения, почему он... обязан за каждый год получения стипендии прослужить, по назначению Начальства, в подведомственных сему Министерству учебных заведениях полтора года» (Архив КГПУ. Оп. 39. Д. 92. Л. 52).

С работой М.Д. Бушмакину повезло: летом 1906 г. он был принят в число преподавателей недавно образованного Казанского коммерческого училища. Сам факт его открытия можно считать своеобразным откликом на изменения в жизни страны рубежа двух столетий. Повышение спроса на интеллектуальный труд и возникшая потребность в новых специалистах привели к появлению новых высших и средних учебных заведений.

Директором училища был назначен опытный педагог и умелый организатор А.И. Немировский. На первое время (с ноября 1904 по июль 1907 гг.) для занятий были арендованы 8 комнат в большом доме «потом-

ственного почетного гражданина» Л.В. Кекина. «Наемная плата за помещение» определялась в 2200 руб. в год (НА РГ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1. Л. 2). Позднее к сооружению собственного здания училища были привлечены состоятельные горожане. Братья М.И. и К.И. Оконниковы, М.Ф. Шамов и Н.В. Унженин пожертвовали внушительный капитал – 75 тыс. руб. Недостающую сумму в виде кредита выделил Волжско-Камский коммерческий банк. Строительство здания училища по конкурсному проекту архитектора Д.В. Розова осуществлялось с 1907 по 1911 гг. Здание Коммерческого училища хорошо сохранилось и используется по прямому назначению: ныне в нем размещается сельскохозяйственная академия.

Занятия в училище проводились по программам средней школы с добавлением специальных дисциплин. В протоколах заседания педагогического комитета фамилия М.Д. Бушмакина впервые встречается 14 августа 1906 г. Ему поручалось проведение уроков по русскому языку в первом и втором классе, истории в третьем классе (там же, Д. 7а. Л. 92об). Преподавателем французского языка была Жанна Папп, впоследствии жена М.Д. Бушмакина (Архив КГПУ. Оп. 39. Д. 15. Л. 10).

Бушмакин часто выступал на заседаниях педагогического комитета. Так, в декабре 1906 г. в протоколе записано его выступление, выражающее методические позиции начинающего педагога: «преподавателю приходится быть маленьким хотя бы энциклопедистом; каждый предмет требует, чтобы преподаватель его был всесторонне образованным человеком, чтобы не затрудниться прозой при поэтическом уроке и поэзией в уроке, касающемся прозаических предметов, как это постоянно имеет место при объяснительном чтении на уроках русского языка» (Ф. 120. Оп. 1. Д. 7а. Л. 23). В марте 1907 г. он выступал при обсуждении вопроса об успеваемости и дисциплине учащихся. По его мнению, «в деле обучения не всегда можно взять интересом; нельзя забывать, что корень учения горек и лишь плоды его сладки» (Там же. Л. 38, 39).

Требования к учащимся были довольно высокими, и когда в 1911 г. первый набор дошел до выпуска, то в нем осталось всего 4 чел. К выпускным экзаменам М.Д. Бушмакин подготовил программу по новой истории. Её содержание позволяет представить понимание историком вопроса о границе между средними веками и новым временем. По этому вопросу в 1905 г. развернулась обширная переписка между профессорами Казанского университета и чиновниками Министерства просвещения. Историки подчеркивали, что «...точной границы между средними веками и новым временем провести нельзя, и разные авторы определяют таковую границу различно, но наиболее распространенным пунктом деления все же и ныне является конец XV века» (Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11089. Л. 5об). Этой же точки зрения придерживался и М.Д. Бушмакин.

Анализ программы показывает, что преподаванию новой истории в училище Бушмакин уделял больше внимания, чем истории древнего мира и средних веков. На экзамен он вынес 26 развернутых вопросов по этой

дисциплине, в т.ч. 3 вопроса по истории Английской революции середины XVII в., 4 – по истории Великой французской революции (Ф. 120. Оп. 1. Д. 20. Л. 194, 194об, 195). Судя по формулировкам, в процессе преподавания он делал упор на рассмотрении политической истории стран Европы. События за пределами европейского континента в программе лишь упоминались («Американские колонии. Восстания американцев. Конституция Соединенных Штатов 1787 года»). Вероятно, вопросы экономического развития, социального состава общества не являлись предметами изучения. Слово «экономика» лишь однажды встречается в программе – в формулировке «Кольбер и его экономическая политика». Термины «промышленность», а тем более «промышленный переворот» также не упоминаются. В то же время достоинством программы является включение в нее основных документальных источников данного периода. Это Петиция о правах 1628 г., Habeas Corpus Act 1679 г., Конституция США 1787 г., Декларация прав человека и гражданина 1789 г., Конституция 1791 г. и некоторые другие.

В училище началась не только педагогическая, но и научная деятельность М.Д. Бушмакина. Сам он впоследствии упоминал об этом с присущей ему скромностью: «Занимаясь главным образом педагогической работой, сделал ряд докладов по методико-воспитательным вопросам в Казанском педагогическом обществе, которые и печатались в “Трудах и протоколах” этого общества в период времени с 1910 по 1917 годы» (Архив КГПУ. Оп. 39. Д. 92. Л. 5об); в библиотеках Казани и Москвы удалось обнаружить 4 публикации такого характера). 11 февраля 1912 г. Бушмакин сделал доклад «К вопросу о типе учебника по древней истории для младших классов средней школы». Весной следующего года он выступил с сообщением «Самостоятельность учащихся при преподавании истории». Напечатанные, эти доклады стали первыми публикациями молодого специалиста, наряду с рецензией на учебник по новой истории для средней школы, появившейся в 1913 г. в тех же «Трудах и протоколах Педагогического общества, состоящего при Императорском Казанском университете» (См.: Бушмакин М.Д. 1) К вопросу о тип учебника по древней истории для младших классов средней школы. Казань, 1912. Вып. 1; 2) [Рец.:] А.Г. Вульфус. Учебник новой истории для средней школы. СПб, 1912. Казань, 1913. Вып. 2; 3) Самостоятельность учащихся при преподавании истории. Доклад, читанный в заседании Педагогического общества 27 апреля 1913 г. Казань, 1913; 4) Средняя школа и ее программа. Доклад, читанный в заседании общества 29 марта 1914 года. Казань, 1914). Все они носят преимущественно методический характер и являются свидетельствами накопления педагогического опыта молодым специалистом. Тема научных изысканий М.Д. Бушмакина определится значительно позже, под влиянием октябрьских событий 1917 года в период его успешной деятельности в Казанском педагогическом институте.

Жизнь и творческий путь Евгения Ивановича Чернышева

В этом году исполняется 30 лет со дня смерти видного казанского учёного, преподавателя Восточного Педагогического института и Казанского государственного университета Евгения Ивановича Чернышёва.

Е.И. Чернышев родился 7 марта 1894 г. в Симбирске. Он был незаконнорожденным сыном мелкого дворянина и белошвейки. Образование получил в приходской школе, затем в 1-ой Симбирской мужской гимназии (Из воспоминаний Т.Е. Даниловой (Чернышевой). Архив автора). Определив ещё в школьные годы склонность к гуманитарным наукам, он в 1913 г. поступает на историко-филологический факультет Казанского университета. Еще на III курсе Чернышев стал серьёзно заниматься историей России XVIII в. За сочинение «Историко-географический очерк Казанской губернии с учреждения её в 1708 г. до смерти Петра Великого» (НАРТ. Ф.р-1487. Оп. 5. Ед. хр. 118) Учёный Совет наградил его золотой медалью. Окончив университет в 1917 г., Чернышёв был оставлен при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию.

В 1919 г. Е.И. Чернышёв был избран преподавателем Высшего Института народного образования, реформированного в 1922 г. в ВПИ. В 1924 г. ему поручили вести общий курс истории России периода крепостного хозяйства, а весной 1928 г. он начал вести спецкурс «История классово-борьбы в России в XVIII в.». В эти же годы он преподавал в Восточной академии и Северо-Восточном археологическом институте (Архив ФТИ. Ф. 4. Оп. 5. Ед. хр. 1). В 1920 г. Чернышев стал членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Здесь он работал в качестве библиотекаря (1924-27), секретаря (1927), технического редактора (1928). Его доклады на заседаниях Общества были в основном посвящены классово-борьбе: «Аграрная борьба в Казанском крае», «Восстание декабристов», «Пугачёвщина в Казанском крае», «Материалистические взгляды А. Шапова». 1 февраля 1921 г. он был назначен уполномоченным в Центральном архиве ТАССР, с 1924 по 1926 гг. работал заведующим научно-технической частью управления и архивной секцией народного хозяйства. Архивному делу он посвятил несколько статей.

В 1920-е годы определились основные направления научной деятельности историка. Его научный руководитель проф. Н.Н. Фирсов нацелил его на такие проблемы как: «Татария в период разложения феодально-крепостнической системы», «Жизнь и деятельность революционер-демократа А.П. Шапова». С 1925 г. Чернышёв берётся за тему, которая будет проходить через всё его творчество: история крестьянского движения в Казанской губернии в начале XX в. Этой проблемой до него практически никто не занимался. В 1925–28 гг. по этой теме он издал ряд работ (См.: «Материалы по истории крестьянских движений в Казанском

крае в 1917 г.»; «Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 г.», «Характеристика классовых отношений в деревне в 1915 году»). В конце 1920-х гг. были написаны очерки по истории татарского народа: «Волнения казанских татар в 1878 году», «Восточная печать в эпоху реакции XX в.», «Облик казанской жизни в XVI в.», «Из истории татарской периодической печати», «Причина эмиграции крымских татар в Турцию». Эти работы были результатом работы в архивах Москвы и Ленинграда в 1927 г. (НАРТ. Ф. р-1487. Оп. 5. Ед. хр. 118).

В 1928 г. Евгений Иванович был утверждён Учёным Советом Наркомпроса РСФСР в звании доцента. В этом же году он стал делегатом от ВПИ на Всесоюзную конференцию историков-марксистов в Москве.

В 1928 г. общественность Казани отмечала 40-летие научной деятельности Н.Н. Фирсова. Однако одновременно с осознанием значимости научных работ Фирсова в местной печати прокатилась волна по «разоблачению» его научной деятельности. Его взгляды на роль русского города в начале XVII в. называли буржуазными, оценку им «смутного времени» трактовали как смесь либерально-буржуазной и народнической позиции, а крестьянских движений XVII–XVIII вв. – народнической (См.: Ермолаев И.П., Литвин А.Л. Профессор Н.Н. Фирсов. Казань, 1976. С. 81). Евгений Иванович выступил в защиту своего учителя и опубликовал в «Вестнике татароведения» (1930. № 9-10) статью «Профессор Н.Н. Фирсов как историк Поволжья», в которой назвал его «историком угнетённого царским режимом рабоче-крестьянского большинства».

В 1930-е годы тысячи людей интеллектуального труда были репрессированы за инакомыслие. Не обошла эта участь и Евгения Ивановича. Причиной ареста были неприязненные отношения с зав. кафедрой истории СССР ВПИ проф. С.П. Сингалевичем, поводом – карикатура, нарисованная Чернышёвым на него. 15 января 1931 г. Чернышёв был арестован и обвинён по статье 58 § 10 УК РФ. В тюрьме он вёл себя мужественно, продолжал работу над своими историческими трудами, изучал английский язык. Через год следствие было прекращено и его освободили за недостаточностью обвинения. Почти 11 лет Евгений Иванович не мог заниматься научной работой и преподавать в вузе. О защите уже написанной к тому времени диссертации не могло быть и речи.

В апреле 1941 г. Е.И. Чернышев вновь приступает к научной деятельности. Он был принят младшим научным сотрудником в ИЯЛИ. Но уже 1 сентября его уволили по сокращению штатов на время военных действий. В годы войны многие преподаватели и студенты ушли на фронт. Руководство Казанского университета в 1943 г. пригласило Евгения Ивановича преподавать сразу на нескольких факультетах. В 1944 г. его пригласили на работу в ВПИ, где он читал курс истории СССР.

Известные казанские историки Г.Н. Вульфсон и Н.П. Муньков во время войны были студентами и учились у Чернышёва. В оценке его как преподавателя ученики были единодушны: Евгений Иванович очень хо-

рошо знал свой предмет, был крупным специалистом по местным архивам, но особым лекторским даром не обладал. Лекции читал скучно, без эмоций, не интересно, но на экзаменах спрашивал фундаментально.

За время войны Евгений Иванович написал только одну статью «Куликовская битва». Предназначенная для сборника «Героическое прошлое русского народа», готовившегося под редакцией акад. Е.В. Тарле, она не была опубликована в связи с возвращением редакции, состоящей из эвакуированных учёных, в Москву. В 1942 г. на научной сессии историко-филологического факультета Казанского университета Чернышёв выступил с докладом «Уставные грамоты как исторический источник».

После окончания войны Чернышев вновь был зачислен сотрудником ИЯЛИ КФ АН СССР. С этого времени его научные интересы определялись задачами института. В 1948 г. в первом выпуске сборника «Материалы по истории Татарии» были опубликованы две большие статьи Чернышёва: «Татария в период разложения крепостного строя» и «Крестьянская реформа в Казанской губернии». Местные историки в это время работали над двухтомным изданием «Истории ТАССР» (Казань, 1955). Чернышёв написал три главы (гл. 6, 7, 8) для первого тома книги: «Татария в период крепостного строя в России», «Татария в период дворянской империи в XVIII в.», «Татария в период капитализма». В 1951 г. в журнале «Вопросы истории» (№ 5) вышла работа «Революционер-демократ историк А.П. Шапов», обобщившая его многолетний труд.

8 марта 1954 г. Чернышев в Москве на заседании секции истории СССР АН СССР с успехом защищает кандидатскую диссертацию «Социально-экономические очерки по истории Казанской губернии XIX века. (Дореформенный период)». В 1955 г. в «Известиях» Казанского филиала АН СССР Чернышев опубликовал статью «К вопросу о связях Волжско-Камского края с всероссийским рынком в XVII веке». На основе глубокого изучения таможенных книг он доказал, что в XVII в. Казанский край начал превращаться в органическую часть всероссийского рынка. В том же сборнике он опубликовал статью «Из истории строительства Казанской железной дороги» (1957). В конце 1950-х гг. Чернышёв работал над проблемой «Генезис капитализма в Волго-Камском крае». Важным событием его жизни стало участие в научно-координационной сессии, посвящённой падению крепостного права в России и славянских странах в середине XIX в., проходившей в мае 1961 г. в Москве, в Институте истории. В последние годы своей деятельности Чернышев занимался вопросами Пугачевского восстания в крае. В архиве ИЯЛИ, где отложился фонд Чернышёва, сохранен ряд его статей по данной тематике. Работу по этой теме успешно продолжил его ученик С.Х. Алишев.

В 1960 г. в связи с 25-летием ИЯЛИ имя Е.И. Чернышёва было занесено в Книгу Почёта института. В 1966 г. в возрасте 72 лет он вышел на пенсию. Е.И. Чернышев умер в 1979 г., оставив большое научное наследие, хороших учеников и добрую память о себе.

Евгений Иванович Устюжанин: личный архив историка

Серия исследовательских проектов начала XXI в. позволила вплотную приблизиться к пониманию и переосмыслению жизненного пути историков России, формирования исторических школ и сообществ, развития исторического знания. Процесс затронул как столичные академические и университетские центры, так и регионы России. Современный «биографический бум» в значительной степени обусловлен методологическими поисками исследователей, разрабатывающих проблемы интеллектуальной истории, истории повседневности, истории идей и ментальностей. Параллельно стали интенсивно применяться методы «нетрадиционных» для советского периода устной истории, визуальной истории и др. В то же время, на фоне всплеска интереса к новациям, не потеряли актуальности и традиционные архивные фонды личного происхождения в отделах рукописей научных библиотек, государственных архивах, в частных коллекциях. Но если раньше они оставались на периферии исследования, то сейчас востребованы и активно вводятся в научный оборот.

Одним из фондов регионального масштаба, сформированным еще в 1977 г. в Отделе рукописей научной библиотеки Казанского университета, является фонд Е.И. Устюжанина (1902–1968) (ОРРК НБЛ. Ф. 8. 34 ед. хр.), ученика акад. Б.Д. Грекова, автора первой публикации по истории восстания в с. Бездна Казанской губернии 1861 г. и колхозного строительства в Татарской АССР, учебников для средней школы, редактора «Ученых записок КГПИ» и сборников документов по истории крестьянского движения. Е.И. Устюжанин в 1939–40 гг. возглавлял кафедру в КГУ, в 1947–68 гг. – кафедру истории СССР в КГПИ, представлял сообщество историков Казани в Национальном комитете историков Советского Союза, был членом Ученых советов Госмузея и Госархива ТАССР, удостоен звания «Заслуженный деятель науки ТАССР». Человек непростой судьбы, он пользовался заслуженным уважением коллег и учеников.

Видовой набор документов, отражающий страницы биографии историка, традиционен: анкеты, служебные автобиографии, удостоверения и др. Фрагментарно представлены материалы, характеризующие деятельность института в целом, бытовую и этическую сторону взаимоотношений сотрудников и коллег по кафедре (1936–1962 гг.; ед. хр. 34).

Отдельного упоминания заслуживает одна из первых автобиографий (1925 г.), написанная в форме эссе (Рук., автограф. Ед.хр. 10/1. Л. 17-20). По сути, это единственный источник личного происхождения (не считая эпистолярного наследия), отложившийся в архиве. Эссе состоит из 4-х частей, каждая из которых предваряется авторским эпиграфом (напр.: *«Летом был я батраком, а зимой учеником»*. Устюжанин). Здесь автор попытался осмыслить свой первый жизненный опыт, подробно описывая

нравы в русско-киргизском училище, где получил начальное образование, быт и досуг сельской молодежи, проблему выбора профессии: «Моя будущность представлялась в форме дилеммы: или учиться дальше или заниматься земледелием... У меня был идеал – учитель».

Меньше отражен в документах ленинградский период жизни (1928–1935). Упоминания об учебе на общественно-экономическом отделении ЛГПИ им. Герцена (1928–1931), об аспирантских годах (1932–1935) единичны и относятся к послевоенному периоду: «Еще в годы обучения в аспирантуре у меня проявился интерес к истории крестьянства. Это в значительной степени было обусловлено влиянием Б.Д. Грекова». Евгений Иванович отмечал, что аспирантуру он окончил по специальности «История феодализма в России», что его научная работа сводилась к выполнению учебного плана, написанию работ «Смерды и закупы в Киевском государстве», «Чернышевский как историк», «Мобилизация земельной собственности в русском государстве в XVI–XVII веках» и др. (Ед. хр. 10/1. Л. 122-123). Мотивация поступления в аспирантуру, годы учебы – этот пласт информации в фонде отсутствует. Нет свидетельств и о контактах с научным руководителем Б.Д. Грековым. В 1941 г., когда Б.Д. Греков в Казани читал лекции студентам-историкам КГПИ, Евгений Иванович служил в Саратове и Самаре в Особом отделе НКВД, а затем в СМЕРШе. Казанский историк Х.Г. Гимади писал ему: «Истфак продолжает работать. Во главе факультета около года стоял я. Работали у нас акад. т. Греков (зав. кафедрой), Е.В. Тарле, Ефимов А.В. (новая история), Косминский и др. Только мало было студентов... Да, забыл. С ак. Грековым веду переписку. Если с ним хорошие отношения, пиши ему. Его адрес: г. Ташкент, ул. Папанова, 17» (Рук., автограф; 27 декабря 1942 г.; Ед. хр. 9, л. 23). Однако никаких следов переписки в фонде не обнаружено.

Историографические источники, характеризующие научную деятельность Е.И. Устюжанина казанского периода, представлены в виде рукописных и машинописных вариантов диссертации (защищена в 1947 г. в ЛГУ на тему «Крестьянские движения в Казанской губернии в связи с реформой 1861 года»), статей, научных отзывов и рецензий, материалов для публичных лекций, выписок из источников и литературы, тезисов и конспектов, помет на полях (Ед. хр. 1-6). Рецензии и отзывы М.В. Нечкиной, А.М. Панкратовой, С.Б. Окуня, Н.Г. Сладкевича, С.Д. Сказкина и др. на статьи Устюжанина и сборники, вышедшие под его редакцией, позволяют выявить черты научных взглядов и дискуссий 1940–1950-х гг.; понять уровень развития местной историографии и источниковедения, дать оценку вклада историков Казани в разработку теоретических и прикладных вопросов истории (1947–1958 гг.; Ед. хр. 21).

Значительную ценность представляют документы об участии Устюжанина в работе НКИСС (1956–57 гг.). Сохранилось его письмо к Панкратовой, в котором он информировал о состоянии исторической науки в Казани (Черновик, рук.; 22 марта 1956 г. Ед. хр. 7. Л. 7-8). Имеется не-

правленная стенограмма заседания Пленума НКИСС от 13 декабря 1957 г., на котором Устюжанин предложил активнее вовлекать в работу комитета «ученых нашей периферии». Казань, по его мнению, как университетский центр имеет исследователей, которые могли бы достойно представлять советскую науку на международных форумах. В частности, им были названы имена антиковеда А.М. Ременникова, Г.Ф. Шамова, занимавшегося изучением казанской ориенталистики, Р.Ш. Тагирова, исследовавшего историю русской секции I Интернационала. Председатель комитета акад. А.А. Губер согласился с такой постановкой вопроса, отметив, что «в столице не всегда представляют себе, какие ученые есть на местах... Поэтому очень важны постоянные связи...» (Ед. хр. 11. Л. 75, 90).

Эпистолярное наследие – 197 рукописных листов (Ед. хр. 9). Авторы большинства писем – казанские историки (Х.Г. Гимади, В.В. Иванов, И.М. Ионенко, Н.П. Муньков, Ш.Ф. Мухамедьяров, Ю.Г. Трунский и др.), историки республик Поволжья, что позволяет восстановить и дополнить исследование «горизонтальных» связей ученых. Например, продолжение темы «столица – периферия», как выразился Евгений Иванович, звучит в письме казанского историка Ионенко: «Вообще наши архивы здесь совершенно неизвестны и, естественно, многие факты интересуют специалистов» (М., 1955. Ед. хр. 9. Л. 47об.). Трунский после выступления с докладом в АН СССР на тему «К вопросу о дифференциации французского крестьянства в конце XIX–XX вв.» с особым удовольствием писал Устюжанину: «Как бы то ни было, но Казань я не посрамил», «руководитель секции отметил, что я не московский, а казанский товарищ, и что мой доклад находится вполне на уровне ранее прочтенных докладов московскими и ленинградскими профессорами» (Ед. хр. 9. Л. 125). Сохранились письма студентов, аспирантов, соискателей, отражающие взаимосвязь «учитель-ученик». Вместе со студенческими дипломными работами, отзывами на лекции ученого они дополняют портрет Устюжанина-педагога (Ед. хр. 22-33). В особом ряду стоят письма венгерских студентов, обучавшихся на историческом факультете КГПИ в 1950-е годы.

Назрела необходимость сконцентрировать усилия по подготовке к изданию эпистолярного наследия историков Среднего Поволжья, которое до настоящего времени слабо изучено и не введено в научный оборот.

Е.М. Николаева, Ю.Н. Иванов (Казанский ГУ)

Научное и общественно-педагогическое наследие М.И. Абдрахманова

В современных условиях общественно-политического и экономического развития России как мультинационального, поликультурного общества остро стоит проблема изучения и практического использования богатого опыта недавнего прошлого нашей страны, исследования вклада от-

дельных выдающихся представителей национальных регионов в развитие науки, образования, а также культурное строительство России.

В январе 2012 г. исполнится 100 лет со дня рождения М.И. Абдрахманова – видного ученого, педагога, общественно-политического деятеля, первого татарина – профессионального философа, профессора Казанского университета. В преддверии этой знаменательной даты творческий коллектив философского факультета КГУ начал комплексное исследование, посвященное творческой деятельности М.И. Абдрахманова.

М.И. Абдрахманов сыграл видную роль в развитии философского знания, философского и исторического образования, в культурном и социально-экономическом развитии республики в 60–70-е годы XX века.

В процессе работы над биографией М.И. Абдрахманова была изучена вся имеющаяся на данный момент литература, содержащая в себе сведения о Мансуре Ибрагимовиче. Литература эта носит, в основном, энциклопедический характер. Знакомство с ней показало, что в биографических сведениях имеются некоторые противоречия, неточности. Был намечен круг возможных мест хранения информации об М.И. Абдрахманове. Прежде всего, это архив и музей Казанского университета, музей и архив Казанского гуманитарно-педагогического университета, Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ), Государственный архив историко-партийных документов (РГА ИПД), архив Аксубаевского района, Музей им. М.И. Абдрахманова (с. Новое Ибрайкино Аксубаевского района РТ), а также периодические издания республиканского значения («Красная Татария», «Советская Татария» и др.) газеты КГУ и КГПИ за соответствующие периоды. Определился круг возможных архивных фондов (Архивные фонды НА РТ: Ф. Р-3610 за 1968–1971 гг. (Президиум ВС ТАССР); Ф. Р-2757 (Первомайский райсовет. 1928–34 гг.); Ф. Р-7336 (Новоибрайкинский сельсовет. 1933 г.); Ф. Р-7339 (Аксубаевский РОНО. 1932–1934 гг.); Ф. Р-3862 (Первомайский РОНО. 1930–31 гг.); Ф. Р-1337 (КГУ. 1945–1968 гг.); Ф. Р-1487 (КГПУ. 1936–1941, 1944–1945 гг.); Ф. Р-1342 (Аксубаевский Волостной совет. 1918–1929 гг.); Ф. 815 (Бугульминский уездный съезд земских начальников. 1908–1917 гг.); Ф. 600 (Аксубаевское волостное правление. 1858–1915 гг.); Ф. 568 (Чистопольская уездная земская управа. 1865–1918 гг.) и начато их изучение.

Изучается личное дело Абдрахманова (Архив КГУ. Л.д. сотрудников. Оп. 14. Ед. хр. 1. 220 листов), содержащее сведения о его научно-педагогической деятельности в Казанском университете с 1944 по 1972 гг. Основная масса документов – это выписки из приказов, листки по учету кадров, а также документы, содержащие автографы Мансура Ибрагимовича. Анализ этих документов позволяет проследить не только основные вехи его жизненного пути, но и организацию делопроизводства этого периода. В деле также имеется и фотоматериалы. Большой интерес представляет собой личный фонд Абдрахманова (Музей истории Казанского университета). В нем содержатся более разнообразные материалы,

отражающие в первую очередь общественную жизнь Абдрахманова. Особенно интересны его дневники, а также комплект документов делегата XXIV съезда КПСС, которые содержат материалы, отражающие его личное восприятие происходящего на съезде, а также ту обширную культурно-развлекательную программу, которую предлагали делегатам.

В дальнейшем творческий коллектив планирует особое внимание уделить анализу философско-теоретического наследия М.И. Абдрахманова, деятельности в философском сообществе, участию в Великой Отечественной войне, работе в государственных органах Татарской АССР. Предполагается создать концептуальную основу биографии ученого, выявить общественно-политические и культурные условия эпохи, повлиявшие на формирование мировоззрения, научных интересов, жизненной позиции М.И. Абдрахманова. Главным итогом исследования должно стать создание научной биографии М.И. Абдрахманова

О.В. Синицын (ТГГПУ, Казань)

Вклад Н.П. Мунькова в изучение и преподавание истории отечественной исторической науки

Выпускник исторического факультета Казанского университета Николай Петрович Муньков (1923–2002) был энциклопедически образованным человеком. С 1945 по 2002 гг. он работал в ТГГПУ (ранее КГПИ, КГПУ) как проректор по учебной работе, декан исторического факультета, доцент, профессор, зав. кафедрой истории СССР. Он избирался депутатом Казанского городского совета народных депутатов, председателем постоянной комиссии по образованию, был членом диссертационного совета в КГУ, научного совета по истории исторической науки, отмечен званиями «Заслуженный учитель Республики Татарстан» и «Заслуженный деятель культуры Республики Татарстан», орденом «Знак Почёта» и т.д.

В своих научных трудах Н.П. Муньков затрагивал как конкретно-исторические, так и историографические проблемы отечественной истории. В разработке и тех, и других им были достигнуты значительные для своего времени результаты. Историографией как научной и учебной дисциплиной он заинтересовался ещё в студенческие годы. По его воспоминаниям, историографические сюжеты постоянно обсуждались на заседаниях студенческого научного кружка, председателем которого все пять лет был студент Николай Муньков. В дальнейшем он профессионально занимался ими вплоть до последних дней жизни.

В научно-педагогическом наследии Мунькова присутствует как *проблемная* историография, посвященная, главным образом, различным вопросам внешней политики России и СССР, и *персонофицированная* историография, посвященная анализу исторических взглядов отдельных историков, так и историография *прикладная, учебная*, т.е. подготовка и

публикация учебников и учебных пособий, в том числе по вопросам методологии и методики преподавания историографии в высшей школе.

Из трудов по проблемной историографии выделяется серия статей в «Учёных записках» КГПИ «Вопросы историографии и источниковедения», ответственным редактором которых был Муньков (Муньков Н.П. 1) К изучению вопросов русской дипломатии и внешней политики СССР (обзор литературы 1956–1968 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения. Сб. IV. Казань, 1969. С. 238-260; 2) К изучению вопросов русской дипломатии и внешней политики СССР (обзор литературы 1969–1975 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения. Сб. VII. Казань, 1975. С. 33-85; 3) Изучение внешнеполитической деятельности В.И. Ленина в советской исторической литературе // Историография и источниковедение истории СССР. Казань, 1977. С. 3-23 и др.).

Проблематика этих работ была весьма актуальна и научно-значима. Н.П. Муньков вполне обоснованно замечал, что после XX съезда КПС за 10–12 лет «изучение внешнеполитических проблем шло наиболее интенсивно.., вышли серьезные публикации дипломатических документов, были созданы обстоятельные коллективные исследования и крупные монографии по дипломатической истории нашей страны, вышли в свет научные биографические очерки, посвященные деятельности крупных русских и советских дипломатов, на русский язык были переведены лучшие исследования зарубежных авторов, посвященные в основном периоду второй мировой войны, появились мемуары русских, советских и зарубежных дипломатов и государственных деятелей, наконец, история международных отношений и внешней политики стала отображаться в художественной литературе» (Муньков Н.П. К изучению вопросов русской дипломатии и внешней политики СССР. С. 238).

Обращает на себя внимание, во-первых, комплексный подход к проблемной историографии, нашедший выражение в более широком определении её предмета, включающего в себя как научное познание прошлого, основанное на анализе исторических источников, применении общенаучных и специальных методов исторического исследования, теоретических и практических выводов, так и более широкий аспект исторического знания – обращение к историческим представлениям общественных, государственных деятелей, публицистов, писателей и т.д. Это был новаторский подход, отвечающий запросам времени по проблеме функционирования исторических знаний в социальной среде и общественной практике, тем более имеющей отношение к внешней политике. Во-вторых, прослеживается мысль о преемственности дипломатии русской и советской.

Из работ по «персонофицированной историографии» следует выделить «К изучению исторических взглядов П.А. Ровинского – видного землевольца» (совм. с Г.Н. Вульфсоном; Казань, 1967), «Е.И. Устюжанин как историк местного края» (Казань, 1968), рецензию на книгу Г.Н. Вульфсона «Разночинно-демократическое движение в Поволжье и

на Урале в годы первой революционной ситуации» (1975). Им присущи яркие характеристики историков, сравнительный анализ концепций, умение выделить главное в исторических взглядах изучаемого исследователя.

Многие публикации Н.П. Мунькова посвящены опыту преподавания историографии в КГПИ. Общий курс историографии отечественной истории читается студентам КГПИ-КГПУ-ТГГПУ с 1946 г., и всё это время вплоть до последних дней жизни его читал Н.П. Муньков. Я безмерно благодарен ему за то, что в конце 1980-х гг., будучи зав. кафедрой, он поручил мне вести семинарские занятия по историографии истории СССР, а затем и читать часть общего лекционного курса на очном и заочном отделениях. Накопленный им опыт преподавания историографии в высшей школе частично обобщён в его публикациях. В 1974 г. в «Вопросах историографии и источниковедения» была опубликована его статья «Из опыта работы кафедры истории СССР Казанского пединститута по постановке преподавания методологии и историографии истории СССР на историческом отделении». В 1975 г. вышла статья «Постановка преподавания историографии истории СССР на историческом отделении КГПИ» (Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975), а в 1985 г. – «О преподавании отечественной историографии на историческом отделении Казанского пединститута» (Вопросы историографических исследований. Днепрпетровск, 1985). К ним примыкает и наша совместная учебно-методическая разработка (Муньков Н.П., Синицын О.В. Историография истории СССР: планы семинарских занятий и методические рекомендации к ним. Казань, 1987).

Историография действительно стала кафедральным направлением научных и учебно-методических изысканий. Безмянно говоря о своей методологии и методике преподавания курса историографии, Н.П. Муньков привлекает внимание читателей к особенностям научной и преподавательской работы других членов кафедры (В.В. Иванова, А.Л. Литвина, Ю.К. Краснова, И.М. Абдрашитовой). Привлекательной стороной работы кафедры истории СССР того времени было приглашение читать спецкурсы известных учёных Москвы и Казанского университета (А.А. Зимин, С.М. Каштанов, А.П. Ненароков, А.Е. Иванов, Г.Н. Вульфсон, З.И. Гильманов, И.М. Ионенко, Р.И. Нафигов, И.Р. Тагиров, А.М. Залялов и др.).

Н.П. Муньков подчеркивал ещё два важных момента деятельности кафедры в области историографии. Первое – это восстановление в 1972 г. аспирантуры по специальности «Историография, источниковедение и методы исторического исследования», которую впоследствии под научным руководством проф. В.В. Иванова закончили и защитили диссертации 7 человек. Сегодня при кафедре истории России ТГГПУ действует аспирантура по специальности «Отечественная история», и вопросы историографии отечественной истории неизменно стоят в центре диссертационных исследований. Второе – кафедра широко пропагандировала достижения отечественной историографии среди учителей города и респуб-

лики. Это направление деятельности нашло воплощение в создании учебников для средней школы по истории Татарстана и учебных пособий для студентов исторических факультетов. В этой связи особое значение имеет авторское учебное пособие, которое вполне можно назвать учебником по историографии истории СССР, изданное в КГПИ (Муньков Н.П. Историография истории СССР. Казань, 1973). Оно представляет собой переработку курса лекций по историографии и является его первой частью: с древнейших времен до 1861 г. Вторая часть, посвященная историографии периода с 1860-х гг. по 1970-е гг., к сожалению, не увидела свет. Определенным продолжением первой части стала изданная в 1989 г. методическая разработка «В.О. Ключевский – выдающийся русский историк второй половины XIX – начала XX вв.». Можно сказать, что Н.П. Мунькову удалось в своих учебно-методических работах осветить историю исторической науки в России до начала XX в. К достоинствам его труда относятся систематическое изложение основных проблем отечественной историографии, выявление закономерностей формирования, развития и смены исторических концепций, определение условий развития исторической науки и ее функционирования в обществе, яркое, образное, живое изложение историографического материала, что способствовало лучшему его усвоению студентами. Многим поколениям студентов это учебное пособие помогло усвоить азы историографии отечественной истории.

Нельзя не отметить активное участие Н.П. Мунькова в научных сессиях, историографических конференциях (в Москве, Ленинграде, Луцке, Смоленске, Днепропетровске, Казани, Самаре и др.). В декабре 1977 г. решением Президиума АН СССР он был утвержден членом Научного совета по истории исторической науки при Институте истории АН СССР и стал одним из наиболее активных деятелей Средневолжской секции, за что неоднократно получал благодарственные отзывы от председателя Совета акад. М.В. Нечкиной и зам. председателя проф. В.А. Дунаевского.

Николая Петровича Мунькова за его весомый вклад в изучение проблем историографии отечественной истории и богатый опыт преподавания историографии в высшей школе знали, ценили во всех республиках Советского Союза, во всех крупных университетских центрах России.

Ф.Ш. Хузин (ТГГПУ), А.Г. Ситдиков, С.И. Валиуллина (КГУ)

Выдающийся исследователь древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья (к 80-летию со дня рождения А.Х. Халикова)

Доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН РТ А.Х. Халиков (1929–1994) – крупнейший специалист по археологии, древней и средневековой истории торкоязычных и финно-угорских народов Поволжско-Уральского региона – оставил богатое наследие в области изучения волжских булгар и их соседей, этногенеза татарского

народа, археологии булгаро-татарских городов, прежде всего, Биляра и средневековой Казани, духовной культуры предков татар. Он создал общую концепцию развития народов региона от древнекаменного века до присоединения края к Русскому государству включительно.

Научные интересы А.Х. Халикова, связанные в первую очередь с изучением эпохи бронзы Волго-Камья, определились в начале 1950-х гг., когда развернулись масштабные исследования Куйбышевской археологической экспедиции под руководством А.П. Смирнова. Раскопками Халикова Атабаевской, Балымской и Займищенской и других стоянок, оставленных местным средневожским населением позднего бронзового века, был накоплен огромный и хорошо документированный материал, изучение которого позволило ему выделить приказанскую культуру, обосновать хронологию и территорию распространения памятников, предложить свою концепцию генезиса, эволюции и дальнейших судеб древних племен региона. Работы молодого исследователя, отличавшиеся не только смелостью и оригинальностью, но и дискуссионностью ряда положений, дали мощный импульс дальнейшей разработке проблем бронзового века лесной и лесостепной зон Восточной Европы.

Проблемами эпохи бронзы А.Х. Халиков занимался на протяжении всей научной деятельности, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, в т.ч. монографии «Памятники балановской культуры» (М., 1976, совм. с О.Н. Бадером), «Приказанская культура» (М., 1980). Но одновременно, с середины 1950-х гг., он существенно расширил тематику исследований (в хронологическом и территориальном плане), открыв и изучив первые памятники каменного века и раннего металла (энеолита) в Среднем Поволжье: палеолитическое местонахождение у с. Деуково на востоке Татарстана (совм. с Н.Ф. Калининым), мезолитическую стоянку у д. Русская Луговая в Марий-Эл, неолитическую стоянку у пос. Обсерватория близ Казани, где были выявлены также стоянки волосовской культуры эпохи раннего металла. Важной вехой в творческом пути исследователя стали работы Марийской археологической экспедиции, организованной им в 1956 г. на базе МарНИИ. В результате раскопок памятников первобытной археологии – преимущественно эпохи камня и бронзы, осуществленных экспедицией Халикова, была создана основа будущей концепции истории древнейшего населения региона, изложенной позднее в монографии «Древняя история Среднего Поволжья» (М., 1969).

В конце 1950-х проявился у А.Х. Халикова закономерный интерес к памятникам ананьинской культуры эпохи раннего железа, когда, по убеждению ученого, сформировались этнические основы современных поволжско-приуральских финнов. В результате многолетних исследований ананьинских древностей увидели свет две солидные монографии, ставшие настольными книгами специалистов: «Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.) М., 1977) и «Волжские ананьинцы. Старший Ахмыловский могильник» (М., 1982, совм. с В.С. Патрушевым).

Практически в самом начале научной карьеры ученый проявляет интерес и к раннесредневековым древностям Поволжья. Раскопки Именковского городища (IV–VII вв., совм. с Н.Ф. Калининым), а также Писеральского (II–III вв.) и Мари-Луговского (IV–V вв.) курганов, Веселовского могильника (IX–XI вв.), других памятников середины и второй половины I тыс. н.э., оригинальные гипотезы об этнокультурной принадлежности некоторых из них вовлекли его в средневековую финно-угорскую проблематику. Коллеги признали А.Х. Халикова как ученого глубоко эрудированного, с широким спектром научных интересов, оригинальным подходом к решению поставленных проблем.

Фундаментальные исследования А.Х. Халикова по эпохам бронзы и раннего железа, посвященные проблемам первобытной археологии Волго-Камья, получили мировую известность. Средневековой археологии он посвятил добрую половину своей научной жизни. С конца 1960-х гг. главным направлением становится для него болгароведение, которое обрело в его лице, особенно после кончины в 1974 г. А.П. Смирнова, нового, пусть и не всеми признанного, лидера.

Еще в первой студенческой работе Халиков затронул спорные вопросы истории и археологии буртасов, волжских болгар и наметил подходы к их решению. Раскопки в 1957 и 1960 гг. памятника ранних болгар – Больше-Тарханского могильника и интерпретация его материалов (совм. с В.Ф. Генингом), положили начало серии работ по болгарской тематике. В 1961 г. Халиков, Е.П. Казаков и Е.А. Халикова приступают к исследованию крупнейшего раннебулгарского некрополя – Танкеевского. В 1975 г. был открыт и впоследствии изучен уникальный Больше-Тиганский могильник ранних венгров. Археологические и антропологические материалы этих памятников до сих пор используются преимущественно для исследования ранних этапов этногенеза татарского народа. Основные выводы по данной проблеме (Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989) выдержали испытание временем.

В конце 1960-х – первой половине 1970-х гг. получают широкий размах археологические исследования болгарских городов. Этапными стали широкомасштабные раскопки Билярского городища, начатые в 1967 г. объединенной археологической экспедицией ИЯЛИ КФАН СССР и КГУ под руководством А.Х. Халикова. За двадцать с лишним лет работы экспедиции Биляр стал эталонным памятником домонгольской Булгарии. Исследования с самого начала носили комплексный характер, в них помимо археологов, активное участие принимали архитекторы, палеозоологи, палеоботаники, антропологи, искусствоведы. Вклад А.Х. Халикова в билярскую археологию трудно переоценить. Совместно с Н.И. Игониным он впервые в неаридной зоне Восточной Европы осуществил аэрофотосъемку городища, провел раскопки двух кирпичных зданий, остатков Соборной мечети, некрополей и других крупных объектов, начал реконструкционные исследования в окрестностях Биляра и т.д. Сложившееся

в историографии представление о Биляре как крупнейшем домонгольском городе Булгарии практически целиком зиждется на его работах. Казавшаяся в начале 1970-х слишком смелой, но недостаточно подкрепленной фактами гипотеза о столичности Биляра с X в. (практически с момента основания), также нашла последователей. Плодотворными оказались идеи ученого о сложении болгарской архитектурной школы в конце X в., возможной локализации золотоордынского Биляра на месте II–III селищ на левом берегу М. Черемшана и др. В значительной степени по его инициативе и благодаря его стараниям был создан в 1992 г. Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник.

В 1970-х гг. А.Х. Халиков успешно занимался проблемами средневековой Казани. Правда, поставленная им цель – археологически подтвердить письменную дату основания Казани (1177 г.) – не была достигнута в силу недостаточности материалов. Но правильность основных положений его концепции домонгольской Казани была полностью доказана исследованиями 1994–2005 гг. Подтвердилась созданная им стратиграфическая шкала культурного слоя Кремля; дополнительно изучены древнейшие оборонительные укрепления крепости; в основных чертах определена динамика территориального развития города на протяжении XI–XVII вв.; накоплены представительная коллекция находок, позволившая обосновать 1000-летний возраст Казани. Халиковский этап в истории археологического изучения Казани имел принципиальное значение для современных представлений об этом болгарском городе. В реконструкциях истории Казани золотоордынского, ханского и раннерусского периодов материалы экспедиции 1970-х гг. до сих пор занимают заметное место.

В трудах А.Х. Халикова значительное место занимает изучение проблем этногенеза татарского народа. Как известно, в последние 15–20 лет произошло существенное переосмысление происходивших во второй половине XIII – начале XV в. этнополитических процессов, в частности, эпоха Золотой Орды была обозначена, на наш взгляд, совершенно обоснованно, как ключевой этап средневековой татарской истории.

Концепция этногенеза татар Поволжья и Приуралья, разработанная А.Х. Халиковым, не совсем справедливо получившим со стороны его оппонентов ярлык “булгариста”, общеизвестна. Выделяя основные этапы этногенеза поволжских татар, ученый уделял значительное внимание булгарскому периоду их истории, но завершающий этап формирования казанско-татарской народности относил к первой половине XVI в. Среди этнических компонентов татар он называл выходцев из Золотой Орды и постзолотоордынских татарских ханств (Астраханского, Крымского и особенно Ногайского), отмечал довольно значительные включения со стороны местного финского и пришлого славяно-русского населения, которые, однако, «не смогли существенно изменить этнический облик населения, сформировавшегося задолго до прихода монгол и в период Золотой Орды сохранившего и развивавшего свою культуру».

Булгаро-татарская проблематика в исследованиях А.Х. Халикова включает и некоторые другие сюжеты: историко-археологические разыскания совместно с киевскими коллегами по древнему торговому пути из Булгара в Киев, изучение остатков знаменитой мечети-крепости на Елабужском (Чертовом) городище, интересные статьи по проблемам духовной культуры населения Волжской Булгарии и т.д.

В течение ряда лет А.Х. Халиков исполнял обязанности заместителя председателя республиканского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Он был одним из инициаторов организации музеев-заповедников на территории Биляра и его округа, Казанского кремля, основным автором «Научной концепции сохранения, развития и использования ансамбля Казанского кремля». Под его руководством было в основном завершено сплошное археологическое обследование территории Татарстана, начатое еще в 1945 г. Результаты этого многолетнего труда увидели свет в серии «Археологическая карта Татарской АССР», авторский коллектив которого был удостоен Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники за 1994 год. А.Х. Халиков был инициатором и организатором систематических работ на разрушающихся объектах Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ. Все это очень актуально сегодня. Богатый опыт организации охраны археологических памятников, накопленный коллективом исследователей под руководством А.Х. Халикова, востребован в новых условиях.

В последние годы археология Среднего Поволжья и Приуралья совершила качественный скачок в своем развитии. И важнейшую роль сыграли в этом труды Альфреда Хасановича Халикова. Он оставил богатое научное наследие. Многие из того, что им сделано, составляет золотой фонд российской археологической науки.

Д.В. Давыдов (Казанский ГТУ)

Изучение крестьянской культуры в ТАССР: опыт 1920-х годов

Период 1920-х годов, сопровождавшийся заметными социальными сдвигами и сменой культурных ценностей, внес коррективы в процесс развития научной мысли. Происходящие перемены носили неоднозначный характер. Развитие аграрного сектора выдвигало крестьянскую культуру на одно из первых мест в качестве предмета изучения. С другой стороны, постепенное становление марксистского подхода как «единственно верного» метода научного познания, усиление идеологического контроля вынуждало исследователей корректировать выводы в соответствии с требованиями политической конъюнктуры.

Проведение исследований о культурно-бытовом состоянии деревни в ТАССР было начато в 1923 г. в связи с подготовкой к проведению Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Группа ученых под руково-

дством Н.И. Воробьева – в нее вошли М.С. и К.С. Губайдуллины, П.М. Дульский и др. – на протяжении 1920-х гг. провела ряд обследований татарских поселений Арского, Мамадышского, Челнинского, Чистопольского и Спасского кантонов. Результатом стала монография, посвященная материальной культуре казанских татар [Воробьев Н.И. Материальная культура казанских татар (опыт этнографического исследования). Казань, 1930]. К сожалению, нехватка средств не позволила обратиться к комплексному изучению культуры и быта других народов Поволжья.

Тем не менее, несмотря на трудности, работа по изучению вопросов культуры и быта крестьян различных национальностей республики проводилась. Интерес исследователей вызывали вопросы питания, потребления алкогольных напитков, лечения заболеваний и т.д. [Воробьев Н.И. Кряшены и татары. Казань, 1929; Губайдуллин К., Губайдуллина М. Пища казанских татар (Этнографический очерк). Казань, 1927; Евсеев М.Е. Мордва Татреспублики. Казань, 1925 и др.]. В июле 1926 г. в республике было проведено обследование ТСУ, посвященное некоторым вопросам повседневной жизни русских и татарских крестьян (отношение к школам, влияние религиозных обычаев, потребление спиртного и т.д.).

Важным направлением в работе ученых стало обращение к проблемам здравоохранения. Эпидемии болезней, охватывавших республику в 1920-е годы, низкий уровень санитарно-гигиенической культуры населения, высокая смертность требовали объединения усилий. Большую роль в этом сыграл образованный впоследствии институт социальной гигиены ТАССР. Сотрудники института изучали вопросы водоснабжения отдельных районов республики, рассматривали причины заболеваемости и т.д. (См.: Плещицер А.Я. К вопросу о снижении заболеваемости в Татарии // Вопросы оздоровления Татарии. Казань, 1931; Лось Л.И. Водоснабжение некоторых районов Татреспублики в санитарном отношении // Там же).

Нельзя однозначно утверждать, что вопросы изучения повседневного быта имели определяющее значение при проведении обследований. Важную роль здесь играла инициатива самих участников экспедиций. Так, в 1927 г. при подготовке одной из экспедиций в сельские районы республики с участием санитарных врачей изучение бытовых вопросов вообще не планировалось. Однако руководство санитарной организации Татнаркомздрава по собственной инициативе расширило задачи обследования, включив в карточки вопросы бытового характера (обстановка крестьянской избы, умывание, мытье в бане, стирка белья и т.п.) Результаты проведенной работы, представлявшие значительный научный интерес, были опубликованы в «Сборнике здравоохранения ТССР» (начал выходить с 1928 г.). Часть материалов сборника отражала различные аспекты санитарно-медицинской культуры сельской местности: движение среди населения инфекционных заболеваний, состояние жилищных и хозяйственных построек крестьян, санитарный быт в деревне и т.д. [Мехоношин П.А. Изба и двор крестьян Татреспублики (1928. № 1); Конда-

ков И.А. Инфекционная заболеваемость в Тат. Республике и в б. Казанской губернии (Там же); Еникеев Х.И., Мехоношин П.А. К вопросам санитарного быта сельского населения Тат. Республики (1929. № 2) и др.].

Изучение вопросов традиционной крестьянской культуры было бы невозможно без деятельности Татарского статистического управления (ТСУ), создателем которого стал В.М. Ермолаев. Обращалось внимание на условия жизни и труда различных слоев населения (См.: Ермолаев В.М., Шараф Г.Ш. Сравнительная характеристика экономики русского и татарского крестьянского хозяйства в ТР лет // Труд и хозяйство. 1925. № 11; Они же. Сравнительная характеристика татарского, русского и нацменовского хозяйства ТР. Казань, 1928 и др.). В ТСУ был образован Отдел сельскохозяйственной статистики, сотрудники которого также занимались обследованием состояния и динамики процессов питания. Проведение обследований во многом «стимулировал» массовый голод начала 20-х гг., когда в сжатые сроки потребовалось определить масштабы продовольственной помощи. С 1922 по 1927 гг. было проведено 14 обследований питания крестьянского населения, изучено питание 37,5 тыс. чел. (в среднем, на каждое обследование приходилось по 2680 чел. (примерно 1,5% ко всему населению республики) (Победоносцев И. Питание населения Татарской республики // Труд и хозяйство. 1927. № 7. С. 4).

К сожалению, результаты проведенной работы почти не освещались в печати. Исключение составляет общий обзор проведенных обследований, опубликованный в журнале «Труд и хозяйство». По-видимому, свою роль могла сыграть субъективная оценка значимости данной проблемы со стороны республиканского руководства. Оно предпочитало не заострять внимания на «продовольственном вопросе»: массовый голод в республике во второй половине 1920-х гг. был объявлен завершенным. Подчеркивалась положительная динамика потребления крестьянами разных продуктов питания. Одновременно распространялись работы, которые популяризировали идеи, связанные с поднятием уровня культуры питания.

Интерес вызвала и проблема потребления алкоголя, все больше приобретавшая идеологический оттенок [Страшун И. Борьба с пьянством (победим самогон) // Здоровая деревня. 1926. № 1; В.С. Пора бросить вредные обычаи // Там же. 1926. № 4; Степанов. «Зеленый змей» // Там же. 1926. № 11; Сигал Б. Темные силы деревни // Там же. 1927. № 1 др.]. В 1928 г. сотрудники ТСУ приняли участие в сборе и обработке материалов обследования по вопросу употребления алкоголя в сельской местности. В Средне-Волжском районе из 1900700 дворов было проанкетировано 536796, т.е. 28,2% хозяйств (по РСФСР – 26,7%) (Алкоголизм в современной деревне. М., 1929. С. 15). Полученные данные оказались уникальными, поскольку ни до, ни после аналогичной работы не проводилось.

В условиях социально-политических трансформаций 1920-х гг. исследователи оказывались в сложной ситуации. В перспективы научного поиска все отчетливее вмешивались идеи борьбы с «пережитками» в по-

вседневной жизни, что проявлялось в стремлениях изменить «закостенелый» крестьянский быт. Культура, повседневная жизнь превращалась в арену соперничества традиционных и модернистских начал. Выступая за обновление крестьянского быта, исследователи подчеркивали, что борьба с пережитками должна вестись грамотно, не разрушая положительного опыта, накопленного на протяжении веков. Актуально звучали призывы бережно относиться к традиционной крестьянской культуре, избегая лишней критики, особенно в отношении татарского населения.

В 1920-е гг. был приобретен бесценный опыт в изучении вопросов материальной и духовной культуры крестьянства. Несмотря на усиление идеологического контроля, удалось создать солидную источниковую базу для изучения проблем крестьянской культуры в последующие годы.

А.Н. Валиахметов (ТГГПУ, Казань)

Научные традиции в изучении истории гражданской войны в Среднем Поволжье в трудах казанских историков

Историография гражданской войны в Поволжье – одна из востребованных тем в отечественной исторической науке. Счет статей и монографий, диссертаций по этой теме идет на десятки. В центре внимания исследователей находилась как гражданская война в Поволжье в целом, так и отдельные её аспекты: периодическая печать, участие крестьянства, формирование и деятельность антибольшевистских правительств и т.д.

Первые работы, изданные в Казани по истории гражданской войны, появились в 1920-е гг.: в 1921 г. – книга комиссара Революционного комитета и члена Временного гражданского революционного комитета по управлению Казанью и Казанской губернией А.И. Бочкова «Три года Советской власти в Казани. 1917–1920 гг.», представлявшая хронику революционных событий, в 1924 г. – сборник материалов «Борьба за Казань», о «чехо-учредилловской интервенции в 1918 г.».

Первой крупной работой о гражданской войне в Среднем Поволжье явилась изданная в 1939 г. книга М.С. Бубеннова и А.М. Валеева «Освобождение Казани от белоинтервентов в 1918 году». Позднее, в 1956 г., А.М. Валеев переиздал книгу под названием «Освобождение Татарии от интервентов и белогвардейцев в 1918 году». В этих работах нашли отражение боевые действия в Среднем Поволжье, мероприятия комучевцев в Казани (в основном освещались карательные действия), деятельность большевистского подполья, бои за Казань. Обе работы несли на себе отпечаток времени. Так, во всех неудачах на фронте были обвинены «предатели» и «враги народа» – И.И. Вацетис, Л.Д. Троцкий, решающая роль в освобождении Татарии отводилась «великому русскому народу» «во главе с коммунистами» (См.: Валеев А.М. Освобождение Татарии от интервентов и белогвардейцев в 1918 году. Казань, 1956. С. 48, 65, 82, 92).

Основоположниками в изучении истории гражданской войны в Среднем Поволжье из казанских историков можно считать А.Л. Литвина и М.К. Мухарямова (Мухарямов М.К., Литвин А.Л. Борьба за Казань в 1918 году. Казань, 1968; Мухарямов М.К. Гражданская война в Татарии (1917–1919). Казань, 1969; Литвин А.Л., Мухарямов М.К. Решающий рубеж. Казань, 1978; Литвин А.Л. «Дело сдать в архив». Казань, 1986; Литвин А.Л. Казань: время гражданской войны. Казань, 1991). Если работы М.С. Бубеннова и А.М. Валева охватывали период до осени 1918 г., т.е. до освобождения Казани, то в работах М.К. Мухарямова и А.Л. Литвина изложение было доведено до конца 1919 г. В их трудах Татария рассматривалась лишь как арена для борьбы двух сил: «революции» и «контрреволюции». Решающая роль отводилась «великому русскому народу», пролетариату Петрограда и Москвы; о местных национальных силах писали как о «буржуазных националистах». Однако, в отличие от работ 1930–1950-х гг. впервые было сказано о том, что «в священное дело борьбы против белогвардейцев внесли свою долю все народы многонациональной России» (Мухарямов М.К., 1969. С. 230). Авторы подробно рассматривали планы командования Комуча относительно похода на Москву. В их интерпретации можно проследить известную эволюцию. В работе 1968 г. А.Л. Литвин и М.К. Мухарямов писали, что «командующий чехословацкой группировкой Чечек и комучевский “военный министр”» Галкин возражали против похода на Казань, «ссылаясь на недостаток сил и растянутость фронта» (С. 21). В монографии 1978 г. они указывали, что сопротивление частей Красной Армии под Казанью не позволило войскам Комуча захватить город с ходу и привело к тому, что «планы белочехов и комучевцев, исходивших из быстрого захвата Казани, Свияжска и дальнейшего продвижения к Нижнему Новгороду были сорваны» (С. 68).

В современной историографии предлагается следующее решение этой проблемы. А.В. Иванов на основе анализа решений челябинского съезда легионеров (состоялся в мае 1918 г.) и боевых действий пензенской группы Чехословацкого корпуса пришёл к выводу, что у легионеров не было плана наступления на Москву, более того – «чехословацкий “мятеж” не был заранее спланированной акцией, направленной на свержение большевистского режима. Силовые меры, предпринятые чехами, были реакцией самозащиты. Их целью было скорейшее продвижение на Дальний Восток для последующей эвакуации в Европу» (Иванов А.В. К вопросу о причинах антисоветского выступления Чехословацкого корпуса в 1918 году // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 1997. № 4. С. 21).

Другой сюжетной линией, на примере которой наиболее явно можно проследить преемственность в изучении истории гражданской войны в Среднем Поволжье, является изучение истории Чехословацкого корпуса. Долгие годы в отечественной историографии вслед за В.И. Лениным выступление корпуса в мае 1918 г. считалось началом вооруженного этапа гражданской войны в России. Подобное мнение можно при-

знать ошибочным с точки зрения формальной логики, т.к. гражданская война – это боевые действия между *гражданами одного государства*. Вместе с тем нельзя отрицать тот факт, что Чехословацкий корпус, принимая участие в событиях гражданской войны, своими действиями (или бездействием) оказал влияние на их ход. В этой связи вполне объяснимо, что история Чехословацкого корпуса в России рассматривалась и продолжает рассматриваться в контексте гражданской войны. Казанские историки не выделяли Чехословацкий корпус в качестве отдельного предмета исследования; при этом обойти его вниманием они не могли.

В отечественной историографии еще с начала 1920-х гг. сложилась следующая схема: руководство Чехословацкого корпуса, стоявшее на контрреволюционных позициях, было подкуплено представителями стран Антанты и в их интересах подняло мятеж. Результатом их выступления стало свержение Советской власти на обширной территории. Чехословацкие legionеры обманом были втянуты в эти события, но в течение нескольких месяцев именно они составляли основу антибольшевистских сил, без поддержки частей корпуса последние были бы нежизнеспособны.

Казанские историки укладывали историю Чехословацкого корпуса в эту схему. Лишь в 1991 г. в работе «Казань: время гражданской войны» А.Л. Литвин заявил, что в ноябре 1918 г. произошли два знаменательных для legionеров события: окончание мировой войны и провозглашение Чехословацкой республики, после чего пребывание корпуса в России стало бессмысленным (С. 60). Таким образом, он одним из первых в отечественной историографии обратил внимание на национальную (а не «националистическую») подоплеку деятельности Чехословацкого корпуса.

В начале 1990-х гг. в Казанском университете под руководством профессора А.Л. Литвина были защищены кандидатские диссертации по историографии гражданской войны в Поволжье (Малышева С.Ю. Гражданская война в Поволжье. 1918 год. Историография. Казань, 1991; Прошин О.Г. Отечественная историография Гражданской войны в Среднем Поволжье, 1919–1920 гг. Казань, 1993; Гибадуллина Р.Н. Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. Отечественная историография. Казань, 1993 и др.). В диссертации Малышевой большое внимание было уделено рассмотрению историографии Чехословацкого корпуса в России в отечественной и зарубежной историографии, отстаивалась концепция «встречи двух революций», сформулированная в 1989 г. чешским историком К. Рихтером. Согласно этой концепции, в ходе событий в России между собой столкнулись две революции: социалистическая, с одной стороны, и национально-демократическая, с другой. Принципиальное различие между ними привело к трагическому конфликту. В 2005 г. КГУ под руководством С.Ю. Малышевой была защищена кандидатская диссертация А.Н. Валиахметова «Чехословацкий корпус в России (1917–1920): Историография». В ней Чехословацкий корпус рассматривается не только как участник гражданской войны в России, но и как один из сис-

темообразующих факторов в процессе образования самостоятельного Чехословацкого государства. Особо подчеркивалось, что литература о чехословацких легионах за границей, об их освободительной борьбе составила идеологическую основу молодой Чехословацкой республики.

Традиция изучения истории гражданской войны, заложенная в работах А.Л. Литвина и М.К. Мухарямова, в дальнейшем переросла в традицию изучения историографии гражданской войны в Среднем Поволжье.

А.Н. Егоров (Казанский ГУ)

«Оттепель» и изучение истории Октябрьской революции в Казанском университете

Изучение Октябрьской революции – одна из центральных проблем советской историографии. Ее значение для идеологии предопределило особое внимание руководства страны к тому, чтобы изложение событий отвечало требованиям «текущего момента». До 1956 г. с этой задачей вполне справлялся «Краткий курс истории ВКП(б)». После XX съезда КПСС этому стали мешать не только последствия критики культа личности Сталина для массового сознания, но и реалии взаимоотношений СССР с государствами Восточной Европы.

В докладе рассматривается влияние идеологии «оттепели» (1953-64) на изучение истории Октябрьской революции в Казанском университете.

Ещё до начала открытой критики культа личности Сталина, в советской исторической литературе получила распространение формула «народ – творец истории». Её суть акад. М.В. Нечкина обозначила следующим образом: «Положительное влияние на ход истории выдающиеся деятели могут оказывать лишь в том случае, если эти деятели правильно выражают назревшие задачи общественного развития, коренные интересы народных масс» (Коммунист. 1954. № 16. С. 13). Смещение акцентов в историографии ориентировало на более углублённое изучение «революционного творчества масс». Под этим словосочетанием, в частности, понималось участие трудящихся в деятельности органов революционной власти: советов, фабзавкомов, солдатских и крестьянских комитетов и т.п.

В числе первых казанских учёных, принявших участие в разработке нового направления был И.М. Ионенко. В 1955 г. в Высшей партийной школе при ЦК КПСС он защитил кандидатскую диссертацию «Революционная борьба крестьянства Поволжья в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции (по материалам Казанской губернии)». Ещё на этапе сбора материала историк пришёл к выводу, что в реализации аграрной политики на местах большевики изначально действовали в блоке с левыми эсерами. Несмотря на ограничения цензуры Ионенко удалось донести политически «некорректную» информацию до читателей (в том же году диссертация была издана отдельной книгой).

Вслед за крестьянством предметом научных изысканий И.М. Ионенко, в 1960 г. перешедшего на постоянную работу в КГУ, стала другая движущая сила Октябрьской революции – солдаты тыловых частей. Потребность в разработке данной темы возникла давно – в прошлом Казань являлась центром огромного (объединявшего 10 губерний и 2 области), чрезвычайно пёстрого в экономическом и национальном отношении военного округа. Исход борьбы за власть не только в регионе, но и в целом по стране напрямую зависел от поддержки армией того или иного политического лагеря. Кроме того, маргинальные солдатские массы более всего подходили на роль «творцов истории», так как объединяли в своих рядах самые широкие слои трудящегося населения. Итогом многолетнего труда стала докторская диссертация «Революционная борьба и национально-демократическое движение солдатских масс Поволжья и Приуралья в Октябрьской революции» (1966; опубл.: Ионенко И.М. Солдаты тыловых гарнизонов в борьбе за власть советов. Казань, 1976). Защита состоялась уже после отставки Н.С. Хрущёва, однако её теоретическая составляющая, несомненно, испытала влияние «оттепельной» историографии. Первым, по крайней мере в республике, историк ввёл в широкий научный оборот «материал о блоках и соглашениях большевиков с левым крылом мелкобуржуазных партий и демократических организаций» (Автореф. дис. Казань, 1966. С. 5). Руководствуясь ленинским положением о том, что «при всяком действительно серьёзном и глубоком политическом вопросе группировка идёт по классам, а не по нациям», И.М. Ионенко фактически пересмотрел прежнюю исключительно негативную оценку деятельности Всероссийских мусульманских съездов в июле 1917 года.

Новое видение Октябрьской революции характеризует работы коллег и учеников И.М. Ионенко по университету (А.Х. Бурганова, Р.И. Нафигова, М.К. Мухарямова, Р.К. Валеева, И.Р. Тагирова), чьё становление в качестве профессиональных историков хронологически связано с «оттепелью». Многие из выдвинутых ими в 60-е годы положений и сегодня не утратили актуальности, для того же времени они являлись образцом научной объективности. Наглядным тому подтверждением служат диссертационные исследования А.Х. Бурганова и И.Р. Тагирова.

Докторская диссертация А.Х. Бурганова «Октябрьская революция и мелкобуржуазные партии (март – октябрь 1917 г.)» была написана под влиянием таких политических итогов «оттепели», как развенчание культа личности и признание многообразия путей построения социализма. Умеренная десталинизация общества, как известно, сопровождалась противопоставлением политической линии двух вождей – Сталина, сторонника авторитарных методов управления, и Ленина, проявлявшего гибкость во взаимоотношениях с однопартийцами и союзниками по политической борьбе. Корректировка внешнеполитической линии СССР в Восточной Европе делала парламентский опыт некоторых из стран народной демократии (Польша, ГДР, Чехословакия) «легитимным» в глазах критически

настроенной части советской интеллигенции. Апеллируя в первую очередь к теоретическому наследию Ленина и его соратников (Я.М. Свердлова, М.И. Калинина, А.В. Луначарского и др.) А.Х. Бурганов пришёл к неожиданному для ситуации середины 60-х годов выводу о том, что «многопартийность не исключалась в советской системе диктатуры пролетариата». Более того, по утверждению учёного, ленинское большинство целенаправленно шло к формированию «однородной» – общесоциалистической – коалиции с партиями т.н. мелкобуржуазной демократии, что и получило практическое воплощение в деятельности двухпартийного Совнаркома и представлявшего почти все течения социализма ВЦИКа. «Однако и поскольку эти партии не верили в возможность победы социализма в России и выступили на стороне империалистической буржуазии в смертельную борьбу с Советской властью, они были разгромлены самими трудящимися массами в ходе гражданской войны» (Автореф. дис. Казань, 1966. С. 41). За подобные суждения коллеги обвиняли А.Х. Бурганова в «нахождении на позициях китайских руководителей» (НАРТ. Ф. 1337. Оп. 44. Д. 167. Л. 179-180). В октябре 1966 г. Учёный совет историко-филологического факультета единогласно одобрил диссертационное исследование учёного. ВАК СССР, однако, присудил А.Х. Бурганову степень доктора исторических наук лишь 12 января 1990 г., в условиях серьезных изменений социально-политической обстановки в стране (См.: Королёв В.С. Типичный нетипичный случай // Бурганов А.Х. Кто виноват? Что делать? Кому делать? М., 2005. С. 19-22).

В русле «оттепельной» тенденции к более объективному освещению событий переломного для истории страны 1917 года написана и кандидатская диссертация И.Р. Тагирова «Установление советской власти в Казани (О своеобразии борьбы за победу пролетарской революции на местах)» (1967). До этого момента в местной историографии господствовала точка зрения, согласно которой восстание Казанского военного гарнизона было инициировано специальной директивой ЦК РСДРП(б) от 21 октября. На основании анализа широкого комплекса ранее не использовавшихся или попросту «забытых» источников (к примеру, рапортов и донесений дежурных офицеров гарнизона) учёный пришёл к выводу о том, что «восстание в гарнизоне вспыхнуло как ответная реакция на одну из очередных попыток разоружения солдат-артиллеристов и ареста руководителей военной организации большевиков» (Автореф. дис. С. 5) и, следовательно, никак не соответствовало «модели Петрограда». Продолжая линию своего научного руководителя И.М. Ионенко, И.Р. Тагиров дал максимально взвешенную в тех условиях оценку сотрудничества Казанского комитета РСДРП(б) с левыми эсерами, в рядах которых, в частности, начинал свою политическую деятельность руководитель вооружённого восстания Казанского военного гарнизона Н.Е. Ершов.

Таким образом, влияние «оттепели» на изучение истории Октябрьской революции в Казанском университете способствовало: 1) более

взвешенной оценке сотрудничества большевиков и т.н. «попутчиков» (левых эсеров, меньшевиков-интернационалистов, украинских социалистов и т.п.) накануне и в первые месяцы после революции; 2) привлечению к анализу деятельности местных советов материалов не только РСДРП(б), но и других левых партий; 3) признанию специфичности октябрьских событий в Казани и Казанской губернии (шире – в провинции); 4) альтернативному толкованию хода революции в первые месяцы после её свершения (время упущенной парламентской альтернативы развития России в интерпретации А.Х. Бурганова).

В целом, изучение истории Октябрьской революции в КГУ в середине 50-х – 60-е гг. можно рассматривать в качестве одного из региональных вариантов «нового направления», которое, хотя и обогатило советскую историческую науку рядом принципиальных положений, не могло выйти за постоянно сужающиеся рамки критики культа личности.

Л.Б. Муллина (ТГГПУ, Казань)

История казанских фабрик и заводов в трудах преподавателей педагогического института

В 1970–80-е гг. в работе кафедры истории КПСС Педагогического института определилось новое научное направление – изучение истории фабрик и заводов. Коллектив кафедры и ряд преподавателей исторического факультета были вовлечены в эту работу. Большую организующую роль при этом сыграл руководитель кафедры проф. М.З. Тутаев.

К тому времени для обращения к истории промышленности сложились благоприятные условия. На государственном уровне было заявлено о необходимости сближения науки с производством, а у предприятий для этого появились финансовые возможности. Были изданы книги по истории льнокомбината им. В.И. Ленина (Анисимов Н.Г. Казанский льнокомбинат. Казань, 1960), химкомбината им. М. Вахитова (Ключевич А.С. История Казанского жирового комбината имени Мулланура Вахитова. Казань, 1950), о казанских меховщиках (Сказ о казанских меховщиках. Казань, 1974), о становлении нефтяной промышленности республики (Нефть, газ и нефтехимия Татарии. Казань, 1979). Эти публикации носили единичный характер, были хронологически неполными, а главное, ко второй половине XX в. вступили в строй новые заводы и фабрики; так что сохранялась общественная потребность в продолжении традиции. Две из пяти книг, изданных в исследуемый период учеными кафедры, рассказывали о послевоенных индустриальных первенцах и характеризовали главные направления экономического развития республики – машиностроение и нефтехимию (Тутаев М.З., Худяков В.П. Казанский компрессорный (Очерки истории и передового производственного опыта). Казань, 1979; Тутаев М.З., Айтуганов И.М.

Объединение «Органический синтез» (Очерки истории и передового производственного опыта). Казань, 1987). Три других были посвящены инфраструктуре (Фурер Л.Н., Лукьянов Г.М., Синицына К.Р. Речники Татарии. Казань, 1977; Синицына К.Р., Туттаев М.З., Ахметов А.Н. Автомобильный транспорт Татарии. (Страницы истории автомобильного транспорта общего пользования). Казань, 1987; Муллина Л.Б., Тыринов В.В. Казанское предприятие тепловых сетей. Очерк истории социально-экономического развития. Казань, 1989). Несомненное достоинство этих изданий – солидная документальная основа. Например, источниковая база книги об автомобильном транспорте республики сложилась из документов центральных архивов РСФСР, центрального архива ТАССР, партархива ОК КПСС, материалов пяти всероссийских журналов автомобильного профиля, шести республиканских газет, трех многотиражек. Авторы всех книг едины в осознании того, что рассказывая о том или ином предприятии, надо начинать с исторической ретроспективы появления самой отрасли. В ряде случаев такая предыстория содержит сюжеты, анализ которых представляет самостоятельный научный интерес.

Принципиально важно, что рассказ о том или ином предприятии строился не изолированно, а в органической связи с главными событиями в крае и в стране. Пример тому – факты участия речников на фронтах гражданской войны, например, создание отрядов береговой охраны на шести крупных пристанях, боевой дружины Паратского затона, сражавшейся с отрядами Каппеля-Савинкова у моста через Волгу во время боев с войсками Комуча и белочехов в 1918 г. Запоминаются эпизоды их участия в Сталинградской битве: волгари Камско-Волжского бассейна обеспечивали вывоз раненых, переправу солдат, танков, самолетов (пароходы «Совхозник», «Галактионов», «Сапер» и др.). Подобный подход оказался плодотворным. Нередко анализ событий по значимости выходил за рамки истории конкретных промышленных предприятий.

При всем стремлении авторов к многогранному освещению истории фабрик и заводов, включая сферы жилищную, медицинскую, спортивную, культурно-массовую, на первый план выступала экономическая составляющая: выполнение или невыполнение планов, организационная перестройка, техническое обновление, экономическая рентабельность. Особо выделялись те события, которые имели принципиальное, поворотное значение и повлияли на жизнь города и отрасли. Такими в истории Волжского судоходства явились резкие изменения в условиях судоходства, вызванные строительством Волго-Донского канала, каскада гидроэлектростанций, образованием Куйбышевского водохранилища, из-за чего создалась угроза затопления значительной части Казани. Осуществление в республике экономической реформы 1965 г. стало одним из главных экономических сюжетов. Авторы книг анализировали внедрение принципов совершенствования планирования и экономиче-

ского стимулирования сообразно специфике предприятия. Так, речники кроме прочих мер внедрили порейсовый экономический анализ и систему оценки труда судовых экипажей по показателям прибыли. В книге «Автомобильный транспорт Татарстана» переход на новые методы хозяйствования также выделен в специальный раздел. Внедрение этих методов прослеживалось через организационно-технические преобразования: создание ремонтных бригад и бригад обслуживания по специализированным участкам, принудительно-плановый ремонт оборудования.

Сегодня видно, что на изданиях этих лет (особенно 70-х гг.) лежит отпечаток идеологических стереотипов и штампов времени. Он проявляется прежде всего в стремлении рассматривать периоды в жизни фабрик и заводов непременно в свете выполнения решений очередного съезда КПСС или Пленума ЦК, хотя они могли не иметь непосредственного отношения к данной отрасли. Значительное место отводилось характеристике социалистического соревнования. В ней, как правило, превалировал комплиментарный тон. Между тем уже тогда звучали трезвые голоса о необходимости критического, реалистического подхода к этой громоздкой системе, охватившей многие миллионы людей, о её формальной массовости, о слабом материальном стимулировании.

Следование идеологическим догмам в разных публикациях выражено в разной степени (пожалуй, сильнее всего это сказалось в книге об истории промышленного объединения «Органический синтез», значительная часть которой представляла пересказ решений партийных и советских органов). Исследованные предприятия весьма специфичны, сильно различались исходным сырьем, оборудованием, технологией, готовой продукцией, что с неизбежностью привело к многочисленным упоминаниям о станках, приборах, технологических процессах, причем во многих случаях без необходимых комментариев.

Оценивая серию изданий по истории казанской промышленности, надо иметь в виду, что они были рассчитаны на разную аудиторию: на сам производственный коллектив, на историков и экономистов, на любого интересующегося, так сказать, «человека с улицы». Если для стороннего читателя перечисление сотен имен орденосцев, передовиков социалистического соревнования, ударников коммунистического труда, изобретателей и рационализаторов, ветеранов труда, участников Великой Отечественной войны, командиров производства в таком объеме кажется необязательным, утяжеляющим изложение, то для работающего на предприятии именно эти страницы представляют непосредственный, а подчас и личностный интерес. Очевидно, не во всём совпадающие интересы читателей не всегда можно было гармонизировать.

В целом историки педагогического института внесли весомый вклад в исследование истории промышленности республики. С вводом в строй новых промышленных гигантов потребность в продолжении традиции изучения истории фабрик и заводов продолжает сохраняться.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ДОКЛАДОВ

Агеева Наталья Николаевна (Чувашский ГУ, Чебоксары) Участие М.И. Ростовцева в международных исторических конгрессах.....	32
Алеврас Наталья Николаевна (Челябинский ГУ) Научная карьера в профессиональной деятельности российских историков второй половины XIX – начала XX вв.....	85
Амалшева Гузель Гадилловна (Казанский ГУ) Проблема трансформации документа в условиях внедрения цифровых технологий (на примере создания электронной коллекции личных дел студентов Казанского университета 1917–1925 гг.).....	173
Бакеева Римма Равиловна (Казанский ГУ) Финансирование зарубежных командировок преподавателей Казанского университета: «казус» А.И. Михайловского.....	88
Бакус Григорий Владимирович (Тверской ГУ) «Суеверие» (<i>superstitio</i>) и «злонамеренное колдовство» (<i>maleficium</i>) как понятия немецкой демонологии конца XV–XVI столетий.....	232
Басовская Наталья Ивановна (РГГУ, Москва) Видеомемуары университетских профессоров – общественная и культурная ценность научно-педагогического сообщества.....	76
Беляева Оксана Михайловна (Европейский университет, Санкт-Петербург) Академическое сообщество Петербургского университета в ректорство Э.Д. Гримма: конфликты в профессорской среде.....	95
Бикеева Наталья Юрьевна (Казанский ГУ) Степан Васильевич Ешевский и его взгляды на эпоху перехода от Античности к Средневековью.....	258
Блиев Владимир Русланович (Омский ГУ) Актуальная Византия: дореволюционная историография о государственно-церковных взаимоотношениях в Византии в контексте российской общественно-политической жизни второй половины XIX – начала XX вв.....	286
Богомазова Ольга Владимировна (Челябинский ГУ) Общественно-политические взгляды В.О. Ключевского в зеркале его афоризмов.....	90
Боярченков Владислав Викторович (Рязанский ГУ) Предпосылки перемен в советской историографии конца 1950-х гг.....	9
Бульгина Тамара Александровна (Ставропольский ГУ) Предпосылки перемен в советской историографии конца 1950-х годов.....	114
Бурганова Лариса Агдасовна (Казанский ГТУ) Научное сообщество как дискурсивная реальность.....	3
Бухараев Владимир Миннетович (Казанский ГУ) «Краткий курс истории СССР» 1937 г. – учебник истории и учебник жизни...	106
Валиахметов Альберт Навлевич (ТГПИУ, Казань) Научные традиции в изучении истории гражданской войны в Среднем Поволжье в трудах казанских историков.....	318

Василенко Анна Анатольевна (Институт развития образования Омской обл.) Университетская кафедра как центр консолидации гуманитариев (первая половина XIX века).....	149
Вершинина Дарья Борисовна (Пермский ГУ) Научное сообщество гендерологов: проблемы и перспективы развития.....	58
Ветютнев Юрий Юрьевич, Макаров Андрей Иванович (Волгоградский ГУ) Пути развития коммуникативных компетенций в историческом образовании.	122
Вин Юрий Яковлевич, Кондратьев Дмитрий Евгеньевич (ИВИ РАН) Пути развития коммуникативных компетенций в историческом образовании.	229
Волкова Юлия Сергеевна (Сыктывкарский ГУ) Линия «учитель-ученику» в научной биографии А.М. Ону: влияние Н.И. Кареева и А. Бретта.....	20
Воробьева Ольга Владимировна (ИВИ РАН) К понятию междисциплинарности.....	179
Гелла Тамара Николаевна (Орловский ГУ) Исследование проблем социокультурного восприятия русскими стран Запада на кафедре всеобщей истории ОрелГУ: научные традиции и перспективы.....	168
Григорьева Инна Львовна (Новгородский ГУ) Интеллектуальный переворот XII в. и феномен западноевропейских университетов (к вопросу о цивилизационных образовательных моделях).....	139
Гришина Наталья Викторовна (Челябинский ГУ) Историки «старой школы» в условиях социальных сдвигов 1910–1920 гг.....	97
Давыдов Денис Владимирович (Казанский ГТУ) Изучение крестьянской культуры в ТАССР: опыт 1920-х годов.....	315
Дементьева Вера Викторовна (Ярославский ГУ) Научно-образовательный Центр антиковедения как форма профессиональной консолидации гуманитариев.....	56
Досталь Марина Юрьевна (Институт славяноведения РАН) Методология романтизма как основа становления кафедр славяноведения в российских университетах в середине XIX века.....	151
Евсеев Тимур Петрович (Удмуртский ГУ, Ижевск) Римская республика как сюзеренное государство.....	221
Егорев Алексей Николаевич (Казанский ГУ) «Оттепель» и изучение истории Октябрьской революции в Казанском университете.....	321
Ерохин Владимир Николаевич (Нижевартовский ГТУ) Изучение истории Реформации в Англии в отечественной историографии советского периода.....	235
Зарубин Андрей Николаевич (Чувашский ГУ, Чебоксары) Трагедия старой профессуры в условиях становления советской высшей школы: последние годы жизни историка П.Н. Ардашева.....	101

Зезегова Ольга Ивановна (Сыктывкарский ГУ) Два поколения научной школы по новистике Н.И. Кареева: возможности интеграции в трансформирующееся общество.....	17
Зипуникова Наталья Николаевна (УрГЮА, Екатеринбург) «Университетская география» и ее отражение в законодательстве Российской империи (к изучению истории университетов).....	143
Золотарев Василий Павлович (Сыктывкарский ГУ) Научно-исследовательская лаборатория при кафедре – эффективное средство подготовки историков (из опыта работы).....	163
Золотарев Олег Васильевич (Коми ПУ, Сыктывкар) Общество изучения Коми края.....	63
Зорина Анна Александровна (Удмуртский ГУ, Ижевск) Византизм в трактовках российских историков второй половины XIX века: Ф.И. Успенский и А.П. Рудаков.....	283
Иванова Татьяна Николаевна (Чувашский ГУ, Чебоксары) Литографированные издания лекционных курсов профессоров XIX века как исторический источник.....	23
Ильина Кира Андреевна (Казанский ГУ) Проблема университетской корпоративности в письмах попечителей учебных округов (первая четверть XIX века).....	146
Ионов Игорь Николаевич (ИВИ РАН) Трудности междисциплинарного перевода и их преодоление: миросистемный подход и постколониальный дискурс.....	189
Казачков Роман Борисович (РГГУ, Москва) Из научного наследия Кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ 30-х гг. XX в.	160
Кныш Наталья Александровна (Омский ГУ) Институт истории Академии наук СССР: рецепция партийных постановлений и выработка исследовательских стратегий.....	53
Козлова Мария Игоревна (Ставропольский ГУ) С.В. Ешевский и А.И. Герцен: два подхода к публицистическому наследию кн. М.М. Щербатова.....	263
Колыватов Дмитрий Михайлович (Омский аграрный университет), Корзун Валентина Павловна (Омский ГУ) Трансформация ценностных ориентаций в отечественной гуманитаристике в период борьбы с космополитизмом.....	111
Копылова Марина Евгеньевна, Селезнёв Юрий Васильевич (Воронежский ГУ) Общество и историческое знание: как сегодня «делают» историка.....	120
Кореева Наталья Сергеевна (Казанский ГУ) Проблема гносеологической и общественной ценности «всеобщей истории» в российском научном дискурсе 1850-х годов.....	83
Корчинский Анатолий Викторович (РГГУ, Москва) Переход идей через дискурсивные границы: философия и историография.....	182

Крашенинникова Татьяна Петровна (ТГГПУ, Казань) Евгений Иванович Устюжанин: личный архив историка.....	304
Крючков Игорь Владимирович (Ставропольский ГУ) Интеллектуальное пространство Австрии в последней трети XIX – начале XX вв. и формирование «австрийской экономической школы».....	37
Кудрявцева Татьяна Владимировна (РГПУ им. Герцена, СПб.) М.С. Куторга и преподавание истории в Санкт-Петербургском императорском университете.....	266
Кузнецов Андрей Александрович (Нижегородский ГУ) Нижегородские тексты С.В. Ешевского.....	260
Куликов Никита Анатольевич (Сочинский филиал РГСУ) У истоков изучения истории управления в г. Сочи: Сергей Александрович Артюхов.....	216
Кутявин Владимир Владимирович (Самарский ГУ) «Гражданская история» в современной российской школе через польскую призму.....	129
Леонтьева Ольга Борисовна (Самарский ГУ) Историк в пространстве мифов: Методологические проблемы изучения исторической памяти.....	186
Ловчев Владимир Михайлович (Казанское высшее военное командное училище) «Малые истории» как фактор становления гражданского общества.....	137
Луцинович Юлия Эдуардовна (Белорусский ГУ, Минск) Татарский музей Вильно как фактор консолидации и сохранения историко-культурного наследия нации.....	67
Любичанковский Сергей Валентинович Большакова Татьяна Леонидовна (Оренбургский ГПУ) Большаковские Чтения как центр консолидации специалистов по истории культуры Южно-Уральского региона в начале XXI века.....	61
Макаренкова Елена Макаровна (ИВИ РАН) Православная культурная традиция в диалоге с католическим сознанием. Общество «Икона». Франция XX век.....	69
Маловичко Сергей Иванович (РГАУ–МСХА им. К.А. Тимирязева, Москва), Румянцева Марина Федоровна (РГГУ, Москва) Образовательные практики высшей школы: еще раз о краеведении и новой локальной истории.....	205
Малышева Светлана Юрьевна (Казанский ГУ) Междисциплинарность исследования проблем досуга и досуговой культуры России второй половины XIX – начала XX вв.....	194
Мамонтова Марина Александровна (Омский ГУ) Добровольная организация советской интеллигенции: политический заказ или инициатива ученых? (К вопросу об истоках возникновения Всесоюзного Общества «Знание»).....	49

Мартыненко Александр Валентинович (Мордовский ГУ, Саранск) Некоторые аспекты конфессионального просвещения студентов в педагогическом вузе.....	124
Мельникова Ольга Михайловна (Удмуртский ГУ) Университетская научная школа и профессиональная социализация ученого-археолога.....	43
Михальченко Сергей Иванович (Брянский ГУ) О возможности единой концепции школы в исторической науке.....	5
Муллина Луиза Бадретдиновна (ТГГПУ, Казань) История казанских фабрик и заводов в трудах преподавателей педагогического института.....	324
Муртузалиев Сергей Ибрагимович (Дагестанский ГУ, Махачкала) Болгария XV–XVI веков в исследованиях первого периода научной деятельности В.И. Григоровича.....	274
Муртузалиев Сергей Ибрагимович (Дагестанский ГУ, Махачкала) Всеобщая история в реформируемой системе образования России XVIII века	80
Мухамедина Шамиля (Уфимская госакадемия экономики и сервиса) Вузовский курс Республики Башкортостан.....	210
Муфтахутдинова Диляра Шамильевна (ТГГПУ, Казань) Жизнь и творческий путь Евгения Ивановича Чернышева.....	301
Мязков Герман Пантелеймонович (Казанский ГУ) Сложилось ли научное сообщество историков в дореволюционной России? (по материалам подготовки к IV Международному историческому конгрессу)	29
Мязков Юрий Германович (Казанский ГТУ) Концепт византинизма в исторической и философской мысли России XIX века: особенности формирования.....	226
Недашкова Надежда Игоревна (Казанский ГУ) Славянская палеография и текстология в Казани (вторая половина XIX века).	280
Низматуллин Рашид Шамильевич (ТГГПУ, Казань) К истории становления кафедры всеобщей истории ТГГПУ (1918–1945).....	157
Николаева Евгения Михайловна, Иванов Юрий Николаевич (Казанский ГУ) Научное и общественно-педагогическое наследие М.И. Абдрахманова.....	306
Обидина Юлия Сергеевна (Марийский ГУ, Йошкар-Ола) Иммунологические исследования в пространстве социогуманитарного знания.....	198
Павлова Татьяна Вячеславовна (Сыктывкарский ГУ) Научные сообщества России и работы Н.И. Кареева по истории Парижских секций времен Французской революции конца XVIII века.....	15
Петрянкина Алевтина Петровна (Чувашский ГУ, Чебоксары) Образовательная среда города Алатыря начала XX в.: общая характеристика.	214
Портных Валентин Леонидович (Новосибирский ГУ) Хроника «Деяния франков и прочих паломников в Иерусалим» и трудности перевода латинских терминов на русский язык.....	255

Птицын Андрей Николаевич (Ставропольский ГУ) Российская австро-унгаристика во второй половине XIX – нач. XX вв.: научные школы и образовательная практика.....	35
Репина Лорина Петровна (ИВИ РАН) Историческая память как понятие и как проект.....	183
Репина Лорина Петровна (ИВИ РАН) Понятие всеобщей истории в российской интеллектуальной традиции (XIX – начало XX вв.).....	294
Ромашова Мария Владимировна (Пермский ГУ) Группа «Преподы России» в социальной сети Vkontakte: нормы, ценности и практики виртуального сообщества.....	135
Ростиславлева Наталья Васильевна (РГГУ, Москва) Университет Гумбольдта и развитие либеральных традиций в Германии XIX века.....	141
Румянцева Марина Федоровна, Казаков Роман Борисович (РГГУ, Москва) Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: аспекты институционализации.....	40
Сагитова Лилия Варисовна (Институт истории АН РТ, Казань) Учебник отечественной истории в контексте формирования гражданского общества: поиск интеграционной парадигмы.....	126
Сазонова Людмила Александровна (Национальный музей РТ, Казань) Учебная повседневность профессоров Казанского университета (1863-1884)..	154
Салимгареев Максим Владимирович (Казанский ГГУ) Осмысление стоического наследия профессиональным сообществом гуманитариев-обществоведов во второй половине XIX – нач. XX вв.....	289
Сальникова Алла Аркадьевна (Казанский ГУ) Советская елочная игрушка как текст: особенности прочтения и интерпретации.....	244
Сальникова Алла Аркадьевна, Галиуллина Дилара Максумовна (Казанский ГУ) «Национальный» букварь как особый вид нарратива: Татарстан, 1990–2000 гг.	247
Самарина Наталья Гурьевна (Московский гуманитарный пединститут) Язык музея: источниковедческий аспект.....	242
Свешников Антон Вадимович (Омский ГУ) О теоретико-методологических проблемах изучения научных конфликтов (структурный функционализм vs феноменология, экстернализм vs интернализм).....	77
Свешникова Ольга Сергеевна (Омский ГУ) Археологи и общество: стратегии взаимодействия в контексте поисков национальной идентичности.....	132
Селунская Екатерина Александровна (Тверской ГУ) Испарты как центры научно-исследовательской и идейно-политической консолидации обществоведов в 1920-е гг. (на примере Тверского испарта)...	46

Селунская Надежда Андреевна (ИВИ РАН) Итальянистика как региональная, всеобщая и отечественная национальная история (трудности перевода)	204
Сидорова Тамара Анатольевна (Сочинский ф-л РГСУ) Российский государственный социальный университет: история университета как «историческая биография» вуза в научно-образовательном пространстве России.....	170
Синенко Анна Александровна (Омский ОПУ) Практика межпоколенческой коммуникации русских историков конца XIX – начала XX вв.....	12
Синицын Олег Владимирович (ТГГПУ, Казань) Вклад Н.П. Мунькова в изучение и преподавание истории отечественной исторической науки.....	308
Скворцов Артём Михайлович (Челябинский / Ставропольский ГУ) «Вечерние беседы» и их роль в становлении научной школы М.С. Куторги...	269
Соломаха Елена Николаевна (Нижегородский ГУ) Понятие историографического источника и историографического факта в советской историографии.....	238
Старкова Надежда Юрьевна (Удмуртский ГУ, Ижевск) Финно-угроведение как вариант реализации регионального компонента исторического образования в провинциальном вузе.....	208
Столяров Алексей Михайлович (ТГГПУ, Казань) М.К. Любавский и Ф.И. Леонтович – представители Государственной школы в русской историографии истории Великого княжества Литовского.....	26
Сыченкова Лидия Алексеевна (Казанский ГУ) Концепция немецкой культуры И.И. Иоффе: опыт возвращения из забвения..	109
Троицкий Юрий Львович (РГТУ, Москва) Историографический быт эпохи: содержание понятия.....	240
Тыринов Владимир Вениаминович (ТГГПУ, Казань) Педагогическая деятельность М.Д. Бушмакина в Казанском коммерческом училище.....	298
Федорова Надежда Георгиевна (КИ РГТЭУ, Казань) «Нужен ли нам учебник истории?» Педагогическая общественность об учебной литературе для средней школы (по материалам дискуссий в периодической печати на рубеже XIX – XX вв.).....	93
Фешкин Вячеслав Николаевич (Национальная библиотека им. А.-З. Валиди Республики Башкортостан, Уфа) Участие академика М.К. Любавского в становлении исторической науки в Башкортостане.....	103
Филимонов Владимир Альбертович (Сыктывкарский ГУ) М.С. Куторга и Н.И. Кареев: коммуникативная специфика и трудности верификации.....	271
Фомина Людмила Васильевна (Казанский ГУ) Фольклор в исследованиях национализма: подходы и методы.....	201

Хазина Анна Васильевна, Софронова Лидия Владимировна (Нижегородский ГПУ)	
Живые «мертвые» языки: неклассические формы в преподавании классических языков на историческом факультете НГПУ.....	252
Хамматов Шамиль Сабитуллович (Казанский ГТУ)	
Средневековая тематика в творчестве ученых-юристов Казанского университета во второй половине XIX века.....	277
Ходячих Сергей Сергеевич (Сыктывкарский ГУ)	
Нормандское завоевание в историко-правовом дискурсе В.А. Маклакова: междисциплинарный синтез в социогуманитарном измерении.....	224
Хузин Фаяз Шарипович (ТГГПУ, Казань), Ситдиков Айрат Габитович, Валиуллина Светлана Игоревна (Казанский ГУ)	
Выдающийся исследователь древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья (к 80-летию со дня рождения А.Х. Халикова).....	311
Чеканцева Зинаида Алексеевна (ИВИ РАН)	
Идентичность современного историка и ресурсы дисциплинарной рефлексии.....	73
Черяцов Егор Вячеславович (Казанский ГУ)	
Заметки на полях «истории»: о профессиональной этике взаимоотношений историков А.С. Шофмана и В.И. Адо.....	117
Черниенко Денис Аркадьевич (Удмуртский ГУ, Ижевск)	
Украинистика в Уфе: традиции региональной истории.....	211
Чиглинцев Евгений Александрович (Казанский ГУ)	
Рецепция античности как культурно-исторический концепт.....	218
Циунчук Рустем Аркадьевич (Казанский ГУ)	
Современная отечественная литература о национальном вопросе в Государственной думе Российской империи: преодолевая стереотипы и разорванность историографического пространства.....	195
Циунчук Аркадий Геннадьевич (Казанский ГУ)	
Кафедра политической истории Казанского университета на рубеже XX–XXI веков: проблема подготовки историков высшей квалификации.....	176
Шадрин Сергей Сергеевич (Казанский ГУ)	
Н.А. Соболева как гимнолог.....	250
Шапаренко Валерия Вячеславиевна (Сочинский государственный университет туризма и курортного дела)	
Историко-культурная концепция С. Хантингтона: идея мультикультурности в контексте междисциплинарных связей.....	191
Шишкина Наталья Геннадьевна (Удмуртский ГУ, Ижевск)	
Развитие научно-педагогических традиций профессора В.Е. Майера кафедрой истории древнего мира и средних веков УдГУ.....	165
Шмелева Людмила Михайловна (ТГГПУ, Казань)	
С.П. и Д.П. Шестаковы о задачах в изучении классической филологии и древнегреческой истории в начале XX века.....	291

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. Научные сообщества как центры профессиональной и идейно-политической консолидации гуманитариев.....	3
Часть II. Общественные и культурные ценности научно-педагогического сообщества в условиях социальных сдвигов.....	73
Часть III. «Университетская история» в мировом научно-образовательном пространстве.....	139
Часть IV. Междисциплинарные связи в пространстве социогуманитарного знания: языки наук и трудности перевода.....	179
Часть V. У истоков отечественной исторической науки (к 200-летию М.С. Куторги и 180-летию С.В. Ешевского).....	258
Часть VI. Ученые-историки ВПИ–КГПИ–КГПУ–ТГГПУ в научном и образовательном пространстве России и Татарстана.....	298
Указатель авторов и докладов.....	327

**Сообщество историков высшей школы России:
научная практика и образовательная миссия**

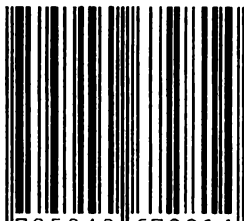
Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Подписано к печати 14.09.2009
формат 60х90
Гарнитура Times New Roman Печать офсетная
Усл.печ.л. 21 Тираж 150 экз.

ИВИ РАН Ленинский пр-т, 32 а

ISBN 978-5-94067-281-4

9 785940 672814

